

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**АЗИЯ И АФРИКА
В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**

Сборник статей

**Москва
ИМЭМО РАН
2012**

УДК 327(5)(6)
ББК 66.4(5)(6)
Ази 355

Серия "Библиотека Института мировой экономики и международных отношений"
основана в 2009 году

Ази 355

Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей / Отв. ред. –
д.п.н. Д. Б. Малышева, к.э.н. А. А. Рогожин. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 203 с.
ISBN 978-5-9535-0342-6

В работе анализируются проблемы, связанные с определением изменившегося места в формирующемся многополюсном мире развивающихся государств Азии и Африки, их международные отношения, рассмотренные в связке с проблемами современной мировой политики (безопасность, бедность, экология). Проанализированы вопросы регионализации и глобализации развивающегося мира; показаны региональные срезы мировой политики (азиатский, ближневосточный и африканский); выявлена растущая международно-политическая роль Китая, Индии, Турции, Ирана и аравийских монархий и их влияние на региональные и мировые процессы.

Asia and Africa in World Politics

The publication analyses the changing role of the Asian and African developing countries in the contemporary world politics. International relations are analyzed in conjunction with the challenges of globalization and regionalization, as well as security, environment, poverty. Special attention is given to the regional profiles of global politics (Asian, Middle Eastern, and African). The authors identify the rising international importance of China, India, Turkey, Iran, Saudi Arabia and Qatar, and reveal main features of their impact on regional and global processes.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте: <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0342-6

© ИМЭМО РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть I. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
<i>Малышева Д. Б.</i> Современная мировая политика в контексте формирования многополюсного мир	9
<i>Рогожин А. А.</i> Перспективы создания Зоны свободной торговли АТР: соперничество переговорных платформ	22
<i>Куклина И. Н.</i> Глобальные тенденции в обеспечении безопасности: коллапс силы и права?	36
<i>Рогожина Н. Г.</i> Экологическая дипломатия развивающихся стран	50
<i>Брагина Е. А.</i> Проблемы бедности в политике государств Южной Азии	64
Часть II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ	
<i>Мирский Г. И.</i> Международные отношения на Ближнем Востоке	77
<i>Лебедева Э. Е.</i> Африка южнее Сахары в перипетиях мировой политики	96
<i>Володина М. А.</i> Международно-политические процессы в Северной Афри	112
<i>Умнов А. Ю.</i> Южная Азия: афгано-пакистанский узел	123
Часть III. НОВЫЕ "ЦЕНТРЫ СИЛЫ" В АЗИИ И АФРИКЕ	
<i>Барский К. М., Салицкий А. И.</i> Китай в международных отношениях и мировой политике	132
<i>Володин А. Г.</i> Внешиполитическая стратегия Индии: преемственность и изменения	150
<i>Надеин-Раевский В. А.</i> Восточный вектор политики Турции	163
<i>Мамедова Н. М.</i> Иранская компонента мировой политики	181
<i>Малышева Д. Б.</i> Саудовская Аравия и Катар переформируют Ближний Восток	194

Предисловие

Данный сборник ставит своей целью определить изменившееся место развивающихся государств в формирующемся многополюсном мире, исследовать соотношение процессов глобализации и регионализации в Азии и Африке, рассмотреть международные отношения в отдельных регионах, связать проблемы современной мировой политики (бедность, экология, безопасность и пр.) с особенностями политико-экономических процессов в развивающихся странах. Постарались авторы выявить место некоторых новых "центров силы" в межгосударственных отношениях в Азии и Африке, а также и в мировой политике.

Хронологические рамки работы охватывают в основном XXI век. Однако для лучшего понимания международно-политических процессов этого временного периода авторам потребовался исторический экскурс в середину 1980-х годов, когда только начали складываться новые международные отношения, и завершилась "холодная война". Затрагивается в работе и период 1990-х годов, поскольку это необходимо для рассмотрения вставших перед тогдашним Третьим миром вызовов в связи с распадом СССР и мировой социалистической системы, попытками США сформировать однополюсный мир и выходом на мировую арену Китая как глобальной державы.

Авторы исходят в целом из общего понимания понятия "*развивающийся мир*", в которое они включают все страны и геополитические регионы, расположенные в Азии и Африке. При этом главное внимание сфокусировано как на ареалах (Южной Азии, Восточной Азии, Ближнего Востока, Персидского залива, Северной Африки и Африки южнее Сахары), так и на отдельных странах (Китай, Индия, Иран, Саудовская Аравия, Катар), которые больше, чем другие, влияют на международные отношения и мировую политику.

Используемое в работе понятие "*международные отношения*" (*international relations*) трактуется в соответствии с устоявшейся в отечественной и западной политологии традицией – как отношения, охватывающие различные аспекты взаимодействия между *государствами* Азии и Африки, являющимися по преимуществу многонациональными, но представляющими в основной своей массе вполне определенный социально-исторический и политико-экономический тип государства-нации (аналог западного понятия *nation states*).

Термин "*мировая политика*" (*world politics*) введенный в научный оборот в США еще в 70-е годы XX в. (благодаря фундаментальному исследованию Дж. Наймла и Р.Кеохейна¹), трактуется в работе как относительно новый феномен – такое "глобальное взаимодействие", участниками которого являются не только государства, но и негосударственные акторы. В их числе – внутригосударственные регионы, неправительственные организации и движения, ТНК и пр.

Вопрос о *внешних влияниях* (России, США, Евросоюза и т. п.) не является предметом специального рассмотрения данной работы, однако авторы касаются этой проблемы при выявлении тех международно-политических процессов, которые разворачиваются в странах Азии и Африки.

Специфика сборника определена связкой – "международные отношения" и "мировая политика", которые рассматриваются применительно к современным странам Азии и Африки. При этом речь идет не только о выявлении особенностей их международно-политического взаимодействия, но и рассмотрении его в контексте формирующегося миропорядка, контуры которого только лишь прорисовываются.

---

¹ Keohane O. R., Nye S. J. *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1972.

Открывающая сборник статья *Д. Б. Малышевой* посвящена особенностям формирования современного многополюсного мира и места в нем развивающихся стран Азии и Африки. Предметом рассмотрения автора становятся основные исторические этапы формирования нового мирового устройства, эволюция Третьего мира, различные подходы к классификации "развивающихся стран", все более активное участие "растущих держав" в глобальных политических и экономических процессах. Выявляя соотношение процессов глобализации и регионализации в Азии и Африке, автор акцентирует внимание на таком специфическом порождении глобализации, как транснациональный религиозный экстремизм, и показывает меняющуюся роль многосторонних региональных и трансрегиональных объединений в международной политике.

В статье *А. А. Рогожина* предпринята попытка оценить перспективы создания Зоны свободной торговли АТР в период до 2020 г. путём сопоставления двух главных переговорных платформ – "Азиатской", где доминируют страны АСЕАН, и "Трансокеанской", находящейся под мощным влиянием США. Автор уточняет причины их возникновения и специфику функционирования, а также оценивает возможности конкурирования и взаимодействия двух путей интеграции стран АТР в сфере торговли.

И. Н. Куклина рассматривает в своей статье новые тенденции в обеспечении международной безопасности в связи с глобализацией, которая расширила сферу общих для человечества угроз и вызовов, усложнила развитие объединительных тенденций, затронув такие стержневые основы государственности, как внутренняя компетенция и суверенитет. Автор анализирует эволюцию военной силы в деле обеспечения глобальной безопасности и оценивает реальную роль международного права в основном в контексте деятельности ООН в области поддержания международного мира и безопасности.

В статье *Рогожиной Н. Г.* акцентируется внимание на позиции бывших стран Третьего мира по обеспечению глобальной экологической безопасности, которая формируется, главным образом под воздействием их экономических интересов. Именно на этом приоритете и основывается экологическая дипломатия стран ЮВА, которая, прежде всего, направлена на укрепление их экономической безопасности и является неотъемлемым компонентом их внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии. Это осложняет согласование политических позиций развивающихся стран с развитыми странами по решению глобальных экологических проблем, но и не препятствует их участию в международных экологических соглашениях. Проблема охраны окружающей среды увязывается с проблемами развития, что и проявляется в проводимой странами Азии и Африки экологической дипломатии.

Е. А. Брагина, анализируя проблему бедности в политике государств Южной Азии, обращает внимание на то, что этот феномен обрел в регионе особую актуальность в связи с высокой рождаемостью, постоянной нехваткой рабочих мест, устойчивым превышением предложения на рынке труда над спросом. Такая ситуация приводит к торможению технизации отстающих в своем развитии южноазиатских экономик, поскольку выгоднее использовать избыточный дешевый труд, чем осваивать импортное трудосберегающее оборудование. Обращение к государству в поисках решения наиболее трудных социальных и экономических проблем объективно обусловлено в странах Южной Азии низким уровнем развития и слабыми институтами. Сохраняющиеся традиционные структуры, высокая доля теневой экономики, концентрирующей занятость, предопределяет двойственность политики государства.

Давая оценку международным отношениям на Ближнем Востоке, *Г. И. Мирский* концентрирует свое внимание на следующих важных проблемах региона: состояние и перспективы арабо-израильского конфликта; связанные с двумя войнами в Ираке подъем и упадок американского могущества; особенности "Арабской весны" и роль в ней исламистских течений и движений; конфронтация между суннитскими арабскими странами региона Персидского залива, а также Иорданией, с одной стороны, и шиитским, в основном персидским Ираном; притязания Турции на региональное лидерство и ее подходы к решению сирийской проблемы. Особое место в статье занимает анализ американских подходов к различным аспектам международно-политической жизни государств Ближнего Востока.

Статья *Э. Е. Лебедевой* посвящена анализу международно-политической роли Африки южнее Сахары в мировой политике. Автор исследует взаимодействие стран континента с ведущими мировыми державами (ЕС, США, Китаем и др.), рассматривает в контексте процессов глобализации межгосударственные отношения и политико-экономическую ситуацию в Субсахарской Африке и выявляет особенности регионализации на континенте. Особое внимание уделено роли Нигерии и ЮАР как растущих "центров силы" в международных отношениях в Африке, а также в мировой экономике и глобальной политике.

М. А. Володина анализирует в своей статье особенности международно-политического процесса в странах Северной Африки, ставшей в 2011 г. эпицентром революционной трансформации региона, получившей наименование "Арабская весна". Автор рассматривает историческую эволюцию ливийской внешней политики при М. Каддафи, а также различные аспекты взаимодействия Марокко с другими странами Магриба, включая и их подходы к решению западносахарской проблемы. М. А. Володина приходит к выводу о том, что тенденции регионализации экономики и политики не обошли стороной и Северную Африку, где растет интерес к восстановлению кооперации и возрождению организаций, созданных на основе общности экономических интересов.

А. И. Умнов посвящает свою статью сложному конфликтному узлу в Южной Азии – афгано-пакистанскому. Автор рассматривает некоторые итоги международной операции в Афганистане, особенности этнического и социально-политического развития этой страны, а также и Пакистана, роль пуштунского фактора в становлении государственности. Автор приходит к выводу, что внутривнутриполитическая обстановка в Пакистане остается тесно увязанной с положением в Афганистане, где местная исламистская оппозиция достаточно сильна и представлена разными силами – от сторонников повсеместного насаждения шариата до приверженцев этнической обособленности.

В статье *К. М. Барского и А. И. Салицкого* дан анализ роли Китая в современной мировой политике и международных отношениях. Полагая, что полицентричный миропорядок представляет собой более демократичную и справедливую форму международных отношений, авторы допускают, тем не менее, возможность такого сценария как "новая биполярность", под которой понимаются отношения противоборства и взаимодействия США и Китая как двух наиболее мощных в экономическом и в военном отношении государств. Влиятельное положение Китая в современных международных отношениях обусловлено, по мнению авторов, тем, что Китай проявил способность поддерживать баланс между преемственностью и корректировкой внешнеполитического курса, быстро адаптироваться к новым условиям и пр. Авторы приходят к выводу о том, что успехи Китая в проведении внешней политики тесно связаны с экономическим подъемом этого азиатского гиганта, а нынешняя мировая конъюнктура превратила политику и

экономику КНР в единый сплав. Продуктивными видят авторы и дальнейшие шаги Китая по взаимной поддержке действий, направленных на закрепление полицентричной структуры международных отношений и мировой экономики, отстаивание верховенства международного права, прежде всего таких его основополагающих норм и принципов, как уважение суверенитета, территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других государств, а также неделимость безопасности, отказ от применения силы или угрозы силой, урегулирование споров мирными, политико-дипломатическими средствами.

В статье *А. Г. Володина* рассматривается внешнеполитическая стратегия другого крупного азиатского государства – Индии. Автор обращает внимание на определенную модификацию внешнеполитической стратегии Индии в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века, проявившуюся затем в новом качестве взаимоотношений в сфере ВПК как с Россией, так и с США, которые ставят своей целью покрепче и надолго связать индийские вооруженные силы с оборонно-промышленным комплексом США. Сложное переплетение многочисленных факторов и силовых линий формирует внешнеполитическую стратегию Индии, которая постоянно видоизменяется и наполняется новым глобальным и региональным содержанием. Перемещение центров экономического роста из северо-атлантического пространства в Азиатско-Тихоокеанский регион имело следствием повышение внимания к складывающейся там расстановке геополитических сил в "треугольнике" Индия-Китай-США.

В. А. Надеин-Раевский сосредоточивает внимание в своей статье на различных аспектах центросиловой политики Турции в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также в Средиземноморье. Этот восточный вектор политики Турецкой Республики рассматривается автором сквозь призму попыток Турции реанимировать, начиная с 1990-х годов, "пантюркистский проект" путем создания некоей надгосударственной общности тюркоязычных (или по турецкой терминологии "турецких") государств. Активизация восточного вектора турецкой внешней политики в определенной степени стала ответом на нежелание партнеров по переговорам о вступлении Турции в ЕС ускорить этот процесс. Существенное укрепление экономического положения Турции, рост ее потенциала потребовал приведения такой внешней политики, которая соответствовала бы новым возможностям Турции, как в регионе, так и на мировой арене. Особое внимание в статье уделено роли Турции в "арабских революциях" и в сирийских событиях, что в итоге привело к полномасштабной резкому обострению региональной ситуации, поставило под угрозу безопасность самой Турции, где исламизм и национализм вновь вступили в противоборство как внутри страны, так и в ее внешней политике.

Статья *Н. М. Мамедовой* посвящена иранской внешней политике и роли в ней исламского компонента. Автор исходит из того, что сохранение исламской формы правления в Иране – это проект и национальный (позволяющий сохранить Иран как единое многонациональное государство), и региональный (открывающий ИРИ дорогу к региональному лидерству), и глобальный (поскольку повышает роль ислама как политического фактора в международных отношениях). Этот проект имеет еще и другой аспект – шиитский, также охватывающий все эти три уровня и позволяющий Ирану преодолеть свое "одинокчество" в арабо-исламском мире как страны шиитской и персидской. В статье подробно рассмотрены основные центры формирования иранской внешней политики (рахбар, президент, парламент, Корпус стражей исламской революции и пр.), проанализированы основные направления внешнеполитического курса ИРИ, показано взаимодействие Ирана со странами Ближнего и Среднего Востока. Особое место в статье занимает анализ

экономической политики Ирана, а также его взаимодействие с глобальным миром в связи с осуществлением ядерной программы.

Д. Б. Малышева анализирует международно-политическую роль двух государств Персидского залива – Саудовской Аравии и Катара, обладающих огромным валютно-финансовым потенциалом и расширяющим, благодаря этому, свое влияние на Ближнем Востоке и в Африке. Автор обращает особое внимание на то, что именно Саудовская Аравия и Катар извлекли наибольшую выгоду из "Арабской весны", одним из последствий которой стала деформация в ряде арабских стран светских режимов, разрушение в них зачатков политического плюрализма и создание перспектив для установления политических систем, близких к теократическим.

Окружающая страны Азии и Африки мировая среда стремительно меняется. В ней традиционные международные отношения, где фигурируют главным образом государства и двусторонние взаимосвязи, все чаще сменяются новым по содержанию международным взаимодействием, участниками которого выступают не только государства и межправительственные организации, но и негосударственные *акторы*. Происходящие в современном мире преобразования захватывают азиатские и африканские страны, влияют на их международное взаимодействие, ускоряют здесь процессы регионализации. По разным причинам внимание отечественных исследователей к проблемам международных отношений развивающихся стран Азии и Африки в последние два десятилетия ослабло. Недостаточно освещено и их место в современной мировой политике. Между тем понимание этих новых процессов важно для обеспечения национальных интересов России. Отсюда высокая актуальность исследований современного состояния международных отношений азиатских и африканских развивающихся стран, путей их возможного движения в будущее.

Часть I. Глобальные проблемы

Д. Б. Малышева

Современная мировая политика в контексте формирования многополюсного мира

От "одностороннего" мира к многоуровневой системе международных отношений

Если период "холодной войны" характеризовался противостоянием СССР и США – в том числе и в ядерной сфере, то с 1989 г. глобальный мир вступил в новую фазу своего развития: исчезла биполярная система, порожденная Второй мировой войной, был распущен Советский Союз, обратилась в ничто мировая система социализма с ее странами народной демократии в Восточной Европе и социалистической ориентации в Азии, Африке и Латинской Америке. Был ликвидирован военный блок Варшавского договора, и наступило время ничем всерьез не ограниченного доминирования на мировой арене НАТО и ведущей державы мира – США, которым удалось на время оттеснить на вторые роли в мировой политике не только своих союзников по Североатлантическому альянсу, но и все остальные государства.

Соединенные Штаты инициировали формирование такого миропорядка, который виделся им, прежде всего, как "либеральный" – базирующийся на ценностях рыночной экономики, западной модели демократии и прав человека. Не секрет, что эти же идеи в начале 1990-х годов разделяли многие, рассчитывавшие на то, что новое мироустройство станет более организованным, а обстановка – более миролюбивой. Квинтэссенцией тогдашних настроений на Западе, посчитавшим себя после роспуска СССР победителем в "холодной войне", стала сформулированная американским политологом Ф. Фукуямой концепция "конца истории". Согласно ей, либеральная демократия овладеет "различными регионами и культурами во всем мире" и явит собой "конечный путь идеологической эволюции человечества" и "окончательную форму правления в человеческом обществе" – тот самый "конец истории"².

Такая реакция на окончание "холодной войны" и распад Советского Союза оказалась ошибочной, и в глобальном масштабе победы западных ценностей и западной модели развития не случилась. Как объясняет эту ситуацию известный британский политолог и журналист Анатолий Ливен, "в действительности, только в Центральной Европе можно было совершенно серьезно использовать западное идеологическое клише 'путь к демократии и свободному рынку' как понятное движение к конкретной цели, поскольку направление определялось процессом вступления в ЕС, а целью служила европейская правовая система. В других регионах мира всегда применялись совершенно разные способы для достижения различных целей"³.

В условиях новой эпохи, когда международные политические конструкции (ООН в первую очередь), функционировавшие всю вторую половину XX столетия, были серьезно расшатаны, а новый каркас архитектуры безопасности так и не был

---

² Fukuama F. The End of History. // The National Interest. Summer 1989, № 16. P. 3-18.

³ Ливен А. Мир без гегемона. Холодная война и ее влияние на последующий период. // Россия в глобальной политике, М., 2011, № 6, ноябрь-декабрь. // <http://www.globalaffairs.ru/number/Mir-bez-gegemona-15403>.

возведен, политической теорией и практикой были предложены альтернативные модели устанавливавшегося мирового порядка. Так, широкое хождение получила концепция "растворения суверенитета", частично реализованная практикой Европейского союза. В период президентства Б. Клинтона популярность приобрела идея "глобального демократического консенсуса", предлагавшая сделать центром принятия военных и политических действий не ООН, а "сообщество демократических стран". С приходом в американский Белый дом в 2001 г. администрации президента Дж. Буша-мл. "глобальный демократический консенсус", как форма принятия решений в мировой политике, был сменен правыми республиканцами на идею "одностороннего глобального доминирования ведущей державы мира", претендовавшую на то, чтобы стать новой альтернативной моделью глобального регулирования и управления. Значительная часть американской элиты сохраняла при этом убежденность в "ниспосланном свыше" праве США устанавливать на земном шаре "односторонний" (от англ. unilateral) миропорядок⁴, что было обусловлено, в числе прочего, и опасениями американского истеблишмента возможностью ущемления суверенитета США со стороны международных институтов (ООН и др.), воспринимавшихся этим истеблишментом как "недемократичное мировое правительство"⁵.

Попытки организовать международно-политический процесс на началах "односторонности" и так называемое "имперское перенапряжение", помешавшее США управлять всеми событиями в мире, натолкнулись на реалии "постамериканского", по определению Ф. Закария⁶, мира, где наращивала динамику полицентричная система международных отношений. Но она формировалась не как классическая многополярная модель, а, скорее как "мир без полюсов"⁷, где выросли альтернативные центры влияния. В таком многоуровневом высокоподвижном международном устройстве выдвигавшиеся на первый план глобальные проблемы требовали новых многосторонних подходов – со стороны развитых и развивающихся государств, международных институтов, негосударственных акторов. А сам процесс формирования такого мироустройства оказался растянутым на несколько временных периодов.

Первый (1991-2001 гг.) отмечен геополитическими событиями, которые, ведя к демонтажу выросшего на развалинах СССР постялтинского мира⁸ и утверждая курс на "односторонность" в мировом политическом процессе, прокладывали одновременно дорогу к становлению полицентричного мира:

- распад СССР и образование Российской Федерации, которая по некоторым позициям (постоянное членство в Совете Безопасности ООН, статус ядерной державы и пр.) стала правопреемницей СССР; в то же время крушение огромной советской державы резко увеличило мощь США в сравнении с остальными странами мира;

---

⁴ Примечательно, что в трактовке "унилатералистской" внешнеполитической стратегии США американское экспертное сообщество разделилось на "изоляционистов" и "гегемонистов". См. об этом подробнее: Надточей Ю. И. Американский унилатерализм и европейский мультилатерализм в исторической ретроспективе и геополитической перспективе. Опубликовано Информационным гуманитарным порталом "Знание. Понимание. Умение". // http://www.zpu-journal.ru/zpu/e-publications/2007/Nadtochey_YI/

⁵ Надточей Ю. И. Указ. соч.

⁶ См. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М.: Издательство "Европа", 2009.

⁷ Haass R. The Age of Non-Polarity. What will Follow the U.S. Dominance? // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87, № 3. P. 44-56.

⁸ Ялтинским, или ялтинско-потсдамским (по названию проведенных в 1945 г. в Ялте и Потсдаме конференций союзников), принято называть устройство мира, просуществовавшее до начала XXI в. и сменившееся затем, как считает ряд геополитиков, постялтинским миропорядком. См., например: Дугин А. Социология геополитических процессов. М.: Центр консервативных исследований, 2009.

- вторжение в 1990 г. Ирака в Кувейт, которое спровоцировало в Персидском заливе войну (17 января – 28 февраля 1991 г.), считающуюся первым военным конфликтом нового мирового порядка;
- трансформация и расширение НАТО; создание сразу же после распада Организации Варшавского договора в 1991 году Совета североатлантического сотрудничества (ССАС), в который вошли все государства-союзники, часть бывших участников Варшавского договора и нейтральные европейские страны;
- легитимация с подачи США странами НАТО (май 1999 г.) доктрины международного вооруженного вмешательства ("гуманитарных интервенций"), которая во имя "защиты прав человека" допускала ввод войск в любую страну без санкции ООН и разрушала, таким образом, закрепленный в Уставе этой организации принцип "национального государственного суверенитета" – одного из ключевых в Вестфальской системе международных отношений, основанной на суверенитете, суверенном равенстве и праве межгосударственных договоров⁹;
- "гуманитарная интервенция" США в Сомали в 1992 году; авиационная операция НАТО против Югославии и Косовская операция (24 марта – 10 июня 1999 г.), создавшие прецеденты преодоления принципа государственного суверенитета;
- азиатский финансовый кризис (1997-1998 гг.) в странах Южной и Восточной Азии, который стал самым серьезным потрясением экономики 1990-х годов; создание (в 1999 г.) в ответ на этот кризис неформальной "Группы двадцати" для совместного обсуждения развитыми и развивающимися странами вопросов глобальной экономики.

Второй период, пришедшийся на **2001-2007 гг.**, явил собой "завершающую фазу переходного периода в эволюции международных отношений" – "от биполярности к постбиполярности"¹⁰. Этот период определила также борьба с международным терроризмом. В числе наиболее примечательных событий здесь можно отметить следующие:

- террористические акты в США 11 сентября 2001 г., посредством которых международный терроризм заявил о себе не как о локальном или региональном (в масштабе преимущественно только Ближнего Востока) явлении, а как о транснациональном феномене; побочным эффектом борьбы с международным терроризмом стали войны, которые США и их союзники развернули в исламском мире;
- военная операция сил США и НАТО в Афганистане (7 декабря 2001 г. – до, предположительно, июля 2014), результатом которой стало устранение режима "Талибан" и ликвидация основных ячеек "Аль-Каиды";
- война в Ираке, объявленная администрацией США как продолжение войны с терроризмом; устранение диктатуры С. Хусейна и оккупация Ирака (20.03.2003-18.12.2011), которая нарушила статус-кво на Ближнем Востоке;
- дальнейшее расширение НАТО и Европейского союза;
- принятие в 2006 г. России в "Группу 7" и завершение преобразования последней в "Группу 8" в качестве глобального экономического и политического института.

Исходным моментом **третьего периода (2008 г. - по н/время)** стал, вне всякого сомнения, мировой экономический кризис, начавшийся осенью 2008 года и

⁹ См. подробнее: Барабанов О. М. История мировой политики. М., 2007; Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. "Переходный возраст" современного мира. // Международная жизнь. М., 1999, № 10; Фельдман Д., Барабанов О. "Если больной и болен, то он скорее жив, чем мертв...". // Международные процессы. М., 2007. Т. 5, № 3.

¹⁰ Барановский В. Трансформация мировой системы в 2000-х годах. // Международные процессы. М., 2010. Т. 8. С. 4.

вызвавший к жизни массовое протестное движение в арабском мире ("Арабская весна"), а также в Европе и Америке ("Глобальная весна"¹¹). В числе других важных геополитических событий этого периода отметим следующие:

- начавшаяся в 2009 г. "перезагрузка" российско-американских отношений, не приведшая в целом к их кардинальной трансформации;
- кризис европейской интеграционной модели;
- "тройное бедствие" в Японии в 2011 г. – разрушительное землетрясение, мощное цунами и радиационная авария на АЭС "Фукусима-1";
- развернувшаяся с конца 2010 г. "Арабская весна", коренным образом меняющая политический ландшафт Ближнего Востока и Северной Африки, но не делающая этот регион стабильнее;
- военная операция сил международной коалиции/НАТО в Ливии (17.03.-31.11.2011), выявившая в неприглядном свете практику силового решения международных проблем методом "гуманитарных интервенций";
- смещение фокуса международной конкуренции с пространства Европы, Балкан и Ближнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР); задачу формирования там "архитектуры безопасности и сотрудничества" российский МИД считает одной из приоритетных¹², в то время как американский Госдепартамент определяет АТР в повестке дня будущего США как "ключевой двигатель глобальной политики"¹³.

Во второе десятилетие XXI века мир вступил в качественно новое обличье. Усложнился процесс складывания механизмов и институтов многоуровневой системы международных отношений. Усилилась взаимозависимость стран друг от друга, заметны стали признаки восстановления равновесия и конкурентной среды, которые были утрачены с окончанием "холодной войны". Если для России данный временной период имел главным своим итогом сокращение ее внешнеполитического потенциала и ослабление ее международных позиций, то и Соединенные Штаты, рассчитывавшие на односторонние действия в кризисных ситуациях, так и не смогли закрепить при помощи военно-политических механизмов свое единоличное лидерство в мире.

Одновременно с этим возрос удельный вес угроз международной стабильности со стороны "негосударственных" субъектов – этнического сепаратизма, религиозного экстремизма и прикрывающегося, как правило, религиозной личиной транснационального терроризма. Глобального масштаба достигла и такая угроза, как неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), а также приобретение и потенциальная возможность использования ядерного оружия и других видов ОМУ террористическими организациями. Приобрела многосторонний характер гонка вооружений, стимулирующая становление "многополярного ядерного мира"¹⁴. Новое качество обрели и такие явления, как международная преступность, наркобизнес, киберугрозы.

---

¹¹ См. Stiglitz J. The 99 percent wakes up. In: From Cairo to Wall Street: Voices from the Global Spring. 2012. // <http://www.thedailybeast.com/articles/2012/05/02/joseph-stiglitz-the-99-percent-wakes-up.html>

¹² Выступление и ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам 11-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая. Москва, 13 апреля 2012 года. Документ 764-13-04-2012. // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/C543C0D3AE1CCE99442579DF00411C64.

¹³ Clinton H. America's Pacific Century. // Foreign Policy, November 22, 2011.

¹⁴ Рогов С. Вызовы международной безопасности в XXI веке. // Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Н. Н. Иноземцева, 4 апреля 2011 г. М.: ИМЭМО, 2011. С. 30-33.

Возросло в мировой политике значение энергетического фактора, усилилась конкуренция за доступ к энергоресурсам, уже получившая название "энергетической гонки". И пока альтернативные источники энергии только еще находятся в процессе становления, страны, обладающие крупными нефтяными и газовыми запасами (Россия – в их числе), во многом определяют состояние мирового климата.

Наряду с традиционными участниками — государствами и межгосударственными структурами, в международные отношения все чаще вступают новые игроки: бизнес-корпорации, гражданское общество, различные неправительственные и надгосударственные объединения, сетевые структуры. Они в условиях глобализации все активнее формируют новые транснациональные уровни и формы международного взаимодействия и мировую политику.

Стал осторожно конвертироваться в политическое влияние потенциал новых центров мирового роста, где особо выделились Индия и Китай. Наступившая эпоха не говорит уже о явном доминировании той или иной сверхдержавы, и на международной арене присутствуют десятки государств, осуществляющих внешнюю политику на основе мощи, которая может быть военной, экономической, дипломатической или культурной. "Мощь – рассеянная, многообразная, не концентрированная, находится в современном мире во многих руках и во многих местах", – утверждает американский политолог Чарльз Капчан¹⁵.

Важную нишу в формирующейся многоуровневой конструкции международных отношений заняли государства Азии и Африки, прежде традиционно воспринимавшиеся как часть Третьего мира.

Изменившееся содержание международно-политических процессов в Азии и Африке

Само понятие Третий мир, введенное, как считается, в политический лексикон французским социологом А. Сови¹⁶, служило долгое время для обозначения стран, к которым применимы были такие характеристики, как технико-экономическая отсталость, зависимость, периферийность в международной системе разделения труда, авторитаризм в политике, социо-культурные традиции, обусловленные специфической ролью религии и кланово-этнических проблем. Эти страны уподоблялись, как отмечалось в исследовании ИМЭМО, "третьему 'киту' устойчивой мировой конструкции. Влияние капиталистической и социалистической идеологий и размежевание развивающихся стран по признаку социально-политической ориентации способствовали именно такому восприятию"¹⁷.

Произошедшие на рубеже 1980-х и 1990-х годов геополитические изменения поставили Третий мир в новые условия. Сохранился "первый мир", который именовали по-разному – "Западом", "Севером", "Центром" или же "золотым миллиардом". Исчез "второй мир" (СССР и мировая социалистическая система). Под влиянием глобализации начал растворяться Третий мир, который представлял собой конгломерат стран и регионов, отличавшихся друг от друга и по параметрам культуры, и по развитию, но объединенных прежде в одну группу по критериям их отличия от развитых стран (низкие стандарты демократии, рыночной экономики, индустриализации, социальных программ, гарантий прав человека). Усилившаяся в этом "мире" неравномерность и углублявшаяся дифференциация побудили ученых и

---

¹⁵ Kupchan Ch. A. No One's World. The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. A CFR Book. Oxford University Press, 2012. Цит. по: No power will dominate the coming era, argues Charles Kupchan in New Book. March 2, 2012. Council on Foreign Relations. // <http://www.cfr.org/grand-strategy/no-power-dominate-coming-era-argues-charles-kupchan-new-book/p27531>.

¹⁶ Sauvy A. Trois mondes, une planète. // L'Observateur. 14.08.1952.

¹⁷ Россия и Юг: возможности и пределы взаимодействия. М., 1996. С. 9.

специалистов заняться определением того, что теперь представлял собой этот массив стран. Употребляемые применительно к нему понятия "периферия", "Юг" и др. были дополнены со временем такими наименованиями, как "южные государства"¹⁸, "Запад и остальные"¹⁹, "Восток"²⁰. К последнему стали причислять не только государства и геополитические регионы, расположенные в Азии и на Ближнем Востоке, но также всю Африку и постсоветские страны Южного Кавказа и Центральной Азии.

И все же наиболее употребительным осталось понятие "развивающиеся страны", которое широко используется в научных работах²¹, документах ООН и других международных организаций, при том что единых и общепринятых правил, согласно которым то или иное государство относили к развитым либо развивающимся странам, так и не было предложено.

Так, например, согласно цивилизационному критерию, развивающиеся страны (или "Юг") определяли как "конгломерат социально-экономических структур со специфическими социокультурными традициями незападного типа", имеющими "свой особый интерес, отличный от развитых рыночных стран"²². Обращает на себя внимание в этой связи и введение во второй половине 1990-х годов в научный оборот понятия "Незапад": оно трактовалось как "особая цивилизационная общность", которая в отличие от Запада "развивается по принципиально иной – догоняющей – модели"²³.

Ныне в системе ООН развивающиеся страны разделяют на "наименее развитые страны", "развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю" и "небольшие островные развивающиеся страны"²⁴.

По классификации Международного валютного фонда – который учитывает в первую очередь такие показатели, как ВВП на душу населения, диверсификацию экспорта (нефтяного, газового и пр.), уровень интеграции в глобальную финансовую систему – все страны ранжируются по следующим категориям: а) развитые (в их число включены и удачно вписавшиеся в международное разделение труда аравийские монархии Персидского залива, новые индустриальные государства ЮВА, а также Кипр, Мальта и др.); б) развивающиеся; в) переходные (транзитные) – то есть те, кто не относится ни к первой, ни ко второй категориям (страны Восточной Европы, бывшего Советского Союза, Монголия). В свою очередь Всемирный банк разделяет все страны согласно уровню ВНД на душу населения на четыре группы (с низким уровнем доходов, с уровнем доходов ниже среднего, с уровнем доходов выше среднего и высоким уровнем доходов), причисляя к категории "развивающихся" страны, относящиеся к первой и второй группам.

Общепризнанно, что значительное число азиатских и африканских стран остается на положении слаборазвитых, и их экономический рост, несмотря на внешнюю помощь, не поспевает за ростом населения. Внутри этой группы есть страны и территории, которых наделяют – преимущественно в англоязычных

---

¹⁸ Hawthorn G. The Crisis of Southern States. // Political studies. Oxford, 1994. Vol. 42. Special issue.

¹⁹ Mahbubani K. The West and the Rest. // The National interest. 1992, Summer.

²⁰ Белокрыцкий В. Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. Курс лекций. М.: Восточный университет. 2009; Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2011; История Востока. В 6 т. Т. 6. Восток в новейший период (1945-2000 гг.). М.: Восточная литература, 2008.

²¹ См., например: Стратегический глобальный прогноз 2030. М.: Магистр, 2011.

²² Россия и Юг: возможности и пределы взаимодействия. С. 4.

²³ Симония Н. А. Догоняющее развитие Незапада Versus Западной модели. // Мировая экономика и международные отношения. М., 1996, № 12. С. 6.

²⁴ UN Office of the High Representative for the Least Developed Countries, Landlocked Developing Countries and Small Island Developing States. // <http://www.unohrrls.org>.

странах Запада и, главным образом, в американском научном и политическом сообществе – терминами "упадочные", "несостоявшиеся", "провальные" и пр.²⁵ Такие неблагополучные в экономическом и политическом планах страны, анклавы и регионы, погруженные в конфликты и внутренние нерешенные проблемы, не сумевшие сохранить себя в качестве полноценных государственных образований, и именуют порой Третьим миром. Называют их также "серыми зонами", "зонами озабоченности"²⁶, "неконтролируемыми территориями". Последние, по определению российского ученого В. А. Колесова, официально находятся под юрисдикцией какой-либо страны, но фактически полностью управляются "лидерами партизанских армий, полевыми командирами, наркобаронами и местными вождями"²⁷. Оттуда-то бумерангом к "Северу" возвращаются многие проблемы в виде терроризма, нелегальной миграции, наркоэкспансии и пр.

Существование таких неблагополучных территорий дает основание для изображения стран Азии и Африки в рамках дихотомии "Север-Юг" (по аналогии "Запад-Восток"), и они рисуются некоторыми авторами как два антагонистичных полюса или же как цивилизации, вступившие в столкновение культур²⁸. "Юг" с его нестабильной политической обстановкой, авторитарными и диктаторскими политическими системами, массовой преступностью, этносоциальными конфликтами, религиозным экстремизмом предстает в такой трактовке как деструктивная сила, угрожающая не только безопасности "Севера", но и всему современному миропорядку²⁹.

Если, однако, учесть, что конфликты на этнической почве, религиозный фанатизм и некоторые другие явления, угрожающие безопасному развитию государств, стали уделом не только Азии и Африки, но и "просвещенной Европы", то становится очевидной уязвимость подобной аргументации. Она имеет к тому же зачастую и политическую мотивацию: так, Исламская Республика Иран – влиятельная ближневосточная держава с хорошо развитой политической системой, обладательница относительно высокоразвитых технологий, собственной космической программы и пр. – включена США в категорию "провальных" стран только потому, что Иран демонстративно отказывается подчиняться диктуемым США правилам международного поведения и претендует в своей внешней политике на самостоятельность в делах региона.

И все же не "неудавшиеся" государства определяют динамику международно-политических процессов в Азии и Африке. Задают в ней тон развивающиеся страны с "переходной экономикой", входящие в "Группу 20"³⁰. Она успешно функционирует

---

²⁵ К ним обычно причисляют Сомали, Афганистан, Северный Пакистан, некоторые части Ферганской долины в Узбекистане, южную часть Кыргызстана и др.

²⁶ Aga Khan Development Network, 2005. Цит. по: Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. 2005. С. 231.

²⁷ Колосов В. А., Мироненко Е. С. Геополитика и политическая география. Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 479.

²⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003. Пер. с англ.

²⁹ Так, в геополитической картине мира, предложенной российским ученым А. И. Неклессой, наряду с "Новым Севером" и "Новым Востоком" присутствует повергнутый в хаос "Глубокий Юг", включающий многочисленные страны и территории, являющие собой пример дробления политического пространства Азии и Африки. См. Неклесса А. И. Эпилог истории, или модернизация versus ориентализация. // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сборник 2. Глобализация и Периферия. М.: Московский общественный научный фонд, ИМЭМО РАН, 1999. С. 21-58; Конец эпохи Большого Модерна. // Знамя. М., 2000, № 1. С. 175-187.

³⁰ Она состоит из министров финансов и председателей центральных банков Аргентины, Австралии, Бразилии, Великобритании, Германии, Индии, Индонезии, Италии, Канады, Китая, Мексики, Турции, России, Саудовской Аравии, США, Франции, ЮАР, Южной Кореи, Японии, а также Европейского

наряду с ведущими промышленно развитыми странами – участниками неофициального форума "Большой семерки" (на долю входящих в нее стран приходится почти половина мирового экспорта, промышленного производства и активов МВФ), к которой сравнительно недавно присоединилась и Россия.

Создание "Группы 20" вскоре после разразившегося в 1998 г. азиатского экономического кризиса было обусловлено растущим пониманием того, что крупные развивающиеся страны недостаточно включены в обсуждение и управление глобальной экономикой, международной финансовой системой, несмотря на то, что они обладают достаточным потенциалом, чтобы поддерживать рост и развитие в мире. К концу первого десятилетия двухтысячных годов "Группа 20" стала претендовать на то, чтобы выступать с "Группой 8" на равных в качестве главного органа для решения экстренных глобальных экономических и финансовых вопросов. Кроме того, как коалиция развивающихся стран внутри ВТО, существует "Группа 20 в рамках ВТО", где развивающиеся страны обсуждают предложения западных стран по торгово-экономическим вопросам и нередко блокируют их.

Новизну глобальной международно-политической ситуации придает появление в последние годы пока еще немногочисленной группы "растущих держав". К ним обычно причисляют Бразилию, Индию, Китай, Южную Африку, аравийские монархии, некоторые страны Восточной Азии и даже Россию³¹. Входящие в эту группу страны-экспортеры энергоресурсов смогли обеспечить за счет перераспределения нефтяной ренты повышение душевого дохода до уровня, сопоставимого с развитыми странами, а иногда даже превышающего его. Относительно стабильная политическая обстановка, выгодное географическое положение, наличие дешевой рабочей силы, большой запас сырья или редких его видов и пр. позволили многим из них успешно включиться в международное разделение труда. Что касается Китая и Индии, выбившихся в число лидеров мирового экономического роста и обладающих плюс к тому ядерным оружием, то их иногда называют "великими державами". Однако само это понятие в новую эпоху обрело иное звучание. Оно не предполагает больше наличия полного набора инструментов, позволяющих проецировать в глобальном масштабе мощь; к тому же геополитический потенциал Китая и Индии во многом лимитируется их собственными серьезными проблемами (демографическими, социальными, экономическими, энергетическими, экологическими и пр.).

"Растущие державы" с их динамично развивающимися экономиками постепенно наращивают потенциал влияния на международные отношения и становятся активными участниками выработки новых правил игры в мировой политике. Трудно представить себе решение многих проблем (конфликты, ядерные программы, проблемы климата и пр.) без участия этой группы стран, с которыми промышленно развитые страны Запада вынуждены считаться и взаимодействовать.

Образованная "растущими державами" группа БРИКС (в составе Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики) стремится к формированию более рационального глобального экономического порядка. В Делийской декларации, принятой странами БРИКС по итогам прошедшего 28-29 марта 2012 г. саммита в столице Индии, высказано недовольство медленными темпами реформирования МВФ и Всемирного банка, а также тем, что Запад игнорирует договоренности о перераспределении голосов в пользу стран с быстро развивающимися рынками, доля которых в мировой экономике неуклонно растет.

союза, который представлен переходящим председательством Европейского совета и Европейским центральным банком.

³¹ Харт Э., Джонс Б. Как укрепляются растущие державы. // Вестник международных организаций. М., 2011, № 2. С. 11-25.

Зафиксировав более решительный подход к реформированию мировой финансовой системы, БРИКС все чаще проявляет себя как политическая организация развивающихся государств, "разбивающая старый международный порядок" и продвигающая в международных отношениях идею многополярного мира³².

К примеру, в Саньяньской декларации, подписанной в апреле 2011 г., страны БРИКС заявили о необходимости проведения комплексных реформ в ООН и ее Совете Безопасности, чтобы эта международная организация эффективнее представляла интересы развивающихся стран. В марте 2011 г. страны БРИКС воздержались от голосования по резолюции СБ ООН, касающейся создания беспилотной зоны над Ливией; 4 октября 2011 г. Россия и Китай наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, грозившую Сирии санкциями в "ливийском духе"³³; а 24 ноября 2011 г. заместители министров иностранных дел стран БРИКС провели в Москве консультации по ситуации на Среднем Востоке. По итогам их встречи было опубликовано совместное коммюнике, в котором содержался призыв к уважению "суверенной независимости и территориальной целостности средневосточных стран и мирному урегулированию кризиса в регионе"³⁴.

Все это не исключает существования внутри БРИКС разнонаправленных внешнеполитических ориентаций и наличия геополитических противоречий (Китай-Индия). Есть и такой негативный момент, как отсутствие общего пространства – географического, экономического, цивилизационно-культурного. Главное же, имеются серьезные различия в темпах и перспективах экономического развития стран БРИКС³⁵.

Наряду со странами, входящими в это неформальное объединение, серьезный ресурс экономического и международно-политического влияния обнаруживается и у ряда других крупных развивающихся стран (Бангладеш, Вьетнам, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Турция, Филиппины, Южная Корея). Для них аналитики одного из крупнейших в мире коммерческих банков США Goldman Sachs придумали особое название – "Следующие одиннадцать" (Next-11, N-11)³⁶. Примечательно, что в эту группу были включены многие страны, считавшиеся еще недавно "провальными", а также те (как, например, Иран), которые до сих пор записываются Западом в "изгой".

В качестве отдельной группы, которая все в большей степени занимается проблемой предотвращения угроз безопасности, обращает на себя внимание Форум ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка). На переговорах по изменению климата в Копенгагене возникла группа БАСИК в составе Бразилии, Южной Африки, Индии и Китая.

Подводя итог, отметим: разделение стран на "миры" и категории, проведение строгой разграничительной линии между индустриально развитыми и слаборазвитыми (развивающимися) странами больше не соответствует

³² БРИКС – новая сила, разбивающая старый международный порядок. // Жэньминь жибао, Пекин, 30.03.2012. Перевод опубликован на сайте Радио "Голос России". // http://rus.ruvr.ru/_print/70074029.html.

³³ Лебедева И. Россия и Китай положили конец "арабской весне"? Опубликовано 05.10.2011 на сайте журнала "Международная жизнь". // <http://interaffairs.ru/read.php?item=7933>.

³⁴ Совместное коммюнике по итогам встречи заместителей министров иностранных дел государств БРИКС по ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Москва, 24 ноября 2011 г. Документ 1854-24-11-2011. Опубликовано на официальном сайте МИД РФ. // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/15B4C032368D064442579520058D816.

³⁵ См. подробнее об этом: Ларионов Р. Нужны ли БРЮКИ БРИКС? Опубликовано 30.03.2012 на сайте Радио "Голос России". // http://rus.ruvr.ru/2012_03_30/70085736/.

³⁶ O'Neill J. The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond. 2011. Reviewed by Benjamin Shobert in: BRIC by Brick to the Future. // Asia Times, Feb 25, 2012. // http://www.atimes.com/atimes/China_Business/NB25Cb01.html.

современным реалиям. Более того, такое устаревшее деление вводит в заблуждение при описании международных отношений, складывающихся в рамках современной мировой системы. В ней, как подчеркивает В. Барановский, "произошло и продолжает происходить перераспределение удельного веса между различными существующими и возникающими центрами влияния, в частности, в том, что касается их способности оказывать воздействие на другие государства и мир в целом. Главная интрига в формирующейся международной системе разворачивается по линии отношений между развитым и развивающимся миром... Мир уже не делится на относительно небольшую индустриальную часть и множество слаборазвитых стран. Теперь сложилась другая формула: группа традиционно высокоразвитых стран и все более тяготеющая к ним группа стран с динамичной переходной экономикой"³⁷. Все это говорит о том, что в современном мире происходят серьезные перемены и фундаментальные международно-политические преобразования, затрагивающие Азию с Африкой.

Глобализация или регионализация?

Динамику международных отношений в этих пространственных геополитических ареалах трудно рассматривать вне процессов **глобализации**, ставшей в последние десятилетия определяющим фактором мировой политики.

Глобализация имеет, однако, для стран и регионов Азии и Африки неоднозначные последствия. С одной стороны, глобализация ускорила здесь трансформацию ряда авторитарных обществ в сторону восприятия отдельных элементов либерально-рыночной модели. Создала глобализация и благоприятные условия для их сотрудничества с развитыми странами Запада; стимулировала она экономическую модернизацию, способствуя большей вовлеченности азиатских и африканских стран в мировые экономические процессы. Но, с другой стороны, глобализация, оставляя национальным государствам незначительные шансы на сохранение своего экономического, политического и культурного суверенитета, усилила их зависимость от развитого мира, поскольку одной из целей глобализации является обеспечение стабильного состояния экономической системы Запада ("Севера", "золотого миллиарда") за счет постоянного вливания в нее дешевых ресурсов Востока ("Юга"). Потому-то некоторые российские исследователи³⁸ утверждают: деление мира на "Север" и "Юг" не исчезло в эпоху глобализации, и расхождения между развитыми и развивающимися странами сохраняются и растут по социально-экономической (посткапитализм – капитализм) и по экономической (постиндустриальный – индустриальный миры) линиям.

Что касается политической глобализации, то она, хотя и важна развивающимся странам по ряду параметров, остается во многих случаях не более чем фоном для событий и тенденций, развивающихся *внутри* территориально-пространственных ареалов Азии и Африки, где прежнюю остроту сохраняют социальные и национально-этнические проблемы, религиозный фактор, коррупция, клановость и пр. Тем не менее, политическая глобализация, проявившись в разных регионах Азии и Африки по-разному, выполнила в основном свою функцию. Она привязала значительный массив развивающихся стран к западной стратегии, нацеленной в последние годы на придание приоритету над национальным суверенитетом глобальному управлению международными процессами надгосударственных (и контролируемых Западом) институтов (МВФ, Всемирный банк, НАТО), на трансформацию развивающихся стран в сторону их дальнейшей

³⁷ Барановский В. Трансформация мировой системы в 2000-х годах. С. 6.

³⁸ См. Лунёв С. И., Широков Г. К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М., 2001.

территориальной фрагментации, также объективно подрывающих национальный суверенитет.

Таким побочным эффектом глобализации можно считать в известном смысле "Арабскую весну", а также и "твиттерную революцию" с ее широко задействованными сетевыми информационными технологиями. Совпадающие, как правило, с выборным циклом, такого рода "революционные" трансформации, порожденные глобализацией, неизбежно влекут за собой внутривнутриполитическую дестабилизацию с непредсказуемым исходом, облегчают военно-политическое вмешательство извне (как в Ливии и Сирии), ведут к утрате государствами суверенитета. Усилившаяся вследствие "Арабской весны" тенденция к переформатированию Ближнего Востока и прилегающих к нему регионов в сторону их дальнейшего дробления, объективно выгодна Западу, поскольку увеличивает шансы на сохранение его военного и политического влияния в этом стратегически важном регионе.

Своеобразным продуктом политической глобализации можно считать и транснациональный религиозный экстремизм (ТРЭ), который создал огромную информационно-пропагандистскую сеть почти во всех странах мира. Усложнилась в современных исторических условиях и международная система действий сторонников ТРЭ. Наряду с использованием международных каналов финансирования, приобретения оружия, боеприпасов, технических средств и пр., экстремистские организации более активно подключились к нелегальной торговле оружием и наркотиками, что привело к их тесному сращиванию с международным преступным бизнесом. Важно отметить также, что ТРЭ имеет к исламской религиозной традиции весьма опосредованное отношение, а то, что многие его центры базируются в западных столицах, дает ряду экспертов повод подозревать западные спецслужбы в использовании некоторых ячеек ТРЭ в своих политических интересах. Так вот обобщенная "ближневосточная Аль-Каида", объявившая Иран и Сирию (а ранее – ливийский режим) своими основными противниками, объективно работает в нужном для Запада направлении (другое дело, что аналогичной кооперации не удастся достичь с организациями ТРЭ, действующими в Афганистане, Пакистане, Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая).

В перспективе же масштабы политической глобализации могут быть либо серьезно ограничены, либо саму ее ждет бесславный конец в том случае, если антизападные (исламистские) силы возьмут курс на построение общественно-экономических моделей, отличных от либерально-рыночных. Не случайно именно исламская альтернатива (с ее фокусом на "исламскую экономику", "исламское государство", "ислам как образ жизни и состояние души"), а не "красный" (социалистический) проект, рассматривается с начала XXI века как главный конкурент активно, а порой и агрессивно продвигаемого глобалистского проекта.

Параллельно с ним набирает обороты **регионализация**. Ее часто рассматривают как компонент глобализации. Но в данном контексте она трактуется как "процесс объединения усилий государств какого-либо региона в решении их социально-экономических, военно-политических, духовных, национальных и других проблем"³⁹.

Роль регионального фактора в Азии и Африке возрастает и по мере того, как здесь все более скептически воспринимают глобализацию, которая ведет местные общества, по мнению многих, к утрате социокультурной идентичности. Современный регионализм, направляющий усилия на увеличение безопасности, стабильности и

---

³⁹ Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. М., 1999.

устойчивости, становится сферой взаимодействия между государствами и негосударственными субъектами. Как справедливо отмечает С. М. Рогов, "завершается продолжавшаяся несколько столетий эпоха глобального доминирования Запада. Процесс глобализации не прекратился, но в нем все большую роль начинают играть другие регионы, еще недавно являвшиеся объектами, а не субъектами мировой политики,... идет процесс перераспределения экономической мощи,... сейчас закон неравномерности действует в пользу Востока, а не Запада"⁴⁰.

Показатели того, что регионализация получает мощные импульсы, заметны и многообразны. Но наиболее успешно регионализация осуществляется вокруг государств-лидеров, обладающих военно-политической и технико-экономической мощью. Нагляднее всего это проявилось в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где влиятельным фактором политических и экономических перемен стал Китай, хотя трудно при этом игнорировать тот факт, что встраивание КНР в региональные политические и экономические процессы, как и его восприятие другими региональными игроками, в целом неоднозначно и противоречиво.

В АТР удалось создать ряд многосторонних региональных и трансрегиональных объединений. В их числе – Организация Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Диалог по сотрудничеству в Азии, "тройка" Россия-Индия-Китай и др. Они оказывают серьезное влияние не только на региональные, но и мировые процессы. В частности, ШОС преследует цель обеспечить региональную безопасность и содействовать экономическому сотрудничеству, противодействовать угрозам терроризма, сепаратизма, экстремизма, наркоторговли и организованной преступности. Другие организации в АТР также становятся площадками для межправительственного диалога по проблемам мира и стабильности, платформой для формирования в перспективе системы коллективной региональной безопасности.

Региональные группировки существуют и в Южной Азии (Ассоциация регионального развития и др.), однако их роль в международной политике и международном разделении труда на порядок ниже тех, что действуют в АТР. Аналогичная ситуация складывается и с формированием в Африке южнее Сахары региональных объединений, которые порой носят формальный характер и мало влияют на международно-политическую ситуацию даже в этом регионе.

На Ближнем Востоке региональная интеграция только недавно начала набирать темпы. Помимо Лиги арабских государств (ЛАГ) и Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), здесь в последние годы активизировал свою деятельность Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Делаются попытки решать проблемы экономической и политической направленности в рамках организаций, объединяющих страны с преимущественным мусульманским населением – Организация Исламской конференции, Лига исламского мира, Исламская восьмерка. Наметилась и тенденция к развитию регионального взаимодействия по линиям межгосударственных отношений: Турция-арабские страны; Турция-Иран; Иран – некоторые арабские страны (Ирак, Ливан, Сирия).

---

⁴⁰ Цит. по: Мир в процессе перемен: вызовы и возможности для России. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Н.Н. Иноземцева, 4 апреля 2011 г. М.: ИМЭМО, 2011. С. 28.

В связи со все более активным вступлением развивающихся стран в глобальное управление и с развитием новых тенденций, "имеющих ключевое значение для глобальной политики и мировой экономики", известный американский экономист Джеффри Сакс подчеркивает: "Геополитический маятник решительно качнулся от мира, где доминировали Европа и США, к структуре, в которой существует много региональных держав, но нет глобального лидера... Европейские экономики нуждаются снова в дополнительной помощи и должны обращаться к развивающимся странам – Бразилии, Китаю, Индии, экспортерам нефти из Персидского залива и другим, чтобы те предоставили необходимые ресурсы".

По мнению Сакса, "изменения в системе глобального влияния гораздо более сложные, чем простое ослабление роли США и Евросоюза и укрепление развивающихся экономик, особенно стран БРИКС....Мы также наблюдаем переход от однополярного мира, где главенствовали, прежде всего, США, к действительно многополярному порядку, в котором США, ЕС, БРИКС и многие другие менее крупные силы (такие, как Нигерия и Турция) имеют вес у себя в регионах, но достаточно медленно занимают позиции мировых лидеров". Преимущество от такого перехода к многополярному миру Сакс видит в том, что "ни одна страна или небольшая группа стран не может доминировать над другими". По его мнению, "у каждого региона будет пространство для маневра и возможность найти собственный путь"⁴¹.

Есть основания полагать, что современная мировая политика будет развиваться именно в таком направлении, и в формирующейся многоуровневой системе международных отношений, где будут множиться новые центры влияния, развивающиеся страны Азии и Африки займут адекватное их потенциалу место.

---

⁴¹ Сессия МВФ и Всемирного банка: в центре внимания - борьба с кризисом. // <http://www.rodon.org/polit-120511101458>.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ АТР: соперничество переговорных платформ

Проведение саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке и председательство России в этой организации в 2012 году заметно усилили интерес к изучению интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и способствовали появлению в отечественной научной литературе интересных и оригинальных исследований, посвящённых развитию упомянутых процессов и оценке перспектив их развития.⁴² Главное место в них уделено, естественно анализу истории, современного состояния и будущего АТЭС, однако А. Н. Федоровским впервые была предпринята попытка оценить потенциал иного "переговорного механизма увязки внешнеэкономических интересов стран региона" – Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), новой переговорной платформы, в немалой мере конкурирующей с АТЭС.⁴³

Представляется что, возникновение этой платформы вполне естественно, и, с одной стороны, представляет собой, как и АТЭС, попытку реализовать *идею трансрегионализма* в новой форме⁴⁴, а с другой – это свидетельство насущной потребности большинства стран АТР ускорить и придать реально ощутимые формы интеграционным процессам в регионе на фоне вяло текущего переговорного процесса в рамках ВТО. Прошло уже почти два десятилетия с заключения последнего крупного и многостороннего торгового соглашения в 1993 г. – самый длинный разрыв со времён зарождения системы ГАТТ/ВТО в 1948 г.

В значительной мере поэтому в АТР деятельность в области выработки правил торговли сместилась в сторону двусторонних и региональных соглашений. Так, например, на момент заключения Уругвайских соглашений, существовало три действующих торговых соглашения между странами-членами АТЭС, тогда как сегодня существует свыше тридцати соглашений (и ещё больше разрабатывается). Этот сдвиг обусловлен наличием множественных движущих сил и, скорее всего, будет и впредь развиваться.

Эта тенденция в АТР нашла наиболее яркое отражение в **двух крупномасштабных и противоречивых переговорных инициативах:**

Первая из них, которую можно условно назвать "Азиатским путём", характеризуется тем, что переговоры в её рамках в рамках АСЕАН или по инициативе и при активном участии стран-членов этой организации. **Вторая** – Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), которое включает в себя, помимо ряда азиатских стран и США. Азиатский путь призван углубить экономические отношения между экономиками стран Азии, однако оно также рассматривается как усилия по снижению исторически большой роли США в Азии. ТТП призвано обеспечить укрепление связей между Азией и Американским континентом и создать новую

⁴²См., например, работы А. Н. Федоровского (Возможности и проблемы регионального сотрудничества в Восточной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. – № 1. – С. 82-91; Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – № 1. – С. 50), Е. А. Канаева (Итоги Саммитов АТЭС в Иокогаме и G-20 в Сеуле и интересы России // *Тихоокеанское обозрение* 2010-2011. – М.: РИСИ, 2012. – С. 38-51), Г. М. Локшина (АТЭС во втором десятилетии XXI века / Владивосток -2012: АТЭС и новые возможности России. – М.: Университетская книга, 2011. – С. 62-80) и др.

⁴³ Федоровский А. Н. Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – № 1. – С. 45.

⁴⁴ Подробнее см. Рогожин А. А. АТЭС как феномен трансрегионализма в сб. ст. Владивосток -2012: АТЭС и новые возможности России. – М.: Университетская книга, 2011. – С. 83-84.

модель ведения международной торговли, однако нередко его характеризуют, в частности, китайские эксперты, и как "американские усилия по окружению Китая".

Каковы общие черты и отличия обеих инициатив? В какой степени они могут ускорить достижение главной цели, провозглашённой лидерами стран-членов АТЭС – формирование к 2020 году Зоны свободной торговли Азиатско-Тихоокеанского региона, ЗСТ АТР (The Free Trade Area of the Asia Pacific, ФТААП)⁴⁵? Ответы на эти вопросы явно не будут однозначными, однако наверняка важными для АТР – наиболее перспективного региона мира с точки зрения долгосрочного экономического роста. Международные потоки товаров, услуг, капитала, технологий и кадров в АТР составляют две трети (или даже более от всех этих глобальных потоков, если не учитывать внутриевропейские потоки).

Очевидно также и то, что фактическая интеграция в масштабах всего АТР могла бы принести куда более значимые выгоды, чем те, что ожидаются в результате завершения – Дохийского раунда торговых переговоров в рамках ВТО. Напротив, возникновение или обострение сколько-нибудь масштабного конфликта в экономической сфере в АТР нанесёт огромный ущерб экономическим и политическим перспективам всего мира.

Важность интеграции для Азиатско-Тихоокеанского региона

Азиатско-тихоокеанская торговля важна, потому что она огромна, носит инновационный характер и весьма динамично развивается. Либеральная среда глобальной торговли стимулировала развитие Азии, произведя огромные потоки товаров и услуг в пределах Азии и между развитыми экономиками всего мира. Производственные сети региона, в свою очередь, задали новые стандарты эффективности промышленного производства. Все эти связи станут ещё более важными в будущем, поскольку доля Азиатско-Тихоокеанского региона в глобальной экономике растёт. Учитывая роль региона в мировой экономике, нет ничего удивительного в том, что развитие торговых переговоров смещается от глобальных форумов в пользу соглашений в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Из 14,3 трлн. долл. глобальной торговли в 2010 г. 4,7 трлн. долл. пришлось на страны АТЭС⁴⁶, выступавшие как в качестве экспортёра, так и импортёра (см. таблицу 1), а также сразу в обеих ипостасях. В структуре торговли зоны АТР внутрирегиональная торговля составила примерно половину, или 4,9 трлн. долл. Эта торговля далее разделяется на торговлю в пределах Северной и Южной Америки (1 трлн. долл.), в пределах Азии и Океании (2,3 трлн. долл.), а также на транстихоокеанскую торговлю (1,6 трлн. долл.). Эти цифры свидетельствуют о масштабе интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона и её важности для глобальной экономики.

Кроме того, торговля в Азиатско-Тихоокеанском регионе весьма динамична. Регион характеризуется значительным разнообразием в распределении ресурсов и уровне развития, что позволяет странам пользоваться значительными возможностями для роста, обусловленными этими различиями. Торговля позволила богатым рабочей силой и бедным ресурсами странам обменивать промышленную продукцию на сырьё; развитым и быстроразвивающимся экономикам – обмениваться высокотехнологичными и трудоёмкими продуктами и услугами; а быстроразвивающимся странам – совершить прорыв в новые отрасли, начав передачу старых отраслей новым "восходящим звёздам". Вьетнам и Китай стали

---

⁴⁵ В российских источниках часто используется другой перевод английского названия этой организации – Транстихоокеанская зона свободной торговли.

⁴⁶ Весьма распространённое в научной литературе и источниках рабочее определение, охватывающее все страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

двумя последними азиатскими странами, вступившими в ВТО; пришлось пойти на значительные уступки, и обе эти страны значительно выиграли от этого.

Торговые потоки, скорее всего, останутся весьма динамичными и в будущем; в следующие пятнадцать лет регион АТЭС, как ожидается, ещё больше увеличит свою долю в мировом ВВП, с 53% до 56%. На долю Северной и Южной Америки, которая сейчас обеспечивает 54% регионального ВВП, к 2030 г. придётся лишь 45%.⁴⁷

Между тем, правила, которые регулируют жизненно важные торговые связи между странами АТР, становятся всё более изношенными. После десятилетия работы Дохийская повестка развития (Doha Development Agenda) терпит крах. Соглашение должно было быть заключено к 2007 г. в рамках ускоренного переговорного процесса под руководством США, а затем к середине 2011 г., чтобы избежать воздействия политики избирательного цикла в США и других странах. Эти и многие другие сроки были нарушены. В 2011 г. даже скромные усилия по достижению ряда второстепенных договорённостей (соглашений о рыночном доступе для наименее развитых экономик, поддержке экологичных товаров и услуг, а также поддержке торговли) – провалились. В ответ между многими странами мира, в том числе между странами АТР были подписаны двусторонние и многосторонние (региональные) соглашения о создании зон свободной торговли.

Среди экономик АТЭС до 2000 г. существовало лишь четыре крупных соглашения: Зона свободной торговли АСЕАН, Зона свободной торговли Канада-США, Североамериканская зона свободной торговли, Соглашение о более тесных экономических отношениях между Австралией и Новой Зеландией. Сегодня насчитывается 34 подобных соглашения, и ещё больше находится в стадии обсуждения.

Вплоть до 2004 г. все новые региональные соглашения среди стран АТЭС предполагали создание региональных групп или пар стран, в том числе и соглашения с участием АСЕАН. Примерно две трети торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе действительно происходит в пределах субрегионов, таких как Северная и Южная Америка или Азия. Не удивительно, что первая волна торговых соглашений в регионе была нацелена на эти отношения.

Тем не менее остающаяся одна треть азиатско-тихоокеанской торговли, предполагающей пересечение океана, включает в себя особенно важные виды торговли – те связи, которые позволяют обеспечивать обмен между странами, существенно отличающимися в уровне развития, обеспеченности ресурсами, технологиях и показателями капиталовооружённости труда. Последняя волна торговых соглашений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, начавшая подниматься в середине 2000-х гг., была сфокусирована исключительно на трансокеанских торговых потоках, между крупнейшими восточным и западным субрегионами АТР.

Поскольку региональные торговые соглашения начали заполнять вакуум, образовавшийся в результате стагнации глобальных переговоров, они создали новые возможности и источники неопределённости для азиатско-тихоокеанской торговли. Более целостная и комплексная региональная или глобальная система могла бы предложить существенные выгоды сторонам, и любой из упомянутых выше путей, в принципе, мог бы привести к подобной более глубокой интеграции.

Однако определение того, смогут ли, и как именно, "азиатский" и складывающийся в последнее время "транстихоокеанский" пути интеграции обеспечить основу для действительно целостной системы региональной торговли остаётся непростой задачей как для научного сообщества, так или для политико-дипломатических кругов стран АТР.

---

⁴⁷ Asia at a Tipping Point: Korea, The Rise Of China, And The Impact Of Leadership Transitions. Joint U.S.-Korea Academic Studies. – 2012. – Vol. 23. – P. 229.

Специфика "азиатского" и "транстихоокеанского" путей интеграции

С 2007 г. лидеры АТЭС неоднократно отмечали выгоды системы торговли, включающей весь Азиатско-Тихоокеанский регион, признавая, что как "азиатский", так и "транстихоокеанский" переговорный процессы могли бы стать возможными путями построения этой системы. При этом ведётся много споров относительно целей каждого из этих путей, а также о том, какова желательная скорость и ограничения их прогресса. Действительно, некоторые наблюдатели даже предположили, что эти пути с большей вероятностью приведут к расколу региона, нежели к его интеграции. В целом это естественно, ибо оба пути интеграции зародились в различных политических контекстах, в результате чего были избраны различные подходы к интеграции. Тем не менее, представляется, что оба этих пути в фундаментальном плане взаимозависимы. Они уже начали влиять друг на друга. Параллельный прогресс по обоим направлениям и их взаимодействие, скорее всего, будет яркой приметой развития системы региональной торговли в течение некоторого времени.

"Азиатский путь" интеграции. Современные институты торговли в АТР основаны, как это ни удивительно, на инициативах Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а не на связях между гигантскими экономиками стран Северо-Восточной Азии. Эта особенность накладывает заметный отпечаток на "азиатский" путь интеграции, который в настоящее время демонстрирует неплохие результаты, главным образом потому, что Китай играет центральную роль в экономике региона. Появившись в 1967 г. как политический институт, АСЕАН обратила своё внимание на экономику после 1977 г., сфокусировавшись на преференциальных торговых соглашениях и совместных промышленных проектах.

С той поры экономика стала доминирующей сферой интересов ассоциации. АСЕАН проделала впечатляющую работу, создав сеть соглашений о свободной торговле в регионе и за его пределами, а также создав площадку для проведения регулярных региональных саммитов. Эта центральная роль была радикально усилена благодаря соглашению о свободной торговле, которое инициировал Китай в 2002 г., что привело к подписанию соглашения о свободной торговле между всеми членами АСЕАН и Китаем в 2010 г. Китайская инициатива была вскоре дополнена аналогичными соглашениями с Японией и Кореей, а затем и соглашениями "АСЕАН плюс один" с Индией, Австралией и Новой Зеландией. Сейчас также идут переговоры с Европейским Союзом.

Учитывая резкий рост количества региональных соглашений о свободной торговле, увеличился и интерес к более широким региональным соглашениям, призванным использовать преимущества более масштабных экономических зон и распутать клубок противоречий существующих соглашений, включая 180 двусторонних соглашений между различными азиатскими экономиками.

Между тем, АСЕАН учредила в 2005 г. Восточноазиатский саммит (ВАС), включив в него Австралию, Новую Зеландию и Индию, тем самым дав ответ на обеспокоенность по поводу того, что в этом диалоге слишком сильно доминирует Китай. На встрече ВАС в 2007 г. Япония предложила создать соглашение о свободной торговле, включающее эту расширенную группу – Всеобъемлющее экономическое партнёрство Восточной Азии (Comprehensive Economic Partnership of East Asia, СЕРЕА).

Соглашения о свободной торговле связывают сегодня АСЕАН со всеми шестью партнёрами в рамках ЕАФТА и СЕРЕА, однако соглашение о свободной торговле между Китаем, Японией и Кореей (КЯК) остаётся эфемерным. Эти три страны играют решающую роль в создании любого регионального института, однако

сотрудничество между ними, как показывает опыт, является весьма труднодостижимым делом. Предпринимаются серьёзные попытки преодолеть эти разрывы, возможно, обусловленные комплексным давлением соглашения ТТП.

В 2008 г. лидеры трёх стран начали проводить ежегодные встречи вне саммита АСЕАН+3, и в 2011 г. завершили ускоренное исследование осуществимости трёхстороннего соглашения о свободной торговле, переговоры по которому начались в мае 2012 г. Они также планируют подписать трёхстороннее соглашение по инвестициям. Параллельно с этими инициативами Китай и Корея провели двусторонние переговоры. Китай и Япония достигли перемирия в вопросе о своих альтернативных взглядах на региональные соглашения, сойдясь в том, что можно параллельно развивать модели АСЕАН+3 и АСЕАН+6.

На саммите АСЕАН на Бали в 2011 г. они также совместно предложили создать несколько рабочих групп, которые бы сформировали контуры диалога, и АСЕАН приняла некоторые их предложения. Однако АСЕАН, в свою очередь, добавила модель региональной интеграции, основанную на модели АСЕАН++, которая предполагает гармонизацию существующих соглашений и позволение другим странам присоединиться к ним. ***Возможно, это реакция на намерения сделать ТТП в качестве образца региональных соглашений; АСЕАН намерена добиться, чтобы будущая интеграция оставалась "АСЕАНоцентричной".***

Комплексное региональное соглашение ещё должно быть заключено. Существующие торговые соглашения в Азии, при всех своих различиях, оставались относительно мелкими и не включали в себя торговлю между крупнейшими экономиками региона. Многие экономические исследования показывают, что более строгое соглашение, включающее и экономики Северо-Восточной Азии, могло бы принести куда более ощутимые результаты, недели более скромные соглашения. Тем не менее, прогресс в этом направлении обуславливается исключениями, скромными уступками "за пределами" регуляторных вопросов, а также относительно слабыми положениями в вопросах труда и защиты окружающей среды.

"Транстихоокеанский" путь интеграции. Современное видение азиатско-тихоокеанской (или транстихоокеанской) экономической интеграции также уходит своими корнями в 1960-е гг. В 1968 г экономисты со всего Азиатско-Тихоокеанского региона основали Тихоокеанский форум торговли и развития (Pacific Trade and Development Forum, PFTAD), который начал проводить конференции по вопросам либерализации торговли в Тихоокеанском регионе. PFTAD со временем способствовал появлению квазиправительственного Тихоокеанского совета экономического сотрудничества (Pacific Economic Cooperation Council, PECC) в 1980 г.

Усилия PECC, в свою очередь, помогли сформировать основание для официального форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). После провала инициативы "Ранней добровольной секторальной либерализации" в 1998 г., АТЭС создал операционную модель, основанную на необязывающих стороны подходах, сфокусированных на поддержке торговли и инвестиций. Однако АТЭС стала поощрять "поисковые" инициативы в субгруппах АТЭС, которые привели к появлению соглашений без полного консенсуса всех сторон.

Одной из подобных инициатив (хотя и не признанной официально как поисковая инициатива АТЭС) стало высококачественное торговое соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнёрстве (обычно называемое "соглашением Р4", или "четырёхсторонним соглашением"), подписанное

Брунеем, Чили, Новой Зеландией и Сингапуром в 2005 г. Оно стало ядром для нынешних переговоров по ТТП.

Стороной подобных переговоров, АТЭС также стимулировала работу по созданию общерегиональной зоны свободной торговли, частично призванной ускорить реализацию своих "Богорских целей 1994 г." (1994 Bogor Goals) в области свободной торговли и инвестиций в регионе. В 2006 г. Деловой консультационный совет АТЭС (APEC Business Advisory Council) формально предложил программу действий по созданию Зоны свободной торговли Азиатско-Тихоокеанского региона (ФТААР). Эта концепция затем появлялась в нескольких декларациях лидеров стран-участников АТЭС, начиная с 2007 г. В декларации лидеров 2010 года официально признаётся ЕАФТА, СЕРЕА и ТПП как возможные пути к построению ФТААР.

Переговоры по ТТП получили новый стимул благодаря решению администрации президента США Джорджа Буша вступить в переговоры с членами "четырёхстороннего соглашения" в феврале 2008 г. Позднее в 2008 г. Австралия, Перу и Вьетнам также объявили о своём намерении принять участие в этом переговорном процессе. Темпы активности по этому направлению заметно ускорились в 2009 г., когда **Обама сделал ТТП центральным элементом своей новой торговой политики.**⁴⁸

Малайзия присоединилась к переговорам в октябре 2010 г., и на саммите АТЭС в 2011 г. переговорщики определили основные параметры соглашения. Канада, Япония и Мексика также затем выразили своё намерение присоединиться. Таким образом, по меньшей мере девять, а возможно и тринадцать экономик (ожидается, что в какой-то момент присоединится и Корея) сегодня могут быть включены в это соглашение.

Внутренняя политика в США может создать серьёзное препятствие на пути формирования ТТП, поскольку президент США больше не имеет полномочий "ускоренного" проведения торговых соглашений через Конгресс. Тем не менее, соглашение, заключённое сходно мыслящими и открытыми экономикami, всё ещё имеет оправданные шансы на успех. Несмотря на глубокие политические разногласия, Конгресс одобрил соглашения о свободной торговле с Колумбией, Кореей и Панамой, и существует существенная поддержка со стороны бизнеса и обеих партий в отношении ТТП.

Что наиболее важно, это соглашение должно способствовать реализации стратегической цели углубления связи США с Азией. Выступая перед австралийским парламентом, Обама заявил, что "будучи наиболее быстрорастущим регионом – и домом для более чем половины глобальной экономики – Азиатско-Тихоокеанский регион играет критически важную роль в достижении моего наивысшего приоритета: создания рабочих мест и возможностей для американского народа".

Достижение этой цели, усложнённое увеличением числа участников переговоров, является весьма сложной задачей. Каждый раунд переговоров по планируемому Соглашению о создании Транстихоокеанского партнёрства предполагает участие 400 с лишним переговорщиков, и в период с марта 2010 г. по ноябрь 2011 г. (саммит АТЭС в Гонолулу) состоялось уже девять раундов. Ещё три раунда запланированы на 2012 г. Премьер-министр Малайзии Разак (Razak) в начале 2012 года заявлял, что участники переговорного процесса намерены завершить подготовку текста Соглашения к июлю, однако в свете остающихся нерешёнными проблем эти сроки оказались соблюсти не удалось.

ТТП также могло бы стать прорывом в деле консолидации существующих торговых соглашений (существует четырнадцать

---

⁴⁸ Gresser E. Does U. S. Pacific Policy Need a Trade Policy?. –Washington. March 2012. Pp. 1-7.

двусторонних или региональных соглашений с участием стран, участвующих в переговорах по ТТП). В отсутствие сильных региональных или глобальных инициатив, это многообразие соглашений породило сложный клубок противоречий в правилах и регулировании торговли в Азии.

Очень важно, чтобы ТТП унифицировало правила определения страны происхождения товаров в регионе, разрешив накопление стоимости в странах-членах ТТП. Несовпадающие друг с другом правила определения страны происхождения являются особенно проблематичным компонентом существующих торговых соглашений, поскольку они порождают дополнительные издержки на их выполнение и создают стимулы в пользу снижения, а не повышения экономических результатов.

Что наиболее важно, ТТП могло бы поддержать силу транстихоокеанских связей. Большинство новых соглашений о свободной торговле исключают США и могут привести к перенаправлению идущих туда торговых и инвестиционных потоков, тем самым подточив со временем поддержку транстихоокеанской торговли в США. Так, например, из восьми стран, в настоящее время участвующих в переговорах по ТТП, семь уже имеют соглашения о свободной торговле с Китаем, а шесть – с Японией. Содействие в укреплении транстихоокеанской интеграции может предотвратить появление "линии раскола по центру Тихого океана".

Соперничество двух моделей. Оба представленных пути интеграции имеют различия по членству и охвату затрагиваемых проблем. Азиатский путь исключает США и другие страны Американского континента, тогда как модель ТТП исключает Китай и некоторые другие экономики Азии, по крайней мере, на настоящий момент. Некоторые китайские наблюдатели жаловались, что Китаю не предложили принять участие в ТТП; США ответили на это заявлением, что приветствуют любую страну, готовую подписать соглашение ТТП. Правительства обеих стран понимают, что ТТП, скорее всего, будет содержать в себе положения, которые Китай на настоящий момент считает неприемлемыми.

Примирение обоих путей интеграции явно будет оставлено на будущее. "Азиатские" соглашения обычно предусматривают постепенную либерализацию, тогда как ТТП призвано создать комплексную, ориентированную на будущее модель интеграции. "Азиатские" соглашения задуманы с меньшим уровнем вмешательства в дела стран, "путь АСЕАН" делает акцент на консультациях и консенсусе, соответствуя общей политической приверженности к невмешательству.

На практике это означало, что "азиатские" соглашения содержали в себе больше исключений и были склонны учитывать нежелание стран – особенно таких крупных как Китай или Индонезия – уступать политическому давлению, связанному с некоторыми аспектами их внутренней политики. Путь ТТП, напротив, предусматривает соблюдение чётко определённых обязательств во многих сферах экономической активности, включая "трансграничное" регулирование, которое ограничивает международную коммерческую деятельность (хотя для некоторых стран может быть разрешён длительный переходный период).

Упомянутые модели, скорее всего, будут содержать в разной степени противоположные подходы в трёх блоках.

Первый из подобных блоков, касающийся доступа на рынки для товаров, скорее всего, будет решаться аналогичными способами (хотя и с различным уровнем терпимости к исключениям из правил) в рамках обеих моделей. *Второй* блок вопросов, охватывающий инвестиций, услуг и сопутствующих правил, обеспечит большой контраст в подходах. Решения по *третьему* блоку, где будут затрагиваться политические моменты, могут нести в себе существенные различия на бумаге и в большей или меньшей степени просто игнорироваться на практике.

Вопросы, касающиеся доступа товаров на рынок – в первую очередь, тарифные и нетарифные барьеры – обычно представляют наибольший интерес для быстроразвивающихся экономик, а также для тех стран, что специализируются на "чувствительных" сырьевых товарах, особенно на сельскохозяйственной продукции. "Транстихоокеанский" путь интеграции, скорее всего, будет включать в себя попытку обеспечить комплексный доступ на рынки, в том числе и в таких чувствительных секторах, как трудоёмкие отрасли и сельское хозяйство.

Будут ли эти амбиции реализованы, покажет будущее; как Япония (рис), так и Канада (молочные продукты) имеют весьма высоко политизированные барьеры, которые могут потребовать особого обращения. "Азиатский" путь, напротив, разрешает больше исключений – в действительности, одним из наиболее привлекательных моментов азиатского пути интеграции для Японии и Кореи стал тот факт, что он не требует политических жертвоприношений, ожидаемых в рамках ТТП. Тем не менее, промышленные производители из трудоёмких отраслей из Юго-Восточной Азии станут сильным источником беспокойности с углублением "азиатских" соглашений в будущем.

Второй блок проблем касается конкурентных секторов развитых экономик – сферы услуг, технологического сектора, а также инвестиций, а также связанных с ними правил конкуренции, правительственных закупок и защиты интеллектуальной собственности. Эти темы должны привносить более значимые различия в оба подхода к интеграции, поскольку они сильно поддерживаются США в рамках модели ТТП. Многие из итоговых положений будут весьма спорными, поскольку другие экономики – даже те, что находятся на высоком уровне развития – часто являются импортёрами соответствующих продуктов и услуг. Неправительственные группы также будут играть более значимую роль, поскольку они стремятся избежать введения каких-либо международных правил, которые могут ограничить их способность влиять на внутреннее регулирование.

И, наконец, *третий* блок вопросов охватывает политические цели, которые проявляются в соглашениях с целью их приспособления к внутренней политике. Некоторые экономисты активно выступают против этих "неэкономических" положений, однако на практике они не представляются источниками серьёзных экономических перекосов. Вопросы, интересующие развитые страны, касаются трудовых прав и защиты окружающей среды, что обычно отражается в соглашениях в виде требований к странам принимать международные конвенции и разрабатывать соответствующие механизмы их реализации. В настоящее время в рамках переговорной платформы ТТП ведётся дискуссия о введении требуемых международных стандартов.

Развивающиеся экономики в большей степени заинтересованы в сотрудничестве в сфере культуры и науки, доступа к технологиям, а также в повышении мобильности рабочей силы. Эта заинтересованность проявляется зачастую в различных проектах сотрудничества и программах обмена. Таким образом, хотя "азиатский" путь интеграции и ТТП в значительной мере содержат различные политические положения, противоречащие общим ожиданиям, эти вопросы едва ли должны определить наибольшие расхождения между ними.

Эти различия между подходами к интеграции отражают политические подходы и структурные проблемы, стоящие перед экономиками соответствующих экономик-участников соглашений. "Азиатские" соглашения стремятся сохранить "политическое пространство", тогда как транстихоокеанские соглашения под влиянием США и других развитых стран акцентируют внимание на доступе на рынки для продвинутых секторов экономики, а также на положениях, призванных удовлетворить пункты повестки дня их противоречивой внутренней политики.

Взаимодействие двух путей интеграции. "Азиатский" и "Транстихоокеанский" пути интеграции, представляя собой системы экономических связей, являются взаимозависимыми. Каждый из них может влиять друг на друга, демонстрируя более быстрый прогресс, привлекая большее количество членов, либо принимая более эффективные положения. Они также, скорее всего, будут конкурировать за признание и легитимность на международной политической арене.

Конкуренция между переговорными процессами в области региональной торговли давно рассматривается как благоприятное явление, однако теоретические выводы являются довольно противоречивыми: хотя усиление либерализации является одним из конечных результатов этой конкуренции, другим может стать складывание двух противоборствующих протекционистских блоков.

На практике, текущее распространение региональных и двусторонних переговоров приводит к появлению многочисленных, зачастую перекрывающих друг друга, соглашений – что, судя по всему, не ведёт к раздвоенному результату. Это может привести к неэффективности из-за путаницы правил, однако едва ли предвещает складывание антагонистически разделившейся системы торговли. Азиатско-тихоокеанские соглашения иллюстрируют эти тенденции; большинство экономик региона, скорее всего, примут участие в реализации обеих моделей интеграции.

Даже на ранних стадиях наличие двух путей стимулирует их взаимный прогресс. ТТП, судя по всему, оказалось мотивировано соглашениями в рамках азиатского пути интеграции, которые исключали США. ТТП, в свою очередь, вынудило Китай предпринять более энергичные усилия и ускорить переговоры в отношении соглашения о свободной торговле между Китаем, Японией и Кореей.

Вслед за заявлением, сделанным в Гонолулу, о том, что Канада, Япония и Мексика начали консультации о присоединении к ТТП, быстро последовали заявления об ожидающемся инвестиционном соглашении между этими тремя странами. Инициатива АСЕАН++. в свою очередь, стала реакцией АСЕАН на модель ТТП. США могут искать дополнительных партнёров для участия в ТТП, в том числе и среди других стран Юго-Восточной Азии, даже если это значительно усложнит переговорный процесс.

Соглашения в рамках двух путей интеграции также представляются сближающимися по своему содержанию. Последние торговые соглашения в рамках азиатского или транстихоокеанского путей интеграции содержат в себе больше сходных положений, чем более ранние аналоги, и обе группы соглашений расширились, охватив больше областей сходными положениями. Порой просто ради экономии усилий авторы соглашений заимствуют положения из аналогичных соглашений.

Действительно, одной из наиболее важных выгод эффективного торгового соглашения является то обстоятельство, что оно может послужить моделью для последующих инициатив. Тем не менее, некоторые наблюдатели рассматривают два пути интеграции как фундаментально отличные друг от друга, разработанные Китаем и США как орудия, направленные против соперника. Конкуренция между двумя путями интеграции, судя по всему, поощряет нагнетание риторики вокруг этого процесса, что приводит к возрождению терминологии времён "холодной войны" с такими словами как "окружение" и "сдерживание", а некоторые даже называют ТТП "экономической войной в Азиатско-Тихоокеанском регионе".

В США Критики ограниченных Азией соглашений предупреждают о попытках выжать Соединённые Штаты с азиатских рынков и утвердить гегемонию Китая в Азии. Назойливые упоминания о торговой войне являются привычным делом для обеих сторон. Подобные апокалипсические заявления естественным образом

привлекают значительное внимание СМИ, усиливаясь в рамках преимущественно не связанных с вопросами торговли политических дебатов в странах, вовлечённых или затрагиваемых переговорами.

Эта напряжённость усилилась в результате слабого восстановления после глобального финансового кризиса, поскольку правительства предпочитают возлагать на внешние стороны вину за внутренние проблемы (будь это безработица в США или инфляция в Китае) и выступают за политические изменения за рубежом в качестве решений внутренних проблем (укрепление курса юаня в Китае или увеличение показателя сбережений в США).

В США ТТП, таким образом, стало стратегией увеличения американского экспорта и борьбы с торговыми практиками, воспринимаемыми американскими производителями несправедливыми. Подобная риторика типична для политических кампаний – в 2008 г. Хилари Клинтон и Барак Обама направили послания торговым партнёрам послания, в которых пояснили, что их публичные нападки на Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА) не следует принимать слишком всерьёз. Подобные противоречия являются неизбежным явлением в торговой политике и должны приниматься спокойно.

Предварительные оценки опыта реализации двух путей интеграции

Эмпирические оценки эффектов обоих путей интеграции предлагают на удивление простые и позитивные выводы.⁴⁹ Результаты, приведённые ниже, свидетельствуют, что каждый из путей обеспечит значительные выгоды для существующих членов и потенциальных новых участников, и конкуренция, скорее всего, приведёт к расширению и прогрессу по каждому из направлений.

При этом авторы соответствующего исследования, учёные известного американского Центра Восток-Запад в Гонолулу, предполагают, что с набором темпов интеграции по обоим направлениям, эти процессы будут создавать стимулы для консолидации.

Авторы смоделировали "азиатский" и "транстихоокеанский" пути интеграции, предполагая быстрый прогресс по каждому направлению, чтобы построить симуляции, которые отражают противоречащие друг другу результаты реализации различных стратегий. Ускоренный график делает возможным обеспечить учёт полных результатов этих соглашений в оправданно короткий период времени (до 2025 г.).

Как и в случае с большинством симуляционных исследований, целью в данном случае было не проектирование будущего, а, скорее, поиск ответов на вопросы "что если" касательно последствий реализации избранной политики. В соответствии с этой моделируемой стратегией, авторы предполагают получение ранних результатов в рамках каждого из путей интеграции: достижение к 2012 г. соглашения между Китаем, Японией и Кореей в рамках азиатского пути и соглашения ТТП9 в рамках пути ТТП, с практической реализацией обоих этих результатов к 2015 г.

Предполагается, что к 2015 г. прогресс по обоим направлениям приведёт к достижению соглашений АСЕАН+3 и ТТП13, которые будут реализованы к 2020 г. И, наконец, итогом развития этих процессов должно стать заключение к 2020 г. общерегионального соглашения о создании Зоны свободной торговли Азиатско-Тихоокеанского региона (эта целевая дата

---

⁴⁹ Подробнее см. Peter A. Petri, Michael G. Plummer and Fan Zhai, "The Trans-Pacific Partnership and Asia Pacific Integration: A Quantitative Assessment," East-West Center Working Paper, No. 119. October 24, 2011.

реально предусмотрена лидерами АТЭС), которое должно быть реализовано к 2025 г.

Эмпирические итоги подтверждают ценность интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона в пределах обоих направлений переговорного процесса. Аналитики Центра Восток-Запад выделили четыре основных результата.

Во-первых, интеграция Азиатско-Тихоокеанского региона обещает значительные выгоды. Рост дохода, связанный с либерализацией, скорее всего, превысит 1 трлн. долл., или примерно 1,5% мирового ВВП к 2025 г. Азиатско-тихоокеанские соглашения представляют собой проект масштаба Дохийского раунда переговоров. Эти масштабные выгоды отражают тот факт, что даже хотя регион обеспечивает лишь часть мировой торговли, сценарии, предусмотренные в рамках данного исследования, предлагают столь значительную либерализацию, что они могут принести бóльшую ценность, нежели это возможно в рамках таких глобальных соглашений как Дохийское – пусть даже и просто за счёт придания новых сил глобальным переговорам.

Во-вторых, выгоды увеличиваются соразмерно масштабу и амбициям проекта интеграции. С расширением ТТП с девяти стран-членов до тринадцати (через включение Канады, Японии, Кореи и Мексики), общий объём выгод должен вырасти с 16 млрд. долл. в 2015 г. до 104 млрд. долл. в 2025 г. В рамках азиатского пути интеграции авторы исследования выявляют сходные экономические стимулы движения от трёхстороннего соглашения между Китаем, Японией и Кореей до блока ЕАФТА с тринадцатью членами.

Этот путь принесёт выгоды, оцениваемые в 44 млрд. долл. в 2015 г. и до 215 млрд. долл. – к 2025 г., что выше предполагаемых выгод в рамках ТТП, поскольку изначальные барьеры на пути торговли (особенно между тремя крупнейшими экономиками региона) оказываются относительно высокими; напротив, значительная часть торговли между странами ТТП уже охвачена эффективными торговыми соглашениями.

В-третьих, хотя практически все экономики будут в выигрыше в рамках реализации любого из сценариев, страны, которые систематически будут в выигрыше (в относительном выражении) – это маленькие страны, изначально защищённые высокими барьерами и участвующие с ранних стадий в рамках каждого из путей интеграции. Принимая участие в обоих процессах, Вьетнам, например, окажется в особенно выгодной позиции, заполучив те отрасли, которые Китай оставляет позади, переходя к более высокотехнологическому этапу развития. Однако и такие экономики, как Малайзия и Перу, также получат значительные выгоды. В абсолютном выражении, разумеется, главными выгодоприобретателями неминуемо окажутся самые крупные экономики региона, а именно Китай, США и Япония.

В-четвёртых, выгоды, связанные с двумя путями интеграции, будут образовываться в результате создания новых торговых связей – более глубокой интеграции, ставшей возможной благодаря снижению барьеров – вместо переориентирования существующих торговых потоков на новые направления, которое бы обеспечивалось за счёт тех стран, которые не пользуются преференциями участников соглашения. Так, например, Европа также выиграет от формирования ЗСТ АТР, преимущественно благодаря повышению эффективности производства, поскольку углубление интеграции АТР улучшит условия торговли Европы со странами региона.

Стратегические проявления. Результаты эмпирического исследования позволяют предположить, что оба пути интеграции являются комплексной "игрой" – они представляют собой несколько этапов и типов стратегического взаимодействия

между экономиками Азиатско-Тихоокеанского региона. На ранних этапах – ТТП9 и соглашение КЯК – выгоды будут зависеть, в значительной степени, от преференциального доступа на рынки США и Китая соответственно, принося существенные выгоды более мелким странам – Вьетнаму, Малайзии и Перу в случае с ТТП и Корею в случае с КЯК. Китай и США выиграют лишь незначительно на раннем этапе; их поддержка соответствующих соглашений будет мотивирована более долгосрочными расчётами и теми выгодами, которые они намерены достичь в этом "соревновании моделей".

На среднем этапе процесса соглашения будут расширены – до ЕАФТА и ТТП13 соответственно, и интеграция распространится на несколько крупных экономик в рамках каждого из путей. Выгоды интеграции расширятся соответствующим образом, в том числе и выгоды для Китая и США. Динамизм двух систем торговли может значительно усилить их интеграционные усилия. Страны, которые присоединятся к обоим путям, выиграют в наибольшей степени.

Бруней, Япония, Корея, Малайзия, Сингапур и Вьетнам будут вовлечены в оба процесса интеграции с самого раннего этапа, тогда как Индонезия, Филиппины и Таиланд могут присоединиться к ним несколько позже. Конкуренция между двумя путями интеграции могла бы помочь обеспечить их участие.

К завершению этой средней стадии – к 2020 г. в рамках обоих предположений – многие экономики АТР будут иметь преференциальный доступ на большинство азиатско-тихоокеанских рынков. Так, например, находясь в этой привилегированной позиции, Япония и Корея получают выгоды, равные соответственно 91% и 90% своих общих потенциальных доходов от складывания всеобъемлющей общерегиональной системы свободной торговли.

На финальном этапе Китай и США окажутся в числе тех немногих экономик, которые будут лишены преференциального доступа на оба этих обширных рынка. Для них главным призом станет консолидированное соглашение. Достижение консолидированного соглашения, скажем, через десять лет, обеспечит более весомые выгоды обеим странам при более низких издержках для обеих стран по сравнению с сегодняшним уровнем.

К тому времени китайский доход на душу населения станет вдвое выше сегодняшнего уровня, и Китай должен будет интересоваться определёнными строгими положениями модели ТТП. Обе стороны к тому времени, возможно, реструктурируют свои экономики. Много всё ещё будет зависеть от состояния их политических и экономических отношений, однако обе стороны должны будут найти экономические условия общерегиональной интеграции в форме ЗСТ АТР весьма привлекательными.

Хотя ценность общерегионального соглашения относительно легко продемонстрировать, путь к нему пока остаётся неясным. Свободная торговля на региональном уровне может быть достигнута с помощью любого из двух избранных путей интеграции, в результате должно сформироваться соглашение о создании ЗСТ АТР с характеристиками той модели, которая ляжет в его основу.

Однако на деле это соглашение едва ли будет результатом развития лишь одной из моделей – в конце концов, Китай обнаружит весьма затруднительным присоединиться к ТТП в рамках стандартного механизма получения членства, как и для США будет сложно просто присоединиться к соглашению АСЕАН++.

Более вероятным результатом станет новое региональное соглашение, которое охватывает обе группы, либо же, возможно, новый глобальный переговорный процесс, который также будет включать в себя и Европу. Эти различные пути могут определить результаты двумя способами: увеличением или уменьшением вероятности достижения общей интеграции, а также

оказанием влияния на модель, используемую в качестве основы для конечного соглашения.

Путь ТТП неразрывно нацелен на ЗСТ АТР в качестве цели, тогда как "азиатские" усилия в области интеграции сфокусированы лишь на азиатских экономиках. Однако это отнюдь не означает, что путь ТТП с большей степенью вероятности приведёт к общерегиональной интеграции. Прогресс по направлению к этой цели может быть замедлен необычайно строгой моделью ТТП; конкуренция между двумя моделями может привести к ужесточению позиций сторон, что сделает компромисс между ними невозможным.

Это обстоятельство делает крайне важным для Китая и США поиск и сотрудничество в сферах потенциального взаимного интереса уже на самых ранних этапах, пусть даже они поддерживают различные пути азиатской и транстихоокеанской интеграции. Дополнительные выгоды, которые будут получены в результате использования "транстихоокеанской" вместо "азиатской" модели для общерегионального соглашения, увеличивают шансы ТТП.

Модель ТТП, скорее всего, потребует более глубоких сокращений тарифных барьеров, более жёсткой дисциплины трансграничных отношений, более активной защиты прав на интеллектуальную собственность, а также больший доступ на рынок для услуг, нежели "азиатская" модель. Она напрямую будет стимулировать экспорт развитых стран, таких как США, однако в процессе интеграции он также увеличит их спрос на импорт и обеспечит рост производительности для всех участников соглашения.

По оценкам специалистов Центра Восток-Запад, выгода участников ЗСТ АТР в случае создания соглашения на основе транстихоокеанской модели составит 969 млрд. долл./год, а на основе азиатской модели – 681 млрд. долл./год. (более вероятный компромисс будет чем-то средним – в результате чего прибыль от интеграции составит 862 млрд. долл.). США получают более масштабную часть этих выгод в случае реализации модели ТТП вместо азиатской, то же самое можно сказать и о Китае в случае торжества азиатской модели.

Однако эти различия долей представляются незначительными в сравнении с последствиями для производительности, которые будут иметь место в регионе в целом. Глубина либерализации, а не её детали, будет иметь решающее значение. Соответственно, даже Китай выиграет больше от ЗСТ АТР, реализованного на модели ТТП, нежели от следования по "азиатскому" пути без участия США, хоть эта модель либерализации и принесёт ему меньшую долю в общем объёме доходов.

Последствия интеграции по обоим путям представляются оптимистичными. На ранних стадиях эта интеграция будет выгода малым странам, присоединяющимся к процессу, а также для лидеров обеих моделей, Китая и США, конкурирующих за внимание в регионе. На среднем этапе будут расти выгоды интеграции для всех участников процесса, подхлёстывая темпы региональной интеграции. На завершающем этапе Китай и США столкнутся с сильными стимулами для консолидации обеих путей интеграции или даже начать переговоры о ещё более благоприятствующей всем сторонам глобальной интеграции.

Некоторые выводы

Во-первых, либерализация в рамках азиатского или транстихоокеанского подходов обещает принести существенные выгоды с течением времени, и особенно масштабными они будут в случае итоговой общерегиональной интеграции. *Во-вторых*, структура обоих путей, скорее всего, будет способствовать ускорению интеграционных процессов, сперва за счёт роста выгоды следования по одному из путей и конкуренции между ними, а затем – стимулируя их консолидацию. *В-*

третьих, выгоды от общерегиональной интеграции будут зависеть от масштабности целей и эффективности используемых моделей, и в этом случае модель ТТП обеспечит наибольшую прибыль её участникам.

Главной точкой напряжённости в этих сценариях является выбор между жёсткостью положений и масштабностью регионального охвата. Требовательные положения транстихоокеанской модели должны принести более весомые выгоды, однако они могут затруднить процесс консолидации двух путей интеграции, задавая стандарты, которым многим экономикам будет слишком сложно соответствовать. Принимая этот момент во внимание, лидеры и переговорщики должны будут найти аккуратно выверенный баланс между жёсткостью требований и охватом своих соглашений.

Наибольшим предметом для беспокойства является тот факт, что соперничество между моделями интеграции на раннем этапе может привести к ужесточению позиций и/или росту раздражительности сторон, которые воспрепятствуют дальнейшему сближению. Перед политиками стоит задача следовать сейчас по ограниченному, политически осуществимому пути, удерживая открытой возможность перехода к общерегиональным инициативам.

Определённые политические инициативы могли бы помочь удержать долгосрочную цель общерегиональной либерализации в одном потоке с краткосрочным прогрессом. Переговорщики могут подать важный сигнал, подтвердив конечную цель – построение системы свободной торговли в регионе на основе обоих путей интеграции.

Стороны, продвигающие каждый из путей интеграции, могли бы заверить страны региона, что их модели основаны на этой перспективе включения общих положений в тех случаях, когда это возможно, и внедрения более амбициозных стандартов таким образом, чтобы сделать их доступными для всех потенциальных партнёров в разумные временные рамки. Возможной целью могло бы быть "соглашение десятилетия", включающее в себя положения (с соответствующим переходным периодом), которые могут быть приняты всеми экономиками с настроением на реформы до 2020 г., когда лидеры АТЭС запланировали создание ЗСТ АТР (= Транстихоокеанской зоны свободной торговли).

Многие вопросы, связанные со средне- и долгосрочными перспективами создания этой зоны пока остаются неясными. В этой связи весьма разумной представляется осторожная позиция России, озвученная вице-премьером РФ Игорем Шуваловым 27 августа 2012 года: "У нас пока нет такого убеждения, как у американцев, в необходимости построения Транстихоокеанской зоны свободной торговли. Вопрос введения подобной зоны очень сложен. Мы его исследуем. Наши эксперты работают. Мы хотим сначала понять, помешает ли эта Транстихоокеанская зона свободной торговли или будет способствовать нашему экономическому развитию."⁵⁰

---

⁵⁰ Российская газета. 27 августа 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.wto.ru/ru/news.asp?msg_id=29177. Дата обращения: 28.08.2012.

Глобальные тенденции в обеспечении безопасности: коллапс силы и права?

Распад СССР и разрушение биполярной модели мироустройства широко распахнули шлюзы глобализации и положили начало динамическим процессам, связанным с эволюцией виртуального и материального наполнения понятия безопасности и потребностями ее обеспечения в новых условиях. Политические и экономические императивы постбиполярного хаоса потребовали осознания новых угроз и вызовов, роли и возможностей государства как субъекта, формирующего политику в сфере безопасности, переоценки приоритетов в развитии стратегии применения военной силы и вооружений, поисков новых международно-правовых подходов к урегулированию возникающих кризисных ситуаций.

Глобализация расширила сферу общих для человечества угроз и вызовов, противостоять которым можно лишь при объединении усилий. Одновременно, в обстановке кардинального смещения геополитических конструкций, она усложнила развитие объединительных тенденций, затронув такие стержневые основы государственности как внутренняя компетенция и суверенитет. Новые линии кризисных разломов, особенно обусловленные слиянием внутренних и внешних угроз, стимулировали соблазны навязывания наиболее сильными игроками на мировой арене новых "правил игры" для продвижения собственных интересов.

В целом диверсификация угроз и вызовов безопасности вывела проблемы ее обеспечения за рамки межгосударственных отношений, состояние которых являлось ранее главным и традиционно приоритетным индикатором оценки стабильности мирового развития. Масштабность транснациональных угроз и общее потрясение основ общественного бытия, генерирующее протестные движения разного толка, свидетельствует о потере ощущения безопасности, носящего поистине планетарный характер. Человечество уже начинает осознавать социально-экономические и политические последствия угара постбиполярной эйфории. Однако поиски новой архитектоники обеспечения глобальной системы поддержания мира и безопасности далеки от завершения и носят глубоко противоречивый и непредсказуемый характер.

Государство и безопасность

Вопрос о роли государства в обеспечении безопасности занял одно из центральных мест в попытках определения стратегических тенденций становления нового миропорядка. Многие исследователи считают, что основным вектором эволюции института государства в последние десятилетия стало его ослабление. Ссылки на крах Вестфальской системы в научной литературе достигли ранга аксиомы. Так, по мнению директора российских и азиатских программ Института мировой безопасности (США) Н. В. Злобина, государства будут исчезать и уже исчезают⁵¹.

Действительно, рассматривая проблему эволюции государства в контексте проблем безопасности, легко найти массу примеров, иллюстрирующих неспособность государственной власти обеспечить безопасность собственных граждан и сохранить территориальную неприкосновенность. Так, одним из последствий крушения геополитических конструкций биполярного мира стала новая,

---

⁵¹ НГ-политика. 19.10.2010.

возникшая после деколонизации, волна мультипликации государственных или квази-государственных образований. Начало этому процессу положил, как известно, распад Союза на 15 фактически одномоментно возникших новых независимых государств. В 2008 г. постсоветское пространство обогатилось еще двумя государствами – Абхазией и Южной Осетией. Пограничный передел территории бывшего СССР все еще не завершен: его тормозят неурегулированные конфликты (Нагорный Карабах, Приднестровье).

За Советским Союзом последовало раздробление Югославии, которое, в отличие от распада великой державы, проходило в обстановке гражданской войны и внешней агрессии. В конечном итоге в регионе образовалась не только шестерка новых государств, но и возник весьма сомнительный с точки зрения международного права прецедент автономизации Косово, фактически приближающий этот анклав к состоянию некоей "суверенизации" в рамках Сербии. Процесс разрушения старых и появления новых государств затронул не только Европу и Азию, но и Африку (Сомали, Судан, Мали). Заметные признаки его дальнейшего развития наблюдаются в регионе Ближнего и Среднего Востока (Ирак, Сирия).

В политически и стратегически разбалансированной международной среде одной из главных угроз безопасности стали конфликты, разрушающие государство изнутри. Подобные кризисы также рассматриваются многими исследователями как один из признаков ослабления института государства. Дополнительный негативный аспект в развитие этой тенденции привносит и то обстоятельство, что международное содействие урегулированию внутренних конфликтов приобретает избирательный характер. В результате часть внутренних конфликтов выпадает из сферы активного международного внимания, порождая феномен несостоятельности государства. В условиях гуманитарных катастроф население, погруженное в пучины гражданских, межэтнических или межконфессиональных войн, нищеты и голода, превращаются в вынужденных иждивенцев международного сообщества. "Сомализация" как явление становится крайним выражением подобных тенденций.

Однако алармистские подходы к оценке эволюции института государства, как правило, слабо связывают эту проблему с вопросом о том, что придет на смену государству как субъекту обеспечения безопасности в случае его "исчезновения". Как представляется, именно проблема субъектности обеспечения безопасности, учитывая разрастание "глубь и вширь" угроз и вызовов современному миру, приобретает сейчас первостепенное значение. Рассматривая эту проблему в такой плоскости, следует, очевидно, оценить и тот запас прочности, которым обладает институт государства, переживающий "смутное время" расставания с биполярным миром.

Перспективы формирования некоего "мирового правительства", которое могло бы взять на себя ответственность за обеспечение безопасности, в теоретическом дискурсе серьезно не рассматриваются. Однако в политико-правовой области появилась масса исследований, анализирующих феномен "наднациональности" в приложении к различным международным структурам интеграционного характера, предположительно приобретающим этот статус. Речь идет о ЕС, АСЕАН, Союзом государств России и Белоруссии, а также и о таких явлениях, как религия, русская нация и др. Правда, согласия относительно определения понятия "наднациональность" в среде теоретиков и практиков нет. Одни полагают, что передача части суверенных прав государства "на откуп" международным структурам уже превращает последних в "наднациональных" суверенов, способных функционировать как автономные субъекты международных отношений. Другие — что эта автономизация, обусловленная балансом межгосударственных интересов,

кончается там, где она входит в противоречие с жизненно важными интересами наиболее сильных игроков.

В то же время развитие международных отношений неоспоримо свидетельствует о том, что и в условиях глобализации государство остается главным и, в конечном итоге, единственным легитимным субъектом организации безопасности, как на территориальном, так и на глобальном уровне. Системные и внесистемные импульсы нарушения безопасности, в том числе политического или военного характера, могут привести к смене режима или же к раздроблению страны. Но в упадке и распаде государств, потерпевших неудачи в поисках своего места в меняющемся мире, в принципе нет ничего необычного. История полна примерами исчезновения не только отдельных государств, но и могущественных империй с политической карты мира.

Этой тенденции противостоит трудный, но активный процесс приспособления государства к новым потребностям формирования безопасной среды обитания, выливающийся в непрерывные подвижки в соотношении политических сил в переломные времена. Развивающийся мир, несмотря на все ограничения "догоняющего" развития, уверенно реструктурируется, образуя новые центры силы с растущими глобальными амбициями. Так, динамичное развитие Китая и Индии, безусловно, выступает как фактор, влияющий на перспективы развития системы обеспечения безопасности не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в глобальном масштабе.

В практической плоскости многие аналитики считают, что далее всего по пути к "наднациональности" продвинулся Европейский Союз, с чем в известной степени можно согласиться. Однако как раз опыт ЕС показывает, насколько затруднено движение по этому пути. Примером может послужить экономический и финансовый кризис, который сейчас подталкивает ЕС к реальным шагам в сторону создания общеевропейской системы финансового контроля, способной защитить еврозону от негативных последствий неосмотрительной политики тех или иных национальных правительств. Насколько "наднациональной" может стать такая система контроля, пока непонятно. Более того, попытки обеспечения финансовой безопасности ЕС неоспоримо доказывают, что их реализация теснейшим образом связана с оптимизацией межгосударственных интересов. К тому же антикризисная политика Евросоюза, направленная на сохранение финансовой целостности еврозоны, одновременно усиливает внутреннее брожение и нестабильность Европы, демонстрируя "индивидуализацию" интересов государств-членов и порождая массовые протесты населения.

Мировое сообщество в сущности отвергло и такую крайнюю степень "наднациональности" как однополярный мир, в котором единственным претендентом на роль его лидера после развала Союза выступали США. Реакция на стремление США утвердиться в этом качестве, несмотря на неоспоримое превосходство военно-политического и экономического потенциала, заставила их дипломатически облагородить глобальные претензии и шире использовать в своей стратегии так называемую "мягкую силу", опираясь на возможности использования групповых интересов в различной конфигурации.

Разумеется, адаптация государств к императивам нового миропорядка идет нелегко. Освободившись от оков лобового противостояния двух систем, мировое развитие расширило пространство экономической конкуренции, вывело на транснациональный уровень негосударственных акторов, формирующих новые угрозы безопасности, выплеснуло наружу конфликтогенные комплексы противоречий, придавленные ранее прессом биполярного мира, потребовало разработки принципиально новых подходов к решению проблем обустройства

окружающей среды. Иными словами, тектонические сдвиги в глобальном развитии поставили перед государством задачу расширения стратегических направлений обеспечения безопасности. Постбиполярный мир не стал безопаснее: к привычным в прошлом веке угрозам добавились не только новые вызовы, но и, казалось бы, давно канувшие в небытие пиратство, рабский труд и работорговля.

Развитие международных отношений в последние десятилетия происходило под давлением множества факторов и вряд ли может быть охарактеризовано иной краткой формулой, кроме "поисков безопасности" – во всей многогранности этой проблемы. Поскольку высокие темпы и непредсказуемость мирового развития ставят перед государствами все новые и новые задачи, решение которых выплескивается за рамки возможностей прежней системы глобального управления, эти поиски в известной мере приобретают хаотический характер.

Новая глобальная архитектура обеспечения безопасности формируется в наши дни методом проб и ошибок, смешения прагматически перспективных или конъюнктурных инициатив, политических спекуляций, использования и отвержения инструментария, прошедшего испытание "холодной войной". Константой остается лишь отсутствие общего согласия по вопросу о соотношении стратегических вызовов, стоящих перед человечеством, и конкретных интересов конкретных государственных режимов. Разумеется, неизбежность столкновения интересов государств в современных условиях повышает градус противоречивости межгосударственных отношений, рождая угрозы безопасности и препятствуя универсализации мироустройства в эпоху глобализации. Вместе с тем сам процесс разрешения противоречий в межгосударственных отношениях выражает поиски баланса между императивами глобализации развития и потребностями сохранения национально-культурной идентичности человеческих общностей. Следствием этого является начавшаяся ревизия старых и формирование новых функций государства, в том числе в сфере обеспечения безопасности.

В целом весьма активный процесс модернизации старого и изобретения нового инструментария обеспечения безопасности направлен на предотвращение "покушений" на прерогативы государственной власти в этой сфере. Идеологический вакуум, образовавшийся после исчезновения парадигмы "социализм versus капитализм", заполняется ныне различными, причем нередко весьма конфликтогенными ориентирами развития, выражающими определенные групповые интересы. Национализм, этносепаратизм, трайбализм, политизация религиозного фактора и межконфессиональных противоречий, авторитаризм, консервация архаичных форм государственного устройства генерируют нарушения безопасности. В то же время идеологическая пестрота современного мира стимулирует "отбраковку" государственных элит, неспособных к адекватным ответам на вызовы формирующегося нового миропорядка.

В условиях быстро меняющейся ситуации на мировой арене широкое распространение получили поиски наиболее приемлемых вариантов объединения усилий в новых и, по возможности, модернизирующихся старых межгосударственных структурах обеспечения безопасности. На глобальном уровне в очередной раз наблюдается оживление интереса к перспективам реформирования ООН, правда, по-прежнему с туманными перспективами. Проходят испытания на эффективность такие "элитные" структуры как G8, работающая также и в режиме G7, "Двадцатка", наконец, быстро наращивающее влияние новое межгосударственное объединение "Пятерка" (в русской транскрипции — БРИКС) и др. Значительно расширилась территориальная составляющая потенциала НАТО. Заполняющий структурный вакуум в обеспечении безопасности на международной арене альянс практически трансформируется в организацию глобального уровня. Этот процесс опирается не

только на силовой и пространственный потенциал НАТО, но и на многофункциональную сеть сотрудничества с рядом стран Азии и Африки.

Растущие потребности в координации интересов безопасности привели к появлению новых евразийских организаций. Так, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), имеющая в своем составе двух постоянных членов Совета Безопасности ООН (Россию и Китай), успешно укрепляет свой авторитет, постепенно вовлекая в сферу своей деятельности такие страны, как Индия, Афганистан, Иран и др. В то же время СНГ и Организация Договора о коллективной безопасности вследствие ряда причин не смогли стать гарантами сохранения единого постсоветского пространства безопасности, включающего регион Центральной Азии.

В последние десятилетия возникают и другие формы межгосударственных "добровольческих" объединений целевого характера (с разным уровнем структуризации): уже упомянутые ранее международные коалиции во главе с США; морская армада в Аденском заливе, связанная практически неформальными узами координации антипиратских усилий; так называемый "Центальноазиатский антинаркотический квартет", созданный по инициативе России и объединяющий ее с Афганистаном, Таджикистаном и Пакистаном, и др. Все это в равной мере свидетельствует как об активности поисков новых моделей управления глобальной безопасностью, так и об остроте ситуации в этой сфере. "Низовые" пожары внутренних конфликтов продолжают полыхать, охватывая все большие пространства, террористические акты стали привычным элементом общественного существования. При этом важно подчеркнуть, что усилия, направленные на противостояние нарастающему нестабильности мира, осуществляются и легитимируются исключительно в рамках межгосударственных отношений. Глобализация в значительной мере усложняет поиски сбалансированной системы обеспечения безопасности, однако, при всей многомерности и противоречивости этих отношений, отнюдь не трансформирует их в "наднациональные".

Не касаясь широкого спектра прогностических оценок будущего, следует признать, что наше время — это время бурной энтропии системы обеспечения безопасности прошлого века, время смены парадигм и моделей развития. Такие периоды всегда сопровождались болезненным обострением общественных противоречий, сменой элит, отмиранием тупиковых форм государственного управления и инерционно замедленным осознанием происходящих перемен. Тем не менее и в этих условиях государство продолжает оставаться организующим началом и легитимным субъектом обеспечения безопасности. Другое дело, что у каждого государства — своя судьба, а политические режимы могут вести страну к гибели и разорению, не справляясь с усложнением решения задач противостояния наступающим угрозам. Наиболее прочные позиции в мире займут государства, где будет достигнут оптимальный баланс интересов в многослойной связке "человек-общество-власть", сводящий к минимуму применение внутреннего и внешнего насилия и рождающий объединительные импульсы на поле международного сотрудничества, что особенно актуально в условиях изменения природной среды обитания человека.

Военная сила "уже не та"⁵²

Военная сила в современных условиях продолжает оставаться важнейшим, а, главное, привычным и наиболее доступным инструментом обеспечения безопасности. Во-первых, она по-прежнему служит фактором военно-политического

---

⁵² Это выражение принадлежит известному исследователю проблем безопасности Д. М. Проэктору. См. Проэктор Д. М. Политика и безопасность, М.: Наука, 1988. С. 52.

сдерживания и защиты от внешней агрессии. Во-вторых, ее реальный потенциал определяет весомость и масштабы воздействия на кризисные ситуации как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровне. В-третьих, она используется в качестве инструмента противостояния невоенным или нетрадиционным угрозам, охватывающим широкий спектр нарушений безопасности.

Вместе с тем в целом ролевое значение военной силы эволюционирует под воздействием изменений в конфигурации угроз и вызовов безопасности. Видоизменяются формы и механизмы ее применения, международно-правовое оформление и организационные механизмы ее использования. Появление новых технологий меняет качественные характеристики силовой компоненты обеспечения безопасности. Она поглощает новые плоды человеческой деятельности, изначально не связанные напрямую с применением силы, расширяя пространство силовой компетенции военной сферы и превращая их в необходимый элемент ее функционирования. Так, обеспечение доминирования в информационном пространстве становится одной из важнейших стратегических целей развития военного потенциала.

Одним из факторов, влияющих на "перестройку" вооруженных сил стал уход в прошлое мобилизационных войн, достигших апогея в период второй мировой войны. Сейчас существование мобилизационных армий в большей степени свидетельствует о "догоняющей" модели экономического развития, а также о проблемном состоянии НИОКР и качества обновления военно-технического потенциала, чем о готовности к отражению современных угроз.

Все большее влияние на эволюцию вооруженных сил оказывает демографический фактор. В развитых странах с низкими темпами прироста населения он активизирует процесс комплектования вооруженных сил на профессиональной основе, поиски "человекосберегающих" технологий ведения боевых действий⁵³. Так, приоритетное место в развитии американских НИОКР занимают разработки в области информационных и компьютерных технологий, беспилотной техники, сетевых систем управления, а также мониторинга, сбора и передачи разведанных. Можно отметить, что поиски в этом направлении приносят реальные плоды. Безвозвратные потери международной коалиции в Афганистане за десятилетие период оказались, по крайней мере, в пять раз меньше, чем потери советских войск во время афганской войны⁵⁴.

Нелишне при этом отметить, что сохранение морально устаревающих систем формирования вооруженных сил свидетельствует не только о положении той или иной страны в мире, но и об особенностях восприятия проблем безопасности правящими элитами, страновой спецификой переплетения множества факторов как объективного, так и субъективного характера. Так, в России, где остро стоит демографическая проблема, консервация системы "призывного рабства", не способствующего, по мнению некоторых экспертов, укреплению национальной безопасности или смягчению демографического кризиса, связано с наследием гипермилитаризации Советского Союза и общей слабостью реформаторского потенциала, подавляемого, в том числе, сохраняющимся "синдромом великодержавности". В Китае же, обладающем гигантским демографическим потенциалом, сохранение мобилизационной армии демонстрирует сублимацию

---

⁵³ См. Киршин. Ю. Человекосберегающая военная безопасность мирового сообщества: взгляд в будущее. Клинцы: Изд-во "Клинцовская городская типография", 2010.

⁵⁴ В данном примере учтены безвозвратные потери только одной стороны – США и членов международной коалиции. Масштабы гибели мирных жителей, а также не подсчитанные потери другой стороны, во многие разы превышают число погибших в Афганистане иностранных военнослужащих.

политического и экономического прагматизма, успешно использующего фактор социальной притягательности военной службы в условиях избыточности трудовых ресурсов.

На глобальном уровне вооруженные силы уже не знают тех побед, которые веками достигались в битвах, символизировавших окончание войны. Вооруженные силы, воюющие на чужих территориях, зачастую увязают в зонах внутренних конфликтов, фактически превращаясь в участников "партизанско-гражданских" войн. "Победоносными" в привычном понимании этого термина их действия назвать трудно. В качестве примеров можно упомянуть Ирак, Афганистан, Сомали, Ливию и др. В международном дискурсе все реже используется термин "война" в применении к вооруженным действиям. В современном дипломатическом словаре синонимы этого термина теряют или скрывают силовую характеристику, подчеркивая мирную направленность международных акций — миротворчество, поддержание мира, гуманитарная интервенция, защита прав человека, самооборона, полицейские акции, антипартизанские действия и т. п.

На практике дело подавления реальных или воображаемых угроз миру и безопасности с помощью вооруженной силы все в большей мере сосредоточивается в руках США, НАТО, опирающейся на мандаты СБ ООН, более широких международных коалиций, включающий страны Азии, БСВ и др., а также региональных организаций, занимающихся конфликтами неприоритетного значения. Классические "двусторонние войны" в последние десятилетия становятся исключением из правила⁵⁵.

Международные коалиции, представляющие собой сложную систему воздействия на конфликтную ситуацию, включают как военные, так и невоенные инструменты и технологии. Они функционируют на основе разграничения принципов иерархического соподчинения и равноправного партнерства, либо добровольного, сепаратного или договорного, участия как государственных, так и негосударственных структур. В принципе тенденция к образованию подобных коалиций во многом выражает заинтересованность США и НАТО в расширении круга участников проводимых операций, связанную, в том числе, с облегчением процесса их легитимации в рамках ООН. Коалиционные формирования устраивают также союзников и партнеров США, поскольку позволяет им в известных пределах дозировать меру своего экономического и военного участия, руководствуясь исключительно прагматическими соображениями. В то же время, несмотря на внушительные масштабы внешнего силового и гражданского вмешательства в целях управления внутренними конфликтами, нестабильность в мире продолжает нарастать. Опора на военную силу как главный инструмент поддержания мира и безопасности себя не оправдывает.

Во-первых, диверсификация угроз и вызовов все более расширяет то пространство обеспечения безопасности, на котором военная сила не может функционировать как главный и, тем более, единственный, компонент их отражения. Противостояние таким явлениям, как наркотрафик, торговля людьми, киберпреступность, нерегулируемая миграция, и, тем более, неблагоприятным для человечества изменениям среды его обитания выходит далеко за рамки возможностей вооруженных сил. Что касается терроризма, то он уже не отождествляется с "Аль-Каидой" и Бин Ладеном, как это было после известных событий 11 сентября и объявления Дж. Бушем антитеррористической войны. Борьба

---

⁵⁵ С известной натяжкой к таковым можно отнести вооруженные конфликты между Перу и Эквадором (1995), Эфиопией и Эритреей (1998-1999), вооруженную ссору между Индией и Пакистаном (1999), военную кампанию Израиля в Ливане (2006).

с терроризмом и его предупреждение требуют создания сложной системы противостояния, в которой регулярные вооруженные силы являются лишь одной из ее составляющих.

Во-вторых, современные вооруженные силы не вполне эффективно справляются и с теми угрозами, которые, по традиции, ранее решались с помощью оружия. Так, невиданная по совокупной мощности антипиратская армада кораблей разных государств, сконцентрированная у Африканского Рога, оказалась малоэффективной для решения поставленных задач. С современным пиратством (и не только с ним), как оказалось, нельзя покончить силой оружия: для этого нужны иные подходы.

Снижение эффективности военной силы в противостоянии новым вызовам отмечают и многие военные аналитики. На конференции НАТО "Новые вызовы глобальной безопасности", состоявшейся в ноябре 2011 г. и собравшей более 200 специалистов из стран-членов альянса и их партнеров, отмечалось: устрашение применением военной силы не может оказать влияние на большую часть современных угроз безопасности, и эффективнее было бы сосредоточивать усилия на предотвращении конфликтов.

Относительное ослабление роли военной силы проявляется не только в сжатии того сегмента противостояния угрозам и вызовам, где она может быть использована для достижения тех или иных целей. Поиски и находки нового инструментария вооруженной борьбы с современными угрозами обуславливают развитие функционально новых структур обеспечения безопасности, которые де-факто конкурируют с регулярными вооруженными силами и объективно еще более сужают сферу их применения. Активизируется организация новых по характеру государственных органов, занятых в борьбе с сетевыми угрозами, прежде всего с терроризмом и наркотрафиком.

Вызывает опасения постепенное размывание роли ядерного оружия как важнейшего фактора обеспечения стратегической стабильности. По мнению известного российского ученого А. Н. Калядина⁵⁶, основные тенденции мирового научно-технического, промышленного и военно-политического развития указывают на расширение возможностей распространения ядерного оружия, увеличивают нагрузку на режим нераспространения, повышают риски злоупотребления потенциально опасными ядерными технологиями. Согласно прогнозу Всемирной ядерной ассоциации, в период до 2030 года от 10 до 35 новых государств освоят технологии обогащения урана и получения плутония и приобретут, таким образом, способность в течение нескольких месяцев изготовить ядерное взрывное устройство.

Другой российский эксперт С. В. Картунов характеризует ситуацию в этой сфере как "упадок режима нераспространения"⁵⁷. По существу этот режим находится под прессингом непрекращающихся попыток его разрушения, носящих как спекулятивный, так и вполне реальный характер. Возрастает опасность использования ядерного оружия негосударственными акторами. В определенном смысле проблема ядерной безопасности оказалась для человечества капканом, из которого пока не найдено средство высвобождения.

Относительное сужение сегмента применения военной силы в общем пространстве современных угроз и вызовов отнюдь не абсолютизирует падение ее

---

⁵⁶ Калядин А. Совету Безопасности ООН требуется обновление. // Независимое военное обозрение. № 29, 5-11.08.2011.

⁵⁷ Картунов С. В. Современная внешняя политика России. Стратегии избирательной вовлеченности. Москва, 2009. С. 26.

роли в обеспечении безопасности. Похоже, что в мире уже начинается гонка вооружений, имеющая качественно иной характер по сравнению с периодом холодной войны. Она может превратить в хлам большинство принятых на вооружение образцов оружия. Об этом, в частности, свидетельствуют тенденции сокращения вооружений, накопленных в течение прошлых десятилетий ведущей военной державой – Соединенными Штатами. Так, численность авианосцев ВМС США за год сократилась почти на треть, а количество авиации морского базирования – почти на 40%. С 1990 г. количество крейсеров уменьшилось почти в два раза, а количество фрегатов сократилось с 99 до 30. По сравнению с 1965 г. состав ударного подводного флота уменьшился в два раза (до 52 субмарин). В настоящее время парк истребителей ВВС США составляет только половину количества боевых машин, которые состояли на вооружении в середине 1980-х годов⁵⁸. При этом мировой военно-промышленный комплекс во главе с США продолжает производить освоенные в прошлом модели вооружений, сбрасывая их в страны любого экономического калибра. Моральный износ накопленного оружия в странах с наиболее низким уровнем технологического развития не мешает ему служить материальным фундаментом текущих и "перспективных" вооруженных конфликтов. Ярким примером в этом отношении является Йемен: в стране насчитывается 60 млн. автоматов Калашникова при численности армии в 60 тыс. человек.

В то же время характер современных информационных угроз превращает в главные виды оружия передовые технологии и интеллектуальный анализ. В "Международной стратегии по действиям в киберпространстве", опубликованной в незасекреченной части в США, регулярные вооруженные силы рассматриваются как вспомогательный инструмент в борьбе с кибератаками. В СМИ появляется все больше сообщений о разработках новых, пока еще "экзотических" видов оружия. В Интернете можно найти "Справочник оружия несмертельного действия", разработанного в США. На авиасалоне в Фарнборо демонстрировалось лазерная установка того же происхождения. Мелькают новости об испытаниях в США геофизического и гиперзвукового оружия и т. п. При этом военно-политические круги в США выражают недовольство "атрофирующимся" потенциалом европейских структур НАТО и продолжающимся сокращением их финансирования. В Китае разрабатывается импульсное оружие, предположительно предназначенное для борьбы с американскими авианосцами в случае обострения ситуации вокруг Тайваня⁵⁹.

Разумеется, процессы, характеризующие эволюцию военной силы в деле обеспечения глобальной безопасности, на страновом уровне существенно различаются по скорости и масштабам. Вектор этой эволюции в последние десятилетия определяют США, прямо заявляющие о том, что зона обеспечения их безопасности охватывает всю планету. Техническое оснащение вооруженных сил развивающихся стран, в зависимости от экономического потенциала и/или финансовых возможностей, в основном остается на уровне вооружения времен "холодной войны", в лучшем случае модернизированного. При этом все страны Азии и Африки, даже имеющие собственный ВПК, зависят от импорта вооружений, где также лидируют США. Наиболее сильные, миллионные, армии, как и производство вооружений, концентрируются в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на БСВ (Китай, Индия, Вьетнам, КНДР, Иран и др.).

---

⁵⁸ Иванов В. Техника Пентагона продолжает неуклонно стареть. // НВО. № 9, 12-18.03.2010.

⁵⁹ Запоздавшая с модернизацией вооруженных сил Россия также предпринимает усилия в этом направлении. Министр обороны РФ заявил в 2012 г., что программа развития вооружений на 2011-2020 гг. предусматривает создание оружия на новых физических принципах, а именно лучевого, физического, волнового, генного, психофизического и др.

Азиатские страны и прежде всего Китай находятся в авангарде модернизации вооруженных сил в развивающемся мире. Что касается стран Африки, то по уровню вооружений они находятся далеко позади армий других континентов. Только две страны — ЮАР и Нигерия — могут позволить себе военные расходы объемом более миллиарда долларов.

Развитие военной сферы в последние десятилетия можно охарактеризовать как переходный период от вооруженных сил времен холодной войны к новой стратегии развития военной силы, отвечающей по качеству и роли в обеспечении безопасности потребностям формирования нового миропорядка в условиях глобализации. В целом военная сила не собирается сдавать свои позиции и еще долго будет оставаться важной компонентой обеспечения безопасности и одновременно источником напряжения в международных отношениях.

Международное право и политические реалии

Международно-правовое регулирование поддержания мира и безопасности с окончанием холодной войны испытало то же "потрясение основ", что и вся структура международных отношений. Многие специалисты считают, что международное право оказалось в состоянии "потери дееспособности", из которой пока не видно выхода. Так, Председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин считает, что мировое сообщество столкнулось с глобальным кризисом права, опасностью обрушения верховенства права⁶⁰.

Действительно, современное развитие обнажило неожиданные пустоты в глобальной системе правового реагирования на нарушения международной безопасности. Практически во всех отраслях международного права открылось множество лакун (например, в области вмешательства во внутренние дела государства, в морском праве, регулировании миграции и др.), выводящих ведение борьбы с рядом угроз за пределы правового поля.

В последние десятилетия ООН пришлось в реактивном порядке заниматься латанием дыр в системе международно-правового регулирования процессов предотвращения и устранения нарушений безопасности, а также приспособлением оставшегося в наследство от "холодной войны" нормативного инструментария к потребностям противостояния вызовам современного мира. Главными направлениями усилий ООН в сфере безопасности явились расширение форм и методов миротворческой деятельности, международно-правовая легитимация вмешательства во внутренние дела государства, утверждение в международной практике принципов гуманитарного права.

В 1992 г. тогдашним Генеральным секретарем ООН Бутросом Гали был подготовлен доклад, носивший знаковое название "Повестка дня для мира". Его можно рассматривать как исходный документ, во многом определивший направления развития миротворческой деятельности ООН в последующие десятилетия. В докладе Генерального секретаря были определены перспективные и взаимосвязанные формы реализации главной задачи ООН — обеспечения международного мира и безопасности в новых условиях, включавшие превентивную дипломатию, миротворчество, поддержание мира, в том числе с опорой на силовые средства, и миростроительство.

История последних десятилетий показывает, что, при всем разнообразии особенностей международного участия в разрешении конкретных конфликтных ситуаций, в этой сфере можно выделить, по крайней мере, две тенденции. Первая касается конфликтов регионального значения. Здесь миротворческие операции по

---

⁶⁰ НГ-политика. 19.10.2010.

преимуществу осуществлялись на основе ранее сложившихся принципов организации операций по поддержанию мира, важнейшим из которых было согласие всех конфликтующих сторон с условиями мандата ООН. Ответственность за проведение операций возлагалась при этом на региональные структуры безопасности, которые отвечали за выделение воинских контингентов, обеспечивали меры по предотвращению насилия и общую логистику операций, предоставление гуманитарной помощи населению и т. п. Участие ООН обозначалось лишь присутствием военных наблюдателей, которые сотрудничали с воинскими подразделениями региональных организаций (в Либерии, Сьерра-Леоне, Мозамбике, Грузии, Таджикистане и др.).

Перевод урегулирования подобных конфликтов на региональные рельсы носил компромиссный характер. Он отвечал интересам региональных держав, стремившихся сохранить контроль над развитием ситуаций, непосредственно угрожающих их безопасности, без нежелательного вмешательства внешних сил. Объединенные Нации при этом сохраняли статус всеобщей международной организации, осуществляя подчас лишь формальный "присмотр" за действиями региональных структур в сфере безопасности. В то же время Соединенные Штаты получали дополнительные возможности "не отвлекаться на мелочи" и концентрировать усилия на приоритетных для них направлениях.

Другая тенденция проявилась при принятии СБ ООН резолюций, санкционирующих применение военной силы под контролем и ответственностью государств(а), инициирующих вооруженные действия в одностороннем порядке, без согласия противной стороны. Нетрудно догадаться, что речь в данном случае идет прежде всего о Соединенных Штатах. Как правило, в таких случаях СБ ООН предоставлял карт-бланш для "принятия всех необходимых мер", включая вооруженные, в целях урегулирования конфликта.

Подобные решения были приняты СБ ООН впервые в 1991 г. после вторжения Ирака в Кувейт, затем при неудавшейся попытке "гуманитарной интервенции" в Сомали (1992 г.), в отношении Руанды и Гаити (1994 г.), Албании (1997), Восточного Тимора (1999 г.), Афганистана (2001 г.) и, наконец, Ливии (2011 г.). Исключением явилась вторая иракская война, начатая США и Великобританией без санкции Совета Безопасности. Развитие событий, однако, вынудило США обратиться к ООН с просьбой направить в Ирак миссию для оценки политической ситуации в стране. В июле 2004 г. СБ ООН принял резолюцию 1546, утверждающую прерогативы ООН как ведущего участника процесса урегулирования иракского "казуса". Таким образом, главный орган ООН в конечном итоге легализовал возможность пренебрежения уставной оговоркой о внутренней компетенции государства.

В целом отмеченные тенденции явились следствием неопределенности в расстановке политических сил в мире после распада СССР. Обрушение прежних политических ориентиров ослабило роль ООН в обеспечении международной безопасности на коллективной основе в соответствии с принципами Устава.

Потребности реагирования на внутренние конфликты, квалифицируемые СБ ООН как угрозы безопасности, сопровождались изменениями в политико-правовой мотивации международного участия в их урегулировании. Одно из самых приоритетных мест в иерархии общепризнанных угроз миру и безопасности заняли нарушения прав человека. Защита прав человека стала весомым международно-правовым оправданием ограничения суверенных прав государства в его отношениях с обществом, законным основанием для признания необходимости прямого международного невоенного или силового вмешательства во внутренние дела.

Глобализация проблем защиты прав человека сделала ее "обоюдоострым" орудием давления⁶¹.

Следует, однако, учитывать, что безусловная гуманитарная значимость защиты права человека не мешала ранее и не мешает сейчас использовать в реальной политике правозащитные проблемы в качестве мощного идеологического и политического оружия. Поэтому конкретные резолюции СБ ООН чаще всего представляют собой компромисс, определяющий пропорции смешения гуманистических идей и интересов тех или иных правящих режимов, нередко противоречащих высоким идеалам защиты прав человека. Недавними примерами с этой точки зрения стали события в Ливии и Сирии. Решения ООН, с одной стороны, являются прямым результатом соотношения политических сил (причем, без вкрапления каких-либо элементов "наднациональности"), с другой — свидетельством дефицита безопасности в мире.

В последнее время произошло также существенное обогащение технологий невоенного международного вмешательства во внутренние конфликты. Это и разнообразные формы миростроительства, направленные в числе прочего на развитие "демократизированных систем государственного управления", а также социализация участников вооруженных формирований, содействие вовлечению различных социальных слоев в процесс государственного строительства и предпринимательства, обучение кадров для укрепления сил безопасности, поддержка проектов продвижения принципов гендерного равенства и многое другое⁶². После того, как в 1989 г. ООН впервые оказала полноценную поддержку в организации выборов в Намибии, этот опыт был успешно использован в 15 странах Африки, Азии, Европы.

Постепенно, хотя и медленно, вырабатываются новые международно-правовые подходы к угрозам, связанным с социально-экономическими и экологическими последствиями глобализации. Меры ООН в этой области направлены на поддержку соответствующих межгосударственных объединений, не входящих в систему ООН (например, Глобального форума по миграции и развитию), на оказание содействия неправительственным организациям, действующим в сфере защиты прав человека, миграции, охраны окружающей среды, борьбы с торговлей людьми, наркоманией и т. д. Осуществляет ООН помощь в развитии сотрудничества НПО с государственными и межгосударственными структурами обеспечения безопасности.

На инновации в применении военной силы значительное влияние оказывает "асимметричность" расстановки сил в постбиполярном мире, предоставляющая США преимущественные ресурсные возможности (включая НАТО) для продвижения собственных инициатив в этой сфере. Террористическая угроза и объявление Соединенными Штатами антитеррористической войны, в целом поддержанной мировым сообществом, в конечном итоге привели к "перегрузке" СБ ООН проблемами урегулирования конфликтов. В 1991 г. им было принято пять резолюций, три из которых касались конфликтов, возникших еще в биполярном мире. В последнее время годовая повестка дня СБ ООН включает рассмотрение до 20 проблемных ситуаций, требующих международного вмешательства. В результате растущие потребности в скорейшем урегулировании возникающих международных кризисов в сочетании с реактивностью принимаемых под прессингом американской

---

⁶¹ См. Доклад о ситуации с правами человека в ряде государств мира. МИД РФ, Москва, 2011. Доклад рисует картину нарушений прав человека в США и Канаде, Европе, а также Грузии.

⁶² Степанова Е. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М.: Изд-во "Права человека", 2001; Куклина И. Проблемы международной коалиции в Афганистане. // Север-Юг-Россия. Ежегодник. 2009. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 99-107.

дипломатии решений родили такие международно-правовые прецеденты, как бомбежки Югославии, ситуацию с Косово, расширительное толкование резолюции СБ ООН по операции НАТО в Ливии в 2011 г. и др. Подобные прецеденты "зависают" в правовом поле, не вписываясь в рамки общепринятых международно-правовых обоснований тех или иных решений ООН, касающихся обеспечения безопасности. Как международно-правовая система сможет "переварить" все эти казусы, пока неясно: большинство экспертов, анализируя современную ситуацию, отмечают ее слабую предсказуемость, предлагая самые разные прогностические оценки.

Международное право является весьма инерционной системой. Процесс "общего признания" тех или иных международно-правовых норм во многих случаях растягивается на десятилетия, как и существование коллизий в международном праве, особенно в сфере безопасности. Поэтому международно-правовое регулирование в области поддержания международного мира и безопасности еще долго будет носить "переходный" характер.

Подводя итог сказанному, отметим следующее.

Было бы некорректным рассматривать "иррациональные" реалии формирования новой архитектуры глобального управления обеспечением безопасностью в двоичной системе координат (хорошо-плохо). Современное развитие характеризуется сплетением множества противоречивых тенденций, которые с очевидностью проявляются в специфике поисков наиболее эффективных путей достижения приемлемого баланса интересов в области безопасности. "Равнодействующая" компонента этих поисков выстраивается отнюдь не на основе продвижения к некоей заданной модели мироустройства. Таковой пока нет, как нет и условий для новых Ялтинских соглашений. Изменился характер субъектности международных отношений: участниками строительства системы ее обеспечения становятся, помимо государств (число которых растет), транснациональные и общественные акторы. Это — ТНК, некоммерческие организации, другие объединения на этно-национальной, конфессиональной, идеологической, культурной почве, "частные" армии, различного рода протестные движения и т. д. Транснациональный терроризм, криминал, а также другие нарушители безопасности в известном смысле также оказывают влияние на характер формирования глобальной системы.

Вместе с тем итоги развития последних десятилетий уже демонстрируют некоторые тенденции, которые будут определять перспективы и основные линии напряжения в архитектонике системы обеспечения безопасности. Прежде всего это относится к взаимосвязанным потребностям универсализации принципов глобального управления, с одной стороны, и стремлением к самоидентификации общностей, с другой.

Универсализации, безусловно, требуют отношения человека с природой. Ученые все чаще говорят не о потеплении климата, а о "планетарной дестабилизации". Ни одному государству невозможно в одиночку решить даже кажущиеся локальными проблемы, как, например, скачкообразный рост выделения метана на арктическом мелководье?⁶³ Но разрушение арктической природной среды, как и множество других экологических проблем, имеет планетарное значение, и задача сохранения природной ниши выживания человечества может быть решена лишь на глобальной основе.

Универсализации требует проблема дальнейшего ограничения и прекращения насилия на международном и внутригосударственном уровне. Крупный

---

⁶³ Peace magazine. Toronto, Apr-Jun 2012. Vol. XXVIII. P. 2.

региональный конфликт или расширение масштабов деградации государственности изнутри способны вызвать цепную реакцию глобального обвала и без того хрупкой безопасности. По данным МБРР, в странах, где низка эффективность управления, не обеспечено верховенство закона и не ведется война с коррупцией, на 35-45% возрастает риск гражданской войны и значительно выше риск крайних проявлений уголовного насилия по сравнению с более благополучными странами. Насилие – основное препятствие на пути достижений целей развития тысячелетия, провозглашенных ООН.

Анализ императивов универсализации, связанных с проблемами безопасности, можно продолжить; он ограничен лишь рамками исследования. Очевидно одно: глобальная безопасность не может быть достигнута выстраиванием разделительных стен, вновь входящих в моду после "холодной войны".

Политическая практика сегодня характеризуется противоречивым сосуществованием старой, уже почти разрушенной, и новой, лишь начавшей проявляться, систем обеспечения безопасности. Возрастание роли внутренних факторов развития, связанных с социальной поляризацией и нелегитимностью репродукции власти, как и попытки насильственной универсализации систем государственного управления извне, осложняют и тормозят продвижение к безопасному миру. Напрашивается предположение, что, возможно, туманный период поисков новых парадигм развития, пойдет в направлении формирования обновленного ядра государств, способных взять на себя реальную ответственность за структурную гармонизацию обеспечения безопасности в условиях глобализации. Нет необходимости доказывать, что успех этому процессу отнюдь не гарантирован.

Экологическая дипломатия развивающихся стран

Интересы обеспечения глобальной экологической безопасности требуют на мировом уровне политической консолидации стран. Но их движение в сторону координации своей экологической политики не является прямолинейным. Центростремительная тенденция сочетается с центробежной, которая проявляется тем сильнее, чем больше страны уделяют внимание — в ущерб экологии — своим национальным экономическим интересам, выводя их в число приоритетных на глобальном уровне. Это проявляется и в их экологической дипломатии.

Включение развивающихся стран в мировой политический процесс, связанный с решением глобальных экологических проблем, хотя и совпало с проведением в 1972 г. в Стокгольме первой конференции ООН по проблемам окружающей среды⁶⁴, вплоть до начала 1990-х годов не было особенно заметным, и их участие носило ограниченный и крайне сдержанный характер. Во многом это объяснялось тем, что развивающиеся страны воспринимали себя как маргинальную в политическом плане общность, находящуюся на периферии международной политической системы, которая, по, их мнению, не способна была обеспечить интересы их развития⁶⁵. К тому же охрана окружающей среды не рассматривалась ими как глобальная проблема, входящая в число их приоритетов⁶⁶.

Экологическая идеология развивающихся стран

Гетерогенные по своему составу развивающиеся страны, несмотря на существующие между ними различия в уровне экономического и политического развития, накладывающие отпечаток на их восприятие задач и целей охраны окружающей среды, с самого начала своего участия в экологическом процессе на глобальном уровне предпочли действовать коллективно на основе Группы 77 плюс Китай, выступившей органом артикуляции их интересов⁶⁷. С особой очевидностью это проявилось в процессе подготовки конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Именно тогда были обозначены основные ключевые вопросы, волнующие развивающиеся страны и определяющие их подходы к обеспечению глобальной экологической безопасности. Последняя увязывалась с решением их социальных и экономических задач – преодолением бедности и экономической отсталости.

Позиция развивающихся стран по обеспечению глобальной экологической безопасности формируется под воздействием двух начал – экономических и идеологических. Идеологический императив в их экологической дипломатии отражает скорее традиции колониального прошлого, однако возрождается и усиливается в международных отношениях под воздействием экономического фактора.

---

⁶⁴ Развивающиеся страны приняли участие в этой конференции только после долгих уговоров со стороны развитых стран, поскольку не видели в ней необходимости и даже рассматривали ее проведение как угрозу своим интересам и как попытку развитых стран легализировать и даже усилить существующие неравноправные экономические отношения и технологическую зависимость бедных стран от богатых.

⁶⁵ <http://ibcperu.org/doc/isis/10968.pdf>.

⁶⁶ Najam Al. *Developing Countries and Global Environmental Governance: From Contestation to Participation* // *International Environmental Agreements*. Springer, 2005. P. 306.

⁶⁷ По определению бывшего президента Танзании Джулиуса Ньерере, Группа 77 является "профсоюзом бедных".

Главная проблема всех развивающихся стран, с которой они сталкиваются при проведении экологической политики, состоит в разрешении противоречия между интересами экономического роста и потребностями защиты окружающей среды. Разумеется, это противоречие имеет место и в развитых индустриальных странах, однако в развивающихся странах оно усиливается их исходной экономической отсталостью. И если на национальном уровне произошли определенные сдвиги в их экологической деятельности, то на международном уровне экологические процессы преимущественно трактуются ими через призму экономических интересов, обеспечить которые и призвана их экологическая дипломатия.

Экологические дебаты на глобальном уровне во многом отражают противоречия, существующие между развитыми и развивающимися странами в экономической сфере, и многие глобальные экологические проблемы рассматриваются в контексте противостояния стран Юга и Севера. Любое действие со стороны развитых индустриальных стран, предпринимаемое ими в экологической сфере, оценивается развивающимися странами преимущественно с точки зрения интересов их собственной национальной безопасности. Они усматривают в экологической политике развитых стран стремление создать новый мировой порядок, отвечающий в первую очередь их интересам. Страны Юга опасаются того, что страны Севера воспользуются предложением обеспечения глобальной экологической безопасности для усиления давления на них, в результате чего Юг попадет еще в большую экономическую зависимость от Севера. Экологический лейтмотив, по мнению развивающихся стран, становится новым идеологическим обоснованием и средством закабаления "слабых" "сильными".

Сохраняющаяся подозрительность стран Юга в отношении экологического поведения стран Севера проявляется в риторике выступлений их лидеров, обвиняющих развитые страны в "экологическом империализме", "экологическом колониализме" и в поддержке экологического неравенства. Как заявил в 2007 г. президент Уганды Йовери Мусевени, "проблема климата является актом агрессии развитых стран против развивающихся".

В странах развивающегося мира полагают, что мировое сообщество, заинтересованное в достижении общей цели – глобальной экологической безопасности – должно учитывать различия, существующие между странами в их организационном, техническом, финансовом обеспечении. Долгом и обязанностью развитых индустриальных стран, которые несут основную ответственность за разрастание глобального экологического кризиса, является, по мнению развивающихся стран, оказание им экономического содействия в осуществлении экологической политики. При этом проблема помощи (или иначе перераспределения ресурсов) не ограничивается лишь экологическими рамками, а предполагает более широкое содействие странам Юга в сфере их экономического развития.

Свое участие в глобальных экологических проектах они связывают с созданием благоприятных внешнеэкономических условий для их развития. Поэтому в дискуссиях по проблемам климатических изменений, борьбы с обезлесением и сохранения биоразнообразия поднимаются вопросы, относящиеся к торговле, инвестициям, технологическому обмену, официальной помощи развитию, снижению внешней задолженности и т.д. Объединенная платформа развивающихся стран в экологических переговорах с развитыми включает следующие требования:

- проблема охраны окружающей среды, связанная с проблемой развития, не должна осуществляться в ущерб праву на развитие;
- официальная помощь развитию не должна переключаться с проблем развития на охрану окружающей среды, и последняя должна поддерживаться дополнительными финансовыми вливаниями со стороны развитых стран;

- учитывая существующий технологический разрыв между странами Юга и Севера, последние должны оказывать технологическую помощь развивающимся странам;

- развивающимся странам должны быть предоставлены более длительные сроки адаптации к новым экологическим правилам.⁶⁸

Развивающиеся страны попадают в достаточно щекотливое положение. С одной стороны, им без помощи Севера не обойтись, с другой — их не устраивает существующая форма международных экономических взаимоотношений. И в качестве первостепенных неотложных мер по выходу из глобального экологического кризиса они выдвигают тезис о пересмотре существующей системы международного экономического порядка.

Глобальный экологический дискурс существенно изменился за последние 40 лет с включением в него проблем, стоящих перед развивающимися странами. Принятие на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. концептуальной основы обеспечения глобальной экологической безопасности в рамках устойчивого развития во многом стало результатом целенаправленных и скоординированных действий развивающихся стран и ответом на их требование рассматривать охрану окружающей среды не как самостоятельный предмет, а как составную часть проблем развития.

Выступая как сплоченная общность, развивающиеся страны смогли усилить свои позиции в переговорном процессе и проявить себя как реальная политическая сила, с мнением которой вынуждены считаться страны Севера. В резолюции 44/228 Саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 г. отмечается: поддержание экономического роста в развивающихся странах является важным фактором решения проблемы экологической деградации; государства обладают суверенным правом эксплуатировать свои природные ресурсы, а развитые страны, являясь главными загрязнителями окружающей среды, несут основную ответственность за ее сохранение⁶⁹.

Тем не менее, инкорпорирование темы охраны окружающей среды в проблематику устойчивого развития не сняло противоречий между странами Севера и Юга, по-прежнему разделяемых разными подходами к ее реализации при приоритетной установке стран Юга на вопросах развития, а стран Севера — на экологических. Это находит отражение при обсуждении всех глобальных экологических проблем с разной долей восприимчивости развитых стран к запросам развивающихся.

Позиция развивающихся стран по глобальным экологическим проблемам

На начальной стадии обсуждения проблемы сохранения озонового слоя Земли развивающиеся страны занимали пассивную позицию. Но осознав ее связь со своими экономическими и, прежде всего, торговыми интересами, они присоединились к Венской конвенции о защите озонового слоя (1985 г.) и Монреальскому протоколу о веществах, разрушающих озоновый слой (1987 г.). Что же касается развитых стран, то они, будучи заинтересованными в привлечении развивающихся стран к решению этой проблемы, приняли на себя обязательства по оказанию финансовой и технической помощи странам Юга и согласились на

---

⁶⁸ См.: Williams M. The Third World and Global Environmental Negotiations Institutions and Ideas. //Global Environmental Politics. Vol. 5, N. 3, August 2005. P. 56.

⁶⁹ Najam A. Op. cit. P. 312.

продление срока выполнения ими требований по прекращению производства озоноразрушающих веществ.

В отличие от переговоров по сохранению озонового слоя, обсуждение проблемы перемещения опасных отходов было во многом мотивировано озабоченностью развивающихся стран распространением нелегальных перевозок опасных грузов из стран Севера в страны Юга. Это предопределило и позицию развивающихся стран, акцентировавших необходимость введения запрета на торговлю опасными веществами, что нашло отражение в поправках к Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, принятых в 1995 г. (но не введенных до сих пор в действие).

Международные переговоры по сохранению биоразнообразия носят затяжной характер, и многие вопросы остаются предметом политического торга между развитыми и развивающимися странами.

Если развитые страны считают биоразнообразие общим человеческим достоянием, то развивающиеся страны требуют сохранения за ними суверенитета в распоряжении своим генетическим богатством, отвергая саму возможность установления мирового контроля в этой сфере. В Конвенции о биоразнообразии развивающимся странам удалось не только закрепить за собой суверенное право собственности на свои биоресурсы, но и отстоять положение договора, предполагающее их участие в получении доступа к тем практическим выгодам, которые извлекают развитые страны от использования их генетического фонда.

И хотя Конвенция о биоразнообразии была одобрена в 1992 г., однако механизм ее осуществления остается до сих пор неразработанным⁷⁰, поскольку не разрешены основные противоречия между развитыми и развивающимися странами, касающиеся предоставления последним технологий и дополнительного финансирования.

Дело в том, что проблема сохранения биоразнообразия на планете тесно увязана с проблемой развития биотехнологий и получением развивающимися странами доступа к информации и новым технологиям в сфере утилизации и переработки естественного природного богатства в обмен на использование развитыми странами их генетического материала.

На конференции по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г. группа, состоящая из 17-ти стран развивающегося мира, наиболее богатых биологическим ресурсами (Like Minded Megadiverse Countries — LMMC), призвала к установлению в рамках Конвенции о сохранении биоразнообразия "международного режима", который должен "поддерживать и укреплять систему справедливого и честного распределения благ, извлеченных из использования генетических ресурсов".

Развивающиеся страны, где находится большая часть неизученных генетических ресурсов, хотят, чтобы западные компании делились с ними прибылью, полученной с продажи лекарств и других медикаментов, разработанных на основе растений и других живых организмов, находящихся на территории развивающихся стран. А на встрече участников Конвенции в Нагое в 2010 г. было даже выдвинуто требование внести в протокол положение об участии развивающихся стран в той прибыли, которую получил со времен Великих географических открытий Запад от вывоза многочисленных видов растений и животных. По заявлению Гурдиала Сингха Ниджара, представителя делегации Малайзии, выступившего от имени Группы стран АТР, богатых природными ресурсами, "без подписания протокола о распределении прибыли, никакого согласия с развитыми странами достигнуто не будет"⁷¹.

⁷⁰ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://styleismylife637561>. Дата обращения: 27.10.2010.

⁷¹ [Электронный ресурс] Режим доступа: www.globalissues.org/news/2010/10/19/7309. Дата обращения: 19.10.2010.

Однако достижение согласия по решению этого вопроса сдерживается по простой причине — действует закон рыночной экономики, согласно которому компании строго придерживаются прав интеллектуальной собственности на разработанные ими биотехнологии.

При всей важности и актуальности решения вышеуказанных глобальных экологических проблем, основное внимание мировой общественности в последние пятнадцать лет приковано к проблеме предотвращения климатических изменений, переговоры по которой отражают наличие глубоких и пока еще не разрешенных противоречий между развитыми и развивающимися странами.

В дискуссиях, предшествующих заключению Рамочной конвенции об изменении климата (1992 г.) развивающиеся страны идентифицировали себя как группа с четко сформулированными интересами, которые они и сегодня продолжают отстаивать, руководствуясь принципом общей, но дифференцированной ответственности. Это предполагает освобождение их от обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, учитывая то обстоятельство, что они значительно уступают развитым странам в своих финансовых и технических возможностях по осуществлению мер по борьбе с климатическими изменениями, которые могут привести к снижению темпов экономического роста развивающихся стран⁷². Их экологическая дипломатия опирается на принцип равенства, означающий предоставление им права свободно развиваться, не обременяя себя никакими политическими и экономическими обязательствами.

Считая, что экологическая взаимозависимость носит ассиметричный характер, они выступают против попыток развитых стран возложить на них бремя затрат, полагая недопустимым принесение их экономических интересов в жертву здоровью планеты, поскольку глобальное потепление является прежде всего результатом деятельности развитых индустриальных стран.

Как заявил министр охраны окружающей среды Индии Джайрам Рамеш, "Индия не может и не собирается принимать на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов, поскольку снижение остроты бедности, социальное и экономическое развитие являются главными приоритетами страны"⁷³.

Соответственно, международный механизм Конвенции об изменении климата должен признавать неравенство возможностей и условий развития развитых и развивающихся стран и защищать экономические интересы последних⁷⁴. А это предполагает получение помощи в осуществлении действий по борьбе с изменением климата и адаптации к нему. При этом финансовая поддержка экологических действий развивающихся стран должна осуществляться вне зависимости от официальной помощи развитию, а их участие в глобальном экологическом проекте должно быть обусловлено передачей им зеленых технологий.

Наиболее ясно эта позиция была озвучена развивающимися странами при обсуждении Киотского протокола в 1997 г., когда был поднят вопрос об их участии в мерах по предотвращению климатических изменений. В первую очередь речь шла о привлечении к этой деятельности Китая, на чем настаивали США.

---

⁷² Mejía D. A. The Evolution of the Climate Change Regime: Beyond a North-South Divide? // Institut Català Internacional per la Pau Barcelona, October 2010. P 20.

⁷³ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.worldwatch.org/node/6278>.

⁷⁴ Разрыв в уровне производства выбросов парниковых газов на душу населения между развитыми и развивающимися странами остается большим: по сравнению с США, Индия производит в 20 раз меньше выбросов, а Китай уступает в 2.5 Великобритании и Германии. // Routledge Handbook of Climate Change and Society. Ed. by Constance Lever-Tracy. 2010. P. 45.

Руководство КНР расценило эту позицию США как попытку остановить экономический рост страны с помощью экологических ограничений, и заявило, что "тогда, когда население США стремится к еще большей роскоши, китайцы пытаются удовлетворить только свои базовые потребности"⁷⁵.

То, что Китай действительно представляет реальную угрозу для глобальной климатической безопасности, не вызывает ни у кого сомнения. Китай ответственен за 58% прироста производства выбросов двуокси углерода в мире в период с 2000 по 2006 гг.⁷⁶ и занимает первое место в мире по этому показателю, превзойдя США. И очевидно, что объем выбросов будет расти, учитывая такие факторы, как увеличение численности населения, темпы развития экономики, использование угля в качестве основного энергоносителя, структура экономики и низкий уровень ее технического обеспечения, чему сопутствует высокая энергоемкость производства.

Однако по потреблению энергии и выбросам углекислого газа в расчете на душу населения Китай заметно отстает от развитых стран, что свидетельствует о его сохраняющейся социально-экономической отсталости, преодоление которой является приоритетной для страны проблемой. Последняя и становится предметом торга с развитыми странами в экологических переговорах на глобальном уровне, которые еще раз продемонстрировали наличие острых экономических разногласий между Севером и Югом⁷⁷.

Действуя от лица всего сообщества развивающихся стран, что повышало его влияние в переговорном процессе, Китаю удалось отстоять свободное, не стесненное никакими экологическими обязательствами, экономическое развитие, подтвержденное в Конвенции об изменении климата.

Но выиграв первый раунд переговоров с развитыми странами в Рио-де-Жанейро в 1992 г. при заключении Рамочной конвенции по предотвращению изменения климата, освобождающей его от обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, Китай в дальнейшем столкнулся с угрозой пересмотра ранее достигнутых договоренностей в процессе обсуждения Киотского протокола в 1997-2002 годах.

Опасаясь возможного вмешательства в свои внутренние дела и использования против него экономических санкций за невыполнение обязательств, Китай первоначально негативно отреагировал на предложенные развитыми странами формы международного сотрудничества по предотвращению климатических изменений, такие как торговля правами на загрязнение, проекты совместного выполнения и Механизм чистого развития. И хотя вопрос шел о получении доступа к инвестициям и современным технологиям, Китай, однако, так же как и Индия, вначале расценил эти действия как уловку со стороны развитых стран навязать им соглашения с перспективой связать их экологическими обязательствами с крайне негативными экономическими последствиями.

Шансы Китая на успешное разрешение экологических споров с развитыми странами повысились с выходом США из Киотского протокола в 2001 г. Именно США настаивали на принятии Китаем обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, считая, что в противном случае, учитывая долю Китая в их производстве в мире, экономические затраты развитого мира по разрешению проблемы окажутся неоправданными. Еще во время обсуждения Киотского протокола представитель

---

⁷⁵ The Far Eastern Economic Review. Hong Kong. December, 18. 1997. P. 17.

⁷⁶ [Электронный ресурс] Режим доступа: www.canadianinternationalcouncil.org.

⁷⁷ Согласно позиции развивающихся стран, предполагающий расчет производства парниковых газов на душу населения, страны, чье душевое потребление природного топлива значительно ниже среднемирового уровня, получают возможность развиваться и выбрасывать в атмосферу газы.

США предупредил Китай о том, что "проблема глобального потепления станет центральной в американо-китайских отношениях на многие годы вперед"⁷⁸.

Заручившись поддержкой Европейских стран и Японии, заинтересованных в реализации Киотского протокола, добившись от них подтверждения ранее принятых договоренностей и оценив все экономические и экологические преимущества международного сотрудничества в рамках реализации Механизма чистого развития, открывающему Китаю доступ к современным технологиям, инвестициям, информации и зарубежному опыту (и не опасаясь быть втянутыми в систему сдерживающих обязательств), китайское руководство в 2002 г. ратифицирует Киотский протокол⁷⁹.

Надежда на то, что встреча на высшем уровне в Копенгагене в 2009 г. даст импульс международному сотрудничеству в сфере борьбы с изменением климата, оказалась напрасной: противоречия между развитыми и развивающимися странами обострились на фоне происходящего увеличения доли последних в производстве парниковых газов.

Проблема заключается в том, что развитые страны, взявшие на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов в рамках Киотского протокола связывают свою готовность к принятию новых обязательств после 2012 г (когда завершается срок действия Киотского протокола), только с присоединением к этому процессу основных эмиттеров парниковых газов – США и крупных развивающихся стран. Они выступают за заключение нового юридически закрепляющего эти обязательства соглашения, что вызывает протест со стороны развивающихся стран.

Уже в ходе подготовки к конференции в Копенгагене стало очевидно, что согласовать действия стран по значительному снижению выбросов парниковых газов и преодолеть возникшие разногласия между ними по этому вопросу, вряд ли, удастся. Поэтому не исключалось, что её итогом может стать выработка политического соглашения. Однако возможность его принятия оставалась туманной до последнего дня, пока не состоялась встреча президента США с руководством Китая, Индии, Бразилии и Южно-Африканской республики, в ходе которой и был выработан новый документ, не обладающей, однако, силой юридически обязывающего соглашения, а носящий скорее рекомендательный характер.

Встреча в Копенгагене продемонстрировала наличие противоречий не только между развитыми и развивающимися странами, но и возникшую внутри последних фракционность, обусловленную конфликтом их интересов, связанным с разным уровнем развития стран, доступом к энергетическим ресурсам и степенью их уязвимости к климатическим изменениям.

На политической арене появились новые центры силы в переговорном процессе – группа BASIC (Бразилия, Южная Африка, Индия и Китай). Она выступила за продление Киотского протокола и категорически отвергла все попытки развитых стран заключить новое соглашение, которое могло бы предусматривать ограничения на выбросы, произведенные этими странами, учитывая исходящую от них экологическую опасность⁸⁰.

---

⁷⁸ The Far Eastern Economic Review. December 18, 1997. P. 20.

⁷⁹ Из окончательного текста Протокола было изъято даже положение о добровольных обязательствах развивающихся стран. Наоборот, чтобы стимулировать их участие в решении глобальных проблем и способствовать экологически ориентированному развитию, был создан механизм передачи технологий, а также фонд поддержки их экологических инициатив.

⁸⁰ К 2010 г. доля Китая в мировом производстве парниковых газов возросла до 24% (6 т. CO₂ на душу населения), Индии – на 7% (2 т на душу населения), Бразилии – 4% (9 т. в душевом измерении) и Южной Африки – 1.5% (12 т. на душу населения). // Mejía D. A. Op. cit. P. 32.

Однако образование самостоятельного блока BASIC было воспринято в политических кругах развивающихся стран неоднозначно: возникли опасения по поводу того, не приведет ли это к ослаблению переговорных полномочий Группы 77. Отвечая на эти сомнения, министр по охране окружающей среды Индии Д. Рамеш заявил: "Группа BASIC встроена в структуру Группы 77 плюс Китай, поэтому раскола нет. Являясь крупными странами, мы вынуждены координировать свои действия не только для оказания содействия бедным и уязвимым странам, входящим в Группу 77 плюс Китай, но также и для того, чтобы предпринимать собственные действия"⁸¹.

В отличие от ведущих развивающихся стран, страны Юга, входящие в коалицию малых островных государств (Ассоциация малых островных государств), поддерживают заключение нового соглашения, предусматривающего обязательства как для США, так и для стран группы BASIC. Они считают, что, например, Индия должна отказаться от "части своего права на развитие" в интересах гарантии выживания небольших островных государств⁸².

В то же время нефтедобывающие страны, входящие в ОПЕК, активно выступив против ограничений на выбросы двуокиси углерода и введения углеводородного налога, лоббировали получение доступа к финансовым ресурсам в качестве меры компенсации за сокращение потребления ископаемого топлива в мире с негативными для их экономики последствиями.

Большинство развивающихся стран, включая Китай, настаивали на продлении и доработке Киотского протокола. Их позиция такова: если нет гарантии того, что к январю 2013 г. вступит в действие новое соглашение, то нет смысла отказываться от того, что уже есть сейчас, а именно от Киотского протокола.

Несмотря, однако, на расплывчатый характер политического соглашения, принятого на саммите в Копенгагене, некоторые развивающиеся страны отказались к нему присоединиться, заявив, что документ был "нечестным" образом разработан за закрытыми дверями во время форума, что является нарушением демократических норм ООН, и он не направлен на борьбу с глобальным потеплением⁸³.

Посткиотский переговорный процесс сопровождался изменением геополитической системы при значительном повышении влияния ведущих развивающихся стран на процесс принятия решений по глобальным экологическим проблемам⁸⁴. Несмотря на оказываемое на Китай и Индию политическое воздействие как со стороны развитых индустриальных стран, так и бедных развивающихся стран, они решительно опровергают саму возможность принятия на себя до 2020 г. юридически закрепленных обязательств по абсолютному сокращению выбросов парниковых газов, ссылаясь на переходный период своего экономического развития. Как отметил индийский министр по вопросам окружающей среды Д. Рамеш, "страна, конечно, несёт ответственность, но не по отношению к миру, а по отношению к себе"⁸⁵.

Это проявляется в том, что Китай и Индия выразили готовность уменьшить выбросы двуокиси углерода в соотношении к производству ВНП, что в долгосрочной перспективе приведет лишь к их увеличению в абсолютном выражении (в отличие от

---

⁸¹ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.worldwatch.org/node/6370>.

⁸² Third World Network, № 230, October 2009. Pp. 30-36.

⁸³ Только 8 стран (Боливия, Куба, Острова Кука, Эквадор, Кувейт, Науру, Тувалу и Венесуэла), на которые приходится 2% мирового производства парниковых газов, официально отказались присоединиться к соглашению.

⁸⁴ Mejía D. A. Op. cit. P 37.

⁸⁵ La Tribune. 03.12.2009.

развитых стран, предлагающих сокращение объема выбросов в абсолютном измерении)⁸⁶.

Например, в планы Китая входит снижение потребления природного топлива на единицу ВВП на 45% к 2020 г. по сравнению с 2005. Индия намерена сократить интенсивность выбросов углекислого газа на 20% к 2020 г. по сравнению с 2005 г.⁸⁷ И как заявил премьер-министр Индии Манмохан Сингх, это будет сделано даже в том случае, если не удастся заключить соглашение⁸⁸.

На чем настаивают развивающиеся страны в переговорном процессе с развитыми, так это на достижении баланса между интересами развития и потребностями охраны окружающей среды. Неправительственная организация South Center, ссылаясь на выводы доклада Stockholm Environment Institute, отмечает: нежелание развитых стран продлить срок действия Киотского протокола под тем предлогом, что развивающиеся страны не предпринимают со своей стороны никаких действий, вряд ли, обоснованно, поскольку объем сокращения выбросов парниковых газов в развивающихся странах может превысить в три раза показатели Европейского Союза к 2020 г. Объем сокращения выбросов в странах, входящих в группу BASIC, может превысить суммарный показатель 7 крупнейших развитых стран – США, Европы, Японии, Канады, Австралии, Новой Зеландии и России к 2020 г.⁸⁹ С чем согласились участники конференции, так это с тем, что температура воздуха на планете не должна превышать 2 градуса по Цельсию по сравнению с доиндустриальным уровнем до 2020 г., что уже само по себе означает достижение консенсуса по вопросу о необходимости ограничения вредных выбросов в атмосферу.

В принятом документе содержится важный пункт об оказании помощи развивающимся странам в борьбе с изменением климата. Дело в том, что проекты Механизма чистого развития как источника финансирования мер по предотвращению климатических изменений в развивающихся странах⁹⁰ далеко не равномерно распределяются между ними⁹¹, что ставит вопрос о создании дополнительной финансовой системы реализации Конвенции об изменении климата⁹².

На требование развивающихся стран создать независимый климатический фонд в размере ежегодных поступлений в объеме 300 млрд. долл. развитые страны выразили готовность выделить им 30 млрд. долл. к 2012 г., которые должны быть распределены между 150 странами, в первую очередь, между наименее развитыми

---

⁸⁶ Бразилия выразила готовность сократить к 2020 г. выбросы на 36.1-38.9%, Южная Африка – на 34% к 2020 и на 42% к 2025 году.

⁸⁷ La Tribune. 03.12.2009.

⁸⁸ Даже более бедные развивающиеся страны, такие как Мальдивские острова, Коста-Рика и Эфиопия, после проведения встречи на высшем уровне в Копенгагене приняли на себя добровольные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов и превращению к 2020 г. в "углеводородно нейтральные страны"

⁸⁹ South Center Press Release .17 June 2011, № 8.

⁹⁰ На август 2009 г. в рамках Механизма чистого развития было зарегистрировано 174 проекта. //Routledge Handbook of Climate Change and Society. 2010. P. 461. Проекты Механизма чистого развития способствовали в 2010 г притоку инвестиций в объеме 20 млрд. долл. в 81 развивающуюся страну. //United Nations Conference on Trade and Development. The Road to Rio+ 20. For a development – led green economy. New York and Geneva, 2011. P. 8.

⁹¹ 50% всех проектов в рамках Механизма чистого развития осуществляются в Китае, в то время как наименее развитые развивающиеся страны практически лишены доступа к ним.

⁹² Основным механизмом финансирования Рамочной конвенции об изменении климата до сих пор является Глобальный экологический фонд, который ассигновал на реализацию проектов в развивающихся странах по борьбе с климатическими изменениями в течение последних 16 лет примерно 4 млрд. долл.

странами, включая Африку и малые островные государства⁹³. К 2020 г. сумма помощи развивающимся странам должна возрасти до 100 млрд. долл. ежегодно. Правда, США заявили о том, что Китай не получит доступа к этим средствам, что вызвало негативную реакцию КНР.

Для организации финансовых потоков создается Зеленый климатический фонд, решение по которому было принято на конференции в Канкуне в 2010 г. Еще ранее был создан Фонд адаптации к изменению климата⁹⁴, который финансируется за счет 2% отчисления от проектов Механизма чистого развития⁹⁵. Однако в фонде накоплено так мало средств, что проблема участия в нем развитых стран встала очень остро.

Вопрос о соответствии финансового содействия развивающимся странам их потребностям в борьбе с изменением климата остается довольно сложным не только в практической реализации, но и спорным в реальном выражении. По мнению Иво де Боера, генерального секретаря Рамочной конвенции об изменении климата, в долгосрочной перспективе эта сумма должна включать 200 млрд. долл. на технологии по сокращению выбросов и еще 100 млрд. долл. на адаптацию бедных стран к климатическим изменениям.⁹⁶

Еще один крайне чувствительный для развивающихся стран вопрос – передача им зеленых технологий, который неизменно поднимается ими на всех переговорах по обеспечению глобальной экологической безопасности. Как считает заместитель генерального секретаря Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам Ша Зуканг, "глобальная климатическая политика будет успешной, или она провалится в зависимости от того, получат ли незамедлительно бедные страны доступ к чистым технологиям и технологиям для адаптации"⁹⁷. В исследовании ОЭСР за 2008 г. отмечается, что в течение периода с 1985 г. по 2004 г. 80% трансферов технологиями по борьбе с климатическими изменениями приходилось на развитые страны, а остальные 20% – на Китай и Индию⁹⁸.

Хотя развитые индустриальные страны на словах всячески поддерживают международное сотрудничество в сфере передачи технологий, в реальности под предлогом защиты прав интеллектуальной собственности они тормозят этот процесс, выступают против использования технологии, которыми владеют частные компании без уплаты им роялти. Развивающиеся же страны, в свою очередь, поддерживают идею преференции и некоммерческих условий передачи им технологий.

На конференции, состоявшейся в октябре 2009 г. в Дели под эгидой индийского правительства и Департамента экономических и социальных проблем ООН, развивающиеся страны потребовали от развитых смягчения правил в сфере интеллектуальной собственности, что позволило бы им получить более дешевый и

⁹³ Из них около 3.6 млрд. долл. поступят из бюджета США, 11 млрд. даст Япония и 10.6 млрд.– Евросоюз [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://versii.com/news/195362/>.

⁹⁴ Проблема адаптации к климатическим изменениям была поднята развивающимися странами еще в 2001 г. По данным ООН, к 2030 г. развивающимся странам потребуется 28-67 млрд. долл. для адаптации к изменениям климата. Хотя цифра и высока, но сопоставима с 0.06–0.21% прогнозируемого глобального ВВП в 2030 г. (Балийский план действий: ключевые вопросы переговоров по климату. Сводная информация для лиц, определяющих решения. ЮНЕП, 2008. С. 13.). Что касается национальных расходов, то они значительны: для Африки стоимость адаптации к изменениям климата оценивается в пределах 5-10% ВВП.

⁹⁵ Общий объем средств, находящихся в распоряжении Фонда адаптации в 2009-2012 гг. составил 0.5 млрд. долл. // Climate Change Negotiations and their Implications for International Development Cooperation. Lars Engberg-Pedersen DIIS Report. 2011. P. 25.

⁹⁶ <http://www.scidev.net/en/features/climate-change-s-tech-transfer-challenge.html>.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Ibid.

не связанный никакими условиями доступ к запатентованной технологии. Вопрос ставился так: либо им предоставят привилегии в приобретении технологий, либо позволят более свободно их использовать. Как заявил на конференции премьер-министр Индии М. Сингх, технологии, используемые для решения проблемы изменения климата, должны считаться мировым общественным товаром⁹⁹.

Согласуясь с требованиями развивающихся стран, в рамках Рамочной конвенции об изменении климата принято решение об учреждении Механизма чистых технологий для содействия развивающимся странам в осуществлении действий по развитию технологий и их передачи. Однако крайне сомнительно, что в ходе переговоров по климату удастся принять юридически связывающие обязательства по передаче технологий, поскольку правами интеллектуальной собственности владеют частные компании. И разрешение этого крайне сложного вопроса выходит за рамки экологических переговоров и становится предметом обсуждения на раундах ВТО.

Ставя вопрос о передаче зеленых технологий, развивающиеся страны в то же время испытывают недостаток в технологических навыках и квалифицированном персонале для адаптации и использования этих технологий, и что, особенно важно, они до сих пор не определили свои реальные технологические нужды¹⁰⁰. Пока только 23 развивающиеся страны представили на рассмотрение Рамочной конвенции об изменении климата свои планы оценки их технологических потребностей.

Экологическая дипломатия в контексте зеленого развития

Импульсом для активизации экологической дипломатии развивающихся стран послужила подготовка к проведению саммита ООН по устойчивому развитию (Рио+20) в июне 2012 г. Их позиция по обеспечению глобальной экологической безопасности, которая вписана в общий контекст устойчивого развития, мало изменилась за последние двадцать лет, свидетельством чему служит принятый Группой 77 плюс Китай меморандум, в котором акцентируется внимание на следующих вопросах:

- выполнение всех обязательств по официальной помощи развитию, включая обязательства развитых стран по выделению 0.7% валового национального дохода на оказание официальной помощи развитию к 2015 г. и по выделению 0.15%-0.20% валового национального дохода на оказание содействия наименее развитым странам;
- неотложное принятие международным сообществом эффективных, справедливых, долгосрочных и способствующих развитию решений по снижению долговой задолженности развивающихся стран путем ее списания и льготного финансирования;
- решение вопроса с передачей технологий, в связи с чем внимание международного сообщества и системы ООН должно быть сконцентрировано на вопросе расширения пространства для использования технологий, находящихся в общественной собственности; это предполагает реализацию Балийского стратегического плана о технологической поддержке, а развивающиеся страны должны получить возможность развивать собственную технологию при содействии со стороны международного сообщества;
- необходимость создания универсальной, действующей на базе правил, открытой, недискриминационной и равноправной многосторонней торговой системы;

⁹⁹ Third World Network No. 230, October 2009. P. 28-29.

¹⁰⁰ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.scidev.net/en/features/climate-change-s-tech-transfer-challenge.htm> T. V. Padma. Дата обращения: 5 November 2009.

- выполнение обязательств по увеличению в два раза помощи Африке к 2010 г.¹⁰¹

Выдвижение этих требований развивающимися странами отражает сохраняющуюся их преимущественную ориентацию на решение проблем развития в контексте обеспечения глобальной экологической безопасности при условии получения поддержки со стороны развитых стран. Неэффективность действий последних вызывает недовольство развивающихся стран существующими формами экономических взаимоотношений в мире и усиливает их подозрительность в отношении предлагаемых средств реализации устойчивого развития¹⁰². Это наглядно проявилось в ходе развернувшихся дебатов по концепции зеленой экономики, которая была включена в повестку дня конференции Рио+20. Создание мировой зеленой экономики рассматривается как средство обеспечения устойчивого развития и решения проблемы климатических изменений¹⁰³.

Развивающиеся страны, поддержавшие в целом выдвинутую развитыми странами идею зеленого развития, тем не менее не скрывают своей озабоченности по поводу ее конкретной реализации, рассматривая ее через призму своих экономических интересов. Они опасаются того, что концепция зеленой экономики заменяет концепцию устойчивого развития, а поэтому остаются вопросы относительно решения их социальных задач, как например проблемы бедности и занятости.

Оценивая позитивные аспекты развития зеленой экономики, развивающиеся страны в то же время обращают внимание на существующие для них риски. Во-первых, концепция "зеленой экономики" трактуется преимущественно в экологическом плане. Развивающиеся страны опасаются того, что забота развитых стран об охране окружающей среды (изменение климата, потеря биоразнообразия, обезлесение и т.п.) отодвинет на второй план их интересы развития (либерализация, проблемы внешней задолженности, бедности и увеличение международной помощи).

Во-вторых, наметившийся подход к реализации этой концепции игнорирует особенности развития стран мира, закрепленные в положении Конференции по проблемам развития и окружающей среды в Рио-де-Жанейро в 1992 г. о принципах общей, но дифференцированной ответственности¹⁰⁴. По мнению представителей ассоциации научных работников Азии, в отличие от развитых стран, развивающиеся страны по-прежнему находятся на материало-ресурсоемкой стадии своего индустриального развития, которую невозможно перескочить в короткое время¹⁰⁵.

---

¹⁰¹ Statement on behalf of the Group of 77 and China by Eliana Saissac, second secretary, mission of Argentina to the United Nations, at the interactive discussion of the second preparatory committee meeting of the UN conference on sustainable development (New York, 7 March 2011. P. 2).

¹⁰² Несмотря на то, что на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. развитые страны пообещали выделять ежегодно развивающимся странам 100 млрд. долл. на устойчивое развитие и 15 млрд. долл. на решение глобальных экологических проблем, к концу 90-х годов финансирование глобальных экологических проектов составило всего 3 млрд. долл. в год (20% от обещанной суммы) и 7 млрд. долл. – на осуществление местных экологических проектов. //Cambridge Review of International Affairs.. Vol. 21, №. 4, December 2008.

¹⁰³ United Nations Conference on Trade and Development. The Road to Rio+20. For a development – led green economy. New York and Geneva, 2011.

¹⁰⁴ The Africa Regional Preparatory Conference for the United Nations Conference on Sustainable Development (Rio+20) Addis Ababa, Ethiopia 20-25 October 2011. United Nations African Development Bank African Union Economic and Social Council Economic Commission for Africa. P. 6.

¹⁰⁵ Bär H., Jacob K., Werland S. Working Paper Project No. 243826. Green Economy Discourses in the Run-Up to Rio 2012. Freie Universität Berlin. Environmental Policy Research Centre. January.2011.

Таким образом, развивающиеся страны должны будут столкнуться с большими проблемами в переходе к экологически ориентированной модели развития.

В-третьих, развивающиеся страны испытывают беспокойство по поводу того, что создание зеленой экономики может быть использовано развитыми странами для оправдания торгового протекционизма, закрепления неравенства между богатыми и бедными странами, торможения развития последних¹⁰⁶.

В-четвертых, предоставление развивающимся странам помощи, облегчение их долговой задолженности может быть обусловлено "зеленой экономикой"¹⁰⁷.

Способны ли развивающиеся страны самостоятельно перейти на новый уровень своего экономического развития, требующий более совершенной технологической базы и немалых финансовых влияний в экономику без помощи развитых стран? По оценкам ЮНЕП, создание "зеленой экономики" потребует инвестиций (государственных и частных) в размере 1.05 –2.59 трлн. долл. в год, что соответствует примерно от 1.6% до 4% мирового ВВП на 2011 г.¹⁰⁸

Именно поэтому неоспоримым выглядит требование развивающихся стран об оказании им международной помощи, что, однако, должно сочетаться и поддерживаться проводимой ими на национальном уровне политикой по интеграции экологических соображений в стратегию и тактику экономического развития. Благоприятствовать этому может процесс глобализации, усиливающий экологическую составляющую конкурентоспособности.

Именно поэтому наиболее успешными в продвижении к "зеленой экономике" могут оказаться прежде всего динамично развивающиеся страны бывшего Третьего мира, интегрированные в глобальную экономику – Китай, Индия, Бразилия, которые, однако, в решении этой проблемы вынуждены также рассчитывать на помощь развитых стран, поскольку слишком высоки их экологические и социальные затраты экономического развития. Это и сближает их позицию по обеспечению глобальной экологической безопасности с Группой 77, выступающей за создание нового международного экономического порядка, основанного на принципах равенства, взаимной зависимости, суверенитета, общих интересов, сотрудничества и солидарности между странами¹⁰⁹, что в реальности означает для них перераспределение ресурсов (финансовых и технических) из Севера на Юг и создание благоприятных внешних условий их развития. В то же время выделения этих стран в самостоятельную переговорную группу означает то, что они в своей экологической дипломатии преследуют прежде всего собственные интересы развития, которые могут не совпадать с интересами наименее развитых развивающихся стран, что и демонстрируют переговоры по климату.

В настоящий момент роль развивающихся стран в глобальном политическом процессе, направленном на решение проблем развития и охраны окружающей среды заметно возросла, что находит отражение в их экологической дипломатии, которая, больше связана с обеспечением их политической и главным образом экономической безопасности, нежели экологической. В то же время в современных условиях, когда возрастает роль экологического фактора в мировой политике и экономике, они вынуждены реагировать на экологические вызовы и участвовать в глобальных экологических проектах.

¹⁰⁶ <http://www.civilsocietyvoice.org/2011/05/green-economy-and-developing-countries.html>.

¹⁰⁷ Third World Network, 25 January 2011.

¹⁰⁸ The Transition to a Green Economy: Benefits, Challenges and Risks from a Sustainable Development Perspective. Report by a Panel of Experts to Second Preparatory Committee Meeting for United Nations Conference on Sustainable Development. Prepared under the direction of: Division for Sustainable Development, UN-DESA United Nations Environment Programme UN Conference on Trade and Development . P. 27.

¹⁰⁹ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.twinside.org.sg/title2/sdc2012/sdc2012.120201.htm>.

При этом наиболее успешными в проведении своей экологической дипломатии являются ведущие развивающиеся страны, к требованиям которых развитые страны вынуждены прислушиваться — как по соображениям своей экологической безопасности и учету нарастания рисков исходящей от них экологической угрозы, так и в связи с собственными экономическими интересами. Сотрудничество с ведущими развивающимися странами в экологической сфере стимулирует их экономический рост, что обеспечивает приток инвестиций и современных технологий в эти регионы развивающегося мира, создавая, тем самым, благоприятные условия для реализации их программ устойчивого развития.

Сама природа глобального экологического кризиса делает невозможным преодоление его только лишь силами и ресурсами развитых стран, которые вынуждены принимать во внимание потребности и интересы развивающихся стран. Последние, в свою очередь, используют такую заинтересованность для извлечения для себя максимальных экономических выгод.

Готовность развивающихся стран идти на открытый диалог с развитыми странами по проблеме обеспечения глобальной экологической безопасности зависит во многом от восприятия ими экологии как фактора экономического роста. Но в настоящий момент большинство развивающихся стран находится на той стадии развития, когда экологические потребности не осознаются как приоритетные для защиты интересов личной, групповой и национальной безопасности, что проявляется в проводимой ими экологической дипломатии, отражающей преимущественно их экономические интересы, свойственные незавершенной индустриализации. И их активность в экологической сфере напрямую зависит от оказания им содействия со стороны развитого мира. Затягивание последнего с решением насущных для развивающихся стран проблем развития осложняет международное сотрудничество в экологической сфере и создает повод для сохранения противоречий между странами Севера и Юга.

Проблема бедности в политике государств Южной Азии

На протяжении истории цивилизации бедность как антипод богатства стала постоянной частью всех обществ. Эта форма существования подавляющего большинства населения воспринималась как естественная черта миропорядка. Относительно редкие стихийные выступления низов с требованиями передела земли и иного богатства, в том числе с религиозной окраской, жестоко подавлялись властью, не изменяя сложившегося разделения общества на богатых и бедных.

Основой большинства утопий, сопровождающих человечество на трудном пути его развития, были идеи справедливого, а по сути – уравнительного, распределения всего между всеми. Попытки их реализации разного рода коммунами Средневековья, фаланстерами Шарля Фурье, Этьена Кабэ, даже просуществовавшей несколько лет общиной Роберта Оуэна (все равны, все трудятся, результаты общего труда делятся поровну) завершились крахом. Наличие в обществе слоев населения, чей образ жизни сводится к физиологическому выживанию или лишь немногим его превышает, демонстрирует прежде всего резкую диспропорцию в распределении национального дохода.

Бедность, как массовое явление – потенциально постоянная угроза существующему строю, чреватая спонтанными взрывами низов в разрушительных формах. Во все века и при всех условиях бедняки платят самую высокую цену за общественные катаклизмы – восстания, государственные перевороты, революции, войны. С гуманитарной точки зрения бедность воспринималась многими мыслителями и политическими деятелями резко отрицательно. Так, Махатма Ганди считал бедность худшим видом насилия. Парадоксально, но П. А. Столыпин, человек совсем иного склада, почти буквально высказал ту же мысль в письме к Л.Н. Толстому в 1907 г.: "...бедность, по мне, худшее рабство". О беспощадности нищеты писал и Зигмунд Фрейд

Поиски критерия бедности

Осознание обществом бедности как экономической и социальной проблемы по времени совпадает с промышленным переворотом в Англии, формированием классической политэкономии.

Обгоняющий рост народонаселения ("Человечество размножается с безответственностью трески") по сравнению с производством продовольствия – самая известная позиция Т. Мальтуса, даже в те времена казалась ему самому слишком суровой. Первое издание его знаменитого впоследствии труда вышло анонимно в 1798 г. Несмотря на священнический сан, он выступал за контроль рождаемости для бедных, неспособных прокормить своих детей. Чтобы принудить их к ограничению, Т. Мальтус отрицал всякие формы поддержки, исходя из принципа, что они сами виноваты в своей бедности. В его время количественного определения, кого считать бедняком не было. А. Смит упомянул, что в Англии человек, не носивший обуви, считался бедняком, а в Шотландии и Франции это было нормой для большинства населения. Логично, что на проблему бедности рабочих обратили внимание классики марксизма (крестьянство, потенциально нереволюционное, как они считали, их мало интересовало). Низким уровнем жизни английских рабочих ("Положение рабочего класса в Англии" Ф. Энгельса и другие работы) они обосновывали необходимость классовой борьбы как единственного метода улучшения их позиций.

Устойчивость и массовость бедности в европейских странах породили потребность в научном определении её конкретных показателей. Прусский статистик Эрнст Энгель в середине XIX века вывел закономерность – чем беднее семья, тем выше доля расходов на продукты питания в её бюджете. Это означало низкий уровень потребления бедных семей с точки зрения количества и качества продуктов, ту самую борьбу за существование, термин, который впервые использовал ещё Т. Мальтус. Количественный показатель бедности рассчитал английский экономист Бенджамен Раунтри на примере небольшого городка Йорк в 1901 г. Проведя опрос домохозяйств, он выделил группу с самыми низкими доходами. Семья из 6 человек тратила на питание 15 шиллингов в неделю, "социально приемлемый уровень", по его мнению. (К сожалению, содержание такой "продовольственной корзины" не приведено). Оплата жилья и топлива увеличивала общую сумму семейных расходов до 26 шиллингов, минимум скудного питания и убогое существование¹¹⁰. Такие семьи составляли 10% всех семей городка. В современных терминах Раунтри рассчитал децильный коэффициент, показатель экономического неравенства и конкретный уровень дохода самой бедной страты населения Йорка. По оценкам российского историка Б. Н. Миронова, в этот период децильный коэффициент имущественной дифференциации в Великобритании достигал 40, что неудивительно на фоне расцвета колониальной империи и обогащения правящих кругов¹¹¹.

В середине XX в. в условиях резкого изменения в расстановке сил на мировой арене, появления большой группы стран Азии и Африки, ставших политически полноправными акторами в системе международных отношений, феномен бедности обрел особую актуальность. Это реализовалось в теоретических исследованиях нового направления, Development Studies, ставившего целью изучение проблем развития в современных условиях. Поиск в его рамках методов преодоления социально-экономической отсталости большинства молодых государств закономерно выдвинул в дискуссиях на одно из первых мест такое типичное для них явление как массовая бедность.

Её масштабы, разнообразие форм, негативное влияние на внутреннее положение не были осознаны на ранних этапах самостоятельного политического существования этой группы стран. Лишь постепенно в ходе теоретических разработок и практических исследований стали очевидны многозначность феномена бедности, своеобразие его связи с демографическими сдвигами и одновременно характером распределения доходов на национальном уровне.

Основным методом решения проблемы массовой бедности признавался экономический рост. При всей относительности подсчетов бедноты, особенно за длительный временной период, сокращение её доли в общей численности населения проявляется в новое время как устойчивая тенденция. Доля беднейшего населения в мире сократилась с 83-85% в 1820 г. до 65-66% в 1910 г., 54-56% в 1950 г. и 19-21% в 2000 г.¹¹² Но в абсолютных выражении численность бедного населения росла, особенно со второй половины XX века на основе высокой рождаемости и снижения смертности в развивающихся странах.

Проблема бедности была осознана в середине XX века как мировая (популярность термина "глобализация" ещё не настала), затрагивающая, хотя и в разной степени, все страны. Бедность, угрожающая мировому сообществу в целом, была новым содержательным её пониманием. Одним из значимых результатов стали международные программы помощи развивающимся странам. Важная роль в

---

¹¹⁰ Frontiers of Development Economics. New-York, 2001. P. 186.

¹¹¹ Миронов Б.Н. По классическому сценарию: Русская революция 1917 года в условиях экономического роста и повышения жизненного уровня. // Экономическая политика. 2012. № 2. С. 90.

¹¹² Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М.: ИД "Ключ-С", 2009. С.158.

их реализации принадлежала ООН и другим организациям этой системы. В её рамках был принят количественный показатель размеров помощи, 0.7% ВВП развитых стран, достигнутый за истекшие полстолетия только группой государств Северной Европы¹¹³. Что касается развитых стран-доноров, то здесь действовал также инстинкт самосохранения – в условиях взаимосвязанного мира эпидемии, голод, беженцы, локальные конфликты опасны для всего мирового сообщества.

В 50-60-е годы прошлого века бедность в молодых государствах рассматривалась и измерялась прежде всего технико-экономическими показателями. Основным параметром считался доход на душу населения, количественные сопоставления которого с его аналогом в передовых странах Запада демонстрировали глубокий разрыв между этими группами государств. В условиях блокового мира второй половины XX века это стало удобной основой углубления идеологического и политического противостояния.

Южная Азия – регион бедноты

Регион, традиционно объединяемый понятием Южная Азия, включает следующие основные страны, качественно различные по формам государственного строя: Народная Республика Бангладеш, Республика Индия, Демократическая Социалистическая республика Шри-Ланка (являющаяся реликтом увлечения идеями социализма), Непал, ставший с декабря 2007 г. Федеративной Демократической Республикой после длительного периода королевского правления, Исламская республика Пакистан. Весьма значимы различия в ВВП на душу населения по ППС (в долл., 2010 г.): Бангладеш – 1486, Бутан – 5690, Индия – 3586, Непал – 1194, Пакистан – 2677, Шри-Ланка – 5141¹¹⁴. Его масштабы в регионе – одни из самых низких среди всех развивающихся стран.

У государств Южной Азии во многом общее историческое прошлое: Индия, созданные на её территории в результате распада колониальной системы Пакистан и Бангладеш, а также Шри-Ланка, входили до середины XX в. в состав Британской империи, что оказало неоднозначное по своим последствиям влияние на их современное положение. В начале независимого политического развития страны региона предприняли попытки индустриализации имитационного типа, хотя возможности её реализации для них качественно различны. Не были учтены особенности их постколониальной экономики. Только Индия осуществила этот процесс, создав дифференцированную промышленную структуру с отраслями группы А.

Для стран Южной Азии типична высокая рождаемость и массовая бедность. Бангладеш, Индия и Пакистан в 2010 г., по данным ООН, входили в 10 самых многонаселенных стран мира¹¹⁵. Они включены в перечень государств по индексу глобального голода на основе трех параметров – недоедание, нехватка веса, смертность детей до пяти лет. За 1990-2010 гг. они добились улучшения, соответственно, на 32, 24 и 23 позиции по стобальной шкале, но остаются в числе стран с низкими указанными показателями¹¹⁶. По оценкам, на долю региона приходится 49-50% всей бедноты в мире, что оказывает сильное негативное давление на внутреннюю политику государства.

Поскольку в Южной Азии преобладают молодые возрастные группы (например, в Бангладеш 70% людей – до 35 лет), то высокая рождаемость сохранит в перспективе свое влияние на социально-экономические процессы, как минимум,

¹¹³ Causes of Poverty – Global Issues. Oxford. 2010. P. 8.

¹¹⁴ Год планеты. Экономика, политика, безопасность. Ежегодник. Выпуск 2011. С. 472, 473.

¹¹⁵ The Economist. London. 14.05.2010. P. 66.

¹¹⁶ Там же. 16.10.2010. P. 105.

двух поколений. Молодая трудоспособная рабочая сила означает возможность получения странами так называемого "демографического дивиденда". Но его реализация наступает только при условии соответствующей общей и профессиональной подготовки этих слоев населения и увеличения производительной занятости. Однако на современном этапе все страны Южной Азии испытывают давление массовой безработицы во всех её формах – городской, сельской, хронической, открытой, скрытой и т.д., исчисляемой многомиллионными показателями.

Постоянная нехватка рабочих мест (занятости), устойчивое превышение предложения на рынке труда над спросом стали основными причинами массовой бедности. Такая ситуация приводит к торможению технизации отставших экономик, поскольку выгоднее использовать избыточный дешевый труд, чем осваивать импортное трудосберегающее оборудование. В условиях мирового кризиса в развитых странах активизируется противоположный процесс – экономия на живом труде (Jobless Recovery), что закрепляет расхождения в характере производства двух основных групп стран в мировом хозяйстве. В 2007 г. (до начала мирового финансового кризиса) число бедных в Южной Азии при расчете на базе дохода один доллар в день (по ППС) составляло 350.3 млн. человек, в том числе в Индии 266.5 млн. При базовом доходе 1.25 долл. в день соответствующие показатели увеличивались до 595.5 млн. и 455.8 млн. человек¹¹⁷. Многие исследователи считают, что реально их число выше, а количественные характеристики нищеты, согласно современным взглядам, не исчерпывают всей глубины проблемы массовой бедности.

Преодоление бедности в документах ООН и исследовательских проектах под её эгидой виделось как производное от повышения темпов роста, своего рода линейная зависимость – экономический рост автоматически приведет к сокращению бедности. Но практика показала, что даже если части развивающихся стран удавалось добиться некоторого повышения темпов экономического роста, это не всегда приводило к снижению числа бедняков. В известной степени такой результат был связан с тем, что 60–70-е годы XX в. в странах Южной Азии произошел демографический взрыв. Ежегодный прирост населения в таких многонаселенных странах как Индия и Пакистан достигал 2-2.5% за счет высокой рождаемости и снижения смертности. Эта особая фаза демографического перехода обозначила быстрый рост численности населения в странах Южной Азии. Соответственно, увеличивалось давление на ограниченные земельные ресурсы, поскольку основная часть населения проживала в сельских районах. В. Г. Растянный пишет применительно к Индии о демографическом "молоте"¹¹⁸. В ряде работ фигурировало определение сложившегося положения как демографической бомбы, угрожающей развитым экономикам со стареющим населением и снижающейся рождаемостью.

Следствием перенаселенности аграрного сектора, увеличения хронической незанятости в условиях ограниченности земельных ресурсов стала урбанизация, перемещение в первую очередь беднейшего населения в города. Хотя по доле городского населения в его общей численности, примерно 30-35%, страны Южной Азии заметно отстают от развитых экономик, быстро растут города-миллионники и особенно крупнейшие города региона (млн. человек): Мумбай – 19, Дели – 16, Колката – 14.8, Дакка – 13.5¹¹⁹. Демографический взрыв влечет за собой резкое увеличение городского населения.

---

¹¹⁷ Там же. 30.08.2008. P. 66.

¹¹⁸ Растянный В. Г. Ахиллесова пята демографического роста. Опыт Индии. // Что догоняет догоняющее развитие. М., 2011. С. 106.

¹¹⁹ The Economist. L., 8.11.2008. P. 65.

Города притягивают возможностью найти какую-нибудь работу. Молодое сельское население видит в миграции шанс освободиться от контроля семьи, общины, обрести самостоятельность. Потоки мигрантов состоят главным образом из мужчин работоспособного возраста с начатками школьного образования. Из аграрного сектора уходит наиболее динамичная часть населения с целью прежде всего поиска работы, невзирая на все препятствия, связанные с переселением на новые места, в чужую среду. Однако отсутствие или низкое качество профессиональной подготовки подавляющего большинства мигрантов приводит к их маргинализации. "Низкооплачиваемая случайная работа – это всё, что доступно четырем пятым городских рабочих"¹²⁰. Но всё же заработки в городах выше, чем в сельской периферии примерно на 30-40%, хотя и остаются чрезвычайно низкими. Например, в Шри-Ланке потребление домохозяйства в городе в среднем вдвое превышает этот сельский показатель. Постепенно увеличивается доля женщин, мигрирующих в города в поисках работы по найму, прежде всего в сфере услуг. В среднем ежегодный прирост городского населения в странах Южной Азии за счет притока мигрантов из деревень колеблется в пределах 2.5-3%, но это лишь примерные оценки, поскольку их территориальные перемещения очень динамичны.

В городах в отличие от сельских районов безработица обретает открытый характер, частично превращаясь в массовое нищенство. Быстро оформились трущобные районы, в которых обитают вчерашние крестьяне, ремесленники, выживающие на новом месте в привычной бедности (так называемые *city villagers*). Трущобный характер урбанизации (*Slum Urbanisation*) в странах Южной Азии объективно во многом воспроизводит в городах подобие привычного сельского образа жизни мигрантов – то, что обозначается как приверженность, зависимость от прошлого жизненного опыта (*Path Dependency*)¹²¹. Такой тип существования отчасти рождает стремление мигрантов расселяться в городах по принципу землячества, попытки обособиться от городских правил и требований нового места жительства. Сохраняется сильное влияние традиций, обычаев, так называемых "коротких" социальных связей (семейных, родственных, клановых) по сравнению с "длинными" (партийными, профсоюзными, общественными, принятыми в развитых экономиках). В городах учащаются вспышки насилия против мигрантов из-за возрастающей конкуренции на рынке труда, прежде всего неквалифицированного.

При всех противоречиях урбанизация в странах Южной Азии – это основная форма повышения мобильности населения, способствующая изменениям на рынке труда, его ускоренной структуризации, в том числе за счет возрастающего предложения женского труда в Бангладеш, Индии и на Шри-Ланке. Ещё одним важным аспектом урбанизации, влияние которого сказывается на процессах в мировом хозяйстве, стало повышение спроса на товары первой необходимости, особенно продовольственные. Мигрант в городе, не нашедший работу, лишен всяких средств существования, потеряна поддержка семьи, общины. То, что удается заработать, расходуется, главным образом, на повседневное весьма ограниченное потребление. Эти ничтожные суммы, но реализуемые миллионами людей, превращают их в массовый спрос.

Взлет мировых цен на продовольствие, начавшийся в конце 2007 года (предшествующие несколько лет были годами экономического подъема), составил в 2011 г. на пшеницу – 79%, на маис и арахисовое масло – 80%, на пальмовое масло – 45%¹²², что явилось самым высоким подорожанием с 1970-х годов. Это не только и, видимо, не столько результат улучшения структуры потребляемого продовольствия,

¹²⁰ Там же. 24.03.2012. Р. 26.

¹²¹ Россия в глобализирующемся мире. М.: Наука, 2009. С. 159.

¹²² The Economist. 04.07.2011. Р. 106.

сдвига в сторону молочной и мясной продукции, хотя он безусловно имеет место, сколько количественный рост спроса самых бедных слоев населения. Пол Кругман, оценивая современную экономическую ситуацию в мире, отметил, что в развивающихся странах сложился "гораздо более явно выраженный спрос..."¹²³. Фактор внутреннего спроса возрастает как двигатель развития во всех странах Южной Азии, хотя по содержанию существенно различается.

Перемещение из сельских районов в города становится для многих первым шагом к зарубежной эмиграции. Для стран Южной Азии такое решение облегчается знанием английского языка, хотя его уровень неодинаков – от относительно свободного владения выходцами из крупных городов Индии и Шри-Ланки до весьма скромного у граждан других стран региона. Но есть в проблеме эмиграции общая черта – правительства всех стран Южной Азии не препятствовали выезду своих граждан за рубеж. Эта политика оправдала себя. Южная Азия в 1990-2005 гг. занимала третье место по величине денежных переводов от эмигрантов среди всех развивающихся регионов (34.7 млрд. долл.)¹²⁴. В 2010 г. одна лишь Индия получила 55 млрд. долл. от зарубежной диаспоры. Эти средства в основном расходуются на текущее потребление, но часть инвестируется в малый бизнес, расширяя тем самым массовый внутренний спрос.

Многообразие бедности

При разработке программ снижения бедности на национальном и мировом уровнях, в первую очередь в рамках ООН, стала очевидной необходимость четкого смыслового определения людей, которые попадают в эту категорию. Ответ на этот вопрос оказался весьма затруднительным.

Современную трактовку бедности предложил индийский исследователь, лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 г. Амартья Сен, обосновав так называемый депривационный подход, суть которого в том, чтобы "переориентировать анализ нищеты с низкого дохода на недостаточность основных возможностей". По его мнению, "нищету надо рассматривать как нехватку (лишение, отсутствие) основных свобод"¹²⁵. Позиция Сена была реализована в комплексном исследовании и вошла в основу доклада ПРООН за 2010 год "Реальное богатство народов: пути к развитию человека". Это было дальнейшее развитие идеи о необходимости всестороннего изучения социальных аспектов бедности – доступность/недоступность для населения образования, медицинских услуг, культурной инфраструктуры. От их уровня зависит качество жизни, гуманизация общества, возможности перехода от роста к развитию. Депривация означает не только низкий доход, но и ограничение общественных контактов индивида, резко снижает вертикальную мобильность, закрывая социальные лифты. В обществе усиливается противостояние и конфликтность.

В предложенном А. Сеном и разработанном в Оксфорде по заказу ПРООН в 2010 г. новом многомерном индексе бедности, МИБ (Multidimensional Poverty Index, MPI) выявлялись, наряду с уже принятыми критериями (доход на душу населения по ППС, средняя продолжительность жизни, индекс образования), комбинации лишений, которые испытывает семья. В центре внимания нового индекса не индивид, а домохозяйство. В ходе обширного исследования (104 страны) фиксировались 10 показателей, в том числе наличие в жилище канализации, электричества, доступность чистой питьевой воды, качество питания, посещение

¹²³ См. Коммерсантъ. 09.09.2011.

¹²⁴ The European Journal of Development Research. September, 2008. Vol. 20. P. 500.

¹²⁵ Sen A. Inequality Reexamined. New Delhi, 1999. P. 151.

детьми школы и т.п. Бедным считается домохозяйство, лишенное 30% суммы всех показателей.

По результатам применения МИБ общее число бедняков в мире составило 1.7 млрд. человек по сравнению с 1.4 млрд., если исходить из базового дохода 1.25 долл. в день. Региональное распределение бедности осталось тем же - 51% мировой бедноты приходится на Южную Азию. Очень высокий уровень МИБ отмечен в шести штатах Индии, где бедны 93% населения из общего числа 421 млн. человек¹²⁶. Для Пакистана на основе МИБ также повышен уровень бедности до 51% населения по сравнению с 39% по индексу развития человека. Некоторое снижение показателей бедности отмечено в Бангладеш за счет улучшения доступности образования для девочек.

Изменение критериев бедности можно считать закономерным процессом в условиях динамичных сдвигов как в мировом хозяйстве, так и в странах Южной Азии. Экономический кризис последних лет увеличил численность бедноты, оборвав тенденцию её сокращения в предшествующие годы подъема.

В ходе многочисленных обследований стала очевидной неоднородность бедности. Бедность и нищета не взаимозаменяемые понятия, они относятся к разным группам населения. На практике такое разделение прослеживается далеко не всегда, что существенно искажает картину массовой бедности в целом. При оценках этого традиционного для стран Южной Азии феномена, одновременно экономического, социального, отчасти религиозного, необходимо учитывать масштабы такой сложной категории как неформальный (неорганизованный, подпольный, параллельный, вторичный) сектор, неотъемлемой части экономики стран Южной Азии. (Речь идет о легальных производстве и услугах, не проходящих государственную регистрацию, а не о преступном "черном" бизнесе). Хозяйственная активность агентов этой ниши не отражена в государственной статистике, получаемые ими доходы не учитываются, налогами не облагаются. Доля неформального сектора в ВВП стран Южной Азии составляла в 2001 г. (в процентах): Бангладеш – 35.6, Индия – 23.1, Непал – 38.4, Пакистан – 36.8, Шри-Ланка – 44.6. Показатели этой группы превышают их средний уровень в большинстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона и составляют 26%¹²⁷.

Неформальный сектор представляет устоявшиеся хозяйственные отношения, включающие все стадии от производства до потребления, выгодные (в разной степени) всем участникам. Он не противостоит рыночным отношениям, воспроизводит их, всемерно избегая государственного вмешательства. На долю неформального сектора в странах Южной Азии приходится значительная часть занятости из-за постоянной нехватки рабочих мест в официально регистрируемой экономике. В этом секторе преобладают микропредприятия (один-два занятых), если их вообще можно отнести к предприятиям, и самозанятость, особенно в традиционных услугах.

Данные о величине неформальной занятости в странах Южной Азии носят приблизительный характер. Как показывает пример Дхарави, крупнейшего в Южной Азии кластера неформальных малых и мельчайших предприятий, расположенного вблизи Мумбая, его основную рабочую силу (свыше 100 тыс. человек) составляют выходцы из деревень, готовые на любую работу за ничтожную оплату. Их состав, размер заработков никак не учитываются. Ни о какой охране труда, часах работы, перерывах, оплачиваемых отпусках и других правилах МОТ нет и речи, хотя правительства стран региона их подписали. Занятость в неформальной нише в

¹²⁶ OPHI. Multidimensional Poverty Index. S. Alkire and M. E. Santos. July 2010. P. 4, 5. (www.ophi.org.uk).

¹²⁷ Schneider F. Size and Measurement of the Informal Economy in 110 Countries. // *Around the World*. Canberra. July 2002. P. 8.

основном носит непостоянный, случайный характер, отсутствуют или крайне редки письменно оформленные контракты об условиях работы и оплаты. Индийские экономисты в публикации, точно названной "Аутсайдеры", в которой речь идет о неформальном секторе Индии, считают, что в нем занято 90% рабочей силы страны¹²⁸. Можно предположить, что и в других странах Южной Азии сложилась схожая ситуация.

Оценки роли этого сектора менялись. Известный исследователь развивающихся экономик Хла Минт отметил, что в 50-е годы XX в. экономисты осуждали такую скрытую незанятость, когда люди вынуждены выполнять любую случайную низкооплачиваемую работу из-за отсутствия другой. Несколько десятилетий спустя в условиях численно растущих безработицы и бедности он признал, что эта форма должна рассматриваться как важный традиционный, экономический и социальный элемент поддержки бедноты¹²⁹.

Неформальный сектор представляет внесистемное явление в экономике развивающихся стран Южной Азии. Но в силу хронической нехватки рабочих мест он объективно выполняет положительную функцию. В этой нише миллионы людей находят работу, постоянную и временную, чаще всего неустойчивую, но всегда низкооплачиваемую, что позволяет им выживать, хотя и на грани нищеты. Эту ситуацию четко сформулировал нобелевский лауреат Пол Кругман: "Плохая работа за плохие деньги лучше, чем никакой работы". Амортизирующая роль неформального сектора позволяет прогнозировать его сохранение в длительной перспективе. Вместе с тем это неизбежно консервирует отсталые производства, закрепляет двойственность экономики, её деление на современный и традиционный секторы.

Не менее сложен учет так называемого "невидимого труда", занятости женщин и детей на мельчайших семейных предприятиях и в сельском хозяйстве – работе, не подлежащей учету и неоплачиваемой. Такой тип занятости, как правило, совмещен для женщин с выполнением домашних обязанностей, поэтому при опросах они не считают себя работающими. Что касается трудовой занятости детей, законодательно запрещенной в странах Южной Азии, то она нарушается бедными семьями, особенно в отношении девочек, в силу объективных условий. Нужда вынуждает забирать их из школы для работы по дому. Мальчикам, в первую очередь старшему сыну, стараются дать хотя бы среднее школьное образование как некоторый шанс в его дальнейшей жизни. ЮНИСЕФ приводит цифры, не только подтверждающие занятость детей в возрасте 7-14 лет, но и её значительные масштабы. В первую очередь это занятость в сельском хозяйстве, где средний показатель – 66.1% общего числа детей указанного выше возраста; в промышленности – это 19.9%, услугах – 21.4%.

Начиная с 1970 г., феномен бедности, его количественные параметры и изменения систематически отслеживает Всемирный банк (ВБ). В 1974 г. тогдашний его президент Роберт Макнамара объявил борьбу с бедностью приоритетом в работе ВБ. В большинстве его публикаций неизменно присутствует эта проблема, причем охват стран постоянно растет: 22 страны в 1990 г. и 104 в докладе 2010 г. Некоторые доклады посвящены целиком бедности в развивающихся странах, как, например, доклад 2000/2001 г. "Наступление на бедность". В нем приводились ответы бедняков на вопросы об их жизни и трудностях – "Голоса неимущих". Ответы

---

¹²⁸ Marjit S., Kar S. Outsiders. Economic Reform and Informal Labour in a Developing Economy. Oxford, 2011. P. 1.

¹²⁹ Frontiers of Development Economics. New York, 2001. P. 528.

очень схожи: жалобы на нехватку средств, унижения, постоянный страх перед завтрашним днем¹³⁰.

Межстрановые сопоставления масштабов бедности помогли ввести в научно-практический лексикон международный критерий – черта бедности и её количественное выражение. Порог бедности был установлен в 1.08 доллара в день на человека с учетом цен на местные товары (ППС) и вскоре повышен до 1.15 долл., затем до 1.25, что отражало скорее снижение покупательной способности этой валюты. Верхней чертой бедности был определен доход в 2 долл. в день¹³¹. Эти показатели весьма условны, но они помогают получить хотя бы примерно сопоставимые оценки масштабов бедности по странам. Важно также, что была признана необходимость разделения бедности и нищеты (poor and destitute), но на практике эти понятия смещаются. Их определения как категорий до сих пор не предложено. В первом переведенном на русский язык учебнике "Economics" они были соединены как равнозначные понятия. "Бедность, нищета (Poverty) – состояние, при котором основные потребности индивида или семьи превышают имеющиеся средства для их удовлетворения"¹³². Самый простой показатель бедности используется в ЕС – тот, чей доход ниже половины медианного показателя (половина населения имеет доход выше данной величины, другая ниже), считается бедняком. В странах Южной Азии ввести такой показатель не удается из-за слабости статистических служб.

Феномен бедности в регионе отличается застойностью, вязкостью и одновременно высокой неустойчивостью положения тех, кто ещё не попал в эту категорию, но находится на грани. Обследования показали частоту и скорость (легкость) перехода от относительно сносного, по меркам этой группы стран существования, к бедности и её крайней форме – нищете. По данным исследователей бедности Ш. Чена и М. Равальона, на основе ежедневного дохода один доллар на человека (по ППС), число бедняков в 2005 г. составляло в Южной Азии 350.3 млн. человек, в том числе в Индии – 266.5 млн. При увеличении критерия бедности всего на 25 центов, до 1.25 доллара в день, показатели возрастали, соответственно, до 595.5 млн. и 455.8 млн. человек¹³³. Это свидетельствует об отсутствии резервов, постоянной опасности нищеты. Азиатский банк развития внес в показатели бедности некоторые качественные уточнения, отметив, что бедняки вынуждены покупать уцененные товары, пользоваться одеждой из синтетических, а не из натуральных тканей, совершать свои покупки в некомфортных условиях, на дешевых развалах, в мелкой расфасовке, что повышает цену.

Наиболее четко просматривается деление на городскую и сельскую бедноту, причем вторая из них самая массовая, устойчивая и территориально распространенная, хотя процессы урбанизации медленно, но всё же снижают её масштабы. В сельской бедности существуют разные подгруппы – крестьяне с мелкими наделами земли, едва обеспечивающими пропитание семьи, безземельные арендаторы, сельскохозяйственные рабочие, ремесленники и кустари, обслуживающие нужды местного населения в простейших промышленных товарах. К самым бедным относятся домохозяйства, возглавляемые женщинами, семьи, лишившиеся кормильца, а также состоящие из лиц престарелого возраста. Эта группа обречена на хроническую нищету, выход из которой практически невозможен.

---

¹³⁰ Всемирный Банк. Доклад о мировом развитии 2000/2001 год. Наступление на бедность. М.: "Весь мир", 2001. С. 3.

¹³¹ Там же. С. 19.

¹³² Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс. Т. 2. М.: Изд. Республика, 1993. С. 384.

¹³³ The Economist. 30.08.2008. P. 66.

Для сельских районов типична бедность, переходящая из поколения в поколение из-за долгов ростовщикам, сохраняющих свои позиции основных кредиторов.

В городах складывается застойная беднота окраин, где концентрируется до 70% их населения, перебиваясь нищенством, случайными подработками, мелким воровством. Растет внутренняя миграция. В поисках работы миллионы людей перемещаются по стране, не имея постоянного места жительства, а то и документов, например, в Индии их число достигает 100 млн. человек. Неоднородность бедноты, слабость статистики осложняют разработку программ помощи, для которых нужны не только количественные показатели, но и учет местных условий.

Постоянно образуются новые слои бедняков, лишившихся средств существования из-за потери земли, работы, болезни или смерти трудоспособных членов семьи, неурожая, разорения, типичного для мельчайших кустарных и ремесленных предприятий. В случаях военных, этнических, религиозных конфликтов, частых в странах региона, нищают целые районы. Губительны последствия природных катаклизмов. Пакистан, вторая по размерам территории и численности населения страна Южной Азии, где в руководстве традиционно сильно влияние армии, настолько ослаблен частыми сменами правящей верхушки, терактами, наплывом беженцев, что во время сильнейшего наводнения в середине 2010 г. центральные власти не смогли своевременно оказать помощь миллионам людей, ставших жертвами стихии. Государственные институты в странах региона слабы, не располагают финансовыми ресурсами, (особенно в Бангладеш, Непале), чтобы реально поддержать пострадавших.

В странах Южной Азии оформился многомиллионный слой населения, чей "уровень потребления лишь немногим превышает объем, необходимый для существования". В исследовании ВБ это распространенное явление характеризуется как "субэкономика бедности", во многом воспроизводящая черты полунатурального хозяйства. Такой тип экономики порождает социальное отторжение занятых в ней людей, снижает заинтересованность в образовании¹³⁴. Постоянное недоедание ограничивает их возможности заниматься современным трудом, требующим быстрой адаптации к меняющимся условиям производства, концентрации внимания и физической выносливости.

На помощь беднейшему населению ориентировано микрокредитование, получившее широкую известность в связи с деятельностью Банка Грамин, созданного Мохаммадом Юнусом в Бангладеш в 1983 г. Женщины стали основной целевой группой в политике банка, выдавшего с тех пор микрокредиты на миллионы долларов. Первоначально размеры кредитов банка колебались в пределах 10-50 долл. и выдавались небольшим группам бедняков из 10-12 человек, которым было недоступно банковское кредитование. Их совместное использование помогало самоорганизации, снижая в тоже время зависимость от неформальных финансовых источников – торговых агентов, посредников, ростовщиков с неизменно высокой ставкой процента (до 200 и более годовых). Поскольку все члены группы, как правило, связаны соседством, родством, хорошо знают друг друга, риск неуплаты кредита сведен до минимума опасением "потерять лицо", подвести остальных. Своевременное погашение долга позволяло получить следующий кредит уже в большем размере. Эта форма предоставления заемных средств под коллективную ответственность воспроизводит традиционные системы взаимопомощи в рамках общины, деревни, городских землячеств.

Микрокредитование банка Грамин, лауреата Нобелевской премии мира 2006 г., ориентировано на рост самозанятости, вовлечение живого (физического) труда,

---

¹³⁴ Всемирный Банк. Качество роста. М.: "Весь мир", 2001. С. 240.

особенно в сельских районах. Такой тип кредитования помогает пробудить инициативу бедняков, что сделало его частью попыток сокращения массовой бедности. Практика банка сильна своей конкретной нацеленностью на бедняков, выгодно отличающей его от громоздких бюрократических международных программ помощи. Микрокредитование получило признание далеко за пределами Бангладеш, в других странах Южной Азии. Не идеализируя эту форму, надо признать и её реальную помощь беднякам, и типичный пример "развития снизу". А. И. Медовой и Н. В. Галищева на основе опыта Индии подчеркивают: "Микрокредитование расширяет масштабы рыночного спроса, стимулирует экономический рост"¹³⁵.

Государственная политика преодоления бедности

Обращение к государству в поисках решения наиболее трудных социальных и экономических проблем объективно обусловлено в странах Южной Азии низким уровнем развития и слабыми институтами. Сохраняющиеся традиционные структуры, высокая доля теневой экономики, концентрирующей занятость, предопределяет двойственность политики государства. Как отметил Г. К. Широков, "...в развивающихся странах оно вынуждено постоянно применять меры либерализации и одновременно ограничения рыночного механизма"¹³⁶. В 20-м юбилейном докладе ПРООН с упором на проблему бедности подчеркивается, что "значительную пользу может принести улучшение качества предоставления базовых государственных услуг". Тезис о ведущей роли государства в смягчении проблем бедности повторяется в публикациях международных организаций и в разной трактовке присутствует в исследовательской литературе по этой проблеме. В отставших экономиках государство выступает как основной фактор макроэкономических изменений. Институциональная слабость, присущая странам Южной Азии, повышает роль государства в становлении работоспособных институтов. "Нужна формализация отношений граждан и государства на основе закона, а не обычая, традиций, понятий"¹³⁷. Это напрямую связано с массовой бедностью, во многом выживающей благодаря обычаю, что обуславливает необходимость постепенных мер, а не административного разрушения существующей дуальной социально-экономической структуры.

Экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и продолжающий отрицательно влиять на мировую конъюнктуру в целом, только подтвердил лидирующую роль государства в хозяйственной сфере. В развивающихся странах Южной Азии с относительно слабым (за исключением Индии) национальным бизнесом государство выступает главным актором, преобразователем традиционного сектора. Общими негативами всех стран региона останутся на длительный период ограниченность финансовых ресурсов по сравнению с потребностями и коррупция бюрократического аппарата, резко снижающая эффективность социальных мероприятий. Неизбежно усиливается противоречие между распределительной (административной) ролью государства (а в условиях массовой бедности именно она присуща государству) и ограниченными положительными результатами.

По оценке Всемирного банка, в 1981-2008 гг. в мире произошло некоторое улучшение ситуации с бедностью в связи с повышением темпов экономического роста, особенно в нулевые годы. Оно имело место в самой низшей страте населения с доходом на человека менее 1.25 долл. (по ППС) в день. За тот же период число людей в мире с ежедневным доходом между 1.25 и 2 долл. выросло с

¹³⁵ Медовой А. И., Галищева Н. В. Экономика Индии. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 323.

¹³⁶ Широков Г. К. Парадоксы эволюции капитализма (Запад и Восток). М.: ИВ РАН 1998. С. 202.

¹³⁷ Брагина Е. А. Малые предприятия в экономике развивающихся стран Азии и Африки. М.: ИМЭМО РАН, 2006. С. 64.

645 млн. до 1.16 млрд. человек, прежде всего за счет Китая. Разрыв между указанными выше показателями велик по меркам развивающихся экономик. Рост дохода до двух долларов даже с учетом инфляции – это огромный сдвиг в положении большинства людей в странах Юга. Но и по этим расчетам Южная Азия продолжает лидировать в мировой бедности¹³⁸.

Говорить о государственной политике по преодолению бедности в странах Южной Азии можно с определенными ограничениями. Например, в Пакистане неустойчивость правительства, его частые смены, активность террористических групп не позволяют проводить сколько-нибудь последовательную политику снижения бедности. В Бангладеш, одной из самых бедных стран в мире с высокими темпами рождаемости и плотностью населения, актуальна проблема не просто бедности, но и абсолютного голода, когда миллионы людей остаются без средств существования. Страна подвержена стихийным бедствиям, особенно наводнениям, когда сотни тысяч людей покидают районы катастроф и бродяжничают в поисках пропитания. Правительство в такие годы вводит продовольственные карточки с бесплатным предоставлением продуктов питания, но нехватка средств и коррупция в ходе их распределения делают эту помощь низкоэффективной. Предпринята попытка диверсификации сельского хозяйства за счет введения новых культур, чтобы расширить продовольственную базу страны, в которой 86% населения проживает вне городов. Эта политика призвана пробудить инициативу бедняков, а не консервировать их пассивное ожидание государственной поддержки. Повышение темпов экономического роста в нулевые годы снизило долю населения с доходом ниже 1.25 долл. в день с 50% населения в 2005 до 42% в 2010 году¹³⁹. Однако такой скачок вызывает сомнения в адекватности показателей.

В Непале преобладает сельское население с 24-процентной долей сверхбедных, иными словами, нищих. На фоне институциональной слабости государства, ограниченности финансовых ресурсов принятые правительством программы преодоления бедности в конце 80-х годов XX в. не были реализованы. На смену им пришли новые, включающие в числе прочего предоставление бесплатного питания особо нуждающимся, что свидетельствует о крайней бедности. Эта мера не имеет ничего общего с преодолением бедности и, скорее, закрепляет сложившееся положение. Намечены программы для безработных, "работа за еду", однако создание рабочих мест осложнено финансовой и организационной слабостью правительства¹⁴⁰. Развитие такой трудоемкой отрасли как туризм с учетом привлекательности горных вершин на территории Непала сдерживается глубоким отставанием инфраструктуры. В этой замкнутой стране с ограниченными природными ресурсами массовая бедность на длительный период останется нерешенной проблемой.

Шри-Ланка в результате проводившейся в 70-80-е годы XX века политики превратилась в аграрно-индустриальную страну с относительно развитыми финансовым и туристическим секторами. Предприятия государственного сектора с излишней занятостью, как способа сдерживания безработицы, постоянно убыточны. Высокий уровень грамотности населения (97%) и нехватка рабочих мест стимулировали эмиграцию. Переводы от ланкийской диаспоры стали важным источником пополнения национального бюджета. Хроническая незанятость концентрируется в сельских районах, её масштабы неизвестны из-за слабости учета. В стране сложилась резкая неравномерность в распределении доходов, на долю нижнего квинтиля приходится не более 8% денежных доходов, и, по сути,

¹³⁸ The Economist. 03.03.2012. P. 64, 65.

¹³⁹ The Economist. 26.05.2012. P. 47.

¹⁴⁰ Галищева Н. В. Экономика стран Южной Азии. М.: МГИМО (У) МИД России, 2009. С. 561.

сохраняется натуральное хозяйство. Государство не в состоянии оказать сколько-нибудь заметное влияние на снижение бедности.

Только в Индии можно говорить об относительно последовательной политике помощи бедноте и попытках сокращения её многомиллионных масштабов с использованием государственных механизмов. Эта политика включает в себя ассигнования по пятилетним планам, повышающим экономическую конъюнктуру и тем самым занятость. Например, в 8-м пятилетнем плане с помощью государственных кредитов было создано 700 тысяч микропредприятий. Правящая коалиция, понимая угрозу массовой бедности, попыталась разработать по предложению главы ИНК Сони Ганди закон "О праве на еду", но безрезультатно. Постоянной мерой стала закупка государством зерновых (основной продукт питания) в резерв для последующей продажи наиболее нуждающимся по сниженным ценам через магазины справедливых цен, число которых превысило 320 тысяч. Как всякая государственная распределительная система, она породила множество злоупотреблений.

Наиболее эффективна принятая правительством в 2006 г. программа, по которой один человек из каждой нуждающейся сельской семьи должен быть обеспечен оплачиваемой занятостью в течение 100 дней в году на строительстве и ремонте инфраструктуры в сельских районах. (Отдаленное сходство с программой Нового курса Ф. Д. Рузвельта). На эту программу ежегодно расходуется 8 млрд. долл. и, по официальным данным, 50 млн. домохозяйств улучшили свое положение, 100 млн. индийцев открыли банковские счета для перечисления зарплаты. Вместе с тем дороги и другие объекты быстро разрушаются из-за низкого качества работ, значительная часть средств растворяется во взятках¹⁴¹. При всех недостатках эта система важна своей прямой связью – работа означает реальный заработок. Участие государства в программах поддержки бедноты принесло отдачу. Уровень бедности в Индии с 1951 по 2005 г. сократился с 51 до 26%; ускорение процесса наметилось в 1990-е годы и затормозилось мировым кризисом. Положительная тенденция в сокращении численности бедноты в Индии очевидна.

Опыт стран Южной Азии демонстрирует необходимость участия государства в программах преодоления бедности и одновременно слабость этого института. Но другого актива у стран региона нет.

---

¹⁴¹ The Economist. 05.11.2011. P. 66.

Часть II. Региональный срез политики

Г. И. Мирский

Международные отношения на Ближнем Востоке

Вплоть до распада Советского Союза и окончания "борьбы двух систем" роль Ближнего Востока в мировой политике определить было нетрудно. Это была арена политической битвы между двумя лагерями на международной арене. Проамериканские силы включали в себя в первую очередь Израиль как главную и постоянную опору политики США, а также Саудовскую Аравию и в какой-то мере Египет, отошедший при президенте Садате от прежней просоветской ориентации. В противоположном лагере находились так называемые страны социалистической ориентации – Сирия, Ирак, Алжир, Южный Йемен, а также ООП (Организация освобождения Палестины).

После 1991 г. многое изменилось. Исчез идеологический фактор; ни Вашингтон, ни Москва уже не рассматривали Ближний Восток как свой плацдарм, смысл существования которого состоял в том, чтобы "вклиниться" в территорию, контролируемую соперником, и максимально сократить ее размер в соответствии с принципом "игры с нулевой суммой". Нормализовались восстановленные еще при Горбачеве отношения Москвы с Израилем. Утратила смысл борьба за удержание и укрепление левых квазисоциалистических режимов, из которых к концу 1990-х гг. осталась одна Сирия.

Военная операция "Буря в пустыне", спровоцированная агрессией иракского диктатора Саддама Хусейна против Кувейта, серьезно изменила соотношение сил в регионе. Если до этого события традиционно просоветский Ирак был в то же время объективным союзником США в борьбе против Ирана, превратившегося в результате "исламской революции" 1979 г. в оплот всех радикальных антизападных сил региона, то после изгнания иракского агрессора из Кувейта Вашингтон перешел к политике "двойного сдерживания". И Иран и Ирак считались врагами, в которых рано или поздно надо было сменить режим (ни с Саддамом, ни с тегеранскими аятоллами дело иметь было нельзя), но причин для особой спешки не было. Обе эти страны "зализывали раны" после войн и не представляли непосредственной угрозы для позиций США, которые невероятно укрепились в результате двойного успеха: демонстрации американской военной мощи в ходе операции "Буря в пустыне" и достижения договоренности между Израилем и ООП в 1993 г. (знаменитая встреча "на лужайке" перед Белым Домом, утвердившая соглашения Осло). Последнее десятилетие XX века было периодом беспрецедентного всплеска американского влияния на Ближнем Востоке и на мировой арене в целом. Могущество США достигло апогея: Советского Союза уже не было, Китай только начинал выходить из пропасти деградации, в которую его вверг маоизм, способные противостоять американским интересам силы были ослаблены повсеместно. Ни до, ни после этого позиции США в мировой политике не были столь сильны. Казалось, наступил "Рах Americana".

Но это было лишь иллюзией. Последующее десятилетие ознаменовалось беспрецедентными сериями неудач и разочарований для американской политики. Конкретно на Ближнем Востоке это выразилось в неудаче всех попыток добиться оптимального для США варианта урегулирования израильско-палестинского конфликта, в иракском фиаско, в провале попыток предотвратить усиление Ирана и

сорвать его ядерную программу, и наконец — в неспособности предвидеть ту цепь событий, которая получила название "Арабской весны".

Арабо-израильский конфликт: полный тупик

Между позициями противоборствующих сторон – пропасть.

Проблема № 1 – Иерусалим, святой город трех религий. Для иудеев это – Ерушалаим, в прошлом столица еврейского царства, город царей Давида и Соломона, там находится Стена плача, единственная сохранившаяся часть второго храма, разрушенного римлянами. Другого такого святого места у иудеев нет на земле. А для арабов и вообще мусульман это – Аль-Кудс, или "священный", третий по святости город в мире (после Мекки и Медины). Здесь расположены две святыни ислама – мечеть Аль-Акса ("отдаленнейшая"), которую пророк Мухаммед, согласно преданию, посетил, и мечеть Куббат-ас-Сахра ("Купол скалы"), построенная на скале, с которой пророк был вознесен на небо для встречи с Аллахом. Все эти святыни двух религий находятся буквально рядом друг с другом, на Храмовой Горе. Эта гора – часть Старого Города, и на земном шаре нет куска земли аналогичных размеров (площадь Храмовой Горы всего около 12 гектаров), который бы имел столь колоссальное символическое значение.

Вопреки решению ООН, Иерусалим так и не стал особой международной зоной, а после 1967 г. оказался целиком под властью Израиля. Как сделать один и тот же город столицей двух государств? – над этим вопросом ломают голову уже несколько десятилетий. Ясир Арафат говорил: "Не родился еще арабский лидер, который мог бы отказаться от Аль-Кудса", но и ни один израильский лидер не может отменить решение кнессета о статусе Иерусалима как "единой и неделимой столицы еврейского государства".

Проблема № 2 – еврейские поселения на Западном берегу. Их более 150, в них проживает около 300 тыс. человек, и к этому надо прибавить еще 180 тыс. поселенцев в Восточном, т.е. арабском, Иерусалиме. Само их существование арабы считают оккупацией; недавний опрос показал, что 80% палестинцев Западного берега не желают создания своего государства, если в нем сохранится хотя бы одно еврейское поселение. Но что с ними делать? Некоторые поселения уже представляют собой настоящие большие города, они сомкнулись с Иерусалимом, который ранее был разделен на западный (еврейский) и восточный (арабский). Известный палестинский философ Сари Нусейба говорит: "Вот мы видим Писгат Сеев, громадное израильское поселение, а еще дальше к востоку – поселение Маале Адумим. Собственно говоря, восточного Иерусалима уже больше нет... Разве можно просто взять и удалить, вернуть обратно полмиллиона человек? Нет, это не получится"¹⁴².

Проблема № 3 – границы между двумя государствами. Те израильские руководители, которые согласны в принципе признать необходимость создания палестинского государства и вывод войск с земель, оккупированных в 1967 г., настаивают на "коррекции" границ, на обмене территориями. В состав Израиля при этом включаются три больших блока еврейских поселений на Западном берегу вблизи Иерусалима, а кусок израильской территории, населенный преимущественно арабами, передается палестинцам.

Проблема № 4 – палестинские беженцы. Уже в 1950 г., после первой войны, число арабов, бежавших из той части Палестины, которая вошла в состав Израиля, достигло почти миллиона человек. Их разместили в лагерях и стали содержать за счет ООН. Сейчас число зарегистрированных беженцев составляет примерно 2.5

¹⁴² Der Spiegel. 2012, № 8, S. 98.

миллиона, большинство их живет в лагерях на территории Газы, Иордании, Ливана и Сирии. Согласно резолюции 194 Генеральной Ассамблеи ООН, принятой еще в 1948 году, беженцам должно быть обеспечено "право на возвращение", которое Израиль никогда не признавал.

Таковы главные, принципиальные проблемы, которые до сих пор препятствуют урегулированию конфликта. Впрочем, можно ли сказать, что именно эти проблемы сами по себе не позволяют решить давний спор? Скорее следует говорить о том, что нежелание или неспособность пойти на взаимные уступки для достижения компромисса являются основными причинами постоянных неудач всех попыток найти приемлемое для всех решение.

Многие авторы пишут, что коренной первоначальной ошибкой арабов было то, что они не признали решение Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о создании двух государств в Палестине. В самом деле, если бы раздел Палестины произошел в соответствии с планом ООН, евреи получили бы территорию размером всего в 14 тыс. кв. км., ширина которой (т.е. расстояние между морем и арабским государством) в самом узком месте составляла бы 13 километров, а вся остальная часть Палестины управлялась бы арабами. Но рассуждающие задним числом забывают о реальной политической атмосфере в арабском мире в конце 1940-х годов. Само по себе возникновение еврейского государства в центре арабских земель рассматривалось как абсолютно недопустимое. Если бы в 1948 г. какой-либо арабский президент или король предложил согласиться с возникновением Израиля вместо того, чтобы вести войну во имя его уничтожения, он был бы убит немедленно.

Другое дело – явная и совершенно необязательная ошибка, совершенная арабскими лидерами в том же 1967 г. уже после Шестидневной войны. На саммите глав арабских государств в Хартуме была принята формула — "никаких переговоров с Израилем, никакого мира с Израилем, никакого признания Израиля". Признать Израиль как реальность, как существующее государство, а следовательно как партнера по переговорам было необходимо. Хартум пошел на пользу только израильским "ястребам", руки у которых оказались развязаны для закрепления оккупации и начала строительства еврейских поселений.

Саммит в Кэмп-Дэвиде в 2000 г., встреча израильских и палестинских лидеров при участии президента Клинтона. Считать ли срыв переговоров виной и ошибкой палестинцев — это вопрос спорный. Но вот что однозначно можно квалифицировать как тяжелейшую ошибку палестинской стороны, так это развязывание в том же 2000 г. вооруженной "интифады". Она непоправимо ослабила "лагерь мира" в Израиле, где "голуби" ушли в тень.

Если обратиться к ошибкам другой стороны, то сразу можно отметить, пожалуй, главную из них и поистине роковую: решение о строительстве еврейских поселений на оккупированном Западном берегу. Причем ответственность за это ложится как на израильских правых, так и на левых. Светские и религиозные сионисты соперничали друг с другом в поощрении иммиграции евреев как из СНГ, так и из США, именно на Западный берег, как бы стремясь поставить арабов перед необратимым фактом утверждения на их земле форпостов "еврейского присутствия". Соглашения Осло ничего не изменили, и, наоборот — с момента их заключения в 1993 г. число еврейских поселений утроилось.

Вопиющая близорукость израильского руководства привела к тому, что оно само себе поставило барьер на пути создания палестинского государства, без чего – и это сейчас ясно почти для всех – мира быть не может, конфликт будет тлеть бесконечно. Крупной ошибкой Израиля следует считать и создание на Западном берегу такой системы пропускных пунктов, которые делают жизнь палестинцев

невыносимой. Почти 600 израильских блокпостов и барьеров существуют на этой территории. Люди не могут нормально передвигаться из одного населенного пункта в другой. 60 тысяч палестинцев ежедневно проходят через блокпосты.

Еще одна грубая ошибка израильских властей связана с их поведением по отношению к сектору Газа после того, как там власть в 2007 г. захватил ХАМАС. Было решено проводить политику противопоставления Западного берега Газе. Газу намеревались подвергнуть блокаде в расчете на то, что население, доведенное до отчаяния своим бедственным положением, взбунтуется против ХАМАС. Ничего из этого не получилось. Люди страдали, но проклинали не ХАМАС, а Израиль и Америку. А жители Западного берега, даже если им стало жить лучше, чем прежде, все равно не могут быть безразличны к бедствиям своих братьев в Газе. Никакой благодарности к Израилю они не проявляют, да и авторитет Махмуда Аббаса, главы Палестинской администрации и лидера ФАТХ, отнюдь не вырос, а, скорее наоборот, снизился.

В свою очередь и ХАМАС совершил тяжелейшую ошибку, спровоцировав своими ракетными обстрелами израильских городов ужасающий вооруженный удар со стороны Израиля. (Эти обстрелы продолжаются; так, за 2011 г. по Израилю было выпущено 680 ракет). Как писал американский журналист Томас Фридман, "обстрел Израиля, который проводит ХАМАС из Газы, означает, что Израиль никогда не передаст Западный берег палестинцам без международных гарантий, поскольку с этой территории они могли бы накрыть израильский международный аэропорт одной ракетой"¹⁴³.

Реально противоположные интересы сторон в принципе можно было бы удовлетворить, хотя бы частично, при наличии доброй воли, взаимопонимания и готовности идти на уступки, без которых невозможен компромисс. А иначе, как компромиссным путем, идею "двух государств" воплотить в жизнь нельзя.

Иерусалим, например, разделить трудно, но возможно. Для этого крошечный кусок земли, Храмовую Гору, можно поставить под совместное управление или же устроить дело таким образом, что святые места каждой из сторон окажутся под юрисдикцией соответственно иудеев и мусульман, пусть даже их разделяет всего несколько сот метров. Можно решить и проблему еврейских поселений на Западном берегу: преобладающую часть из них демонтировать (сломить отчаянное сопротивление поселенцев – задача труднейшая, но не непреодолимая), а те, которые примыкают к Иерусалиму и представляют собой уже большие еврейские города, включить в состав Израиля, отдав взамен палестинцам часть нынешней израильской территории. Так будет установлена граница: возвращение, хотя и не в буквальном смысле слова, к границам, существовавшим до июня 1967 г. Эти границы дали бы палестинцам 22% территории "исторической Палестины".

И даже труднейшую из всех — головоломную проблему возвращения палестинских беженцев, нельзя считать абсолютно неразрешимой. Разумеется, ни одно израильское правительство никогда не согласится впустить их на свою землю – ведь учитывая разницу в темпах прироста населения, ему пришлось бы смириться с тем, что уже через несколько лет еврейское государство станет арабско-еврейским. Но значительная часть беженцев смогла бы приехать в палестинское государство, даже если их родители были родом из тех мест, которые стали Израилем; другая же часть удовлетворилась бы денежной компенсацией.

Дело в том, что одна из сторон конфликта считает уступки, на которые готовы были бы пойти ее лидеры, чрезмерными, а другая сторона – недостаточными. Палестинцы не желают понимать, что правительство Израиля не может идти

---

¹⁴³ The International Herald Tribune. 07.06.2011.

напролом против общественного мнения, утратившего всякое доверие к арабам, и тем более им совершенно неважно, что слишком большие уступки с учетом особенностей политической системы Израиля неизбежно приведут к падению конкретной правительственной коалиции. Какое им дело до политических раскладок во враждебном государстве? А израильтяне упорствуют в слепом заблуждении, заключающемся в том, что "арабы понимают только силу" и что спасение еврейского государства лишь в том, чтобы быть как можно более жестким и "крутым". "Израильтянам не хватает понимания того, какое огромное значение для арабов имеет их достоинство, насколько невозможно им выглядеть в своих и чужих глазах проигравшими и опозоренными неудачниками. Межпартийные битвы, разгоревшиеся вокруг проблемы оккупации палестинской территории, делают Израиль все менее и менее способным освободиться, оторваться. Он обездвижен, как бы приколот к земле конфликтом, который постепенно убивает его... В течение более чем десятилетия тон израильской политики представляет собой смесь паники, отчаяния, истерии и смирения с судьбой", – читаем мы в лондонском еженедельнике "Экономист"¹⁴⁴.

Психологический барьер огромен. Некоторые полагают, что тут дело в несовместимости цивилизаций, в противоположности менталитетов. Другие видят главное зло в накопившемся недоверии, когда одна сторона априори убеждена в том, что другая только и думает, как бы ее обмануть, переиграть. Так или иначе, беда в том, что уже дети воспитываются в духе ненависти и презрения к "вечному врагу". Арабы сам факт образования Израиля называют "накба", катастрофа, а евреи не сомневаются, что любая уступка палестинцам лишь разожжет их аппетит, что арабы никогда не откажутся от конечной цели – уничтожения Израиля. "Уйдешь на границы 1967 года – рано или поздно потребуют вернуться к границам 1947 года". "Ушли из южного Ливана – получили Хизбаллу с ракетами, ушли из Газы – получили ХАМАС с ракетами. Так уж лучше держаться, ничего больше не отдавать. А то, что весь мир нас осуждает – так евреям не привыкать, такова наша судьба на протяжении тысячелетий". С такими настроениями трудно ожидать готовности идти на компромиссы...

Корни близорукой и контрпродуктивной политики Израиля по отношению к арабам лежат еще в первоначальных представлениях первых поколений иммигрантов. Достаточно вспомнить лозунг "Дать народу без земли землю без народа", равносильный отрицанию самого существования палестинского арабского народа; убежденность в том, что Бог дал евреям право создать Великий Израиль на земле всей Палестины; распространенное среди многих израильтян пренебрежительное, презрительное отношение к арабам вообще как к чуть ли не дикарям и т. д. А с другой, арабской стороны — полное игнорирование или даже отрицание факта проживания евреев в Палестине в древности; отношение к евреям как к незаконным пришельцам, внедренным в арабский мир Америкой, которая создала Израиль как свое орудие для борьбы с исламом; культивирование ненависти и отвращения к евреям.

Отметим и внешние факторы. США в период "холодной войны" сделали Израиль своим союзником в борьбе против левых, просоветских сил. Израильские лидеры воспользовались этим, полагая, что тем самым у них есть свобода рук по отношению к арабам – ведь для американцев наличие стратегического союзника важнее, чем судьба каких-то палестинцев, Америка всегда будет на стороне Израиля. Сейчас это все позади, но вырисовывается новая конфронтация: США противостоят Ирану и поддерживаемым им радикальным организациям Хизбалла и

---

¹⁴⁴ The Economist. March 3, 2012.

ХАМАС, и при этом новом раскладе сил в регионе ХАМАС вроде бы должен оказаться в иранском лагере, а ФАТХ, побитый и униженный исламистами – чуть ли не в одном лагере с Америкой и Израилем. Палестинцы расколоты и парализованы, и у израильских лидеров вновь возникла надежда на то, что точно так же, как Израиль был нужен американцам для противостояния СССР и его союзникам. Только теперь он необходим Вашингтону для отпора "иранской экспансии", и США волей-неволей будут его поддерживать, и, следовательно, нет нужды форсировать процесс создания палестинского государства.

А среди палестинцев растет влияние ХАМАСа, исламистского движения, принципиально отрицающего возможность существования еврейского государства исходя из религиозных установок. 14 декабря 2011 г., выступая на праздновании 24-й годовщины образования ХАМАС, лидер этой организации и премьер-министр палестинского правительства Исмаил Хание заявил: "Сегодня мы говорим это ясно: вооруженное сопротивление и вооруженная борьба — вот стратегический путь к освобождению палестинской земли от моря до реки... ХАМАС никогда не говорил, что Палестина – это только Газа, Западный берег и Восточный Иерусалим". Хание также призвал к созданию "Общеарабской армии освобождения Палестины от евреев" и к образованию арабских филиалов "Бригад мучеников Аль-Аксы" (военное крыло ХАМАС, известное как вооруженной борьбой против израильской армии, так и террористическими акциями против мирного населения)¹⁴⁵. Когда израильтяне слышат такие речи, убеждающие их в том, что ХАМАС не имеет ни малейшего намерения отказаться от идеи создания единой арабской исламской Палестины — причем евреям будет предложено "возвращаться в Германию или куда-нибудь еще" — нет ничего удивительного в том, что среди них крепнет убеждение в необходимости "стоять насмерть", а концепция "земля в обмен на мир" объявляется устаревшей.

И на другой, палестинской стороне растет скептицизм в отношении перспективы создания их собственного государства. Как полагает Сари Нусейба, "Израилю потребовалось много времени, чтобы признать, что существует палестинский народ. Нам, палестинцам, потребовалось много времени для того, чтобы признать Израиль как государство. Но история движется быстрее, чем идеи. К тому времени, когда мир проснулся и признал, что лучшее решение — это два государства, уже сотни тысяч израильтян жили по эту сторону Зеленой линии. Стремление создать два государства — это фантазия"¹⁴⁶.

При этом нельзя сказать, что мировое сообщество не пытается найти выход из тупика. "Квартет" в составе ООН, США, России и ЕС в течение многих лет разрабатывал планы, намечал сроки урегулирования, но все напрасно. Создается впечатление, что в обозримом будущем никакого прорыва ожидать не приходится.

Тем временем все большие опасения у израильского общества вызывает ядерная программа Ирана.

По убеждению израильтян, Иран целеустремленно идет по пути создания условий для производства атомного оружия. Правда, создать условия для производства бомбы еще не означает, что надо непременно произвести бомбу. Скорее всего, Иран хочет достичь состояния "пятиминутной готовности", чтобы все (особенно США, которых тегеранские правители действительно опасаются, видя перед глазами судьбу Саддама и Каддафи) понимали: осталось сделать один шаг, имейте это в виду. Такое превращение Ирана в "практически ядерную державу" было бы с восторгом встречено и иранским населением, в глазах которого ядерная

¹⁴⁵ The New York Times. 15.12.2011.

¹⁴⁶ Der Spiegel. 2012, № 8. S. 98.

программа благодаря усилиям Хаменеи и Ахмадинежада стала своего рода "национальной идеей".

Беда вот в чем: население Израиля время от времени слышит такие, например, заявления, как то, что произнес в феврале 2012 г. Хаменеи ("сионистский режим – это раковая опухоль, которая должна быть вырезана")¹⁴⁷. Это население вряд ли поверит в какие-то гарантии того, что Иран остановится в одном шаге от реального производства бомбы. И давление народа на правительство может быть столь велико, что когда иранцы пересекут некую "красную черту" по пути от 20-процентного до 90-процентного урана, у израильского руководства не останется другого выбора, кроме удара по иранским ядерным объектам. Так может начаться война, в нее несомненно будут втянуты и Соединенные Штаты, а отсюда недалеко и до "войны цивилизаций", которая может принести немало бедствий многим странам, включая, между прочим, и Россию.

Складывается впечатление, что израильские лидеры не столько опасаются того, что на их страну будет сброшена иранская атомная бомба (в это действительно мало кто может поверить), сколько другого: когда Иран создаст реальные возможности для производства бомбы и остановится в одном шаге от ее создания (а вот это вполне реально), население еврейского государства будет жить в перманентном состоянии напряженности и страха. И тогда интеллектуальная, креативная элита предпочтет эмигрировать в Америку.

В Израиле все громче говорят о возможном ударе по Ирану в самое ближайшее время. Рассуждали, что уж если ударить, то в 2012 году: во-первых, пока еще иранцы не установили свои ядерные объекты под такими слоями гранита, что их ничем не достанешь, и, во-вторых, пока в США шла предвыборная кампания, и Обама в погоне за голосами евреев и евангелистов не может давить на Нетаньяху и уговаривать его повременить с ударом.

Даже министр обороны США Леон Панетта вдруг заявил в начале 2012 г. о том, что израильский удар по Ирану возможен уже весной. Ничего не произошло. Это, конечно, и есть "война нервов", блеф. Удара в ближайшее время ожидать не приходится. Условия еще не созрели, иранцы еще далеки от "красной черты", и методы давления, по мнению вашингтонской администрации, еще не исчерпаны. Во время своего визита в Вашингтон в марте 2012 г. Нетаньяху пытался получить от Барака Обамы четкие гарантии того, что как только иранцы перейдут эту черту, США дадут ему зеленый свет или даже согласятся нанести совместный с Израилем удар по ядерным объектам Ирана. Точного ответа израильский премьер не получил, но, видимо, был в какой-то мере удовлетворен позицией Обамы. В любом случае израильтяне давно пришли к выводу, что в условиях растущей международной изоляции их единственный союзник в мире — Соединенные Штаты. Когда в 2011 г. Нетаньяху выступал в американском конгрессе, все без исключения члены обеих палат 26 раз аплодировали ему стоя, чего обычно удостоивается только сам президент США. По всем опросам общественного мнения примерно 70% американцев поддерживают Израиль — такого нет ни в одной другой стране мира. А в ходе проведенного в начале 2012 г. опроса по поводу отношения американцев к возможному военному удару США по Ирану 58% опрошенных высказалось за такую акцию, и лишь 30% были против¹⁴⁸.

Две войны в Ираке: подъем и упадок американского могущества

Обстановка на Ближнем Востоке в период "холодной войны" была довольно простой. Государства в принципе были либо в американском, либо в советском

¹⁴⁷ The Economist. February 24, 2012.

¹⁴⁸ The International Herald Tribune. 22.02.2012.

лагере, а те, которые занимали формально нейтральную позицию, фактически склонялись в сторону той или другой сверхдержавы. Например, Саудовская Аравия и Иордания никогда не могли быть в одном блоке с Израилем, но все равно являлись опорой США в регионе.

На рубеже 80-х и 90-х гг. произошли два важных события, коренным образом изменивших обстановку. Первое, разумеется, неизмеримо более важное, чем второе – крах Советского Союза, окончание "исторического противостояния двух систем". Второе – операция "Буря в пустыне", вызванная безрассудным нападением иракского диктатора на Кувейт и блестяще использованная президентом США Бушем-старшим для установления американской гегемонии в регионе. Соединенные Штаты проявили себя как единственная сила, способная и готовая выступить от имени и по поручению мирового сообщества в лице ООН для пресечения агрессии. С течением времени эта оговорка – "от имени и по поручению" – как-то незаметно отошла в тень, уступив место убеждению, что США и сами в состоянии (и вправе) определять, где и когда сила единственной сверхдержавы может быть применена для "наказания нарушителей", более того — для установления новых демократических порядков в "отсталых странах-изгоях". Идея демократизации аргументировалась тем, что "демократические государства не воюют друг с другом" и, следовательно — свержение диктатур и замена их режимами, признающими западные ценности, поможет обеспечить мир и безопасность.

Отсюда был всего один шаг до утверждения американского унилатерализма, то есть концепции односторонних решений и действий. Решающая роль США в разгроме иракского агрессора, казалось, вынудит мир признать незаменимую роль Америки как мирового полицейского. Действительно, кроме США никто не захотел бы и не смог изгнать иракских оккупантов из Кувейта. Новые унилатералисты как бы говорили: "если не Америка, то кто"? На первый план формально выходила забота о поддержании международной безопасности ("только Америка в состоянии не допустить установления закона джунглей"), но под этим скрывались и чисто эгоистические сверхдержавные гегемонистские устремления.

Какова была конечная цель утверждения американского супердержавного гегемонизма? Отбросим сразу набившие оскомину советские стереотипы о "стремлении Америки к мировому господству", о том, что всю внешнюю политику Вашингтона целиком определяет военно-промышленный комплекс, финансовые тузы, нефтяные магнаты и пр. (при том что нелепо вообще отрицать роль этих сил). Ни о каком мировом господстве в нашу эпоху говорить не приходится; смешно даже подумать, что США могли бы установить свое господство над Китаем, Россией, Индией (да даже, как показывает самый свежий опыт, хотя бы над Ираном или Венесуэлой). Речь шла, конечно, о других, гораздо более скромных задачах, определяемых скорее такими терминами, как лидерство, гегемонизм, создание ситуаций в тех или иных регионах мира, которые позволили бы Вашингтону везде выступать с позиции силы.

Конкретно на Ближнем Востоке США после окончания "противоборства двух систем" имеют два так называемых двухпартийных императива: гарантия беспрепятственных поставок нефти (для себя и в еще большей мере для европейских союзников по НАТО) и обеспечение безопасности Израиля. После триумфа Буша-старшего в итоге операции "Буря в пустыне" ситуация, казалось, не оставляла желать лучшего. Оба врага – Иран и Ирак – были истощены войнами и зализывали раны. Впоследствии, не торопясь, по мысли Буша, можно будет сменить там режимы. Пока что была принята стратегия "двойного сдерживания".

При правлении далекого от фундаментализма Билла Клинтона "ястребиные" тенденции, проявления того, что уже давно называют *"arrogance of power"* (у нас это

переводят как "высокомерие силы"), не получили сколько-нибудь последовательного развития. Буш-младший подобрал себе такую команду, в которой тон стали быстро задавать "силовики"-унилатералисты — Рамсфелд, Чейни, Перл, Волфовиц. Они оттеснили на второй план "умеренного" госсекретаря Колина Пауэлла и привлекли на свою сторону Кондолизу Райс, которая в конечном счете Пауэлла на этом посту и сменила. Но даже в этих условиях "ястребы" вряд ли смогли бы развернуться. Помог фантастический "подарок", который преподнесли им боевики "Аль-Каиды" 11 сентября 2001 г. Организованные Усамой бен Ладеном террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне оказались именно тем, что было нужно для того, чтобы на полных оборотах заработала машина унилатералистской силовой стратегии, предпосылки для которой созревали давно.

"Новые унилатералисты", как их называет известный американский политолог Джозеф Най-младший, верят в "монополярный миропорядок". Они полагают, что американцы могут делать, что захотят, пренебрегают ООН, считая, что Вашингтон "должен освободиться от давления со стороны той самой многосторонней структуры, которую он помог создать после Второй мировой войны"¹⁴⁹. И ничто не могло бы дать им в руки столь убедительных и веских аргументов, как развязанный исламистами террор. Им удалось убедить потрясенное и ввергнутое в состояние паранойи американское общество в необходимости действовать в одностороннем порядке, не считаясь не только с ООН и с мировым общественным мнением, но даже со взглядами собственных союзников. Это проявилось не в операции по уничтожению "Аль-Каиды" и ее покровителей — талибов в Афганистане (такая операция после 11 сентября была естественной и неизбежной, ее осуществил бы и демократ Ал Гор, если бы он, а не Буш-младший, стал президентом), а в начатой спустя полтора года интервенции в Ираке.

Было прекрасно известно, что Саддам Хусейн не имел отношения к 11 сентября, что из 19 террористов 15 были саудовцами, а иракцев не было вообще. Это не имело значения; прямо обвинить иракского диктатора в террористической акции было невозможно, но придумали другие предлоги, в первую очередь скрытые, якобы, запасы оружия массового уничтожения. В марте 2003 г. огромная военная машина была пущена в ход, чтобы уничтожить режим Саддама.

Известный английский журналист Джонатан Кук в своей книге "Израиль и столкновение цивилизаций" писал, что в январе 2004 г. бывший министр финансов США Пол О'Нейл поделился информацией о том, что меморандум с обоснованием необходимости подготовки к смене режима в Багдаде появился "почти с первого дня" функционирования администрации Буша и задолго до акции 11 сентября. Вторжение в Ирак обсуждалось на заседаниях Национального совета безопасности в январе и феврале 2001 г. А сразу после 11 сентября, как рассказывал впоследствии бывший командующий вооруженными силами НАТО генерал Уэсли Кларк, решение о вторжении в Ирак уже было утверждено в Пентагоне на основе указания президента¹⁵⁰.

Почему "ястребы"-унилатералисты избрали именно Ирак для реализации планов установления гегемонии США в регионе? Обычно считают, что дело в нефти, но на самом деле это лишь второстепенный мотив. Еще с начала 1970-х годов в нефтепроизводящих странах были установлены совершенно новые правила игры: если раньше доходы от экспорта нефти получали иностранные компании, выделяя правительствам этих стран отчисления ("роялтиз"), то отныне, наоборот, доходы стали идти правительству, а отчисления поступали иностранным компаниям. Только

¹⁴⁹ Най Дж.-мл. После Ирака: мощь и стратегия США. // Россия в глобальной политике. 2003, № 3. С. 86, 91.

¹⁵⁰ Cook J. Israel and the Clash of Civilizations. London, 2008. P. 30, 158.

наивные и несведущие люди могли думать, что, оккупировав Ирак, американцы захватят его нефть. Если посмотреть на сегодняшний Ирак, уже после окончания оккупации, то будет видно, что лицензии на добычу нефти получили различные иностранные компании, в том числе российские, и все они, конечно, неплохо на этом зарабатывают, но доходы от продажи нефти поступают на счета правительства в Багдаде. Вторгаясь в Ирак, американцы никак не могли рассчитывать на то, что будет как-то иначе.

Это не означает, что нефтяной фактор вообще не играл никакой роли. Напротив, мысли о нефти, вероятно, всегда присутствовали в головах тех, кто задумал интервенцию, но вовсе не в плане захвата нефтепромыслов и передачи их в руки американских компаний. Дело в другом: пока у власти в Багдаде оставался своенравный и неуправляемый тиран, он всегда мог "испортить нефтяную картину" в регионе, нанести ущерб американским интересам – хотя бы тем, что, произвольно увеличивая или уменьшая объем экспортируемой иракской нефти, он мог влиять на уровень мировых цен на это сырье. Правда, после "Бури в пустыне" экспорт нефти из Ирака находился под международным контролем, но было ясно, что рано или поздно санкции ООН будут отменены, не говоря уже о том, что Саддам в обход санкций продавал некоторое количество нефти. Пока он правил в Багдаде, полной стабильности в ближневосточном "нефтяном хозяйстве" быть не могло.

Но это было лишь частью, и не главной, того вреда, который Саддам, по мнению вашингтонских политиков, причинял США. Ведь багдадский диктатор фактически стал лидером "Арабского сопротивления": этим термином обозначалось сформировавшееся после египетско-израильской сделки в Кэмп-Дэвиде в конце 1970-х гг. движение, имевшее своей целью всемерную и многоплановую борьбу "против империализма и сионизма". На переднем плане, естественно, находилась Организация освобождения Палестины, но основные силы "сопротивления", одним из лозунгов которого был "Похоронить Кэмп-Дэвид", были представлены Сирией и Ираком. Однако моральный авторитет сирийских баасистов был в немалой мере подорван тем, что в ходе "Бури в пустыне" Дамаск оказался в одном лагере с Соединенными Штатами. Смерть президента Хафеза Асада и провал попыток лидера ООП Ясира Арафата добиться образования палестинского государства в рамках "проекта Осло" привели к тому, что лидером "сопротивления" не мог стать никто, кроме Саддама, "бесстрашного бойца", бросившего вызов Америке и обстреливавшего ракетами Израиль.

Но был еще один фактор — идеологический: "принести демократию в арабский мир". Для "неоконов" это был важнейший аргумент. Пуская его в ход, они пытались убить двух зайцев: во-первых, парировать неуклонно нараставшие обвинения в адрес США, которые десятилетиями поддерживали реакционные, антидемократические, суперконсервативные арабские режимы, нарушающие права человека (лучший пример — Саудовская Аравия). И, во-вторых, привести к власти идейно близких к Америке и "продемократических" арабских лидеров, которых уже не надо было бы опасаться (ведь "демократии не воюют друг с другом") и, более того, можно было бы выставить напоказ как представителей новой демократической волны арабских политиков. Если бы это удалось, Ирак стал бы моделью для всего арабского мира.

Все эти проекты оказались абсолютно иллюзорными и бессмысленными, построенными на песке. Иракские эмигранты-политики, на которых опирались и которым доверяли "неоконы", начиная с особенно популярного в Пентагоне Ахмеда Чалаби, оказались все как на подбор беспринципными авантюристами и интриганами, далекими от иракского народа и реальностей жизни. И то, что произошло после отлично проведенной военной операции, когда одна из

сильнейших армий ближневосточного региона была уничтожена за три недели, будет долго вспоминаться в Америке как кошмар, как беспрецедентное фиаско. Можно только поражаться, до какой степени некомпетентности и абсолютного непонимания истории, традиций и менталитета иракского народа дошли чиновники из Пентагона, делавшие одну катастрофическую ошибку за другой, сумевшие за короткий срок восстановить против американцев не только сброшенных ими с вершин власти суннитов, но и шиитов, которым интервенция США впервые в их истории дала шанс занять достойное место в стране.

Неизбежная конфронтация между суннитами и шиитами обострилась до предела, когда в Ирак хлынуло со всех концов арабского мира второе поколение исламистов-джихадистов. Подобно их предшественникам, воевавшим в Афганистане против Советской армии в 1980-х годах, боевики "Аль-Каиды в Месопотамии" прославились своими зверствами. Объединившись с местными суннитскими партизанскими отрядами, они развязали жесточайший террор против шиитов, успевая в то же время наносить чувствительные удары по американским войскам. Как писала известный американский специалист по ближневосточным проблемам Робин Райт, дело дошло до того, что в 2006 г. американские военные в закрытом документе признавались, что они уже не в состоянии военным путем победить "Аль-Каиду"¹⁵¹.

По признанию бывшего главного политического советника командующего оккупационными войсками в Ираке Эммы Скай, "в Соединенных Штатах поддержка войны таяла... Когда президент Буш предложил послать в Ирак дополнительный воинский контингент, Дж. Байден, тогда еще сенатор, выступил категорически против... Все изменилось, когда США смогли найти подход к дотоле враждебным вождям племен и кланов. В это время произошел тектонический сдвиг внутри суннитской общины, лидеры суннитского националистического восстания и Аль-Каида стали бороться за первенство... Сунниты поняли, что шиитские милиции одолевают их, и стали считать Иран большей угрозой, чем Соединенные Штаты"¹⁵².

Действительно, если кто и помог американцам избежать "вьетнамского позора" в Ираке, так это "Аль-Каида", своими бесчинствами по отношению к иракскому населению доведшая суннитских боевиков до того, что они решили: "Америка — это плохо, но Аль-Каида еще хуже". Образовалось движение "ас-Сахва" ("Пробуждение"), в которое вошли десятки тысяч бойцов-суннитов, переменявших фронт и готовых вместе с американскими оккупантами выступать против своих единомышленников из "Аль-Каиды". Эти неожиданные союзники помогли американским войскам, усиленным свежим 30-тысячным контингентом, переломить ход войны. Таким образом, прибытие в Ирак арабских добровольцев-джихадистов оказалось "даром данайцев" для иракских суннитов, и Буш мог бы только поблагодарить Бен Ладена за то, что лидер "глобального джихада", сам того не желая, помог ему справиться с суннитскими боевиками (от рук которых вплоть до 2007 г. погибало 7 из каждых 10 американских солдат, убитых в Ираке).

Но это, разумеется, небольшое утешение для американских политиков, если говорить об иракской операции в целом. Баланс плачевный: погибло 4.4 тысячи военнослужащих, затраты на войну составили 748 млрд. долларов. Устранение главного врага Ирана – Саддама Хусейна открыло тегеранским правителям доступ на Арабский Восток. Именно американская интервенция в Ираке создала условия для превращения Ирана в регионального тяжеловеса.

Если оценивать итоги американской интервенции, то можно сказать, что хотя непосредственным национальным интересам США нанесен серьезный ущерб (в

¹⁵¹ Wright R. Rock the Casbah. Rage and Rebellion Across the Islamic World. P. 60.ы

¹⁵² Sky E. Iraq, From Surge to Sovereignty. // Foreign Affairs, March/April 2011. P. 118, 119.

первую очередь именно вследствие резкого усиления позиций Ирана, ставшего лидером регионального "сопротивления" и оплотом всех антиамериканских сил), то в каком-то более глубоком плане иракское фиаско может оказаться благом для Америки. Потерпела жестокое поражение вся концепция "унилатерализма", при президенте Обаме "неконы" сметены с политической арены. Горький и жестокий урок! И не случайно министр обороны США Роберт Гэйтс, покидая свой пост, сказал: "Любого будущего министра обороны, который посоветует президенту вновь послать большую сухопутную американскую армию в Азию или в Африку и на Ближний Восток, нужно будет отправить на психиатрическое обследование"¹⁵³.

Что касается Ирака, то он не распался на три части, вопреки предсказаниям многих экспертов. Для арабского мира допустить распад Ирака было бы несчастьем и позором. Ведь на Арабском Востоке есть три давних исторических государства: Египет, Сирия и Ирак (если не считать древний, но небольшой и захолустный Йемен). Все остальные государства появились намного позже. Сейчас новый, чрезвычайно опасный очаг внутренней борьбы в Ираке может возникнуть из-за арабо-курдских противоречий, в первую очередь из-за проблемы Киркука, который курды считают "курдским Иерусалимом". Киркук с прилегающими к нему богатейшими нефтерождениями был оставлен Саддамом Хусейном в арабской части страны, когда он после поражения в войне 1991 г. был вынужден уйти из Иракского Курдистана. Город подвергся интенсивной "арабизации", которая сменилась "обратной курдизацией" после краха диктатуры. Киркук официально объявлен главным городом региона Иракский Курдистан, входящего в состав Ирака, но фактически являющегося самостоятельным уже два десятка лет. Взрыв насилия в Киркуке поставил бы под вопрос судьбу единого иракского государства. Никто от этого не выиграл бы.

Возрождающийся из пепла, возвращающийся на мировую арену Ирак будет находиться под влиянием в первую очередь Соединенных Штатов и Ирана и во вторую очередь – Саудовской Аравии и Турции. Ни одна из этих держав не заинтересована в распаде Ирака. Для США это означало бы, что вся южная, шиитская половина Ирака оказалась бы под контролем Ирана. Вашингтон, несмотря на вывод американских войск из Ирака, убежден, судя по всему, что новое иракское государство должно стать одним из оплотов американской политики в регионе. Из 162 млрд. долларов, выделяемых Ираку в виде международной помощи, доля США составит 53 млрд. И американская администрация не без основания рассчитывает, что Багдад не сможет отказаться от союзнических отношений как по соображениям безопасности, так и из-за потребностей в экономическом содействии. Кроме того, без союза с Вашингтоном иракские власти вряд ли смогут противостоять влиянию Ирана. Это влияние велико, но не настолько, чтобы можно было говорить о превращении Ирака в иранского сателлита.

Противостояние арабов и персов длится более тысячи лет. Сейчас Иран пытается вернуть себе роль главного духовного центра шиизма. Иран не заинтересован в распаде Ирака, так как в этом случае он мог бы сохранить влияние, и то относительное, только в южной, шиитской части страны. Гораздо важнее добиться решающего влияния на Багдад, пытаться направлять его политику в нужное для Тегерана русло. Здесь козырем иранских правителей является антиамериканское настроение большинства жителей Ирака, включая шиитов, отнюдь не склонных благодарить американцев за освобождение от суннитской диктатуры.

---

¹⁵³ Foreign Affairs. September/October 2011. P. 171.

Таким образом, получается, что Ирак находится под влиянием двух враждующих между собой держав, каждая из которых будет стараться направлять его политику в своих интересах. Уникальная ситуация, которая могла бы быть использована для лавирования между двумя антагонистами – при наличии умных и ответственных политических лидеров в Багдаде. Но их-то как раз и не хватает.

"Арабская весна"

Еще совсем недавно казалось, что арабские народы находятся в глубоком застое, последовавшем за бурными событиями первых лет независимости. Похоже было, что они способны лишь на борьбу с колонизаторами или же на бунты под зеленым знаменем ислама. А вот теперь наступило пробуждение, всколыхнулся весь арабский мир, да так неожиданно, спонтанно, дружно, что у многих сразу же появилась мысль: случайна ли такая синхронность? Разумеется, никакого заговора внешних сил здесь не было, и нелепо звучат намеки на то, что Вашингтон исподволь готовил смену арабских режимов. Вашингтонские политики – не самые умные в мире, но все же им бы в голову не пришло организовывать свержение режима Мубарака, лучше которого для них не было и не будет. Нет, тут дело в другом: сработала-таки теория домино, везде накопился горючий материал, нужна была только спичка, и она вспыхнула — в буквальном смысле слова, в руках несчастного тунисского парня...

Конечно, легче всего указать на объективные факторы. Первый из них: 60% населения региона — люди моложе 25 лет, и среди них большой процент образованных, но безработных. Второй: технологическая революция в СМИ — сначала спутниковое телевидение (конкретно в первую очередь канал "Аль-Джазира"), затем Интернет, Facebook и пр., и, наконец, мобильный телефон. Это кардинально изменило информационную ситуацию: если прежде люди узнавали только то, что власть считала нужным им сообщить, сейчас они в принципе в состоянии узнавать все, и более того — сообщать другим. Как отметил один из лучших американских аналитиков Фарид Закария, раньше информация шла от одного источника к многим, а сейчас — от многих к многим.

И все-таки эти объективные факторы — лишь предпосылки, фон, их недостаточно, чтобы объяснить причины вспышки. Почему накопилось столько протеста и воли к действию у молодых людей, вчерашних студентов, учителей, адвокатов, врачей, мелких клерков, т.е. у тех, кто выступил застрельщиками движения? Здесь есть что-то не вполне поддающееся объяснению, нечто почти таинственное, как всегда бывает, когда вдруг разражается революция (а настоящая революция всегда бывает "вдруг", планировать можно лишь переворот). Предсказать события было невозможно, хотя все давно знали о гнилости правящих режимов, о произволе и коррупции, фальсификации выборов, свирепости полиции и т.д. Ну и что? Жили с этим десятки лет, видели на экранах телевизоров одну и ту же физиономию — кто сказал, что так нельзя жить и дальше? А вот где-то количество перешло в качество, тут и рвануло.

Если попытаться найти ключевые слова, характеризующие дух арабской революции, то вот они: "Надоело! Не верим! Не боимся!".

Неубедительны попытки провести аналогию между египетскими событиями и "оранжевой революцией" на том основании, что и тут и там власти утратили контакт с населением, всем надоели и пали жертвой вырвавшегося наружу возмущения народа. Налицо совершенно различные ситуации: в Украине (да и в Грузии) наблюдался длительный и все более углублявшийся кризис режима персональной власти. На глазах у всех этот режим деградировал и терял остатки доверия, подвергался открытой и беспощадной критике, находился фактически в осаде и пал

потом, истощенный длительной конфронтацией. Это первое отличие от Египта, где все произошло внезапно, в течение нескольких дней массы людей взбунтовались и вышли на площадь, пробка с треском вылетела из бутылки. Второе отличие: в Киеве и Тбилиси систематическая кампания против власти проводилась под руководством давно и хорошо известной, организованной и сплоченной оппозиции во главе с признанными лидерами; в Египте ничего похожего не было.

После падения Мубарака в Египте на какое-то время установился, можно сказать, полувоенный режим. Ключевые позиции в системе государственной власти были в руках военных. Но после того, как на президентских выборах кандидат военных не смог одолеть представителя "Братьев-мусульман" Мурси, ситуация изменилась. Верхушка военной корпорации во главе с маршалом Тантауи была внезапно уволена новым президентом. "Братья-мусульмане" консолидировали свои позиции гегемона политической жизни. Это не означает, что военные вообще выброшены из политики. Армия является "предпринимателем №1" в Египте, она доминирует в экономике, получает самые выгодные лицензии, занимается строительством мостов, продажей бензина и оливкового масла, производит цемент, стройматериалы, одежду и предметы продовольствия, владеет отелями для туристов, больницами и т.д. Генералы, перехватившие у инициаторов восстания знамя революции, пытались, но безуспешно, сохранить тот авторитарный режим, который держится в Египте уже 60 лет. Но хотя им не удалось сохранить свои ключевые позиции, новый режим, контуры которого пока еще неясны, не подорвал позиции ни обогатившихся при Мубараке генералов, ни "жирных котов"-нуворишей, ни могущественной, сросшейся с бизнесом и полностью коррумпированной бюрократии, численность которой достигла 6 млн. человек.

Справедливо часто высказывающееся сейчас мнение о том, что еще ничего не изменилось. Но что, собственно, могло измениться за такой короткий срок? Ликвидировать нищету и безработицу, покончить с коррупцией – даже на частичное решение таких грандиозных задач, просто на смягчение такого рода проблем должны уйти годы. А многие люди в состоянии эйфории от одержанной победы ожидают, что реформы должны пойти быстро и успешно. Разочарование – это неизбежное последствие революции на другой день после ее победы – может привести к тому, что на какие бы шаги ни шла власть, все будет казаться недостаточным, мало того – будет выглядеть как предательство революции. И нет ничего удивительного в том, что на выборах победили исламисты, получив более 70% голосов. Вполне естественно, что люди встают под знамя ислама: ведь это не только религия, но ядро и основа целой цивилизации. Четырнадцать столетий жители арабских стран жили, можно сказать, в "мусульманской атмосфере", в условиях полного доминирования исламских порядков. Коран определял и нравственные устои общества, и правовые отношения. "Исламский дух", вековые мусульманские традиции – это и есть, видимо, нечто наиболее органичное, наиболее адекватное даже для современных арабов, живущих в условиях модернизации.

Как всегда бывает, революцию начинают одни люди, а перехватывают ее (или губят) другие. Интеллигенция была застрельщиком, но движущей силой стали широкие массы, которым нужна не свобода и тем более не демократия, о которой они ничего не знают, а справедливость, уважение их достоинства и хлеб. Именно это им и обещали новые лидеры – исламисты; за ними и пошел народ.

В течение десятилетий исламские фундаменталисты, т.е. сторонники возвращения к истокам, выдвигали одну идею: все беды мусульманского мира — из-за того, что нечестивые правители отошли от подлинного, чистого ислама, данного им пророком Мухаммедом по повелению Аллаха. Эти правители погрязли в

коррупции, от них исходит произвол и тирания, они либо продают страну безбожному и растленному Западу, либо пытались копировать противные духу ислама социалистические порядки. И то и другое пагубно. "Ислам – вот решение" – это девиз "Братьев-мусульман", старейшей (ей больше 90 лет) и самой известной из фундаменталистских организаций. "Коран – наша конституция, Аллах – наш вождь!". Ядро их идеологии – категорическое отрицание принципов светского государства. На практике исламисты (представители радикального "политического ислама") и в Египте, и в других арабских странах завоевали широкую популярность благодаря тому, что они всегда помогали бедным, создавали свои больницы, школы, своего рода "кассы взаимопомощи". В них люди видели защитников своих интересов, в отличие от бездушных и коррумпированных правительственных чиновников. И вполне закономерно, что на первых же свободных выборах и в Египте, и в Тунисе, и в Марокко, и в Кувейте (а еще раньше, в 2006 г. и на территории Палестинской автономии) исламисты одержали победу. Ведь альтернативной идеологии, способной привлечь пробудившиеся массы, просто нет. Демократические идеи скомпрометированы как провальным опытом создания карикатурных копий западных политических систем в первые годы после достижения независимости, так и ассоциацией с Западом, вчерашним угнетателем и сегодняшним интервентом (Ирак, Афганистан, Ливия). Идея социализма дискредитирована бесславным опытом существования левых режимов, поддерживавшихся Москвой и оказавшихся неспособными решить насущные проблемы общества, покончить с нищетой, коррупцией и произволом. Идеология арабизма (насеризма, баасизма) утратила популярность после краха попыток объединения и поражения националистических правительств в войнах с Израилем.

Сейчас все задаются одним вопросом: укоренится ли "мягкий", умеренный исламизм (образец – Турция), или же к власти прорвутся оголтелые мракобесы, близкие по духу к Талибану. Но это во многом зависит вот от чего: смогут ли исламисты, не имеющие никакого государственного опыта, справиться с экономическими проблемами, улучшить жизнь населения, серьезно уменьшить безработицу и т. д. Ведь "Арабская весна" пробудила надежды, породила эйфорию, люди по своей наивности думали, что устранение тирана быстро приведет к счастью. Поскольку этого не будет, исламистам предстоит тяжелое испытание. Разочарование людей приведет к обвальному крушению их претензий на эффективное руководство государством.

Экстремистский исламизм явно не сможет обеспечить нормальное развитие общества, осуществить модернизацию, привлечь иностранные инвестиции и т.д. И в этом смысле несравненно больше шансов у исламизма умеренного. Он должен будет вобрать в себя, инкорпорировать и арабский национализм в его локальном, государственном варианте; это будет нелегко – ведь в принципе исламизм враждебен национализму, он признает только одну нацию – мусульманскую. Видимо, придется достичь некоего симбиоза с тем, чтобы наряду с очень набожными массами в изменяющемся обществе получили свою долю и быстро растущие новые средние слои. Ведь если исламисты останутся лишь представителями самых обездоленных, нищих слоев, игнорируя интересы образованного и динамичного среднего класса – ничего не получится.

Тугой узел: Америка, Арабская Лига, Турция, Сирия

В результате "Арабской весны" весь политический ландшафт Ближнего Востока изменился, но в каком направлении и каковы будут последствия бурных событий 2011 г., совершенно неясно. Есть только некоторые твердые факты.

1. Арабский мир накрыла "исламская волна". В двух из трех стран, где прежний режим был свергнут (Египте и Тунисе), доминирующая роль исламистов представляется несомненной, вопрос лишь в том, одержат ли верх умеренные или экстремальные силы внутри этого бурно разлившегося потока. В Ливии, вопреки прогнозам, исламисты не сумели победить на выборах. В странах, где (главным образом благодаря респекту, которым пользуются монархии) политическая система осталась нетронутой – Марокко и Иордания — власть вынуждена была провести либеральные реформы, что естественным образом укрепило опять же позиции исламистов. Наконец, в странах Персидского залива серьезных изменений вообще не произошло; единственная попытка такого рода была в Бахрейне, но провалилась вследствие интервенции Саудовской Аравии.

2. Авторитет и влияние стран, переживших потрясения, существенно пострадал. Речь идет о Египте и Сирии, а Ливия и Тунис никогда серьезного влияния на реальную ситуацию в регионе не имели. Падение экономики, политическая нестабильность, полная неопределенность в отношении будущего — все это не позволяет Египту и Сирии претендовать на лидерство. Если добавить к этому неудачи, преследующие палестинцев за последнее десятилетие (негативные итоги вооруженной интифады, отсутствие какого-либо прогресса в деле образования палестинского государства, неспособность ФАТХ и ХАМАС преодолеть разногласия), то получается, что на Арабском Востоке все еще недавно влиятельные и динамичные силы резко деградировали, возник вакуум лидерства. И вполне закономерно, что на эту роль сегодня с большим основанием, чем когда-либо, выдвинулась Саудовская Аравия. Активность Эр-Рияда в ходе событий, именуемых "Арабской весной", поразила многих наблюдателей, и к этому прибавилась невиданная прежде энергия, проявленная Катаром, который моментально превратился вдруг в исключительно эффективного союзника, партнера саудовской монархии, став по существу ее "правой рукой".

Практически Саудовская Аравия плюс Катар играли роль главной внешней силы во время войны в Ливии, если, разумеется, не говорить о НАТО. Еще более активно они проявят себя через несколько месяцев в Сирии. Но в целом итоги "Арабской весны" нельзя считать однозначно положительными для Эр-Рияда. Конечно, саудовские правители не могли не приветствовать крах хотя бы относительно светских арабских режимов. В то же время не может быть уверенности в том, что новое поколение исламистов не бросит вызов старым, традиционным, уже дряхлеющим и замшелым силам, претендующим на роль центра мусульманского благочестия и влияния. Ведь саудовская монархия, будучи идеологически салафитской, в своей практической политике ведет себя отнюдь не в духе салафитской непримиримости по отношению к Западу. Более того, на протяжении десятилетий она была оплотом политики Вашингтона в регионе. Не случайно же возникла такая парадоксальная на первый взгляд ситуация, как противостояние саудовца-ваххабита Бен Ладена и саудовской ваххабитской монархии. Для "Аль-Каиды" до сих пор саудовская династия – смертельный враг. Однако конфронтация "старых" и "новых" исламистов в арабском мире – это проблема не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

Пока что Саудовская Аравия, занявшая вместе с Катаром доминирующие позиции в Лиге арабских государств, направляет свои усилия на то, чтобы противодействовать давнему и главному противнику – Ирану, который с самого начала своей "исламской революции" объявил войну "нечестивым и коррумпированным правителям". Еще в 2008 г. саудовский король Абдалла в

депеше, адресованной американскому послу в Эр-Рияде, заявил, что персидской "змее надо отрубить голову"¹⁵⁴.

Здесь мы уже подходим к вопросу фундаментальному – конфронтации между суннитскими арабскими странами региона Персидского залива, а также Иорданией, с одной стороны, и шиитским, в основном персидским Ираном. Дело здесь не только и не столько в тысячелетних разногласиях между двумя толками ислама, сколько в политике. Когда иорданский король Абдалла несколько лет тому назад с тревогой говорил о "шиитском полумесяце", он имел в виду, конечно, не угрозу "шиитизации" суннитских стран; это нереально, сунниты не станут шиитами. Король помнил о призывах лидера исламской революции в Иране аятоллы Хомейни к тому, чтобы повсюду свергнуть "нечестивых правителей" мусульманских стран. Хомейни, кстати, никогда не подчеркивал шиитский характер иранской революции, он всегда делал упор на ее общеисламском содержании, и в этом-то и была угроза иранской революционной экспансии для монархов и президентов арабских государств. Война с Ираком и смерть Хомейни, казалось, надолго отодвинули эту угрозу, но вот с благословения нового духовного лидера Хаменеи президентом стал Ахмадинежад, и перед взором уже было успокоившихся арабских властелинов предстал "нео-хомейнизм", возобновивший борьбу за душу мусульманского мира и в первую очередь – за душу Арабского Востока.

Завоевать "арабскую улицу", расположить к себе арабов, по существу лишенных собственного лидерства после ухода таких фигур, как Насер, иорданский король Хусейн, Хафез Асад, Арафат – вот задача, которую поставил перед собой Ахмадинежад. И он ее выполнил. Настоящий подвиг, беспрецедентный в истории Ирана: это персидское и шиитское государство, преодолев историческую неприязнь между арабами и персами, между суннитами и шиитами, смогло стать лидером того, что принято называть "арабским сопротивлением империализму и сионизму". Ахмадинежад добился того, что не получилось у Саддама Хусейна — превратить свою страну в авангард "революционного Арабского Востока".

Именно это и сделало Иран главным врагом Саудовской Аравии, равно как и малых стран Персидского залива, а заодно и Иордании. На словах, если верить официальной пропаганде, все они противостоят Израилю и только и думают об освобождении Палестины. На самом деле такие настроения присущи общественности, "арабской улице", а руководители этих государств нисколько не опасаются Израиля. Для них враг – это Иран, несущий "революционную заразу". Соответственно устранение режима Асада в Сирии, давно уже являющейся главным партнером Тегерана в ближневосточном регионе, необходимо им как важный фактор ослабления Ирана, подрыва иранского влияния на Арабском Востоке. Это и есть главная причина антиасадовской позиции Лиги Арабских государств, в которой тон задают Саудовская Аравия и Катар.

И, наконец – Турция. До последнего времени эта страна рассматривалась в исламском мире как некий аутсайдер, принадлежащий больше к Европе, чем к мусульманскому сообществу. Все изменилось после прихода к власти Эрдогана. Процветающая, набирающая силу Турция уверенным шагом вступает на ближневосточную арену, завоевывая все больше симпатий в первую очередь благодаря тому, что ее возглавляют исламисты, пусть и умеренные. Включившись в борьбу за региональную гегемонию, твердо встав на сторону палестинцев — и ради этого демонстративно ухудшив свои отношения с Израилем – Турция намерена стать региональным тяжеловесом. А для этого надо отобрать у Ирана знамя лидера и авангарда "арабского сопротивления". Логичный шаг в этом направлении –

---

¹⁵⁴ Опубликовано сетью Викиликс. Цит. по: Der Spiegel. 2012, № 10, S. 84.

ослабить главного соперника – Иран путем перевода его основного партнера, Сирии, в свою орбиту. А этого можно добиться только сменой нынешнего сирийского режима. Отсюда — столь удививший многих поворот Турции от традиционной дружбы с Сирией к резко враждебной позиции в отношении правящего в Дамаске режима. Нельзя забывать при этом, что турки – сунниты, и Анкара не без основания рассчитывает на то, что с новой суннитской властью в Сирии ей будет гораздо легче найти общий язык, чем шиитскому Ирану. Здесь интересы Турции совпадают с интересами западных держав и Лиги арабских государств.

Лидеры США и Западной Европы с самого начала повторяли, что Асад должен уйти. Упор делался на личность Асада именно потому, что все понимали: его уход – это конец режима. В Сирии не пройдет вариант Туниса и Египта, где генералы пришли к президенту и сказали: "Страна погибает, ты должен уйти", и он уходит, но остается система, ради спасения которой и пожертвовали центральным персонажем. Население там, как и в Ливии, однородное и в этническом, и в конфессиональном плане. В Сирии все иначе, и смещение президента будет моментально воспринято в стране как фиаско алавитской власти. Как уже было в Ираке, все перевернется с ног на голову, последние станут первыми (хотя, откровенно говоря, трудно назвать "последними" тех суннитских предпринимателей и коммерсантов, которые составляют экономически доминирующий класс в главных городах – Дамаске и Халебе). "Деалавитизация" Сирии чревата страшными потрясениями, и в любом случае существующая с 1969 г. система не уцелеет. А вот это и нужно противникам Асада: они бьют вроде бы только по нему, но метят именно во всю систему.

Башара Асада нельзя назвать кровавым фашистским диктатором, как покойного Саддама Хусейна. Асад скорее первый среди равных в рамках полутоталитарной, полуавторитарной системы. Неизвестно, кто "круче" — президент или его родня, родные и двоюродные братья Махер, Шавкат, Махлюф, заправили алавитского клана, стоящего во главе страны более сорока лет. О заявленной в уже далекие времена социалистической ориентации Сирии никто уже и не вспоминает. Дружеские отношения с Россией — а что в этом страшного для Вашингтона или Парижа? "Холодная война" давно кончилась, горячую вестить против России никто не собирается.

Главная "вина" режима Асада — это его особые отношения с Ираном. Дело тут не в том, что укрепившаяся на вершине государственной власти в Сирии секта алавитов является шиитской и поэтому близкой Ирану. Шиитская сущность алавитов — вопрос спорный. С точки зрения ортодоксальных шиитов-двунадесятников, верящих в будущее возвращение исчезнувшего двенадцатого шиитского имама (именно они составляют большинство населения Ирана и Ирака), алавиты вообще не шииты. Однако когда Сирия стала союзницей Ирана, аятолла Хаменеи дал понять, что алавитов можно считать шиитами. Но дело, повторимся, не в этом, и не в идеологии как таковой: сирийских баасистов никогда не считали фанатиками, джихадистами, и вряд ли им близки идеи Хомейни и Хаменеи. А вот политический дух у них общий: антиамериканизм, антисионизм, поддержка палестинских требований. К тому же нельзя забывать и про Голанские высоты, отобранные Израилем у Сирии в 1967 г. Возникла иранско-сирийская ось, через Сирию Иран снабжал и вооружал такие организации, как Хизбалла и ХАМАС – непримиримых врагов Израиля, а, следовательно, и США. Избавиться от режима Асада означает для Вашингтона перекрыть пути снабжения арабских экстремистских группировок. Правда, при этом всегда возникает вопрос: а кто придет на смену Асаду? Скорее всего, "Братья-мусульмане". Отсюда и двусмысленность отношения и США, и Израиля к событиям в Сирии. С одной стороны, заманчиво ослабить Хизбаллу и

ХАМАС, лишить их иранских покровителей, а главное — иранских ракет. С другой стороны, "лучше дьявол, которого знаешь, чем дьявол, которого не знаешь". На израильско-сирийской границе десятки лет не было слышно выстрелов, а суннитские экстремисты, если они захватят власть в Дамаске, могут попытаться перевести незатухающие противоречия вокруг Голанских высот в русло "народной войны".

И все же, судя по тому, как ведет себя западная, в первую очередь американская дипломатия, верх берут пока что соображения, связанные с задачей устранения нынешнего сирийского режима, изоляцией Ирана. На будущее Сирии предпочитают закрывать глаза. И усилия России, направленные на предотвращение полномасштабной гражданской войны и на достижение договоренности между повстанцами натолкнулись на скрытое, а иногда и открытое противодействие сил, безоговорочно стремящихся к смене режима в Сирии.

Африка южнее Сахары в перипетиях мировой политики

"Африка поднимается" – таков лейтмотив публикаций мировых СМИ, отражающих новый взгляд международных финансовых институтов и бизнес-сообществ на экономическое развитие континента, недавно называвшегося ими "безнадежным". К концу первого десятилетия XXI века начинает меняться имидж африканских стран: вместо "вечных маргиналов мировой экономики" – "ее новый динамичный полюс", вместо "главных получателей помощи со стороны ведущих мировых держав" – "их экономические партнеры, без активного включения которых в глобальное развитие оно не может быть устойчивым". Но изменилось ли место государств Африки южнее Сахары (АЮС)¹⁵⁵ в претерпевающих качественные трансформации международно-политических процессах с точки зрения субъектно-объектных отношений в них? Появились ли новые тренды в этой сфере внутри самой Субсахарской Африки¹⁵⁶?

Международно-политическое и экономическое взаимодействие АЮС с ведущими мировыми державами

После окончания "холодной войны" с ее противостоянием двух систем, важным плацдармом которого были африканские страны, Субсахарская Африка оказалась на периферии внимания мировых держав. Но на исходе XX века отношения со странами АЮС стали одним из приоритетных направлений внешнеполитической стратегии не только их многолетних и главных торгово-экономических партнеров — США, Франции, Великобритании, ЕС, но и крупнейших развивающихся стран (Китая, Индии, Бразилии). Учитывая истощение запасов стратегических ресурсов на земле и усиления конкуренции за доступ к ним, ведущие западные страны постарались упрочить свои позиции в АЮС, являющейся кладовой энергетического и минерального сырья. Запад стремился также оказать воздействие на основные параметры социально-экономической и политической эволюции Субсахарской Африки, чтобы снизить потенциал ее гуманитарных, демографических, экологических, террористических и других угроз.

Изменения в африканской политике бывших метрополий, которые и ныне остаются основными — наряду с США — акторами на международно-политическом поле континента, обозначились в 1997 г. с появлением кабинетов социалистов (Л. Жоспена) во Франции и "новых лейбористов" (Т. Блэра) в Великобритании. Главной составляющей их новой многосторонней стратегии в отношении АЮС стало оказание помощи африканцам в решении их многочисленных проблем – бедность, конфликты, транснациональная организованная преступность, СПИД и другие инфекционные заболевания, продовольственная безопасность и др.

Франция заявила об отказе от своей прежней роли "жандарма" Африки¹⁵⁷, а Англия сосредоточила усилия на привлечении внимания мирового сообщества к

---

¹⁵⁵ Из 54 государств Африканского континента на АЮС приходится 47 с населением около 850 млн. человек. Наряду с такими густонаселенными странами, как Нигерия (151.6 млн. чел.), Эфиопия (83.3.), Демократическая Республика Конго (67.2), ЮАР (49.5), Танзания (42.0), Кения (36.4 млн. чел.), население 18 государств насчитывает от 0.5 до 5 млн. каждое. 15 стран являются внутриконтинентальными и не имеют выхода к морю.

¹⁵⁶ "Субсахарская Африка" употребляется как синоним понятия "Африка южнее Сахары".

¹⁵⁷ Наиболее радикальным решением стал пересмотр соглашений с франкофонными странами о сотрудничестве в военной области и снижение уровня военного присутствия. Сейчас французские военные базы остались только в Дакаре (1200 военнослужащих), Либревиле (800), Джибути (2700) и на о. Реюньон (4200).

проблемам континента¹⁵⁸. Обе страны и ЕС в целом активно участвуют на рубеже XX и XXI веков в разработке и реализации программ помощи Африке – со стороны ООН ("Декларация тысячелетия, "Специальная инициатива по Африке в рамках ООН"), а также G8 и G20.

Но с середины 2000-х годов европейцы делают ставку уже не на помощь, главным образом финансовую, которая оказалась для них очень затратной и одновременно крайне неэффективной, а на стратегическое партнерство в целях развития Африки. Эту позицию поддержали и африканцы, заявившие, что они хотят взять ответственность за свою судьбу на себя. Однако решающей причиной стремления европейцев повысить уровень и качество отношений с африканскими странами стала озабоченность (весьма запоздавшая, по их же мнению) стремительно увеличивающимся экономическим и политическим влиянием Китая и других растущих экономик Азии и Латинской Америки в АЮС.

Одной из важнейших составляющих стратегии партнерства стали расширяющиеся по целому ряду направлений и все более институционализирующиеся связи между ЕС и Африкой. Уже проведено три саммита ЕС-Африка (2000 г., Каир; 2007, Лиссабон; 2010 г., Триполи), в работе которых участвовали более 70 глав государств и правительств двух континентов, в том числе руководители Африканского союза (АС) и региональных экономических сообществ (РЭСов). Саммиты свидетельствовали не только об углублении афро-европейского взаимодействия, но и о сложности придания ему характера стратегического партнерства в таких областях, как демократия и права человека, торговля и развитие, изменение климата, миграция и занятость населения.

Другой компонент сотрудничества африканских стран с Евросоюзом — обеспечение мира и безопасности в АЮС. Участие миротворческих миссий ЕС в урегулировании конфликтов в ДРК, Чаде, ЦАР, Судане, Сомали; финансирование Африканского фонда мира (АФМ), создание по инициативе Франции организации ЕВРОКАМП, объединяющей региональные центры по обучению африканских военнослужащих и оказанию технической помощи миссиям — вот основные вехи и направления миротворческой деятельности ЕС. Но он в целом Евросоюз так и не превратился в мощного игрока на международной арене, способного влиять на геополитические процессы и защищать интересы стран-членов.

Это знаменовало смену вех в начале второго десятилетия XXI века во внешней политике Великобритании¹⁵⁹ и Франции, взявших курс на наращивание собственных возможностей. Поддерживать глобальный статус правительство Д. Кэмерона намерено за счет активной деятельности в международных институтах и укрепления связей с африканскими государствами-членами Британского содружества. Франция при президенте Н. Саркози, чтобы подтвердить статус страны с глобальной ответственностью, фактически отказалась в 2010 и 2011 гг. от своего лозунга 2000-х годов "Помощь, но не вмешательство". Из-за провала миротворческих усилий АС и ЭКОВАС по урегулированию послевыборного конфликта в Кот-д'Ивуаре в 2010 г. французы вновь прибегают к военной силе (правда, под прикрытием резолюций ООН, принятие которых сами же и инициировали), стремясь восстановить свое влияние в этой стране. Одновременно Саркози делает ставку на расширение ареала влияния Франции в АЮС путем укрепления связей с англоязычными странами – с региональными центрами силы Нигерией и ЮАР, а также с Кенией и Южным Суданом, привлекательных для французских нефтегазовых ТНК.

¹⁵⁸ См. Африка и мир в XXI веке. М.: Ин-т Африки РАН, 2010. С. 9-114.

¹⁵⁹ См. подробнее: Минаев М. Удар сверх силы. (<http://www.globalaffairs.ru/number/Udar-sverkh-sily-15064>).

С начала 2000-х годов обеспечение политических, геополитических, экономических и гуманитарных интересов США в Субсахарской Африке было увязано с активным содействием устойчивому экономическому росту и развитию стран АЮС, с помощью африканцам в предотвращении и урегулировании конфликтов, а также в противодействии террористическим угрозам. В рамках первого направления, наряду с функционированием Форума торгово-экономического сотрудничества США со странами Африки южнее Сахары, с 2000 г. начал действовать Закон (Акт) об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки (African Growth and Opportunity Act - AGOA). Он дал толчок разворачиванию двусторонней торговли, расширению экспорта африканских товаров на американские рынки, увеличению американских частных инвестиций в странах Чёрной Африки.

С середины 2000-х годов США все больше акцентируют внимание на военно-политических инструментах укрепления своих позиций в Субсахарской Африке. В Джибути функционирует американский антитеррористический центр с контингентом в 1.5 тыс. солдат. В 2007 г. создано Африканское объединенное командование вооруженных сил США в зоне Африки (АФРИКОМ). Его мандат включает разработку стратегии проведения военных операций на Чёрном континенте, помощь в подготовке вооруженных сил лояльных Вашингтону африканских правительств, охрана и контроль разработки природных богатств на континенте, а также путей их транспортировки¹⁶⁰.

Расширяются поставки вооружений и военной техники, главными получателями которой становятся Кения, Джибути, Нигерия, Эфиопия и Уганда. Пентагон с 2010 г. интенсифицирует реализацию программы по развитию миротворческого потенциала и антитеррористических компонентов стран Западной (Сенегал, Кабо-Верде, Гана, Камерун, Сан-Томе и Принсипи, Чад, Мали и Нигер) и Восточной Африки (Кения, Уганда, Эфиопия). Пентагон не теряет из виду и Нигерию, особенно нефтеносные районы дельты Нигера. С 2013 г. США намерены заметно увеличить военное присутствие в Африке: в распоряжение АФРИКОМа поступит отдельная бригада быстрого реагирования. Однако об открытии новых баз на континенте речь пока не идет — войска будут перебрасываться в Африку "в случае необходимости". Все эти действия, как считают эксперты, призваны обеспечить проведение американцами полномасштабных боевых действий против террористических организаций в АЮС и являются важной составляющей политики США по противодействию росту китайского влияния в Африке в рамках общей американской стратегии сдерживания Китая. Одним из параметров этой стратегии становится обеспечение безопасности районов разведки, добычи нефти и путей ее транспортировки в восточной, частично центральной Африке, а также в районе Гвинейского залива.

Американские и западноевропейские нефтегазовые компании участвуют в разведке нефтяных месторождений на шельфе Кении и Сомали. Они разрабатывают многомиллиардный проект строительства нефтепровода из Южного Судана до кенийского побережья Индийского океана в районе Ламу, что позволит диверсифицировать экспорт южносуданской нефти. Есть и более масштабный проект строительства Трансафриканского трубопровода (Южный Судан – Центральноафриканская Республика – Камерун), по которому США смогут получать самую дешевую в мире нефть и по кратчайшему маршруту. В случае реализации этих проектов Китай, являвшийся главным союзником Хартума и потребителем суданской нефти до раздела страны, потеряет доступ к ней, т. к. большая часть

---

¹⁶⁰ См. подробнее: Исаак М. АФРИКОМ США в погоне за Армией сопротивления Бога. // Пути к миру и безопасности. Выпуск 1 (42).М., 2012. С. 105-108.

нефтедобычи сосредоточена в Южном Судане (в провинции Абией), являющимся стратегическим партнером США. Американцы — под прикрытием риторики борьбы с терроризмом — оказывают поддержку вооруженным силам Уганды против религиозной экстремистской организации "Армия спасения Господа" Дж. Кони, дестабилизирующей ситуацию на границах Уганды, Демократической Республики Конго, Южного Судана и Центральноафриканской Республики¹⁶¹.

С 2005 г. в Африке широко разворачивает свою деятельность НАТО. Альянс оказывал поддержку миссиям Африканского союза в Судане и Сомали в сфере воздушных и морских перевозок, планирования операций. НАТО обучает африканских военнослужащих и содействует становлению Африканских сил постоянной готовности. В 2011 г. в СМИ появились материалы о готовности НАТО подписать с Африканским союзом соглашение о военном сотрудничестве, которое, среди прочего, может стать способом блокирования возможностей таких крупных поставщиков оружия африканским странам, как Китай и Россия.

Китай к концу 2000-х годов стал второй экономикой мира и одним из главных игроков на глобальном политическом поле. Он умело, последовательно и настойчиво выстраивает партнерские отношения со странами Африки, непременно указывая при этом на общность своей и их исторических судеб как объектов эксплуатации со стороны развитых стран Запада. Одновременно, подчеркивая свой статус развивающейся страны, КНР предлагает африканским государствам программы совместного развития.

Используя лозунг невмешательства во внутренние дела африканских стран, Китай умело заполнил геополитические "пустоты", образовавшиеся после ухода из Африки Советского Союза и свертывания деятельности американских и европейских ТНК в странах с диктаторскими режимами (Судан, Зимбабве и т.п.) и высоким уровнем конфликтности. Успехи Китая в АЮС обусловлены как масштабностью, так и многоплановостью его деятельности в таких сферах, как торгово-инвестиционная, дипломатическая, культурно-образовательная. Китайцы участвуют в программах по оказанию африканским странам помощи в целях развития и сокращении их долгового бремени. Каждые три года (с 2000 г.) проводятся форумы афро-китайского сотрудничества. На последнем (2012 г.) китайские лидеры заявили о необходимости открывать "новые горизонты стратегического партнерства". В этих целях Китай предоставит африканским странам трехлетнюю кредитную линию на 20 млрд. долл., а также инвестирует в совместные проекты еще 2 млрд. долл. Но в целом КНР проводит экспансионистскую экономическую политику в АЮС под лозунгом "ресурсы в обмен на инвестиции" и стремится овладеть африканским рынком товаров и услуг¹⁶².

Экономическую мощь Китай старается трансформировать в геополитический ресурс, используя это для усиления своего политического влияния в Субсахарской Африке и мире, поскольку претензии КНР на роль лидера и выразителя интересов развивающихся стран приветствуются африканцами. Однако события в Ливии в 2011 г. и активные действия американцев по выдавливанию китайских компаний из нефтеносных районов Восточной Африки показывают: "никакое экономическое

---

¹⁶¹ Игнатченко И. В. Антикитайская стратегия Вашингтона. // Независимая газета. 27.04.2012.

¹⁶² См. Лебедева Э. Е., Салицкий А. И. Китай в Африке. // Север-Юг-Россия 2007. Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 226-231; Африка и мир в XXI веке. С.165-182; Андропова И. В. Китаизация Африки: новые тенденции в старом процессе. // Африка: основания для нового старта. Ежегодник 2011. М.: РУДН, 2011. С.72-85; Коммерсантъ. 20.07.2012, № 132 (4917).

могущество Китая не может компенсировать отсутствие военно-политических инструментов для утверждения влияния"¹⁶³.

В то же африканцы по всем признакам готовы воспринимать Китай как серьезную военную силу в районах конфликтов. Пока же Китай представлен в составе ооновских миссий (Сомали, Судан) немногочисленными миротворцами (всего 1620 на конец 2010 г.), задействованными в восстановлении объектов промышленной и социальной инфраструктуры. Занимается Китай и продажей легкого вооружения правительствам африканских государств, а военные корабли КНР участвуют, наряду с другими, в антипиратских операциях у берегов Сомали,

Систему многовекторных отношений с субсахарскими странами выстраивают также Индия, Бразилия, Южная Корея, Сингапур, Малайзия, Турция, ОАЭ и др. По примеру Китая и ЕС они налаживают регулярное сотрудничество с африканскими государствами в формате саммитов или форумов на министерском уровне с обязательным участием в их работе в последние годы АС и РЭСов. Наблюдается институционализация межконтинентальных международно-политических связей развивающихся стран. Ассоциация регионального сотрудничества стран Индийского океана содействует либерализации и поддержке торговли между 14 странами - членами Ассоциации; росту иностранных инвестиций; научному и технологическому обмену; поощрению взаимного туризма; развитию инфраструктуры и людских ресурсов. Особый интерес представляет сотрудничество в рамках "Форума диалога Индии, Бразилии и ЮАР" (ИБСА), ориентированного на активное продвижение интересов этих стран в мировой политике и повышение их роли в решении проблем мировой экономики. Эти задачи призвано решать и объединение БРИКС, в состав которого по инициативе Китая была приглашена ЮАР.

Рост экономической значимости быстро развивающихся стран во главе с Китаем для субсахарских государств по сравнению с их традиционными партнерами (европейскими и американскими) неоспорим. Так, доля экспорта из АЮС в государства - члены Комитета содействия развитию (КСР) ОЭСР, в состав которого входят 23 страны с развитой экономикой, сократилась за последнее десятилетие с 70 до 50%. А доля государств КСР в импорте стран АЮС уменьшилась с 60 до 40%¹⁶⁴.

По существу, спрос со стороны быстро развивающихся экономик Азии стимулировал рост экспорта из стран АЮС, что помогло им смягчить последствия мирового финансово-экономического кризиса. Без этой стабилизирующей силы АЮС значительно больше пострадала бы от неблагоприятных внешних изменений. Скачкообразное расширение многостороннего сотрудничества с Китаем¹⁶⁵, Индией и другими быстро развивающимися странами принесло не только экономический бум, инвестиции в инфраструктуру, диверсификацию народнохозяйственных комплексов ряда стран и развитие отдельных отраслей. Африканские страны получили определенную "свободу рук". Появилась возможность пересмотреть свои стратегические программы развития без масштабного вмешательства правительств и агентств помощи западных стран, а также вынудить МВФ и МБ изменить свою кредитную политику в отношении африканских стран. Они смогли занять более самостоятельную позицию по вопросам торгово-экономических отношений со

---

¹⁶³ Кашин В. Б. Китай в поисках новой внешней политики (<http://www.globalaffairs.ru/number/Vyiti-iz-teni-15536>).

¹⁶⁴ Сайех А. Качество экономического роста // Финансы и развитие, дек. 2011, вып. 48, № 4. С. 16-17.

¹⁶⁵ В 2011 г. торговый оборот с ним достиг 166.3 млрд. долл., что в три раза выше показателей 2006 года. Общий объем прямых китайских инвестиций в экономику африканских стран превысил 15 млрд. долл., а число компаний из Китая, работающих на континенте, достигло 2 тыс. См. подробнее: Коммерсантъ. 20.07.2012; Лебедева Э. Е., Салицкий А. И. Указ. соч. С. 226-231; Африка и мир в XXI веке. С.165-182; Андропова И.В. Указ. соч. С.72-85.

странами ЕС и внешней политики — с США и Францией. Тем не менее в целом отношение африканцев к китайской торгово-экономической экспансии нельзя оценивать как однозначно положительное. Довольно часто звучат высказывания о том, что Китай предоставляет Африке огромные возможности, но одновременно несет и серьезную угрозу¹⁶⁶. И у Китая, несмотря на все его успехи, также накопился негативный опыт отношений с африканской стороной — захваты китайских специалистов-нефтяников в Нигерии, столкновения с природоохранными организациями в Габоне и Танзании, забастовки горняков в Замбии, ДРК и ЮАР.

Пик китайско-африканских отношений не пройден, страны АЮС еще достаточно долго будут оставаться ключевыми поставщиками сырья для растущих экономик Китая и других азиатских стран, выступающих главными конкурентами в сфере торгово-экономических отношений ЕС и США. Поэтому "схватка за Африку" становится геэкономической и геополитической вехой 10-х годов во взаимоотношениях мировых западных держав и ведущих азиатских стран с растущей экономикой. Несмотря на все разговоры ведущих государств мира о партнерских отношениях со странами АЮС, они остаются объектами международно-политических процессов. И вряд ли эта ожесточенная конкурентная борьба и схватка за ресурсы будут содействовать установлению мира и стабильности в Субсахарской Африке.

Международно-политическая ситуация в Субсахарской Африке

Глобализация, как известно, крайне неравномерно влияет на экономическую динамику государств и регионов: одни из них втягиваются в мировое хозяйство и быстро развиваются, другие — стагнируют без внешних толчков и все более маргинализируются. АЮС не является исключением, и дифференциация между странами и регионами здесь углубляется. Самый большой потенциал экономического роста и развития — у Южного региона (Ангола, Ботсвана, Зимбабве, Лесото, Мозамбик, Намибия, Свазиленд, ЮАР)¹⁶⁷ во главе с ЮАР. Самый слабый — у Центрального¹⁶⁸.

Глобализация способствует и социально-классовому расслоению и отчуждению — между элитными группировками, ставшими частью потребительского западного общества, его интеллектуальных, культурных, деловых прослоек, и основной частью населения, традиционалистского по своему характеру. Наивысший разрыв в доходах наблюдается в странах Южного региона, особенно в ЮАР. Несмотря на значительный экономический рост в 2000-х годах¹⁶⁹, странам АЮС (за редким исключением) не удастся - и вряд ли удастся в ближайшие десятилетия - достичь устойчивого экономического развития, осуществить структурную модернизацию и технологический прорыв. Сохраняется почти во всех государствах Субсахарской Африки и конфликтно-кризисный характер властных отношений и взаимодействия власти с массами¹⁷⁰. Политические режимы авторитарного типа остаются доминирующими. Им, несмотря на развитие, хотя и ограниченное, политического плюрализма и становление элементов гражданского общества, не удастся укрепить государственность и создать эффективные механизмы

¹⁶⁶ См. Лебедева Э. Е., Салицкий А. И. Указ. соч. С. 226-231.

¹⁶⁷ См. подробнее: Стратегический глобальный прогноз 2030. М.: Магистр, 2011. С. 422.

¹⁶⁸ ЦАР, Чад, Республика Конго, ДРК, Экваториальная Гвинея, Габон, Сан-Томе и Принсипи.

¹⁶⁹ В течение 2002-2007 гг. темпы ежегодного прироста ВВП АЮС были выше и общеафриканских и среднеазиатских показателей и составляли 6.5%, а в 2008 г. — в начале кризиса — снизились лишь до 5%. См. Фитуни Л. Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития // Азия и Африка сегодня. М., 2010, № 9. С. 10.

¹⁷⁰ См. Современная Африка: метаморфозы политической власти. М.: Вост. лит., 2009. С. 201-231.

политического управления. Проблема "несостоявшихся государств" (*failed states*) еще долго не будет снята с повестки дня. Все это порождает напряжение в африканских обществах и создает базу для роста политической нестабильности.

Десятилетиями Субсахарская Африка выделялась в развивающемся мире высоким уровнем политической нестабильности, в первую очередь частыми государственными переворотами. Но в начале 1990-х годов военно-политическая обстановка в АЮС существенно изменилась, конфликты приобрели качественно иные масштабы и характеристики¹⁷¹. Военные перевороты большей частью сменились гражданскими войнами, восстаниями, вооруженными выступлениями с самыми разрушительными последствиями для молодой, по историческим меркам, африканской государственности. И главное, внутривнутриполитические конфликты дестабилизировали ситуацию в регионах и даже выплескивались за их пределы.

К концу 1990-х годов только в Южном регионе военно-политическая ситуация стала кардинально меняться к лучшему. Завершилась (в 1992 г.) длившаяся несколько десятилетий гражданская война в Мозамбике. Был ликвидирован режим апартеида в ЮАР (1994 г.) и, как следствие, прекратилась помощь антиправительственным силам в гражданской войне в Анголе, что при поддержке со стороны мирового сообщества привело к ее окончанию в 2002 г.

Что касается других регионов, то конфликты там тлели и вспыхивали с новой силой. В условиях, когда выявилась неспособность и/или нежелание бывших метрополий и США их урегулировать, сами африканцы возлагали надежды только на "голубые каски" ООН. Однако к концу десятилетия в полной мере вскрылась неспособность международных организаций, в первую очередь ООН, адекватно реагировать на многочисленные конфликты по всему миру. ООН просто не обладала достаточными ресурсами, чтобы осуществлять миротворческие операции, включая мониторинг выборов, гуманитарные миссии и т.п.

В этих условиях для Африканского союза (АС) резко актуализировалась задача создать собственный полноценный механизм предупреждения и разрешения насильственных конфликтов, постконфликтного восстановления и поддержания устойчивого мира в Субсахарской Африке. Центральным моментом явилось формирование в 2002 г. и дальнейшее развитие институтов Африканской архитектуры мира и безопасности (APSA)¹⁷². В 2003 г. в Учредительный акт АС была внесена важнейшая поправка о праве Союза на прямое (в том числе вооруженное) вмешательство во внутренние дела государств-членов в чрезвычайных обстоятельствах (геноцид, военные преступления). Непризнание правительств, пришедших к власти неконституционным путем, сопровождалось введением против них политико-экономических санкций (приостановка членства государства в АС, прекращение/ограничение транспортных и телекоммуникационных связей, финансовых трансфертов на реализацию социально-экономических проектов). Другим инструментом АС по поддержанию мира и безопасности стало созданное им в 2007 г. структурное подразделение под Программу по регулированию границ (AUBP). Ее целью провозглашалась демаркация к 2012 г. всех межгосударственных границ. Тем не менее к настоящему времени в Африке демаркированы только 25% сухопутных границ, а водных и морских – еще меньше.

Несмотря на все институциональные новации и миротворческие усилия АС, региональных экономических сообществ, активно и всесторонне поддерживаемых

---

¹⁷¹ Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. Том II. М.: ИМЭМО РАН, 2006. С.16-18.

¹⁷² Вокруг постоянно действующего в Африке Совета мира и безопасности объединились Континентальная система раннего предупреждения конфликтов, Совет мудрецов (*Panel of Wise*), Силы постоянной готовности Африки (*African Standby Force, ASF*), Механизм постконфликтной реконструкции и развития, а также Африканский фонд мира (*APF*).

ООН и ведущими мировыми державами, уровень конфликтности в странах АЮС остается весьма высоким.

Новые вызовы глобального и регионального характера, а именно экономический, экологический и продовольственный, усиливались традиционными факторами, провоцирующими политическую нестабильность — этнорегиональными и конфессиональными противоречиями, слабостью государственных институтов, системной коррупцией, высоким уровнем социального расслоения, массовой бедностью и т. п.

Обозначились и другие угрозы миру и безопасности, все больше приобретающие транснациональный характер. Совершенно оправданно утверждение, что в "современном мире сложился своего рода международный криминально-террористический Интернационал, не имеющий единого руководства, представляющий собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих сетевых структур"¹⁷³. Исламистские террористические организации, использующие открытые (в Сомали, Мали) или латентные (в Нигерии) способы десоверенизации отдельных африканских государств, стали неотъемлемой и быстро укореняющейся частью этого Интернационала. Наиболее значимые из исламистских радикальных организаций — это сомалийская "Аль-Шабааб", "Аль-Каида в странах исламского Магриба" и нигерийская "Боко харам", часто именуемая "Африканским" или "Черным Талибаном".

Серьезную озабоченность африканских лидеров и мирового сообщества вызывает стремление исламистских группировок к более тесной координации своей подрывной деятельности, к обмену опытом подготовки боевиков и проведению совместных операций. Формирование альянсов террористов с наркоторговцами и другими преступными синдикатами подрывает экономику африканских государств, ослабляет их политические институты и правоохранительную систему, снижает эффективность миротворческих усилий АС и ООН. Во многих африканских странах героин и кокаин заменили обесценившуюся национальную валюту; средства, вырученные от наркотрафика, достаются террористам и антиправительственным силам, причем не только в АЮС, но и в других регионах мира. Западная Африка служит перевалочным пунктом в торговле наркотиками (50-55 тонн кокаина в год) между Южной Америкой и Европой. А в скором времени регион может стать и их крупным производителем. Восточная Африка специализируется на трансферте афганского героина (30-35 тонн в год). Наркопотоки соединяются в Сахеле, где действуют различные военизированные группировки. Превращению Восточной Африки в центр наркоторговли способствовала анархия, царящая уже несколько десятилетий в Сомали. Кроме наркотиков здесь торгуют нелегальными мигрантами, оружием и опасными промышленными отходами.

Все больше дестабилизируют межгосударственные отношения в АЮС "ресурсные войны", нередко провоцируемые и разжигаемые внешними неафриканскими акторами (США, Франция и т.п.). Причем яблоком раздора здесь становятся не только энергетические и минеральные богатства, но земля и вода. По некоторым прогнозам, через четверть века почти весь Африканский континент будет испытывать острый дефицит пресной воды, если не удастся использовать огромные запасы подземных источников воды, недавно обнаруженных британскими исследователями.

Активными или латентными зонами нестабильности остаются и/или становятся огромные территории от Аденского залива и Индийского океана до Гвинейского залива Атлантического океана.

---

¹⁷³ Факторы и акторы дестабилизации: опыт прошлого и современность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 64.

В Восточном регионе¹⁷⁴ эпицентром политической турбулентности многие десятилетия является Сомали. С конца 2011 г. просматривается тенденция к расширению участия в сомалийском вооруженном конфликте как соседних стран, так и западных держав, прежде всего США и Франции. Международное сообщество стремится также положить конец морскому пиратству у побережья Сомали и в северо-западной части Индийского океана, где пролегают многочисленные торговые маршруты. ЕС и НАТО направили в Индийский океан свои ВМС, инициировав операции "Атланта" и "Океанский щит". К этим усилиям присоединились другие страны, в том числе Россия, США, Китай, Индия, Малайзия.

20 августа 2012 г. должен завершиться переходный период, начавшийся в 2004 г. созданием — при поддержке международного сообщества — переходного правительства Сомали с мандатом разработать и принять новую конституцию и подготовить проведение всеобщих выборов. Однако процесс государственного строительства находится только в начальной стадии. Чтобы поддержать усилия сомалийцев и стимулировать этот процесс, под эгидой ООН в 2012 г. было проведено несколько международных конференций. Участники Лондонской конференции (23 февраля), на которой было представлено более 50 стран и международных организаций, включая ООН, отвергли идею превращения Сомали в международный протекторат и одобрили рассчитанную на 4 года дорожную карту реконструкции страны. Разрабатываемый сомалийцами проект основного закона нацелен на формирование федеративного либо конфедеративного государства, что позволит объединить сомалийские племена и кланы, воссоединить самопровозглашенные государства. Активно поддерживает эту идею и Сомалиленд. Формированием нового парламента на местах займутся советы старейшин. Ведь полноценные выборы в стране все еще невозможны по соображениям безопасности, хотя исламистская организация "Аль-Шабааб" теряет свои позиции одну за другой.

Трудно сказать, когда будут реализованы планы по восстановлению государственности Сомали. Но если удастся перевести сомалийский конфликт хотя бы в латентную фазу, то главной головной болью лидеров стран северо-востока Африки (включая Египет) и мирового сообщества станут проблемы двух Суданов — государств, образовавшихся в 2011 г. на ранее единой территории. "Нефтяной вопрос" сразу стал точкой преткновения в межгосударственных отношениях Северного и Южного Судана и привел к их вооруженному противостоянию. Помимо продолжения ожесточенной схватки между ними за ресурсы, вероятным сценарием развития событий может стать превращение Южного Судана в "несостоявшееся государство" и распад Северного Судана. В ряде его провинций (Кордофан, Голубой Нил, Дарфур) складывается крайне напряженная ситуация. Очевидно, что возрастающий интерес США, Франции и других западных государств к проблеме урегулирования конфликтных ситуаций в Восточной Африке, в том числе путем раздела Судана, обусловлен не только угрозой распространения терроризма и ростом пиратской активности в этом регионе. Главным является их стремление обеспечить свои геополитические и транснациональные экономические интересы, в том числе путем противодействия росту китайского влияния в Африке.

Политическая нестабильность в Центральном регионе Африки в последние годы носит преимущественно латентный характер вследствие прекращения открытого масштабного вооруженного конфликта на востоке Демократической Республики Конго (ДРК). Главной ее проблемой продолжает оставаться неспособность государственной власти обеспечить базовые потребности населения.

---

¹⁷⁴ Бурунди, Коморы, Джибути, Эритрея, Эфиопия, Кения, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Реюньон, Руанда, Сомали, Судан, Уганда, Танзания, Замбия.

А за этим кроется отсутствие административных структур во многих районах ДРК, слабость армии, судебной системы и госаппарата, системная коррупция в стране, расколотой по этнорегиональному признаку. Все это грозит по меньшей мере повторением в ДРК кровавых сценариев прошлого, но возможен и распад страны с последующей дестабилизацией региона. Недаром генсек ООН заявил в январе 2012 г., что он выступает за продление до 2014 г. мандата миротворческой Миссии ООН (МОНУСКО) – самой большой в Африке, насчитывающей почти 20 тыс. военных, полицейских и гражданских лиц. И это после более чем десятилетнего присутствия Миссии в ДРК.

Политическая турбулентность быстро нарастает в Западной Африке¹⁷⁵. Так, в Кот-д'Ивуаре в 2002-2007 гг. шла гражданская война, а после выборов 2010 г. возник острый конфликт между претендентами на президентский пост, угрожавший из-за огромных потоков ивуарийских беженцев дестабилизацией ситуации в соседних странах — Буркина-Фасо, Либерии, Сьерра-Леоне. В 2010-2012 гг. в Нигере, Мали и Гвинее-Бисау произошли военные перевороты. Падение М. Каддафи, одного из важнейших игроков на субсахарском политическом поле и особенно в зоне Сахеля, привело к нарушению и без того шаткого баланса сил в регионе.

Воцарился хаос в Мали, где центральная власть фактически отсутствует. Местные племена туарегов, получивших оружие и накопивших боевой опыт, благодаря участию в ливийских событиях, выбили правительственные войска из городов севера Мали и объявили о создании независимого государства Азавад. А вскоре реальную власть в нем захватили связанные с "Аль-Каидой" группировки "Ансар ад-Дин" и "Движение за единство и джихад в Западной Африке". Есть опасения, что последние найдут общий язык с членами "Боко харам", обретшими прибежище в Нигере и Чаде. Это движение поддерживает тесные связи с "Аль-Каидой" и афганскими талибами, которые еще в 2010 году обещали оказывать поддержку своим "братьям" в Нигерии. В этих условиях Африканский союз на последнем саммите (июль 2012 г.) высказался в поддержку международной военной операции против связанных с "Аль-Каидой" исламистов, контролирующих север Мали. По мнению экспертов, Африка стоит на пороге новой большой войны, которая на сей раз будет вестись под лозунгом борьбы с терроризмом, при помощи Запада и с санкции СБ ООН.

Наибольшую опасность для мира в Западном регионе и в целом в АЮС представляет растущая дестабилизация ситуации в Нигерии. Эта крупнейшая африканская страна является главным экономическим актором и центром силы в регионе, и одновременно – важным торгово-экономическим партнером США, Китая и ЕС. Дестабилизация Нигерии грозит развалом самого государства, возникновением волны хаоса, способного выплеснуться за пределы Западного региона.

С 2011 г. правительство пытается наладить переговорный процесс с "Боко харам", террористическая деятельность которой обострила исторически напряженные отношения между мусульманами и христианами, особенно после победы на президентских выборах 2011 г. христианина Г. Джонатана. Свержение правительства Нигерии, введение законов шариата на всей территории страны и искоренение светской модели образования – вот главные лозунги "Боко харам". По некоторым данным, группировка получает поддержку политической элиты нигерийского Севера, стремящейся вернуть себе власть в стране. Но, кто и кого использует и в каких целях, покажет будущее.

---

¹⁷⁵ Бенин, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того. См. подробнее: Стратегический глобальный прогноз 2030. С. 422.

Растущая дестабилизация стран Субсахарской Африки свидетельствует об увеличении там зоны проблемной государственности и даже возможной "сомализации" некоторых государств, подтверждая вывод российских ученых об "ускользании" суверенитета из современной политической практики¹⁷⁶.

Регионализм в АЮС: настоящее и будущее

Со времени завоевания странами АЮС независимости в их повестке дня всегда стояла межгосударственная политическая и экономическая интеграция. В 1963 г. была сформирована Организация африканского единства (ОАЕ), целью которой стали: ликвидация всех форм колониализма и расизма, укрепление солидарности африканских государств, защита их суверенитета, территориальной целостности и независимости, а также содействие международному сотрудничеству. Если с первой задачей ОАЕ справилась, то в решении остальных — в условиях нарастания процессов глобализации, последствия которых для африканских стран были в основном негативными — оказалась практически бесполезной.

К началу XXI века наиболее продвинутой и реалистически мыслящей частью африканских лидеров во главе с президентом ЮАР Т. Мбеки, не преуменьшая негативных последствий стихийного развития глобализации, признала ее как данность. Но при этом африканские деятели заявили о необходимости смены парадигмы в отношении африканских стран с ведущими государствами Запада. Поскольку Африка хочет и должна покончить с ролью объекта глобализационных процессов и стать их субъектом, неоспоримым приоритетом африканских стран становится развитие – главный ресурс их конкурентоспособности и международного влияния. Африканский союз, заменивший в 2002 г. ОАЕ и принявший программу "Новое партнерство для развития Африки" (НЕПАД), объявил континентальную и региональную интеграцию в качестве решающего фактора достижения этой цели.

В программе упор сделан на сокращении наполовину к 2015 г. числа бедняков и достижении ежегодного 7-процентного прироста ВВП, прекращении и предотвращении вооруженных конфликтов, укреплении демократии и надлежащего управления. Региональные экономические сообщества были признаны строительными блоками континентальной интеграции и будущих Соединенных Штатов Африки, что предполагало гармонизацию целей, институтов и программ деятельности между РЭСами, АС и НЕПАД.

Индикатором развитости/неразвитости региональной интеграции служит объем товарооборота внутри сообщества. Данные о структуре экспорта основных экономических группировок за 2006 г. свидетельствуют о чрезвычайно медленных темпах продвижения по пути межафриканской интеграции или даже срыва этого процесса в Центральном регионе. Экспорт 15 стран - членов старейшего в АЮС Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) постоянно увеличивался с момента создания группировки в 1975 г., но составил при этом лишь 9.5% всего внешнеторгового оборота сообщества. Самыми провальными оказались результаты деятельности Экономического сообщества Центральноафриканских государств (ЭККАС): уровень взаимного товарооборота их 11 членов¹⁷⁷ постоянно снижался и опустился до 0.6% всего объема экспорта стран объединения. Упал внутренний товарооборот и Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА),

---

¹⁷⁶ См. подробнее: Асимметрия мировой системы управления: зоны проблемной государственности. М.: МГИМО-Университет, 2011.

¹⁷⁷ Ангола, Бурунди, Камерун, ЦАР, Чад, ДРК, Республика Конго, Экваториальная Гвинея, Габон, Руанда, Сан-Томе и Принсипи.

составив к середине нулевых годов только 5.9% всего его объема, хотя численность членов КОМЕСА выросла с 10 до 21¹⁷⁸.

Объем взаимной торговли внутри Южноафриканского сообщества развития (САДК) достиг 7.7% всего внешнеторгового оборота входящих в него 14 стран¹⁷⁹. А вот на экспорт этих сообществ за пределы континента приходилось соответственно 87.4%, 97.6, 90.4 и 89.2% всего их экспорта¹⁸⁰. Возможно, объемы товарооборота внутри экономических группировок несколько выросли за последние годы, но сути это не меняет. Для наиболее развитых стран Субсахарской Африки утрачивается экономический смысл региональной интеграции, поскольку преобладающая часть их внешнеэкономической деятельности реализуется в рамках соглашений об экономической интеграции с нерегиональными партнерами. Так, ряд членов правительств Нигерии, Сенегала, Кот-д'Ивуара и Ганы полагают, что их страны добились бы больших хозяйственных успехов в качестве самостоятельных экономических игроков.

Существует много факторов экономического, организационно-институционального, социокультурного, политического и пр. характера, препятствующих становлению РЭСов и континентальной интеграции¹⁸¹. В этом плане весьма интересно и во многом оправданно с точки зрения как африканских реалий, так и резкого увеличения в 10-х годах нынешнего века двусторонних и многосторонних соглашений либерализационного и интеграционного характера, заключение российского ученого А. Спартака. Он подчеркивает: "классический регионализм в его пространственно ограниченном, ориентирующемся на 'жесткие' интеграционные форматы, предполагающие наднациональное регулирование, в значительной степени исчерпал свой экономический и геополитический ресурс"¹⁸². Поэтому создание интеграционных мегаблоков, как, например, Африканское экономическое сообщество, задуманное еще в 1981 г., вряд ли возможно и целесообразно. Нереальным видится и возможность слияния, как это предложено Африканским союзом и ЭКА ООН еще в 2006 г., существующих на континенте 14 группировок и образование вместо них пяти региональных сообществ.

В то же время ряд африканских РЭСов — КОМЕСА, САДК, ЭКОВАС, Восточноафриканское сообщество (ВАС) — не исчерпали своих возможностей для успешного внутрирегионального сотрудничества и становятся более или менее заметными игроками в мирохозяйственных отношениях. КОМЕСА¹⁸³ сумело дальше других экономических сообществ продвинуться в создании зоны свободной торговли и таможенного союза, а также в развитии торгово-экономических связей не только с традиционными партнерами — США, странами ЕС, но и с Китаем, ЮАР, Индией, Турцией, Саудовской Аравией, Японией, ОАЭ. В 2011 г. в Дубае был проведен очередной, четвертый, инвестиционный форум "КОМЕСА-2011" под лозунгом "Откроем рынки для будущего", на котором было представлено более 70 стран.

¹⁷⁸ Бурунди, Коморы, ДРК, Джибути, Египет, Эритрея, Эфиопия, Кения, Ливия, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Руанда, Сейшелы, Судан, Свазиленд, Уганда, Замбия, Зимбабве, Намибия и Лесото.

¹⁷⁹ ЮАР, Ботсвана, Лесото, Свазиленд, Намибия, Зимбабве, Ангола, Мозамбик, Малави, Мадагаскар, Танзания, Замбия, Маврикий, ДРК.

¹⁸⁰ Экономика Африки в условиях рыночных преобразований. М.: Институт Африки, 2010. С. 84.

¹⁸¹ Там же, гл. IV. С. 82-90; Лебедева Э.Е. Региональное управление в Африке и место государства. // Африка на пути к независимости (1930-1960 гг.). М.: Институт Африки, 2009. С. 174-182.

¹⁸² Спартак А. Современный регионализм. // МЭиМО, 2011, № 1. С. 8-9.

¹⁸³ Население КОМЕСА — 430 млн. человек; ВВП составил в 2008 г. 952 млрд. долл. США (по паритету покупательной способности); объем взаимной торговли между странами-участницами в 2009 г. достиг 5.7 млрд. долл. против 665 млн. долл. в 1999 г., а экспорт (в 2009 г.) в неафриканские страны составил 108 млрд. долл.

В период с 2000 по 2010 год внутрирегиональный экспорт Восточноафриканского сообщества возрос втрое — с почти 700 млн. долл. до почти 2 млрд. долл., лишь немногим уступив общему объему экспорта ВАС в зону евро¹⁸⁴. В марте 2012 г. в Гане прошел второй торгово-экономический форум ЭКОВАС и Китая, где обсуждалось сотрудничество в области финансов, информатики, энергетики и др. РЭСы и другие африканские экономические группировки встраиваются в межрегиональное, преимущественно трансконтинентальное сотрудничество — с ЕС, ЕАСТ, МЕРКОСУР. Динамичное развитие торгово-экономических отношений РЭСов в различных форматах с нерегиональными акторами будет способствовать, по мнению африканцев, процессу интеграции внутриэкономического пространства объединений.

Называясь экономическими сообществами, РЭСы формировались как политико-экономические группировки. В ЭКОВАС, САДК, ВАС были созданы по примеру Африканского союза парламенты, что свидетельствует о стремлении сформировать широкую демократическую базу объединений путем вовлечения в интеграционный процесс гражданского общества, политических партий, экономических игроков. Более того, в документах ЭКОВАС и ВАС присутствует идея основания на базе объединений федеративных государств. Однако реализация этой идеи вряд ли имеет шансы на успех даже в долгосрочной перспективе. Ведь эти и другие регионы АЮС, как показано выше, являются зонами проблемной государственности с тенденцией дальнейшей десоверенизации стран АЮС, что создает опасность для выживания самого африканского государства как значимой единицы в международной политической системе.

"Эта ситуация требует переосмысления самого понятия суверенитета в тесной связке с концептом и практикой коллективного суверенитета, который представляется единственной вероятной альтернативой, если африканские государства не хотят лишиться даже формального суверенитета, унаследованного от колониальной эпохи", - пишет Ж. Мангала, директор африканских исследовательской программы в Государственном университете Гранд-Вэлли в американском штате Мичиган¹⁸⁵. Коллективный суверенитет потребует, считает он, создания "независимого регионализма", нацеленного на интеграцию в глобальную систему. Но при опоре на стратегию развития, учитывающую интересы африканских стран, а не на потребности в африканских ресурсах мировых игроков, добавим мы. Таким образом, концепция коллективного суверенитета, по Мангалу, предполагает сохранение и укрепление государственного суверенитета африканских стран в рамках экономических сообществ и одновременно становление РЭСов как субъектов международно-политических процессов.

Этот процесс уже активно идет на региональном уровне. В первую очередь — в сфере обеспечения мира и стабильности, а также поддержания конституционного порядка в государствах - членах объединений. Так, ЭКОВАС в 2010 г. приостановила членство Кот-д'Ивуара в организации из-за нежелания его президента Л. Гбагбо признать свое поражение на прошедших выборах, а в 2012 г. сочла необходимым разместить миротворческие силы в Мали и Гвинее-Бисау, где произошли военные перевороты. САДК занимается урегулированием кризиса в Зимбабве. РЭСы формируют при поддержке НАТО бригады Африканских сил постоянной готовности (*African Standby Force, ASF*). ЭКОВАС к тому же располагает собственным миротворческим контингентом, внесшим значительный вклад в прекращение гражданских войн в регионе.

¹⁸⁴ Финансы и развитие. МВФ. Декабрь 2011, вып. 48, № 4. С. 56.

¹⁸⁵ Africa and the New Globalization. Aldeshot, Burlington, 2008. P. 114.

Лидеры этих объединений — Нигерия и ЮАР настроены критически по отношению к отдельным направлениям внешнеполитических стратегий мировых держав в АЮС. Так, они отказались поддерживать ряд важных американских инициатив по борьбе с терроризмом, осудили как предвзятую деятельность Международного уголовного суда и выступили категорически против размещения штаб-квартиры АФРИКОМа на территории какого-либо африканского государства. Причины — боязнь расширения американского военного присутствия на континенте, которое рассматривается АС как иностранное вмешательство в африканские дела, и озабоченность сохранением регионального и континентального баланса. ЮАР осудила Францию за "неоколониальное вмешательство" в дела Кот-д'Ивуара, а затем за срыв мирной инициативы АС по урегулированию ливийского кризиса, считая, что ООН пошла на поводу у Франции. "План Африканского союза был полностью проигнорирован в пользу бомбежек Ливии силами НАТО", - заявил президент ЮАР Дж. Зума на январском (2012 г.) заседании СБ ООН, посвященном роли Африки в разрешении кризисов на этом континенте.

Лидеры Нигерии, ЮАР, Анголы негативно отреагировали на предложения Евросоюза на втором саммите ЕС-АС в Лиссабоне (2007 г.) открыть свободный доступ на африканские рынки европейским товарам, т. к. это нанесло бы удар по неокрепшей промышленности их стран, а потеря доходов от таможенного обложения — по их бюджету. Только 31 страна Субсахарской Африки под давлением Евросоюза подписала соглашения об экономическом партнерстве. На третьем саммите ЕС-АС в Триполи (2010 г.) африканские лидеры вновь потребовали обсудить наиболее актуальные для них проблемы торгово-экономического взаимодействия, которых не хотели касаться европейцы. Вместе с тем они отказались подписать совместную декларацию по изменению климата, мотивировав это тем, что документ отражает интересы только европейских стран. Выявились много противоречий между европейцами и африканцами как в расстановке приоритетов по тем или иным проблемам, так и в видении стратегий развития и путей их реализации. Поэтому в принятой третьим саммитом ЕС-АС программе действий (до 2013 г.) хотя и сохранены все прежние приоритетные области сотрудничества, но в них внесены и некоторые коррективы. Это, в частности, призыв к формированию "более гибкого афро-европейского партнерства" и предоставлению более широких возможностей для африканских государств, в том числе и в реформировании системы глобального управления.

В 2005 г. АС представил свою концепцию реформы ООН, так называемый "Консенсус Эзулвини". Африканцы выступают за предоставление им двух мест постоянных членов Совбеза с правом вето, а также двух дополнительных мест непостоянных членов. На XV саммите АС в июле 2010 г. приверженность африканцев этой концепции была подтверждена. Сейчас страны континента составляют более четверти (27%) государств, входящих в ООН, но имеют всего три места непостоянных членов СБ. И это при том, что только с сентября 2008 г. по март 2011 г. почти половина (260 из 529) заседаний и резолюций СБ ООН, а также заявлений его председателя, была посвящена обсуждению африканских проблем¹⁸⁶.

Позиция мировых держав — членов СБ по вопросу его реформирования не является, естественно, консолидированной. Франция выступает за поэтапное расширение Совбеза, предлагая выделить Африке пока только одно место постоянного члена. Если позицию Франции поддержат другие члены Совбеза, что вполне реально, учитывая значительное число претендентов на места в СБ из других регионов мира, то за это развернется (да фактически уже развернулась)

---

¹⁸⁶ Урнов А. Ю. Африка и реформа ООН. // Азия и Африка сегодня. 2011, № 5. С. 10-17.

яростная борьба между ЮАР и Нигерией – основными кандидатами на роли новых "центров силы" континента.

Нигерия свои претензии на постоянное членство в СБ ООН обосновывает тем, что она является самой населенной страной АЮС (138.2 млн. человек в 2008 г.), обладающей значительными вооруженными силами (84 тыс.) и внесшей большой вклад в миротворческие операции в Либерии, Сьерра-Леоне, Гвинее-Бисау, Судане. Нигерийский президент О. Обасанджо был одним из инициаторов создания НЕПАД, а в 2004-2006 гг. он возглавлял АС. Нигерия поставила своей целью войти в двадчатку наиболее развитых экономик мира к 2020 г. и обойти ЮАР, что стало своего рода национальной идеей. Однако Нигерия имеет слабые дипломатические позиции на международном уровне, а, главное, политическая ситуация в Нигерии крайне нестабильна.

И в самой Африке, и за ее пределами многие аналитики согласны, что ЮАР — естественный лидер континента. Республика не только экономически самая развитая, но она превратилась после ликвидации системы апартеида в наиболее демократически продвинутую на Африканском континенте. ЮАР активно участвует в интеграционных процессах на региональном (САДК, САТУ) и континентальном уровнях. Первый президент АС Т. Мбеки внес большой вклад в разработку и принятие программы НЕПАД. Явно возросла роль республики в мировой экономике и глобальной политике. ЮАР – член G20, он участвует в работе Мирового банка и МВФ и избран на второй двухгодичный срок в СБ ООН. Успешно развиваются отношения ЮАР с ведущими государствами Юга – Индией и Бразилией в трехстороннем формате ИБСА, а с 2011 г. — с этими странами, а также Китаем и Россией, в рамках БРИКС. Но поражение южноафриканского представителя на выборах главы комиссии АС на XVIII саммите организации в январе 2012 г. подтвердило выводы "Белой книги" ЮАР по внешней политике за 2011 г., что многие континентальные тренды в своей комбинации могут бросить вызов лидерству ЮАР в Африке. В этой книге признается, что риторика африканской солидарности маскирует реальное соперничество между странами, сопротивление гегемонистским устремлениям Южной Африки на континенте, особенно со стороны региональных тяжеловесов — Египта и Нигерии. Упомянутое поражение также расценивается в ЮАР как результат французского давления на маленькие франкофонные государства – члены АС.

С возникновением новых вызовов, частично связанных и с развернувшейся "схваткой за Африку" западных держав и азиатских стран с растущей экономикой, обнаруживается запрос на сильного лидера, который бы повел АС независимым курсом. Китай, Индия, Россия – члены БРИКС и активные участники этой схватки используют ЮАР как платформу и инструмент проникновения на континент. Этот фактор — наряду с историей Южной Африки (апартеид), ксенофобскими настроениями южноафриканцев в отношении мигрантов-африканцев (волна погромов, прокатившаяся по стране в 2008 г.) — вызывает настороженность африканцев и сомнения в том, что ЮАР действительно станет защитницей их интересов в ООН и других органах глобального управления.

Борьба Нигерии и ЮАР за лидерство в АС ослабляет его влияние в международно-политических процессах всех уровней. Неспособность организации выработать единую позицию по ключевым вопросам, в том числе по урегулированию ивуарийского и ливийского кризисов, привела к полному пренебрежению Африканского союза со стороны западных держав и Совета Безопасности ООН. Острая нехватка у АС бюджетных средств ставит под угрозу миротворческие операции в горячих точках Субсахарской Африки, тем более что более половины

программ АС финансируются из-за рубежа ¹⁸⁷. В 2010 г. вклад в бóльшую часть бюджета АС внесли ЮАР, Алжир, Нигерия, Египет и Ливия. Последняя даже вносила собственные средства за наиболее бедные африканские страны. Каддафи, который со времени создания АС стремился играть в организации ведущую роль, при всей непоследовательности и даже экстравагантности своего поведения на международной арене, был носителем идеи равноправно-конкурентных отношений с США, ЕС, Индией и Китаем. Его уход с политической сцены, а также революции в североафриканских странах не только обострили бюджетные проблемы АС, но стали еще одним фактором падения влияния организации.

На этом фоне перспективы ряда РЭСов выглядят более обнадеживающими. Они, в первую очередь ЭКОВАС и САДК, наращивают потенциал в качестве региональных субъектов международно-политических процессов АЮС, а Нигерия и ЮАР – центров силы не только регионального, но и, возможно, мирового уровня.

---

¹⁸⁷ Бюджет АС на 2011 г. составил 256.7 млн. долл., из них 122.6 млн. были получены от стран - членов АС, а 134.2 млн. – от международных партнеров.

Международно-политические процессы в Северной Африке

Арабский мир остается расколотым уже долгие годы. Многие в его странах сходятся во мнении, что деятельность основной региональной организации – Лиги арабских государств (ЛАГ) абсолютно непродуктивна ввиду сохраняющихся значительных противоречий между интересами ее участников – членов этой организации. Как представляется, функционирование ЛАГ вполне соответствует известной поговорке: "арабы впервые договорились, чтобы не быть согласными". Действительно, на протяжении десятилетий с момента основания этой организации арабские страны далеки от единства. В период "холодной войны" бóльшая часть этих стран поддерживала западный блок, остальные члены ЛАГ находились в тесном сотрудничестве с СССР. События "Арабской весны" 2011 г. еще больше углубили противоречия в межарабских отношениях. Рассмотрим эти противоречия подробнее на примере арабских стран Северной Африки.

Региональная политика Ливийской Джамахирии

Провозглашение независимости Ливии стало отправной точкой становления и развития ее внешних связей на новом этапе мирового развития. Безусловно, первостепенным для нового государства стало вступление в ЛАГ в 1953 г., а в 1955 Ливия стала полноправным членом ООН.

Стратегическое положение Ливии, открытие нефти на территории страны способствовали стратегической заинтересованности элит западных стран в качественном расширении сотрудничества с руководителями новообразованного государства. Сильное тяготение к западному вектору внешней политики Ливии было вызвано несколькими факторами. Во-первых, на территории страны даже после обретения независимости значительная часть земельных угодий оставались в руках итальянских колонистов. Во-вторых, размещение и функционирование американских и английских военных баз, деятельность западных нефтяных концернов в стране делали для властей Ливии предпочтительной ориентацию на Запад, нежели на арабский мир. И действительно, в самые критические периоды в истории арабских стран (арабо-израильская война 1967 г., алжирская война за независимость (1954 – 1962 гг.)) Ливия не оказала должной поддержки "братским" странам и тем самым способствовала падению своего международного авторитета в глазах всех арабов.

После революции 1 сентября 1969 г. и установления республиканского правления внешняя политика нового руководства страны претерпела кардинальные изменения: проведение самостоятельной внешней политики (которая неминуемо привела бы к антизападному политическому курсу) и борьба за арабское единство стали главными ориентирами нового государства. Закономерным поэтому стало резкое обострение американо-ливийских отношений.

Решение нового руководства Ливии во главе с М. Каддафи о национализации американских компаний в стране подтолкнули Белый дом к проведению ряда мер, имевших следствием разрыв отношений США с Ливией на долгие годы. Первым шагом США в данном направлении стало ограничение американского экспорта промышленной продукции в Ливию. Затем была заблокирована продажа пассажирских и транспортных самолетов, производившихся в Италии по американской лицензии. В продолжении своего конфронтационного курса в отношении Ливии США инициировали в 1979 г. крупномасштабные военные маневры у ливийских берегов, что вызвало широкие антиамериканские выступления по всей стране. Так, ливийские демонстранты сожгли посольство США в Триполи.

Подобное развитие событий повлекло за собой полный разрыв дипломатических отношений между двумя странами. Параллельно главы Ливии и США предъявляли взаимные обвинения в возможной разработке секретными службами противоборствующей стороны плана по свержению лидера страны. На территории соседнего с Ливией Египта были проведены первые американо-египетские маневры "Брайт стар", имевшие целью продемонстрировать военную мощь около берегов ливийского государства и показать сплоченность Египта и США на антиливийской платформе. В общей сложности за 4 года (с 1981 по 1985 г.) США провели 18 военных учений и маневров у ливийского побережья.

Руководством Соединенных Штатов использовались также экономические меры для ослабления и последующего свержения ливийского лидера М. Каддафи. Так, в 1982 г. Вашингтон объявил эмбарго на импорт ливийской нефти и поставки в Ливию американского нефтяного оборудования, а в 1985 г. ввел запрет и на ввоз нефтепродуктов из Ливии. А в январе 1986 г. президент Р. Рейган заявил о введении новых санкций, предусматривавших полный запрет на все экономические и торговые связи американских государственных компаний, учреждений и отдельных лиц с ливийской стороной.

15 апреля 1986 г. американские военные самолеты нанесли серию ракетных и бомбовых ударов по основным городам Ливии, что вызвало осуждение ряда членов СБ ООН и мирового сообщества, с одной стороны, и укрепление солидарности и поддержки как внутри самого ливийского общества, так и в арабском и африканском регионах — с другой.

Несмотря на введенные против Ливии санкции, союзники США по НАТО продолжали развивать экономические и политические связи с Триполи. Подобное обстоятельство не могло не беспокоить руководство Белого дома, и уже с начала 1984 г. лидеры европейских государств стали постепенно разрывать свои отношения с Ливией, обвиняя ее руководство в причастности к международному терроризму.

Неоднозначные, порой драматичные последствия имели для Ливии предпринимавшиеся ее руководством решительные, но не всегда продуманные шаги в направлении достижения арабского единства. В ноябре 1970 г. на встрече руководителей Египта, Судана и Ливии была подписана Каирская декларация о создании Федерации арабских республик (ФАР). Позже о желании вступить в новую организацию заявила Сирия. Однако ввиду внутривосточных конфликтов и проблем в Сирии и Судане, эти страны в итоге не смогли официально примкнуть к подобной юнионистской организации. Потеряв двух сторонников, Ливия стала ускоренно форсировать объединительный процесс с Египтом. Однако А. Садат и его окружение, преследуя свои геополитические цели и согласовав все необходимые формальные и институциональные детали соглашения с Ливией, стал затягивать процесс объединения, начав взвешивать возможные последствия столь рискованного шага. Несмотря на финансовые ресурсы и энергетические богатства Ливии и ту прибыль, которую мог бы принести Египту объединительный процесс, для Египта основным препятствием являлась конечная цель подобного юнионистского действия – достижение арабского единства, которое входило в противоречие с "централистскими" тенденциями египетского руководства, рассматривавшего Египет как непререкаемого лидера арабского мира.

Добрососедские отношения между Ливией и Египтом были окончательно разорваны после октябрьской войны 1973 г. Тогда ливийское руководство обвинило А. Садата в "предательстве" общеарабских интересов, а курс Египта на сближение с США и одностороннее примирение с Израилем перевели разногласия на новый уровень – открытой конфронтации. 19 июля 1977 г. обе страны оказались практически в состоянии войны: египетские войска пересекли государственную

границу и начали продвигаться в глубь ливийской территории. В конечном счете при посредничестве президента Алжира Х. Бумедьена и председателя исполкома Организации освобождения Палестины Я. Арафата боевые действия были прекращены. Однако после посещения А. Садатом в ноябре 1977 г. оккупированного Израилем Иерусалима Ливия заявила об окончательном разрыве всяческих отношений с Египтом.

Неудачные попытки Ливии по интегрированию с восточными странами арабского мира подтолкнули М. Каддафи переориентироваться в сторону своих западных соседей. Особенно активно с середины 70-х гг. развивались ливийско-алжирские отношения. Этому сближению способствовало желание ливийского руководства наравне с Алжиром поддерживать Фронт ПОЛИСАРИО (Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамры и Рио-де-Оро – *Frente Popular de Liberación de Saguia el Hamra y Rio de Oro*), который возглавил борьбу за независимость Западной Сахары после ухода оттуда испанских войск.

Отношения Туниса и Ливии носили более сложный характер. Во-первых, с середины 1976 г. тунисское руководство не раз обвиняло своих ливийских коллег в поддержке внутренней оппозиции Туниса. Во-вторых, между двумя странами возник спор о разделе континентального шельфа, богатого нефтью. В 1982 г. Международный суд пропорционально разделил территорию прибрежного шельфа, тем самым фактически сняв напряженность в отношениях двух соседних государств. Однако тунисское руководство расценило метод и способ раздела шельфа как благоприятный исключительно для Ливии, поэтому и по сей день существуют некоторые противоречия по этому вопросу в отношениях двух стран.

Вынужденный ввод сирийских войск на территорию Ливана ввиду разгоревшейся там гражданской войны (1975 г.), вызвал недовольство не только Национально-патриотических сил Ливана и Палестинского движения сопротивления, но и руководителей арабских стран, в частности, М. Каддафи.

На "африканском направлении" политика ливийского руководства также встречала сопротивление и не всегда была успешной. Так, прямая вовлеченность ливийской стороны в чадский кризис (1978 – 1987 гг.) не только негативно сказалась на международном авторитете Ливии на Африканском континенте, но также угрожала ее безопасности. Ливия открыто выступала гарантом и сторонником "национального единства" Чада и созданного там Переходного правительства переходного единства (ППНЕ). После совершенного осенью 1980 г. в Нджамене бывшим министром обороны Хисеном Хабре военного переворота Ливия ввела свои войска для поддержки ППНЕ. Однако одновременное вмешательство в чадский конфликт западных государств, в частности Франции и США, осложнило отношения Ливии с Западом, а военная поддержка, оказанная Х. Хабре западным контингентом, вынудили ливийцев отступить и понести тяжелые потери.

Трагические события декабря 1988 г., когда в небе над шотландским городом Локерби взорвался самолет американской авиакомпании Пан-Америкэн, напрямую связали с причастностью к этому событию ливийского руководства и лично Муаммара Каддафи. Возможное участие сотрудников ливийских спецслужб в подрыве лайнера, выполнявшего рейс из Браззавиля (Республика Конго) в Париж с пересадкой в Нджамене (Чад), окончательно склонил мировое сообщество к принятию кардинальных мер в отношении Ливии. В итоге в 1992 г. СБ ООН ввел санкции против Ливии, предусматривавшие: запрет авиасообщения над территорией этого государства (за исключением гуманитарных авиаперевозок), сокращение числа иностранных дипломатических миссий в Ливии, прекращение в страну поставок военной техники, а также запрет на оказание ей технического содействия и обучения

военного персонала. Таким образом, Ливийская Джамахирия оказалась в изоляции — экономической, военной и политической.

Ситуация резко изменилась в 2003 г., когда с Ливии официально были сняты санкции, наложенные СБ ООН (официально ливийское руководство не признало свою причастность к авиакатастрофам в Шотландии и Чаде, однако согласилось выплатить компенсации семьям погибших в размере 2.7 млрд. долл. (Локерби) и 1.5 млрд. долл. (Нджамена).

При прохождении через Суэцкий канал в Средиземное море было перехвачено германское судно, на борту которого находилось оборудование, необходимое для обогащения урана. Груз стоимостью свыше 10 млн. евро скорее всего предназначался для Ливии. Одно его существование формально давало право обвинить Джамахирию в стремлении получить оружие массового поражения (ОМП), за которым могли последовать силовые акции. 19 декабря 2003 г. М. Каддафи объявил об отказе от реализации программ создания ОМП, хотя ранее Ливия неоднократно заявляла об отсутствии у нее подобного оружия. Поворот вектора ливийской внешней политики в сторону нормализации отношений с западными странами и в целом взвешенная и разумная тактика была отчасти принята на вооружение, благодаря сыну М. Каддафи – Сейфу аль-Исламу, который полагал, что в современном мире необходимо уметь договариваться с оппонентами и находить оптимальные пути разрешения конфликтных ситуаций. Благодаря совокупности таких внешнеполитических шагов, Ливия начала постепенно возвращать утраченный международный авторитет, и, начиная с 2004 г., Ливию посетили многие ключевые партнеры Джамахирии, а сам М. Каддафи также совершил целый ряд важных дипломатических визитов по приглашениям своих западных коллег.

Но и до возобновления экономических и политических связей с Западом ливийское руководство весьма успешно проводило свою политику на Африканском континенте. Так, в феврале 1998 г. было учреждено Сообщество Сахаро-Сахельских государств (*Communauté des États sahélo-sahariens – CEN-SAD*). Первоначально в эту организацию вошли шесть стран — Ливия, Мали, Нигер, Чад, Судан и Буркина-Фасо. В настоящий момент численность государств-членов структуры уже достигло 28. Основная задача Сообщества состоит в проведении необходимых экономических мероприятий, необходимых для создания зоны свободной торговли, а также оказания взаимопомощи в различных областях: экономической, транспортной, в здравоохранении и образовании.

В этот период Муаммар Каддафи выступил с миротворческой миссией в нескольких африканских странах, охваченных военными противостояниями. Он призвал к диалогу противоборствующие стороны в гражданской войне в Сьерре-Леоне, способствовал уходу эфиопских повстанцев с территории Сомали, убедил Эфиопию и Эритрею сесть за стол переговоров ввиду непрекращающегося конфликта из-за пограничных территорий, и главное – заключил мирные соглашения с давним противником Ливии – Чадом.

Взаимодействие Марокко со странами Магриба и западносахарская проблема

Отношения между Марокко и Ливией после прихода к власти Муаммара Каддафи в 1969 г. во многом зависели от распределения ролей в традиционном "треугольнике" Марокко – Алжир – Ливия. Две крупнейшие страны Магриба – Алжир и Ливия – в тесном сотрудничестве могли создать "тяжеловесное" политическое и экономическое ядро, определяющее основные направления развития в данном регионе. От лица этого "тандема" решались бы ключевые вопросы стратегического

партнерства с другими странами. По этой причине власти Марокко старались всячески препятствовать установлению и укреплению этой "связки".

Наиболее сложными и трудноразрешимыми были те исторические причины, которые лежали у истоков затяжного марокканско-алжирского противостояния. Именно от степени "договороспособности" руководства этих двух стран зависела экономическая и политическая расстановка сил в регионе Северной Африки.

Отправной точкой марокканско-алжирского конфликта стала так называемая "Война в песках". После обретения независимости в 1956 г. Марокко взяло курс на строительство национального государства и единство марокканской нации. Поэтому возникла идея объединения исторических территорий Большого Марокко (Мавритания, Западная Сахара, часть территории Мали), входивших в состав единого государства до установления французского протектората. В тот период между Алжиром и Марокко не существовало четко очерченной линии пограничного размежевания. В распоряжении французской колониальной администрации имелось несколько вариантов разграничительных линий, и французы не видели необходимости в унификации картографических данных. Однако открытие полезных ископаемых на спорных территориях подтолкнуло французское руководство включить в 1952 г. данные зоны в состав Алжира. В 1961 г. марокканская сторона заключила договор с алжирскими коллегами о необходимом пересмотре государственных границ после обретения независимости Алжиром. В ходе войны за независимость главной целью Армии национального освобождения Алжира было сохранение национального единства страны, и по этой причине никакого пересмотра границ руководство независимого Алжира допустить не могло.

14 октября 1963 г. Королевские Вооруженные Силы Марокко занимают приграничные города Тинджуб и Хасси-Бейда. Марокканская армия была лучше оснащена, а алжирская оказалась не готовой к активным военным операциям, так что было очевидно, что изнурительная гражданская война негативно отразилась на боеспособности Алжира. Куба и Египет оказали ему помощь поставками оружия и офицерскими кадрами для проведения военных операций на территории Алжира. Однако марокканцам удалось захватить несколько военнослужащих из Египта, что послужило основанием для разрыва отношений между двумя странами.

Необходимо отметить, что, несмотря на очевидное превосходство вооруженных сил Марокко, алжирская сторона рассчитывала воспользоваться принципом *uti possidetis juris* (принцип международного права, предусматривавшее сохранение за государством тех территорий, которые входили в его состав до момента военных действий, т.е. соблюдение нерушимости границ после обретения государством независимости). Позицию Алжира разделяло и поддерживало большинство африканских и западных стран, а мировое сообщество выступило с предложением урегулировать конфликт усилиями Африканского союза. 20 и 30 октября 1963 г. состоялась конференция в Бамако при участии двух противоборствующих государств — Алжира и Марокко, а также руководителей Мали и Эфиопии. В результате было подписано соглашение о прекращении огня между Алжиром и Марокко.

"Война в песках", безусловно, негативно отразилась на внутренней ситуации в Марокко. Там военные выразили недовольство "пораженческой" политикой королевского двора и итогами противостояния, что привело к двум попыткам покушения на короля Хасана II в 1971 и 1972 гг. В Алжире 19 июня 1965 г. был совершен государственный переворот, в результате которого был свергнут глава государства Ахмед Бен Белла.

Отношения Марокко с Алжиром снова осложнились в 1975 г. из-за конфликта вокруг Западной Сахары, находившейся до того под испанским колониальным

господством. Еще в 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН признала неотъемлемое право сахарского народа на самоопределение и рекомендовала Испании провести референдум по данному вопросу среди населения этой страны. Марокко, не отказавшийся от идеи строительства Большого Марокко, т. е. государства в его исторических границах, давно претендовало на западносахарские земли и попыталось воспользоваться решением Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы осуществить аннексию Западной Сахары.

6 ноября 1975 г. на юге Марокко 350 тыс. марокканцев вышли на массовую демонстрацию, держа в руках флаги страны и копии Корана (по этой причине это событие называют "зеленым маршем"). Эта манифестация была скоординирована королевским дворцом Марокко, рассчитывавшим таким действием принудить Испанию передать Марокко спорные территории Западной Сахары. Угроза разрастания конфликта вынудила СБ ООН вмешаться и рекомендовать Испании провести прямые переговоры с Мавританией и Марокко о дальнейшей судьбе Западной Сахары.

14 ноября 1975 г. в Мадриде было подписано соглашение о передаче Испанией не позднее 28 февраля 1976 г. Западной Сахары под управление Марокко (ей достались 2/3 территории, преимущественно северные районы Западной Сахары) и Мавритании (1/3 территории – южные регионы Западной Сахары). В соответствии с этой договоренностью обе страны ввели свои войска на территорию Западной Сахары. Подобные действия вызвали ответ в виде вооруженного сопротивления со стороны созданного в мае 1973 г. Фронта ПОЛИСАРИО, которому стал активно помогать М.Каддафи, поставлявший повстанцам необходимое вооружение. А с 1975 г. постоянные поставки тяжелого оружия направлялись и из Алжира. Поддержка Муаммаром Каддафи Фронта ПОЛИСАРИО и выступление Триполи на стороне Алжира в этом вопросе, способствовали разрыву отношений Ливии и Марокко.

Позицию Алжира в западносахарском конфликте можно объяснить несколькими причинами стратегического характера. Алжирцы были убеждены, что после захвата Западной Сахары Марокко предпримет попытку овладеть территорией Мавритании, а затем – возобновит свои притязания на богатые полезными ископаемыми приграничные с Марокко алжирские территории. Помогая Фронту ПОЛИСАРИО и утверждению в дальнейшем дружественного Алжиру правительства в Западной Сахаре, алжирское руководство, таким образом, получало бы доступ к Атлантическому океану, закрепив за собой статус лидера (военного, экономического и политического) в регионе и рассчитавшись со своим давним противником — марокканским королевским двором.

27 февраля 1976 г. Фронт ПОЛИСАРИО совместно с временным Сахарским национальным советом провозгласил независимость Западной Сахары и объявил о создании Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), а уже 6 марта 1976 г. было сформировано правительство нового государства.

Проводя военные действия на территории Западной Сахары, марокканские вооруженные силы опирались прежде всего на авиацию, тогда как Фронт ПОЛИСАРИО прекрасно ориентировался на местности, маневренно перемещался по зыбучим пескам, внезапно нападая на марокканские отряды. Успешные атаки бойцов ПОЛИСАРИО на места дислокации марокканских войск вынудили руководство Франции провести в декабре 1977 г. так называемую "Операцию Ламартин", разместив свои военные базы на территории Мавритании и осуществив бомбардировку повстанческих группировок ПОЛИСАРИО напалмом (горючий продукт, применяемый в качестве зажигательных и огнеметных смесей). Однако благодаря слаженности действий ПОЛИСАРИО, нападению на стратегические

объекты Мавритании (шахты по добыче железа – главного источника доходов этой страны), наличие современного вооружения (из Алжира и Ливии), а также неэффективности руководства Мавритании, Фронту ПОЛИСАРИО удалось склонить мавританское правительство вывести свои войска с территории Западной Сахары (в 1979 г.) и официально признать САДР.

Оставшись один на один с сильным противником в лице ПОЛИСАРИО, руководство марокканского королевства пыталось найти способ обезопасить свои вооруженные посты на территории Западной Сахары и с этой целью было принято решение о строительстве загородительной стены, отделявшей марокканские территории Западной Сахары от территорий, подконтрольных Фронту ПОЛИСАРИО. Этот шаг вызвал широкий международный резонанс, и лидеры ведущих мировых держав призывали стороны сесть за стол переговоров.

10 июня 1988 г. произошла историческая встреча короля Марокко Хасана II и президента Алжира Шадли Бенджедида.

В августе 1988 г. в Женеве при активном посредничестве ООН представители ПОЛИСАРИО и Марокко приняли разработанный план урегулирования западносахарской проблемы, в соответствии с которым предусматривалось проведение референдума в Западной Сахаре по вопросу ее самоопределения не позднее начала 1990 г. В мае 1991 алжирская сторона официально отказалась от поддержки ПОЛИСАРИО, и 6 сентября 1991 г. было заключено мирное соглашение между Марокко и ПОЛИСАРИО о прекращении огня и обязательном проведении референдума в Западной Сахаре.

Западносахарская проблема остается нерешенной до настоящего момента ввиду расхождения двух сторон по главному вопросу – независимости страны. В 2006 г. Королевский консультативный совет по делам Сахары выдвинул план, предусматривающий предоставление Западной Сахаре статуса автономии под суверенитетом Марокко. Фронт ПОЛИСАРИО категорически отвергает подобный сценарий, полагая, что именно население Западной Сахары, располагая правом на самоопределение, должно определить статус нового государства путем всенародного референдума.

Примечательно, что именно события в Западной Сахаре послужили своеобразным детонатором "Арабской весны". Речь идет о состоявшейся 8 ноября 2010 г. в Эль-Аюне (городе на границе с Марокко, контролируемом марокканской администрацией) манифестации, участники которой выступили против продолжающейся дискриминации, бедности и нарушения прав человека в отношении местных жителей, и выдвинули также требования о предоставлении независимости стране.

Расстановка сил в мире изменилась. Происходил распад биполярного мироустройства, самодемонтаж советского блока, и в этих условиях арабским странам Средиземноморья было необходимо выработать общий подход к экономической интеграции с основными центрами мировой экономики и политики – ЕС и США. Подобным механизмом объединения интересов стран Магриба виделся организованный 17 февраля 1989 г. Союз Арабского Магриба. Однако данная организация не оправдала ожидания. Вспыхнула гражданская война в Алжире; авиакатастрофы в Локерби и Конго привели к международной изоляции Ливии; Мавританию стали сотрясать внутренние конфликты, а в Марокко в августе 1994 г. около отеля Атлас Асни в Марракеше произошли взрывы, к которым, возможно, были причастны спецслужбы Алжира. Следствием этого явилось закрытие границ между Марокко и Алжиром. Все эти и другие факторы постоянно дестабилизировали политическую ситуацию в регионе и, по сути дела, "заморозили" деятельность Союза Арабского Магриба. Так что вполне вероятно, что именно решение

западносахарского конфликта явится ключом к реактивации деятельности Союза Арабского Магриба.

Тунис и региональные энергопроекты

Тунис, окруженный более крупными государствами, проводит довольно взвешенную и многовекторную внешнюю политику. Отстранившись от западносахарской проблемы и, тем самым, не поддерживая ни одну из сторон конфликта, Тунис сумел сохранить добрососедские отношения со всеми магрибинскими государствами. Так, разногласия этой страны с Алжиром касались прежде всего разграничении пограничных пустынных территорий, однако в 1993 г. обе стороны сумели найти решение этой спорной проблемы. В 1977 г. было подписано соглашение о прокладке трубопровода, по которому газ из Алжира поставлялся в Италию по Транссредиземноморскому трубопроводу, который заложил начало прокладке газопроводов по Африканскому континенту, предоставляя необходимые энергоносители из Африки в Европу.

Еще в 1996 г. началось строительство из Алжира в Испанию газопровода, пересекающего также территорию Марокко. В 2009 г. между Алжиром, Нигером и Нигерией было заключено соглашение по прокладке Транссахарского трубопровода, открытие которого планируется в 2015 г. К 2014 г. запланировано открытие трубопровода из Алжира на Сардинию. В начале 2011 г. был проложен газопровод, поставляющий энергоносители из Алжира в Испанию.

В 2003 г. Алжир и Тунис объявили о создании совместной нефтяной компании Намхид, поровну находящейся в собственности алжирского СОНАТРАК и тунисского ЭТАП (*Entreprise Tunisienne d'Activités Pétrolières - ETAP*) и призванного заниматься разработкой новых месторождений на приграничных территориях двух стран. В июле 2009 г. было открыто новое месторождение углеводородов недалеко от тунисской границы, поэтому создание подобной совместной корпорации свидетельствует об уплотнении двусторонней кооперации Алжира и Туниса.

"Арабская весна" в Северной Африке

По мере ухудшения внутренней обстановки в Ливии в начале 2011 г. Королевство Марокко четко обозначило свою позицию, став одним из немногих стран мира и единственным государством Северной Африки, вступившим в дискуссии с руководителями Запада по проблеме Ливии.

Марокканская дипломатия сделала ставку на новое правительство Ливии, т. к. с падением режима М. Каддафи был бы нанесен ощутимый удар по финансовым и политическим позициям Фронта ПОЛИСАРИО в регионе. Таким образом, в своеобразной изоляции остался бы вечный соперник Марокко – Алжир. В конце августа 2011 г. Марокко официально признало Национальный переходный совет, а в сентябре марокканский король Мухаммед VI прибыл с официальным визитом в Ливию, выразив тем самым свою "поддержку народу Ливии" и новой власти. Подобная стратегическая линия принесла желаемые результаты: пресс-секретарь Национального переходного совета заявил, что Западная Сахара находится под суверенитетом Марокко.

Алжир был второй страной (вместе с Сирией), представители которого проголосовали против введения бесполетной зоны над Ливией. По мнению руководителей страны, свержение лидера Ливии и международное вторжение будут способствовать дестабилизации положения в регионе, беспрепятственной деятельности террористических группировок по всему Магрибу, бесконтрольному обороту оружия, что катастрофически скажется на внутренней ситуации в Алжире. Алжирское руководство было также крайне обеспокоено тем фактом, что первые

выступления, ставшие предвестниками "Арабской весны", произошли именно в Алжире. Однако за этими манифестациями не последовало смещения руководства страны (отчасти ввиду незабытых кровопролитных событий времен гражданской войны 90-х годов, повторять которые не желает ни один алжирец).

Алжир и Ливию связывали крупные экономические соглашения, значительными были и инвестиционные потоки между этими странами. Но главное – Алжир терял главного союзника в регионе, благодаря которому существовали определенный баланс сил и устойчивость политических и экономических связей в Магрибе. По геополитическим соображениям Алжир не устраивает возможное сближение нового руководства Ливии и Марокко, что может, по мнению Алжира, привести к образованию сильной стратегической связки в регионе. Несмотря на то, что Алжир долго не признавал новое правительство Ливии (официальное признание последовало лишь 22 сентября 2011 г.), длительные экономические и политические добрососедские отношения двух стран и перспектива возможной изоляции Алжира в "новом" Магрибе убедили руководство страны выстроить дипломатические отношения со своими ливийскими коллегами. Спорным моментом остается нахождение семьи М. Каддафи на территории Алжира. Но ливийская сторона, видимо, сознавая слабость своих международных позиций, выступает за дипломатическое решение вопроса об экстрадиции семьи бывшего лидера Ливии.

Основные расхождения между Ливией и Алжиром при М. Каддафи касались двух проблем. Первая состояла в том, что Алжир выступал против поддержки Ливией туарегских племен в Сахаро-Сахельском регионе и роста ее влияния среди них. Второй спорной проблемой являлась поддержка, которую, по утверждению алжирской стороны, Ливия оказывала в период гражданской войны в Алжире исламистским группировкам: им Ливия разрешала транспортировку оружия через свою территорию.

Страной, открыто попросившей установление бесполетной зоны над Ливией, стал Ливан. В данном случае отношения между двумя странами оставались испорченными по сугубо идейным/религиозным причинам. В конце августа 1978 г. в Ливию с визитом прибыл шиитский лидер, глава движения "Амаль" Муса Садр, который таинственным образом исчез после встречи с М. Каддафи. До сих пор никто не знает о судьбе этого ливанского деятеля. Официальные лица в Ливии заявляли, что Садр отправился в Италию, где впоследствии нашли его документы. Однако ливанское общество и представители многих стран однозначно расценили причину пропажи шиитского лидера, сразу обвинив Муаммара Каддафи в причастности к убийству Мусы Садра, хотя это никем не было доказано. В результате дипломатические и политические отношения между двумя странами зашли в тупик и были разорваны. Представитель Ливии в Лиге арабских государств, ушедший в отставку в ходе обострения ливийского конфликта, заявил, что шиитский лидер якобы был убит и похоронен на юге Ливии по распоряжению М. Каддафи.

Позиция стран Персидского залива в отношении Ливии имеет несколько составляющих. Одна из них — взаимное неприятие друг друга Муаммаром Каддафи и саудовским королем Абдаллой: его ливийский лидер неоднократно называл "английским продуктом и протеей США", а Каддафи, в свою очередь, был обвинен саудовским двором в попытке покушения на Абдаллу в 2004 г. Катар, на территории которого располагаются французские и американские военные базы, стремился усилить свои политические позиции в арабских странах, с одной стороны, и подтвердить свою поддержку западным странам — с другой. Но поскольку в среднесрочной перспективе кризис негативно скажется на нефтедобывающей промышленности Ливии, это будет способствовать росту спроса на энергоносители

стран Персидского залива, позволив им, увеличивая добычу нефти, значительно повысить свои доходы.

Несмотря, однако, на заинтересованность стран Персидского залива в смене ливийского руководства, разрастание гражданской войны, зверская расправа с лидером Ливии и его семьей вызвали негодование и испуг у монаршего двора Саудитов. Свержение Хосни Мубарака, союзника Саудовской Аравии в регионе, а затем и "харизматичного" Муаммара Каддафи подготовили почву для участия исламских радикалов в политической жизни региона и создали неконтролируемое территориальное пространство на большей части Северной Африки. Внутривосточная ситуация в самой Саудовской Аравии далека от идеальной. Частично внутривосточная нестабильность вызывается особенностями престолонаследия в этой стране (сеньоратный принцип престолонаследия, когда трон наследует старший в роду). По этим причинам король Абдалла, крайне обеспокоенный нестабильностью в арабских странах, отказался предоставить дополнительные военные базы на своей территории для сил НАТО.

События "Арабской весны" 2011 г. подтолкнули руководство стран Магриба отчасти пересмотреть свою внешнюю политику и по-новому взглянуть на Союз Арабского Магриба, главным препятствием деятельности которого являются разорванные отношения между Марокко и Алжиром. Однако в последнее время наметились некоторые важные сдвиги во взаимоотношениях этих североафриканских стран. Так, 30 июля 2011 г. в своей тронной речи, посвященной 12-летию вступления на престол, король Марокко Мухаммед VI выразил желание нормализовать отношения с алжирским народом.

Этот шаг стал важной вехой в истории Магриба. За дружественными визитами глав Марокко и Алжира последовало заседание представителей членом Союза Арабского Магриба (июль 2012 г.), на котором был дан старт возобновлению активной деятельности Союза, прежде всего в экономической сфере. Ведь ежегодный ущерб от отсутствия общего рынка составляет 2% от экономического роста каждой страны-члена Союза. Первым шагом к созданию Большого Магриба, с зоной свободной торговли и общим рынком, станет открытие границ между Марокко и Алжиром, закрытых с 1994 г.

На фоне неэффективности деятельности Лиги арабских государств, стоит надеяться, что возрожденный Союз Арабского Магриба станет гарантом безопасности и стабильности в регионе, и он будет положительно влиять на взаимоотношения стран Магриба с Европой – основным партнером Северной Африки – и с остальными арабскими странами.

Не стоит при этом и преувеличивать арабское единство, которое продемонстрировала ЛАГ в отношении Ливии и Сирии. По закрытию зоны, свободной от полетов над Ливией, в голосовании участвовали лишь 9 стран из 22, две из которых – Сирия и Алжир проголосовали отрицательно, а шесть из них – это страны, входящие в Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива, традиционно лояльных Западу. Можно предположить, что при отсутствии четкой позиции по Ливии России и Китая, воздержавшихся при голосовании в СБ ООН, от ЛАГ не требовалось необходимого кворума и единогласия, тогда как отрицательное отношение этих двух стран к введению санкций в отношении Сирии сделало консолидированную позицию стран ЛАГ крайне необходимой, что расчистило путь для возможного вмешательства Запада во внутривосточную жизнь Сирии.

По-видимому, кризис западно-центристского глобализационного "проекта" будет способствовать усилению тенденций к регионализации экономики и политики в различных частях мира. Надо полагать, не обойдут стороной эти процессы и Северную Африку. Последние события в регионе свидетельствуют о возросшем

интересе элит стран Магриба к восстановлению кооперации и возрождению организаций, созданных на основе общности экономических интересов. Тем более что путь кооперационных связей представляет собой надежную основу ускорения экономического роста и развития, столь необходимых этой части Арабского Востока.

Южная Азия: афгано-пакистанский узел

Афганистан с 2001 года находится на острие борьбы, как с международным терроризмом, так и с мировой наркомафией. Некоторые лидеры исламского движения "Талибан", став членами парламента, фактически признали существующую власть. Однако в целом это движение вкупе с "Аль-Каидой", пользуясь немалым влиянием среди пуштунов Пакистана и Афганистана, активно противостоит и администрации президента Х. Карзая, и западному военному контингенту, главная сила которого — американцы.

В марте 2009 г. президент Обама заявил о стратегическом плане постепенного вывода американских войск из Афганистана. Новая концепция Обамы означала разрыв с бескомпромиссной политикой по отношению к талибам и поиск договоренностей с ними. В соответствии с этой концепцией американцы приступили к переговорам с талибами о создании коалиционного правительства. Другой ключевой пункт программы Обамы – помощь Афганистану в развитии социальной и экономической структуры, укреплении армии, подъему сельского хозяйства, развитию начального и среднего образования.

Трудно было ожидать, что за несколько лет американцы решат в Афганистане все проблемы. Но определенные успехи налицо: в Афганистане созданы новые политические институты, армия, спецслужбы, призванные самостоятельно обеспечивать безопасность. В стране нет ярко выраженного сепаратизма, и все афганцы хотят жить в одной стране. Другое дело, что при этом каждая клановая группа стремится занять место получше, что и приводит к столкновениям. Так, назначаемые администрацией Х. Карзая губернаторы далеко не всегда принимаются местным населением, которое боится утратить свою фактическую автономию от центра. Поэтому вопрос о власти на местах нередко решается силой оружия. Формально в стране есть общенациональное правительство, но фактически оно контролирует лишь столицу. Правда, входящие в него некоторые политические лидеры имеют собственные зоны влияния в разных районах страны. Причем, что очень важно, правительство возглавляет пуштун – Хамид Карзай. Не будучи столь крупной фигурой, как бывший король Захир Шах, он, однако, является выходцем из того же пуштунского племени, к которому принадлежал последний монарх.

Главной цели – ликвидации материально-технической базы талибов, уничтожения их лидеров – оккупационным войскам добиться удалось лишь частично. Не была предотвращена и радикализация Пакистана, где обосновались связанные с влиятельной пакистанской Межведомственной разведкой главные силы афганского вооруженного сопротивления. Проводимые США на этом непростом фоне переговоры с представителями движения "Талибан" относительно будущего устройства Афганистана неизбежно будут сопровождаться активными военно-силовыми действиями. Им, ввиду непрекращающегося нападения боевиков на военнослужащих международной коалиции, будет отдаваться предпочтение перед политико-дипломатическими методами, по крайней мере на протяжении всего транзитного периода, который, как предполагается продлится до 2014 года. Приказ о выводе из Афганистана к 2014 г. основного контингента американских войск был отдан президентом США 24 июня 2011 г., а решение о прекращении операции Международных сил содействия безопасности (МССБ) под командованием НАТО было принято на 25-м саммите этой организации в Чикаго (20-21 мая 2012 г.).

Заклучив в мае 2012 г. с Афганистаном соглашение о стратегическом партнерстве и наделив эту страну статусом "главного не входящего в НАТО

союзника", администрация США обещает на протяжении 10 лет после вывода войск международной коалиции – то есть до 2024 года – оказывать Афганистану помощь с тем, чтобы в перспективе ответственность за поддержание безопасности взяли на себя формируемые при поддержке НАТО и США афганские структуры безопасности. Так что и после 2014 г. военное присутствие США и НАТО в Афганистане сохранится. Пока неясно, каковы будут численность и состав такого международного контингента, будет ли он сосредоточен (временно или постоянно) только в самом Афганистане или также в соседних центральноазиатских странах. О том, что функции американо-натовских военнослужащих вряд ли сведутся лишь к официально обозначенным целям, говорит намерение Пентагона сохранить за собой и после 2014 г. крупные военные базы в Афганистане – в Баграме (вблизи Кабула), Шинданге (на западе), Кандагаре (на юге). Можно, таким образом, предположить, что имеются неафишируемые планы США и в дальнейшем использовать достигнутые ими с 2001 г. логистические и военные преимущества в этом стратегически важном азиатском "хартленде" для мониторинга ситуации и наблюдения здесь за своими стратегическими конкурентами – Россией и Китаем, за сдерживанием их по мере необходимости.

Многолетняя война с активным участием внешних сил отбросила экономическое развитие Афганистана, являющегося одной из беднейших стран Азии, на много лет назад. Опираясь на внешнюю (в основном западную) помощь, Афганистан постепенно возрождается, однако этот процесс серьезно осложнен политической нестабильностью. Безработица, нищета и коррупция активно толкают население (прежде всего молодежь) в ряды талибов, где они получают средства к существованию. Свою негативную роль играют и бомбардировки населенных пунктов с большим числом жертв среди мирного населения, обыски в частных домах. Попытки властей стимулировать отказ от выращивания наркосодержащих культур выплатой денежных премий малоэффективны — производство наркотиков гораздо выгоднее. Недовольство жителей вызывает и ликвидация опиумных плантаций, осуществляемая администрацией Карзая при содействии американцев и англичан, поскольку для миллионов крестьян выращивание опия — единственный источник существования.

Тесно связанные с наркобаронами талибы эффективно используют эту ситуацию в своих целях, выступая в качестве покровителей и защитников мелких производителей опиума. Многие полевые командиры, располагающие собственными вооруженными формированиями и неприязненно относящиеся к центральному правительству, сотрудничают с талибами. Немалую поддержку им оказывают и с территории соседнего Пакистана. Поэтому от его отношений с талибами зависит очень многое в Афганистане.

Сегодня Пакистан противостоит "Талибану". Однако слабый контроль Исламабада над сопредельными с Афганистаном западными и северо-западными районами страны создаёт благоприятные условия для трансграничных передвижений талибов. Не случайно именно на северо-западе в районе афгано-пакистанской границы длительное время скрывался "отец современного террора" Усама бен Ладен. Почему же местные пуштуны укрывали бен Ладена? Прежде всего, нужно учитывать, что речь идет не о пуштунах вообще, составляющих относительное большинство в Афганистане и влиятельное меньшинство в Пакистане, а с теми из них, кто сохранил крепкую родоплеменную организацию. Явный пережиток в глазах окружающего мира, для самих членов племен она имеет самодовлеющее и самоценное значение. И ради ее сохранения они готовы идти на любые жертвы и лишения. Причем противником здесь могут выступать как внешние, так и внутренние для региона силы. Стремясь к самосохранению родоплеменная

структура нередко перестраивалась, выдвигая на первый план местных мулл, занимавших в обычное время весьма скромное место. Особую остроту эти взаимоотношения приобрели после 1978 г., когда власть в Кабуле захватили прямо поддерживаемые СССР афганские коммунисты. После падения их режима проблема, не исчезнув, приобрела новые формы.

Место главного противника, прежде занятого прямым военным и административным давлением, перешло к западной цивилизации. Правда, так или иначе, втягиваясь в товарно-денежные отношения, племена сами волей-неволей становятся ее носителями. В то же время они пытаются совместить этот процесс с сохранением родоплеменной структуры. Отсюда симпатии к талибам, стремящимся путем "исламской перестройки" на региональном уровне укрепить традиционные отношения перед лицом проникновения Запада. Отсюда и симпатии к "Аль-Каиде", бросающей Западу дерзкий вызов на мировой арене.

"Аль-Каида", выросшая из организации, помогавшей исламистам из арабских стран принять участие в "джихаде" против афганских коммунистов и их советских союзников, представляет собой скорее идеологию межцивилизационного противоборства, нежели объединенную общим командованием единую группировку. Если террористы "старого типа" стремились и стремятся к локальным целям (максимум к созданию новых государств), то "Аль-Каида" проповедует противоборство с самой западной цивилизацией, главным центром которой выступают США.

Внутриполитическая обстановка в Пакистане остается тесно увязанной с положением в соседнем Афганистане, где местная исламистская оппозиция достаточно сильна. Она представлена разными силами – от сторонников повсеместного насаждения шариата до приверженцев этнической обособленности. Причудливо переплетенные друг с другом, они организовались в конечном итоге в две основные группировки: Движение за установление шариата (ДУШ) и Движение талибов Пакистана (ДТП). Главная база первой – населенная пуштунами и граничащая с Афганистаном Северо-западная пограничная провинция (СЗПП). Вторая располагается на Территории племен федерального управления (ТПФУ), примыкающей к СЗПП и также населенной пуштунами. Пользуясь поддержкой значительной части местного, особенно сельского, населения, эти две организации часто противостоят пакистанской администрации, опекаемой США.

Если для ДУШ главным требованием является введение мусульманского права, то для ДТП оно – на втором месте. В отличие от ДУШ, базирующегося в СЗПП, пакистанские талибы в ТПФУ не требуют введения шариатских судов. Объясняется это тем, что племена в ТПФУ живут по своим традиционным установлениям, в которых шариат так переплетен с обычным правом, что отделить первое от второго фактически невозможно. Поэтому главным здесь, отмечает российская исследовательница Н. А. Замараева, является не введение шариатских судов, а отстаивание племенами того полунезависимого статуса, которым они пользуются с колониальных времен. Попытки же пакистанской администрации урезать этот статус вызывают крайне болезненную реакцию. Эти протестные настроения и выражают пакистанские талибы. Цели ДТП, подчеркивает Н. А. Замараева, состоят в том, чтобы заставить военнослужащих пакистанской армии уйти с территории племен, а также прекратить вмешательства иностранных государств во внутренние дела пуштунов, бомбардировки территорий племен американскими беспилотными самолетами. Средством давления на правительство, игнорирующее эти требования, служат локальные военные действия и теракты по всей стране. Сами афганские талибы призывают своих пакистанских братьев сконцентрироваться на Афганистане, не вступая в конфронтацию с армией и

полицией Пакистана. Этот призыв получает благожелательный отклик среди части пакистанских талибов, которые не хотят превращения земель своих племен в арену военных действий.

В то же время такой тенденции противостояла "официальная" позиция ДТП, которую выражал лидер Движения Бейтулла Мехсуд, погибший летом 2009 г. в результате ракетного обстрела. Исламабад, естественно, использовал противоречия среди пакистанских талибов в своих интересах, поддерживая сторонников "афганской ориентации" и подавляя приверженцев "пакистанской", тесно связанной с "Аль-Каидой". Последняя, как известно, проводит теракты не только против США и афганского правительства, но и против правительства Пакистана. Примечательно, что новый лидер ДТП Хакимула Мехсуд на своей пресс-конференции для пакистанских журналистов назвал приоритетами Движения борьбу с пакистанскими властями, оказавшимися в одной кампании с США, и утверждение шариата.

Хотя Пакистан является страной с довольно сильными демократическими и светскими традициями, желание ослабить влияние экстремистов побудило власти разрешить в 2009 г. ввести законы шариата в Малаканде – одном из пуштунских районов СЗПП. Такой вынужденной мерой правительство Пакистана надеялось остановить акты террора, способствовать стабилизации обстановки в стране. Главными приверженцами и спонсорами введения шариата были ДУШ и местные талибы. Впрочем, различные светские силы СЗПП также поддержали это решение. Характерно, что при обсуждении вопроса о введении мусульманского права в Малаканде в Национальном собрании (нижней палате парламента Пакистана) лишь одна политическая партия – Движение мухаджиров (переселенцев из Индии) открыто осудила эту акцию. В феврале 2009 г. Президент Пакистана Асиф Али Зардари подписал Указ о введении шариата в Малаканде. Результатом стало превращение этого района в своеобразную базу исламизации фундаменталистского типа – сначала в масштабах СЗПП, а потом и всего Пакистана. Причем пакистанские талибы отнюдь не отказывались от террора, а боевики ДУШ, опираясь на них, и сами терроризировали население СЗПП. В результате пакистанским властям, представляющим "умеренных" исламистов, пришлось подавлять "исламскую революцию" в Малаканде силой оружия.

Россия, прежде фактически "растворенная" в СССР, ныне с Афганистаном не граничит. Тем не менее, отделённая от него пространствами Центральной Азии, она сохраняет заинтересованность в этом государстве, которое как бы подпирает весь бывший советский юг — Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Киргизстан. К тому же постсоветское центральноазиатское пространство связано с Афганистаном этническими и культурными узами (таджики, узбеки, туркмены и киргизы живут по обе стороны афгано-центральноазиатской границы). Таким образом, все происходящее по одну сторону этого рубежа, так или иначе, отзывается по другую, причем не только в граничащих с Афганистаном республиках Центральной Азии.

Знаменательным событием в афгано-российских отношениях в 2007 году стало списание задолженности Афганистана из неоплаченных военных кредитов СССР и клиринговых расчетов, оцениваемой в 11.2 млрд. долларов. Это дало возможность России начать государственное финансирование экономических проектов, в реализации которых российская сторона готова оказать помощь своему частному сектору, проявляющему пока мало интереса к экономическим связям с Афганистаном, где этнополитическая ситуация отличается большим своеобразием.

Дело в том, что горные хребты делят Афганистан на две части – север и северо-запад, юг и юго-восток. Первую населяют таджики, узбеки, туркмены, вторую

– пуштуны. Вместе с проживающими в центральном Афганистане хазарейцами непуштуны превышают число пуштунов. Поскольку именно среди последних сохраняют немалое влияние талибы, может показаться, что фактический раздел страны на граничащие с бывшим советским югом непуштунские север и северо-запад и сопредельные с Пакистаном пуштунские юг и юго-восток в интересах России. Ведь таким образом террористическая угроза отодвигается от бывшего советского юга, до сих пор не имеющего должным образом оборудованных границ с нашей страной. Однако эта схема может сработать лишь в краткосрочной перспективе. Международный терроризм границ не знает. Фактический раскол Афганистана и превращение его юга и юго-востока в заповедник терроризма не отвечает интересам России. Единственный путь, способный предотвратить эту угрозу — полностью интегрировать юг и юго-восток Афганистана с его севером и северо-западом. Но осуществить такой поворот можно лишь одним способом — возратить пуштунам их объединительную роль, которую, как показала практика, ни одна другая этническая группа в Афганистане сыграть не в состоянии.

В свое время после вывода советских войск из Афганистана местные союзники Москвы во главе с Наджибуллой еще три года держались у власти и, не прекратив Россия после распада СССР экономическую и военную помощь им, не исключено что и поныне, по крайней мере все города и значительная часть сельской местности, находились бы в их руках. У Вашингтона подобной альтернативы сегодня нет. Правда, администрации Карзая удалось "пустить корни" в местную почву. Но они еще недостаточно глубоки, чтобы держаться без западного военного присутствия, хотя, справедливости ради отметим, что ряд успехов официального Кабула в борьбе с талибами налицо. Управление национальной безопасности Афганистана, где большим влиянием пользуется американское ЦРУ, ликвидировало нескольких талибских лидеров. В декабре 2007 г. афганская армия при поддержке англичан и американцев освободила город Муса-калу, опорную базу талибов в южной провинции Гельманд. Тем не менее, в целом правительство Карзая продолжает в огромной степени зависеть от международного (в основе американского) военного контингента. Естественно, в этих условиях его уход означал бы не только крах администрации Карзая, но и сильнейший удар по престижу США, поскольку это означало бы явное поражение в провозглашенной нынешней американской администрацией борьбе с международным терроризмом.

Стремясь укрепить свои позиции, Карзай не раз предлагал талибам вступить в мирные переговоры, заявлял о возможности войти в правительство их лидера муллы Омара. Однако талибы, не отвергая такие контакты, в качестве предварительного условия требовали вывести иностранные войска. 10 сентября 2007 года "Талибан" неожиданно объявил о своей готовности вступить в переговоры с Кабулом с единственным условием – обеспечить безопасность переговорщиков. Правда, через несколько дней талибы свое заявление дезавуировали, потребовав в качестве предварительного условия переговоров отказ от Конституции 2004 года, провозгласившей Афганистан хотя и исламской, но светской республикой. Строительство афганского государства, заявил "Талибан", возможно лишь на основе ислама. Любопытно, что здесь не фигурировало такое традиционное для талибов требование, как вывод иностранных войск. Вероятно, таким образом "Талибан" намекал Западу о возможности договориться за спиной администрации Карзая.

То, что эти сигналы услышаны, говорило заявление британского министра обороны Д. Брауна. "Установить в Афганистане систему управления западного типа невозможно, - сказал министр.- Необходимо найти какой-то другой вариант, базирующийся на законах ислама". Гибкость Англии, в отличие от США, не настаивающей на "сохранении позитивных изменений" в афганском обществе после

свержения талибов, проявилась и на практике. Так, в 2006 году между талибами и английскими военными была достигнута договоренность. В соответствии с ней обе стороны отходили от города Муса-калы, который передавался старейшинам местных племен. Соглашение, раскритикованное и администрацией Карзая, и США, просуществовало лишь до начала 2007 года, когда талибы вошли в город. Это дало повод Кабулу и Вашингтону вновь подвергнуть критике любые подобные сделки с "Талибаном". Правда, непримиримость США в этом вопросе вызывает определенные сомнения. В конце августа 2007 г. одна из саудовских газет сообщила, что ЦРУ ведет секретные переговоры с талибами, настаивая на их отходе от поддержки "Аль-Каиды" в обмен на места в афганском правительстве. Таким образом, в отличие от Англии, Соединенные Штаты обуславливают сделки с "Талибаном" разрывом его союза с международными террористами – условие, которое Лондон склонен игнорировать.

В декабре 2007 года удерживаемый талибами более 10 месяцев г. Муса-кала за несколько дней перешел под контроль афганского правительства. Причем и на этот раз британская тактика оказалась более гибкой, нежели американская. Освобождению Муса-калы предшествовали тайные переговоры между представителями Карзая и муллой Абдул Саламом (влиятельным талибским командиром в провинции Гельманд). В ответ на обещание поста министра он вместе со своими бойцами перешел на сторону правительства. Раскритикованная американцами эта сделка была активно поддержана англичанами.

История борьбы за Муса-калу лишней раз продемонстрировала: "Талибан" — не единое монолитное движение, а объединенные общим названием разрозненные группы боевиков во главе со своими лидерами. Поэтому поддерживаемая англичанами тактика сепаратных сделок в отношении них приносит и, видимо, будет приносить свои плоды.

Смерть Усамы бен Ладена, безусловно, открывает новые перспективы для вывода западного (в основе американского) воинского контингента из Афганистана. Ведь этот контингент появился в Афганистане как прямой результат отказа талибов выдать "отца современного террора" — Усаму бен Ладена международному правосудию. Исчезновение первопричины ввода войск естественно создаёт благоприятные условия для их вывода из Афганистана. Правда, остаётся ещё судьба правительства Хамида Карзая, перспективы пребывания у власти которого тесно связаны с прямой военной поддержкой США.

После свержения в 2001 г. правления исламского движения "Талибан", объединявшего 90% территории страны, Афганистан вновь фактически распался на несколько полусамостоятельных образований. Причины такого положения, казалось, были очевидны. Ведь Афганистан — одно из самых полиэтничных государств мира. Этнические амбиции, как может показаться, и обуславливают его дезинтеграцию. Игравшие прежде ведущую роль пуштуны хотели бы её возратить, а таджики, узбеки и хазарейцы, на которых преимущественно базируется правительство пуштуна Х. Карзая, этого не хотят.

Встаёт вопрос: как удалось опиравшимся главным образом на пуштунов талибам в своё время объединить почти всю страну? Конечно, "Талибан" вначале поддерживали Пакистан и США. Но это обстоятельство мало что объясняет. Тогдашняя помощь не идёт ни в какое сравнение с задействованной ныне военной и экономической мощью. Единственное логичное объяснение — включение талибами глубинных механизмов государственного строительства, которое в Средней Азии и на Среднем Востоке традиционно базировалось не на разложении и слиянии общин и кланов разной этнической принадлежности (как в Европе), а на их объединении и сосуществовании.

Впоследствии под влиянием европейской цивилизации в Средней Азии утвердилась государственность на базе отдельных этнических групп. Но в Афганистане (как, впрочем, и в Иране) осталась прежняя форма власти, когда санкционированные исламом межобщинные и межклановые связи на региональном уровне превалировали над межэтническими. В то же время в общенациональных рамках общины и кланы разной этнической принадлежности на протяжении истории играли в государственном строительстве, как правило, разную роль: пуштунские и узбекские — ведущую, таджикские и хазарейские — ведомую. Дело в том, что таджики и хазарейцы сформировались как оседлые народы, пуштуны и узбеки — как оседло-кочевые. Отсюда локальная ориентация одних и гораздо более широкая — других.

Хазарейцы, сконцентрированные в слабо связанном с другими частями страны районе, принимали пассивное участие в государственном строительстве. Пуштуны, узбеки и таджики, напротив, были очень активны.

С 16 века самой сильной формой местной межэтнической государственности выступала узбеко-таджикская. Однако, превращаясь в оседлый народ быстрее, чем пуштуны, узбеки потеряли прежнюю мобильность. И в 18-м столетии место лидера перешло к пуштуно-таджикской государственности. Завоевание Россией в 19 веке Средней Азии (где уже в советское время возникли Узбекистан и Таджикистан), "отрезав" афганских узбеков от среднеазиатских, укрепило ведущую роль пуштунов. Одновременно, правда, происходило утверждение Великобритании на территории будущего Пакистана, что разделило и пуштунов. Но в Афганистане, именно тогда обретшем нынешние границы, пуштунов осталось всё же гораздо больше, чем узбеков. В результате пуштуно-таджикская государственность полностью выдавила узбеко-таджикскую.

В 20-м столетии практика подтвердила жизненную необходимость для страны ведущей роли пуштунов. Когда дважды (в 1929 и 1992-1996 годах) верховная власть оказывалась в руках таджиков, Афганистан фактически распадался. В результате созданный не желающими подчиняться талибам непуштунскими силами Северный альянс изначально был крайне непрочен.

Сегодня во главе Афганистана стоит пуштун Хамид Карзай. Опираясь на прямое иностранное военное присутствие, он пытается воссоздать альтернативную талибам государственность, которая, противостоя экстремизму, опиралась бы на собственные силы и объединяла страну. В то же время, видимо, понимая, что афганская проблема не имеет военного решения, Карзай постоянно предлагает талибам сесть за стол переговоров. Хотя до сих пор подобные призывы успеха не имели, в ближайшем будущем для них открываются более благоприятные, чем прежде, перспективы. Ведь объявленные сроки вывода иностранных войск, как кажется, снимают со стороны талибов главное препятствие для таких переговоров. Другое дело, вывод войск не связан с ликвидацией американских военных баз, которые США предполагают оставить в Афганистане на долговременной основе.

Пытаясь навести мосты с талибами, Карзай весьма ревниво относится к аналогичным попыткам со стороны США. И это неудивительно. Ведь требуя от талибов размежеваться с международными террористами, Вашингтон может, как представляется, пожертвовать интересами правительства самого Карзая. И здесь, как думается, Карзай может опереться на Пакистан, который имеет немалые ставки во внутриафганской борьбе.

Возникший в своё время из населённых мусульманами районов Британской Индии, Пакистан до сих пор остается одним из самых хрупких государств мира. Не случайно в начале 1970-х годов он уже разваливался. Тогда на месте его бывшей Восточной провинции возникло новое государство — Бангладеш. Отношения между

оставшимися в составе Пакистана численно и политически преобладающими пенджабцами, с одной стороны, и синдхами, пуштунами и белуджами, с другой, всегда были далёкими от идиллии. Особенно остро при этом стоял пуштунский вопрос. Расселённые в районах граничащих с Афганистаном, пакистанские пуштуны постоянно требовали предоставления себе широкой автономии. Причём отказ властей пойти им навстречу неоднократно приводил к вспышкам борьбы за независимый Пуштунистан.

В своём противоборстве с Исламабадом пакистанские пуштуны всегда опирались на Кабул, который никогда не признавал законность афгано-пакистанской границы, возникшей как преемница рубежа между Афганистаном и Британской Индией, некогда разделившего всех пуштунов на две примерно равные части. После ухода англичан с субконтинента Кабул заявил, что Пакистан не является преемником Британской Индии, а новое государство как таковое должно предоставить оказавшимся в его составе пуштунам право на самоопределение. Пока же такое право (путём референдума) предоставлено не будет, Афганистан отказался признавать границу с Пакистаном.

Обусловленная стремлением продемонстрировать свой "подлинно пуштунский" характер, прежде всего собственным пуштунам, такая позиция Кабула создавала немало проблем для Исламабада. Причём для него было опасно как сильное правительство в Афганистане с пуштунским стержнем, так и слабое правительство, неспособное обеспечить единство страны. Именно таким было опиравшееся главным образом на непуштунов правительство моджахедов, образовавшегося после свержения в 1992 г. Наджибуллы. И именно таким является нынешнее правительство Карзая: он сам, будучи пуштуном, опирается преимущественно на таджиков и узбеков. Из них в основном формируются регулярная армия и полиция.

Дезинтеграция Афганистана чревата стихийным воссоединением пуштунов через афгано-пакистанскую границу, что может серьёзно нарушить этнический баланс внутри Пакистана. Именно это и стало происходить во времена правления моджахедов, когда оказавшиеся после коммунистического переворота в Кабуле и особенно ввода советских войск в Афганистан на пакистанской территории миллионы пуштунских беженцев не пожелали возвратиться к себе на родину.

Отсюда понятна первоначальная заинтересованность Исламабада в "Талибане". Стимулировав возникновение этого религиозно-политического движения, Пакистан рассчитывал восстановить твёрдую пуштунскую власть на юге Афганистана, где численно доминируют пуштуны. Тем самым были бы созданы условия для возвращения беженцев. В то же время контроль непуштунов над Кабулом предотвращал бы обострение пуштунского вопроса на межгосударственном уровне. Поэтому после утверждения талибов на юге Афганистана Исламабад стал подталкивать их к компромиссу с властями в Кабуле. Однако "Талибан" поломал планы Пакистана, распространив свою власть не только на юг, но также и на север Афганистана. В конце концов под их контролем оказалось и сердце страны — Кабул. Единственной частью страны, продолжавшей сопротивление талибам, оставался примыкающий к границе с Таджикистаном горный район Панджшера.

Перед Пакистаном вновь замаячил призрак сильной пуштунской власти в Афганистане, чреватый обострением пуштунского вопроса уже и на межгосударственном уровне. Свержение режима талибов отбросило эту угрозу, но не ликвидировало корни пуштунской проблемы. По существу Пакистан стоит перед ситуацией и угрозами, напоминающими раздел Афганистана между талибами и моджахедами. Поэтому он очень заинтересован в примирении между нынешним

правительством в Кабуле и "Талибаном", и на эту заинтересованность Пакистана может опереться Карзай.

Часть III. Новые "центры силы" в Азии и Африке

К. М. Барский, А. И. Салицкий

Китай в международных отношениях и мировой политике

Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития

В начале десятых годов XXI века международные отношения – как отношения межгосударственные – начинают обретать утраченное значение. В немалой степени это связано с усилением роли Китая в мировой политике. Непростое взаимодействие процессов глобализации и регионализации привело к парадоксальному результату: мы вновь осознаем необходимость усиления национальных государств – в том числе в качестве активных субъектов хозяйства, социальной политики и обеспечения прав человека – не говоря уже о коллективных действиях при решении общих (глобальных) задач. Фундаментальные социально-экономические и валютно-финансовые проблемы, обнажившиеся в ходе кризиса, просто некому больше решать: ни на Западе, ни на Востоке.

Что же касается так называемых несостоявшихся государств, то само появление и существование этого феномена еще более актуализирует отмеченную выше необходимость. Продолжающийся же процесс распада государств в неблагоприятных частях планеты следует, по-видимому, отнести к числу новых, особо опасных, глобальных вызовов. Очевидно теперь также, что прочные международные отношения невозможны без ведущей роли государств в расширении зоны действия международного права, сузившейся из-за "отступления" национального государства.

Значение межгосударственных отношений будет, судя по всему, возрастать и в связи с растущим весом и укрепляющейся субъектностью стран Востока, где процессы регионализации, как правило, не ослабляют, а даже усиливают национальные суверенитеты. В таком подходе еще более утверждают азиатских лидеров нынешние трудности европейской интеграции, как и наличие в Азии двух сверхкрупных и потому самодостаточных и трудноинтегрируемых государств – Китая и Индии.

Очевидно, что в наступившем десятилетии центр-периферическая модель миропорядка продолжит распадаться, глубокие трещины, возможно, пройдут и через ее ядро. Это, опять-таки, усилит роль национальных государств и связей между ними, возможно, возвращая планету к более демократичным (ответственным) отношениям и действиям. Вероятна реставрация положения, существовавшего в первые два послевоенных десятилетия, когда высокие темпы роста, помощь экономически слабым странам и конкуренция между разными социальными проектами составляли относительно взаимодополняемый механизм соработки (пусть и далеко не идеальный) – в рамках конфронтационного противостояния двух систем.

Современный мир находится на стадии болезненного перехода от непродолжительной по времени постконфронтационной, американо-центричной фазы развития международных отношений к качественно новой, полицентричной

международной системе. Так считают многие эксперты – как в нашей стране, так и за рубежом¹⁸⁸.

Существуют и другие точки зрения. Так, Ч. Купчан считает, что основной особенностью постамериканского мира будет отсутствие в нем великих держав¹⁸⁹. Р. Хаас выдвинул гипотезу о том, что в настоящее время мы являемся свидетелями формирования "бесполярного мира"¹⁹⁰. Впрочем, немалая часть политической и научной элиты в США по-прежнему верит в неизбежность американского лидерства¹⁹¹. И все же многополярность как новая реальность, которой суждено существовать на протяжении определенного периода времени, сегодня признается большинством исследователей, в том числе и на Западе¹⁹².

Полицентричный миропорядок представляет собой более демократичную и справедливую форму международных отношений, обладающую потенциалом для создания системы глобального управления на основе международного права и взаимного уважения интересов. С другой стороны, отсутствие доминирующей глобальной силы или нескольких уравновешивающих друг друга сил в условиях происходящих процессов трансформации прежнего мироустройства чревато возникновением новых конфликтов, бесконтрольным расползанием ОМУ, повышением террористической активности, размыванием международного права. Жизнь в полицентричном мире требует многократного наращивания общих усилий по укреплению ООН, обеспечению верховенства права и выработке новых правил игры – там, где это необходимо.

Одним из возможных сценариев глобального развития может стать формирование новой биполярности. Под ней понимаются отношения противоборства и взаимодействия США и Китая как двух наиболее мощных экономически и в военном отношении государств с обостренным, если не сказать гипертрофированным, пониманием государственного суверенитета. В обеих странах глубоко укоренилась традиция абсолютизации собственных национальных интересов, они предлагают миру собственные (во многом несхожие) системы ценностей и стремятся к распространению своего влияния в мире. Нахождение оптимального *modus vivendi* во взаимоотношениях этих великих держав в полицентричном мире могло бы придать всей его конструкции необходимую динамику, стабильность и разнообразие, тем более что в условиях беспрецедентной взаимозависимости государств в эпоху глобализации стремление к сглаживанию противоречий и урегулированию конфликтов становится важным императивом поведения в международных отношениях.

Рассматривая будущее мироустройства через призму отношений между США – единственной сверхдержавой, оставшейся после окончания холодной войны, и Китаем – единственным кандидатом в сверхдержавы, способным бросить вызов монопольному положению Америки в XXI веке¹⁹³, обычно указывают на несколько существенных моментов. Отмечается крайне сложный характер отношений между

---

¹⁸⁸ Дынкин А.А. Услышать зов будущего: российские ученые попробовали увидеть жизнь страны и мира на 20 лет вперед // Известия. 24.04.2012.

¹⁸⁹ Kupchan Ch. A. The End of The American Era. N.Y.: Knopf, 2002.

¹⁹⁰ Haass R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance// Foreign Affairs, 2008. Vol. 87, №3. May-June.

¹⁹¹ Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007; Rice C. Rethinking the National Interest: American Realism for a New World// Foreign Affairs. 2008. Vol.87, № 4, July-August.

¹⁹² Zakaria F. The Post-American World. N.Y.: W.W.Norton and Company, 2008; Барма Н., Вебер С., Ратнер Э. Мир без Запада// Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 4, июль-август.

¹⁹³ Янь Сюэтуан. Анализ нестабильности китайско-американских отношений// Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 2010. № 12. С. 30.

этими двумя странами, в которых причудливым образом переплелись острые и нередко непреодолимые противоречия, столкновение региональных и глобальных амбиций. С другой стороны, стремительно растет сопряжение интересов, в том числе в экономической области. Приближающийся выход Китая на сопоставимый с США уровень экономической и оборонной мощи¹⁹⁴ в перспективе способен привести к формированию между Вашингтоном и Пекином механизма взаимного сдерживания и, в идеале, поддержания баланса интересов. Такой сценарий был бы благоприятным для обеспечения стратегической стабильности и более устойчивого развития.

После избрания Б. Обамы президентом США Г. Киссинджер выдвинул концепцию создания "группы двух" как оптимального варианта решения проблем современного мира. В своей статье в газете "Индепендент" в январе 2009 года он заявил, что "американо-китайские отношения должны быть выведены на новый уровень... общей судьбы"¹⁹⁵. При этом важно подчеркнуть, что попытки администрации Б. Обамы предложить эту формулу Китаю в ходе официальных переговоров встретили со стороны последнего весьма прохладную реакцию. По всей видимости, в Пекине просчитали, что любые варианты "передела мира" под эгидой США заведомо ставили бы КНР как более слабую сторону в неравноправное положение, а на роль "младшего партнера" Китай уже не согласен. В то же время от курса на стабильное развитие китайско-американских отношений Пекин тоже не отказывается.

Оборотная сторона сложного симбиоза общего и различного в американо-китайских отношениях – их конфликтный характер – давно привлекает к себе внимание исследователей. Начиная с момента кризиса в двусторонних отношениях, связанных с событиями на площади Тяньаньмэнь весной-летом 1989 года, и на Западе, и в КНР было опубликовано огромное количество книг и статей, предрекавших неизбежное военное столкновение между США и Китаем вплоть до апокалиптических сценариев третьей мировой войны. Новый виток дискурса о будущем американо-китайских отношений вызвала публикация А. Фридберга о реальности перспективы конфликта двух стран, увидевшая свет в 2005 году¹⁹⁶. Фоном этого дискурса стала тенденция ускорения подъема Китая.

Летом 2009 года Б. Обама объявил о "возвращении" Америки в АТР. Этот курс предусматривает комплекс мер по укреплению политических и экономических позиций Вашингтона в регионе, продвижении под эгидой США нового интеграционного проекта Транстихоокеанского партнерства, в существенном повышении места Индии и стран АСЕАН в шкале американских приоритетов. США подписали Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Балийский договор) 1976 года, подключились к Восточноазиатским саммитам.

Одновременно американцы подтвердили, что краеугольным камнем их позиционирования в АТР остаются оборонные альянсы с традиционными союзниками США – Японией, Южной Кореей и Австралией – и наращивание военного присутствия США в регионе. В ноябре 2011 года Белый дом поднял на

---

¹⁹⁴ См., например, материалы дискуссии, открытой и завершённой статьями А. И. Салицкого и В. В. Тация "Мировая экономика: время переоценки?" и "Зарождение биполярности или солидёрство?" // Восток. М., 2011. № 5-6; 2012. № 1-3. По расчётам китайских экспертов, ВВП Китая в 2020 году превзойдет ВВП США, а к 2030 году превысит сумму ВВП США и ЕС. См.: Перспективы развития КНР к 2030 году. // Экспресс-информация. ИДВ РАН. 2012, № 2. С. 84.

¹⁹⁵ Kissinger H. The World Must Forge a New Order or Retreat to Chaos // The Independent. 20.01.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.independent.co.uk/opinion/commentators/henry-kissinger-the-world-must-forge-a-new-order-or-retreat-to-chaos-1451416.html.

¹⁹⁶ Friedberg A. The Future of U.S.-China Relations: Is Conflict Inevitable? // International Security. 2005. Issue 2. V.30.

международном уровне вопрос об обеспечении безопасности морского судоходства в Южно-Китайском море и одновременно принял решение о создании военно-морской базы США в Австралии. Наконец, в январе 2012 года в Вашингтоне была обнародована обновленная "Национальная оборонная стратегия", в которой не скрывается, что "необходимость сместить баланс в сторону АТР" обусловлена китайским фактором. "В долгосрочной перспективе становление Китая как региональной державы будет означать появление у него потенциала для оказания влияния на экономику и безопасность США различными способами... Рост военной мощи Китая должен сопровождаться прояснением его стратегических намерений во избежание возникновения трений в регионе". Выводы из нового расклада сил делаются вполне однозначные. "США будут продолжать делать необходимые инвестиции в целях обеспечения доступа к региону и способность действовать свободно в деле выполнения своих договорных обязательств и норм международного права"¹⁹⁷.

Таким образом, США, испытывая высокую степень недоверия в отношении стратегических замыслов Китая, делают ставку на укрепление сложившейся в АТР блоковой архитектуры региональной безопасности и наступление на интересы Китая по всем линиям. В Пекине уступить давлению явно не намерены.

И последнее замечание. Формирование в отдаленной перспективе нового биполярного миропорядка возможно при условии одного важного допущения: страны, которые могли бы составить глобальный "дуумвират", должны сохранить к тому времени свой нынешний облик. От прогнозов на эту тему мы воздержимся, однако отметим, что влияние глобального финансово-экономического кризиса и наслоение друг на друга многочисленных внутренних проблем вызывает у целого ряда экспертов сомнение в способности США в долгосрочной перспективе оставаться стабильным и эффективным государством, занимающим особое положение в мире. Что касается Китая, то исследователи отмечают огромное количество стоящих перед этой страной проблем – начиная от незавершенности политической реформы и заканчивая демографическими и экологическими перекосами. Из этого делается вывод о том, что, несмотря на впечатляющие успехи экономического развития в последние три десятилетия, вероятность внутренних кризисов в КНР нельзя сбрасывать со счетов.

КНР в международных отношениях

Роли Китая в современных международных отношениях (под этим выражением мы понимаем примерно двадцатилетний период, прошедший с момента окончания "холодной войны") и различным аспектам внешней политики Китая посвящены сотни монографий и статей, написанные как западными, так и отечественными специалистами¹⁹⁸. И все же осмелимся на некоторые обобщения, заметив, что даже относительно недавние оценки стремительно устаревают. Подчеркнем, что и предлагаемые обобщения едва успевают за исключительно быстро меняющейся картиной мира начала 10-х годов нынешнего века. Ключевой для стран Востока вопрос социально-экономического развития определим как

---

¹⁹⁷ Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense. January 2012. P.2. // www.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf

¹⁹⁸ Фундаментальные труды вышли из-под пера таких маститых американских китаеведов, как Д. Гарвер, Э. Голдштейн, У. Кирби, Ч. Купчан, Дж. Курлантчик, Д. Лэмптон, Э. Нэйтан, М. Оксенберг, Р. Росс, Р. Саттер, М. Свэйл, М. Хант, Г. Хардинг, Д. Шамбо. Среди российских исследователей следует упомянуть работы Е.П. Бажанова, А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, Ю.М. Галеновича, В.А. Корсуна, С.Г. Лузянина, В.В. Михеева, В.С. Мясникова, А.А. Свешникова, М.Л. Титаренко, А.В. Торкунова.

главный критерий оценки результативности их участия в международных отношениях.

Основой внешнеполитического курса КНР в указанный период была разработанная Дэн Сяпином линия на создание благоприятных внешних условий для осуществления экономических реформ и решения насущных социально-экономических проблем страны. Важными составляющими этого курса служили отказ от применения силы как способа решения возникающих проблем, поддержание ровных отношений с крупными государствами, укрепление добрососедства и дружбы с сопредельными странами, блокирование на международной арене с развивающимся миром, активизация экономической дипломатии.

На внешнеполитическом фронте за истекшие два десятилетия Китай добился значительных результатов. Пекину удалось преодолеть международную изоляцию, в которой страна оказалась в 1989-1992 годах вследствие солидарного решения западных стран и Японии ввести против КНР коллективные политические и экономические санкции в ответ на подавление китайскими властями массовых выступлений весны-лета 1989 года. Китай добился возобновления в полном объеме отношений с США и, несмотря на серьезные проблемы, лихорадившие двусторонний диалог все эти годы, развернул сотрудничество с американской стороной по широкой повестке дня. С Россией были установлены отношения сначала конструктивного, а затем стратегического партнерства, урегулирована проблема границы, подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Возвращение под китайский суверенитет Гонконга и Макао, успешное осуществление курса на расширение экономического сотрудничества с Тайванем принесли Китаю большие политические и практические дивиденды. Решение территориальных разногласий с некоторыми соседями, получение членства в международных организациях и даже формирование новых межгосударственных объединений, форумов и форматов¹⁹⁹ оказались по плечу Пекину и его дипломатии.

При этом улучшение и обогащение отношений практически со всеми значимыми партнерами содействовало решению стратегической задачи модернизации хозяйства, что, в свою очередь, позволило значительно расширить сферу влияния страны.

Оценивая внешнюю политику КНР в 1990-е годы, можно утверждать, что она была в целом успешной. Китай проявил способность поддерживать баланс между преемственностью и корректировкой внешнеполитического курса и продемонстрировал умение быстро адаптироваться к новым условиям. Для внешнеполитического поведения Китая характерно единое понимание различными сегментами государства и общества национальных интересов страны, четкое целеполагание, инициативность и последовательность.

Особенно плодотворным в плане расширения влияния Китая на мировой арене стало первое десятилетие нового века – время, когда страна резко активизировала внешнюю политику вслед за крупными хозяйственными и внешнеэкономическими достижениями. Фактически в эти годы был отчасти пересмотрен один из заветов Дэн Сяопина: "не высовываться", "держаться скромно", "не поднимать флага". Заметим, что некоторые ветераны китайской дипломатии не вполне согласны с обновленным подходом, дискуссии на сей счет продолжаются²⁰⁰. Важно, что в ходе характерных для начала XXI века стремительных перемен в

---

¹⁹⁹ Это разительный контраст с канонами внешней политики Китая 80-х-первой половины 90-х годов, когда практически единственной международной организацией, в которой участвовал Китай, была ООН.

²⁰⁰ Мнение Ян Вэньчана, президента Народного дипломатического института. China Daily. 28.10.2011.

международных отношениях и мировой экономике Пекин продемонстрировал способность отказываться от прежних стереотипов, подстраивать свою линию в международных делах под меняющуюся обстановку.

Осудив террористические акты 11 сентября 2001 года и терроризм во всех его формах и проявлениях, Китай однозначно высказался за наращивание международного сотрудничества в борьбе с этой глобальной угрозой и выразил готовность активно участвовать в этой борьбе. Деятельное подключение КНР к усилиям мирового сообщества по борьбе с международным терроризмом, прежде всего поддержка антиталибской операции США в Афганистане, открыли для китайской дипломатии новые горизонты.

Пекин нацелил теорию и практику на поиск новых путей эффективного продвижения национальных интересов. Внешняя политика КНР стала глобальной по охвату. Позиционируя себя в качестве крупной державы, Китай убедительно демонстрировал и все более активный подход к решению проблем мировой политики. Иллюстрациями к этому тезису могут, в частности, служить действия Пекина во время антитеррористической операции в Афганистане и кризиса вокруг Ирака. В дальнейшем Китай счел для себя возможным обозначить наступательные позиции по целому ряду вопросов международной повестки дня (вето в Совете Безопасности ООН по проектам резолюций по Зимбабве и Сирии). Пекин выступил с крупными внешнеполитическими инициативами (совместная российско-китайская инициатива об укреплении безопасности и сотрудничества в АТР) и даже взял на себя функции лидера (шестисторонние переговоры по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова).

Подключившись к глобальной антитеррористической коалиции, Китай добился успеха на стратегически первостепенном для себя направлении, существенно улучшил отношений с США. Завязав, пусть и в дозированном виде, двустороннее сотрудничество в борьбе с терроризмом, Пекин уже в 2005 году вышел на создание механизма стратегического диалога с Вашингтоном. За последующие годы состоялось шесть таких встреч, в ходе которых главы внешнеполитических и оборонных ведомств, министры экономики и финансов обсуждали и решали важнейшие вопросы политики, безопасности и экономического сотрудничества. И хотя количество проблем в двусторонних американо-китайских отношениях не уменьшилось, Китаю удалось навязать США равноправный диалог, жестко требуя уважения жизненно важных интересов КНР. Одновременно Пекин продолжил курс на развитие тесного сотрудничества с соседними странами, призванный гарантировать Китаю мирное окружение, необходимое для решения задач модернизации.

Место одного из важнейших векторов китайской внешней политики прочно заняло стратегическое партнерство с Россией. Москва и Пекин начали ощущать практическую отдачу от политического диалога, взаимодействия в вопросах безопасности, координации действий на международной арене. К 2008 году объем двусторонней торговли достиг 60 млрд. долл., и хотя глобальный финансово-экономический кризис существенно отбросил торговлю назад, уже через два года прежние масштабы были восстановлены. Реализация крупных проектов – строительство нефтепровода ВСТО с ответвлением на Китай, сдача первых двух энергоблоков Тяньваньской АЭС и т.п. – открыли перспективы для расширения взаимовыгодного сотрудничества.

Существенный прорыв был достигнут в отношениях со странами Юго-Восточной Азии. Заработала созданная в 2001 году зона свободной торговли Китай – АСЕАН, в страны региона потекли китайские инвестиции и кредиты. Вкупе с Чиангмайской инициативой в формате "АСЕАН плюс три" тесные связи с устойчивой экономикой КНР облегчили странам ассоциации выход из глобального кризиса.

Китай умело повернул в свою пользу дружественные отношения со странами Центральной Азии, нашедшими в лице Поднебесной крупного альтернативного потребителя их углеводородов. За несколько лет были построены и введены в эксплуатацию нефтепровод Казахстан – Китай и газопровод Туркменистан – Узбекистан – Китай. Крупным достижением внешней политики КНР следует считать образование в 2001 году Шанхайской организации сотрудничества в составе Китая, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Создание ШОС явилось логическим продолжением линии Пекина на укрепление стратегического партнерства с Москвой и добрососедских отношений с Центральной Азией, стремления совместными усилиями обеспечить региональную безопасность, противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму – угрозам, которые к тому моменту стали серьезно беспокоить китайское руководство из-за роста нестабильности в западных районах КНР.

Ощутимо активизировалась деятельность Китая в многосторонних объединениях (АТЭС, АРФ, СВМДА, диалог по сотрудничеству в Азии, форум Азия-Европа). Продолжила развитие "треугольная дипломатия"²⁰¹. В 2004 году Китай вошел в состав Восточноазиатских саммитов, в 2010 году поддержал учреждение механизма совещаний министров обороны АСЕАН и партнеров по диалогу.

С усилением Пекина связано и создание в 2008 году "Группы двадцати" в целях ведения диалога между ключевыми развитыми и развивающимися странами. Появление "двадцатки" стало попыткой нащупать новый глобальный формат, в который были бы инкорпорированы не участвующие в "Большой восьмерке" Китай и Индия.

В июне 2009 года состоялся первый саммит БРИК – нового образования, одним из основателей которого также стал Китай. Эта неформальная группировка предоставила Пекину дополнительный рычаг воздействия на глобальную политику и экономику.

С десятками других государств, а также Гонконгом и Тайванем подписаны двусторонние соглашения о преференциальной торговле товарами и услугами. Олимпиада-2008, ЭКСПО-2010, "ярмарочная дипломатия", азиатский аналог "Давоса" в Боао, гуманитарная и информационная экспансия – это и многое другое придали дополнительный вес роли Китая в международных отношениях. Существенно расширился используемый Китаем внешнеполитический инструментарий²⁰².

Усилились и другие компоненты комплексной мощи государства. Начали приносить плоды труды, потраченные на укрепление обороноспособности Китая, его ракетно-ядерного щита, модернизацию и перевооружение ВМС и ВВС НОАК. Китай закупил в России высококачественные боевые самолеты. Военно-морской флот выдвинулся в Тихий и Индийский океаны. В Пакистане и Мьянме китайские военные приступили к созданию военной инфраструктуры и стратегических коммуникаций для связи с "большой землей".

Важным фактором международного позиционирования Китая стали его успехи в реализации космической программы – запуск в 2003 году первого пилотируемого космического корабля, выход китайского "тайкунавта" в открытый космос в 2006 году, коммерческий вывод на орбиту иностранных искусственных спутников. Едва ли следует сомневаться в том, что достижения в этой области способствовали укреплению обороноспособности страны.

---

²⁰¹ Форматы КНР – Япония – РК, Россия – Индия – Китай, Россия – Монголия – Китай.

²⁰² Портяков В. Я. Пять столпов экономической дипломатии Пекина: как Китай реализует свои интересы в мировом хозяйстве. // Независимая газета. 29.11.2010.

Пекин вступил в борьбу за присутствие в Арктике и доступ к ресурсам Мирового океана. Особое внимание стало уделяться продвижению китайских интересов на информационном поле, формированию за рубежом благоприятного имиджа современного Китая, развенчанию теории "китайской угрозы". В то же время фундаментально внешняя политика КНР носит глубоко преемственный характер. Неизменно опираясь на пять принципов мирного сосуществования и подчеркивая в диалогах со всеми государствами недопустимость вмешательства во внутренние дела других стран, Пекин старается оставаться предсказуемым, надежным и корректным партнером, в ряде случаев выгодно противопоставляя себя политике Вашингтона, увязшего в новом веке в военных авантюрах, интригах против неугодных режимов, поддержке компрадоров, инсургентов и т.п.

Анонсируя себя в качестве "ответственного государства" (с 2005 г.), Пекин, похоже, с выгодой для себя дистанцируется и от силовой политики современного Запада, и от той экономической модели, которая навязывалась миру в последние три десятилетия. При этом, вне всяких сомнений, внешняя политика Китая обеспечивает прежде всего его собственные интересы (а косвенно – и интересы других стран, заинтересованных в полицентризме), включая обеспечение благоприятных условий для продолжения модернизации в сотрудничестве с зарубежным бизнесом. Бурный экономический рост в новом веке способствовал упрочению связей со всеми странами и значительному росту престижа КНР в деловых кругах. Немалые дивиденды принесла Пекину и политика стимулирования выхода китайских компаний и предприятий на внешние рынки, инициированная в начале нынешнего века и хорошо сочетающая экономические и внешнеполитические задачи.

В странах Азии, Африки и Латинской Америки экономическая экспансия Пекина, как правило, воспринимается благожелательно, так же как и декларации о важности борьбы против диктата сильных государств, констатации общности исторического прошлого и современных интересов стран Третьего мира, а также важности сотрудничества "Юг – Юг".

Важная деталь: китайские руководители чаще лидеров других мировых держав посещают развивающиеся страны. Так, Цзян Цзэминь посетил африканские страны с продолжительными визитами четыре раза, Ху Цзиньтао – шесть раз (дважды в ранге заместителя председателя КНР). Одно это обстоятельство выгодно отличает китайскую политику в Африке от курса многих развитых стран (и России), и в какой-то мере способствует "демаргинализации" континента (не говоря уже о продвижении там китайских интересов). Похожую роль "депериферизации" в новом веке сыграла и китайская политика в отношении стран Центральной Азии.

Заметим, что на XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.) отношениям Китая с развивающимися странами и их международному положению уделялось намного больше внимания, чем на предыдущих партийных форумах. Ху Цзиньтао обозначил твердое намерение Китая с помощью собственного развития "стимулировать развитие мира; поддерживать мировое сообщество в оказании помощи Третьему миру для его самостоятельного развития и сокращения разрыва между Севером и Югом; крепить сотрудничество с развивающимися странами, оказывать им помощь и защищать их справедливые требования"²⁰³.

После иракских событий 2003 г. авторитет КНР в арабских странах существенно вырос. Вскоре появилось и выражение "Пекинский консенсус"²⁰⁴. В

---

²⁰³ XVII съезд КПК. Официальные документы: Политический доклад ЦК и Устав партии// М: ИДВ РАН, 2007. № 11. С. 55, 56.

²⁰⁴ Ramo J. C. The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power. L.: The Foreign Policy Centre, 2004.

арабском мире в мирной китайской экспансии видят уважение суверенитета и невмешательства во внутренние дела, а китайские эксперименты с экономической либерализацией и постепенными политическими реформами рассматриваются как пример для подражания²⁰⁵.

Низкая эффективность неолиберальной модели экономического развития, воплощенная в развивающихся и "переходных" странах МВФ и другими западными институтами, стала еще одним аргументом в пользу Китая, динамично наращивавшего в Третьем мире объемы торговли, кредитования и помощи. Дополнительные очки в глобальном рейтинге принес Пекину кризис 2008-2009 гг., который экономика КНР пережила намного лучше других хозяйств. Не удивительно, что президент ЮАР Дж. Зума в 2010 г. призвал Китай использовать свое положение второй экономики мира, чтобы добиться реформирования международных институтов, таких как Всемирный банк, ВТО, МВФ и Совет Безопасности ООН, с учетом потребностей развивающихся стран.

Без особых натяжек неолиберализм можно охарактеризовать как политику сдерживания развития²⁰⁶. Она, особенно при сравнении с экономической стратегией Китая, убедительно доказала свою недостаточность. Подобно тому, как стагнация доходов большинства американцев вычерпала платежеспособный спрос в экономике США²⁰⁷, замедление или стагнация экономического роста во многих периферийных странах (включая "переходные" государства) увеличили социальное расслоение, снизили инвестиции и емкость рынков. Китай же во главу угла сотрудничества с развивающимися странами ставит инвестиционные проекты – как, впрочем, и во внутренней экономической стратегии. В середине 2011 г. увидел свет доклад известной компании McKinsey. В нем содержится довольно простой, но убедительный расчет: если бы норма накопления в мировой экономике в целом сохранилась на уровне 1970-х годов, то в нее было бы дополнительно инвестировано 20 трлн. долл.²⁰⁸ Эта гигантская сумма – своего рода «счет» неолиберальной политике от реального сектора планеты: потерянных рабочих мест, не построенных дорог, больниц, школ и т.п.

Поэтому не случайно, что масштабный рост китайского присутствия в зарубежных странах в новом веке часто вызывал раздражение и критику на Западе. КНР обвиняли в проведении неоколониалистской политики, в наводнении местных рынков низкосортной продукцией, в провоцировании экологической катастрофы, в поддержке тоталитарных режимов. Негативной оценке подвергалась тактика действий китайских компаний, при которой правительство КНР под видом займов и инвестиций дает госзаказы своим же компаниям. "Распространение Китая" по странам Азии, Африки и Латинской Америки вызывало, например, такие комментарии: "вместе с экономическим опытом имплицитно расширяется сфера политического авторитаризма"²⁰⁹, "усиление КНР – плохая вещь и с этим необходимо бороться"²¹⁰.

---

²⁰⁵ Al-Ahram Weekly. 14.10.2004.

²⁰⁶ Куда резче оценка Дж. Стиглица, заметившего, что США фактически занимались "экспортом кризисов" и это продолжалось на протяжении всего тридцатилетнего периода "дерегулирования". См.: Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011. С. 64.

²⁰⁷ См. Райх Р. Послешок. Экономика будущего. М.: Карьера Пресс, 2012; Стиглиц Дж. Указ. соч.

²⁰⁸ Farewell to Cheap Capital: The Implications of Long-term Shifts in Global Investment and Savings. McKinsey Global Institute, 2011.

²⁰⁹ Thompson D. China's Soft Power in Africa: from "Beijing Consensus" to Health Diplomacy// China Brief. 2005. Vol. 5, № 21. P. 4.

²¹⁰ Kurlantzick J. China's Chance// Prospect Magazine. 2005. March. Issue 108.

В Пекине в последнее время достаточно спокойно реагируют на такую критику – даже после ливийских событий²¹¹. Более того, аналитики из академических кругов в КНР в своих комментариях осенью 2011 года указывали на недостатки зарубежных проектов китайских компаний. В качестве одного из дефектов отмечалось, в частности, то, что практически все объекты были чрезмерно полно укомплектованы китайским персоналом, включая поваров, медиков и т.д. Почти все необходимое для строительства и быта, "вплоть до гвоздей" завозилось из КНР. Поэтому в качестве одного из выводов китайские экономисты рекомендуют повышение доли в реализуемых проектах местного бизнеса, персонала и компонентов локального производства. Видно серьезное и самокритичное отношение к собственной политике – залог ее будущих успехов.

В стадии успешного развития, похоже, находится и глобальный проект Пекина – идея полицентричного устройства международных отношений. Жизнь, помимо прочего, подтвердила справедливость китайских оценок международной ситуации, сделанных на XVI и XVII съездах КПК в 2002 и 2007 годах. Напомним, что на первом из этих форумов отмечалось "зигзагообразное" развитие тенденции к полицентризму, а на втором был сделан вывод о ее необратимом характере. Теперь же вполне правомерна фиксация, как минимум, *утверждающегося* полицентризма в миросистеме.

Этот проект мирового устройства по сути альтернативен проекту цивилизации или империи с одним доминантом (лидером), который слишком навязчиво предлагают миру США. Его неприемлемость для Китая вытекает не только из "строптивости" Пекина. Дело еще и в том, что в такой империи-цивилизации "признаются только индивидуальные ценности личности, коллективные ценности становятся частным делом, а культура (национальная) низводится до уровня фольклора"²¹².

В Китае же, как и во многих других азиатских обществах, идеи коллективизма очень сильны, а к коренным национальным интересам (различают еще важные, обычные и мелкие интересы) помимо вопросов суверенитета и территориальной целостности относят духовные ценности²¹³. Защиту идентичности, в том числе коллективной идентичности, приравнивают в КНР к культурной безопасности государства²¹⁴. Превращение традиционного коллективизма в современные административные, гражданские и корпоративные формы, в основном завершено на Тайване, продолжается в КНР – в рамках повышения эффективности существующей государственной системы. В результате видны базисные несовпадения с западным индивидуализмом, которые, конечно же, не являются препятствием для сотрудничества с США – в том числе в вопросах прав человека (что, кстати, было продемонстрировано при недавней либерализации режима в Мьянме). Но принимать на свой счет упреки в несоблюдении прав человека – особенно после событий в Ливии – не готовы не только официальный Пекин, но и китайская интеллигенция и особенно молодежь. В результате мессианская часть имперского проекта США в Китае окончательно захлебнулась.

---

²¹¹ Отказавшись от участия в конференции по восстановлению Ливии, созванной по инициативе Н. Саркози в начале сентября 2011 года, Китай, скорее всего, продолжит работу в этой стране в двустороннем формате, извлекая выгоды из своей упорной и сильной политики и оттеняя тем самым очевидно бессмысленный курс западных стран в исламском мире.

²¹² Egner D. Civilization and Empire: Some Notes on Samuel P Huntington// World Affairs. 2011. Vol. 15. № 1. P. 17.

²¹³ Гуань Ли. "Гегемонистская озабоченность" США и стратегический ответ Китая// Сяньдай гоцзи гуаньси. 2010. № 11. С.15.

²¹⁴ Исследование международной стратегии мирного развития Китая (Чжунго хэпин фачжань гоцзи чжаньлюэ яньцзю). Под ред. Кан Шаобана. Пекин: издательство школы ЦК КПК, 2007. С. 310.

Было бы, разумеется, неточным представлять участие Китая в международных отношениях чередой непрерывных успехов. Многие ключевые с точки зрения национальных интересов Китая проблемы оставались нерешенными. Прежде всего, это проблема Тайваня, где под покровительством Вашингтона продолжали усиливаться сепаратистские настроения. Конкретизировались планы демонтажа "мирных" положений законодательства Японии и контуры создания в АТР на базе американо-японского военного союза системы ПРО ТВД. Как вызов Китай воспринимает расширение присутствия США в АТР и Центральной Азии. Серьезное беспокойство в Пекине вызывает напряженность на Корейском полуострове. Противоречия сохраняются в отношениях КНР с Евросоюзом. Несмотря на провозглашение стратегического партнерства с Индией двусторонние отношения Китая с этой страной по-прежнему развиваются непросто. Неурегулированными остаются территориальные споры между КНР и рядом соседних государств. И главное – США делают ставку на односторонние, силовые методы обеспечения своих национальных интересов, которые все больше сталкиваются с китайскими. С этой реальностью Китаю предстоит иметь дело в последующие годы.

Наконец, в начале XXI века выявилась весьма любопытная закономерность. Подъем Китая из блага превращается для него в серьезную внешнеполитическую проблему. Чем сильнее становится Китай, тем больше подозрений его намерения вызывают в окружающем мире. Соответственно, растет и стремление мирового сообщества к коллективному противодействию потенциальной "китайской угрозе". Справиться с этим вызовом Пекину пока не удается.

Китай в мировой "политической экономике"

Очевидно, что успехи Пекина в проведении внешней политики тесно связаны с экономическим подъемом Китая, а нынешняя мировая конъюнктура превратила политику и экономику в единый сплав. Продолжение подъема Китая в ситуации не преодоленного на Западе кризиса и сами масштабы китайского хозяйства придают всей ситуации необыкновенный драматизм, делая рост в Китае не только геополитическим фактором, но и явлением исторического масштаба. Достаточно заметить, что около половины мирового прироста ВВП в 2008-2011 годах пришлось на КНР.

Анализ векторов развития Китая необходимо производить в контексте тенденций, наблюдающихся сегодня в мировой экономике. На наших глазах разрушается или сущностно модифицируется центрo-периферическая структура, усиливается полицентризм. При этом продолжается кризис неолиберальной политики, поскольку на ее счет большинство стран относят разрушение национальных государств и сдерживание развития.

Приведем несколько простых примеров нарастания полицентризма в мировой экономике: за нулевые годы товарооборот между КНР и Индией вырос в 28 раз (!) и теперь Китай, а не США – крупнейший торговый партнер Дели. Индия и Бразилия экспортировали в 2010 году больше товаров в развивающиеся страны, чем в развитые. Похожие процессы наблюдаются и в сфере движения прямых инвестиций. В 2010 году приток ПИИ в развивающиеся страны впервые в истории превысил соответствующий показатель по развитым государствам. Это обстоятельство, так же как и высокая доля стран периферии в инвестициях из самих развивающихся государств²¹⁵, в немалой степени связано с движением предпринимательского капитала в Китай и из Китая.

---

²¹⁵ В 2007-2010 годах доля развивающихся стран в прямых инвестициях из развитых стран повысилась с 26 до 45%, в инвестициях из развивающихся государств – с 58 до 63%. World Investment Report 2011. UNCTAD: New York and Geneva, 2011. P. 14.

Определенное дистанцирование от ядра миросистемы в растущей мере выглядит для многих стран не просто проблемой национального достоинства. Теперь это вопрос экономического и политического благоразумия, правильного выбора между глобальным, региональным и локальным в меняющемся мире.

Еще относительно недавно некоторые российские эксперты фиксировали, что "лидирующая роль в переходе от индустриальных к *информационно-финансовым обществам* (выделено нами – К.Б, А.С) принадлежит странам Запада и прежде всего США", а Китай характеризовали в качестве "антилидера"²¹⁶. Теперь, после *финансового* кризиса, так и не преодоленного на Западе (где все чаще слышны призывы к реиндустриализации), вопрос о лидерстве "переехал" в область способности правительств самостоятельно выбраться из тяжелой ситуации, возможно, реанимируя общие подходы к экономическому развитию из эпохи, предшествовавшей неолиберальному этапу. И уже не Китаю, а США, по крайней мере, в финансово-экономической сфере, больше подходит название "антилидер" или "тормоз", а выступления известных либералов-экономистов этой страны откровенно окрашены в ностальгические тона.

Выясняется, что не вполне адекватно и представление о постиндустриальном (информационно-финансовом) обществе в качестве чуть ли не следующей самостоятельной формации или общего будущего человечества. Это пока всего лишь утопия даже применительно к США, явно не дотягивающим, как выясняется, до роли глобального банка и информационного центра и способных создавать новые рабочие места лишь за счет низкооплачиваемых профессий. Китай же с необыкновенным проворством создает и собственные финансовые центры и свой хай-тек, "похищая" у Запада его корпорации с их исследовательскими подразделениями. Выясняется при этом, что становление высокотехнологичных *укладов* (но не обществ!) или их *сегментов*²¹⁷ – всего лишь часть модернизации. Она не более важна, чем способность промышленности к внедрению и массовому распространению технологий, аграрная или жилищная политика, поддержка культуры и народного образования, которым, конечно же, совсем не мешает квалифицированное и дешевое научное обеспечение, инновации и т.п.

Отмечая лидерские признаки у Китая, особенно по отношению к развивающимся странам и некоторым незадачливым "переходным" государствам, есть смысл подчеркнуть, что в тяжелые времена хорошая экономическая динамика даже психологически затмевает накопленные ресурсы, тем более, если последние не дают экономического роста и прибыли. Куда важнее в такие периоды оказываются приростные параметры и особенно рост импорта. На Китай же в 2009-2011 гг. пришлось около половины всего прироста мирового ВВП. Продолжали расти в 2009-2011 гг. объемы внутреннего спроса и импорта. Импорт Китая в конце 2011 года достиг 85% от аналогичного показателя США и вырос по итогам года почти на 25%.

В результате приобретает новый смысл (а главное – реалистичные контуры) постулат Пекина о новом международном экономическом порядке (НМЭП), отброшенный неолиберальной политикой западных держав. У этого проекта, помимо Пекина, появляются несколько неожиданно и некоторые другие влиятельные сторонники – в том числе в лице крупного промышленного капитала развитых стран. Поскольку промышленные корпорации являются в современном мире

---

²¹⁶ Воскресенский А. Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток-Запад, 2004. С. 35.

²¹⁷ О малочисленности сектора и очень скромном вкладе высоких технологий в ВВП и занятость даже в США не раз писал П. Кругман, а также П. Робертс, который в сентябре 2011 года отмечал: "Цифры о новых рабочих местах в США не имеют ничего общего с пропагандой о новой экономике".

влиятельнейшими субъектами мировой политики, а они на Западе (в отличие от китайских аналогов) не особенно лояльны правительствам и ищут мест, где есть рост, спрос и умелые рабочие руки, картина новой биполярности выглядит достаточно тревожно для США. С 2006 по 2009 годы прибыли 135 американских ТНК за рубежом выросли с 590 млрд. до 1 трлн. долл., что лишило бюджет США примерно 60 млрд. долл. налогов²¹⁸.

Данное явление – одна из причин попыток начать реиндустриализацию в США, а также появившихся призывов к инсорсингу (возвращению бизнеса из-за рубежа на родину материнской компании) в других развитых странах. Подобные голоса – несомненная дань китайскому вызову в промышленном развитии, тем более что под инсорсингом очень часто понимается возвращение именно из Китая, и, кроме того, в них слышится отречение от теории сравнительных преимуществ – одной из основ глобалистского проекта Запада²¹⁹. Очевидно и крупное поражение западного финансового капитала. Исторически современная западная финансовика родилась с развалом Бреттон-Вудской системы. Последовавшая за ней политика дерегулирования имела своей очевидной целью подвести под западную финансовику ресурсы и труд отсталых стран. При этом финансовика как таковая вырастала преимущественно из уже достигнутой мощи корпораций, значительной производительности труда в индустрии и вытекавшего из этого ухода части промышленного капитала в сферу финансов.

Китай же лишь теперь подходит к похожей стадии экономической эволюции – причем не по всей структуре хозяйства. Но черты интенсификации промышленного роста и зарождения финансовики (в силу жесткого государственного регулирования сущностно отличающейся от западной) очень выпуклы в отдельных регионах и корпорациях. Они подтверждаются еще и началом массового вывоза капитала в нулевые годы²²⁰.

Финансисты Китая в последние месяцы расширили допуск на китайских рынок *институциональных* инвесторов, ограничили 25 процентами прирост курса акций при первичных размещениях, начали создание собственного SWIFT. На ставшую устойчивой биржу в экспериментальном порядке в провинции Гуандун допущены местные пенсионные фонды. Если прибавить к этому необыкновенные успехи в интернационализации юаня, "плоский" фондовый рынок при растущем реальном секторе (в противоположность ситуации в западной финансовике в последние два года), то очевидно, что постепенно создается альтернативная финансовая система, имеющая, безусловно, глобальную перспективу.

В результате, если говорить об экономике и финансах, количественно и даже в конкурентном смысле – то есть качественно, КНР в наши дни представляет некое сопоставимое, особое и, одновременно все-таки обособленное по отношению к Западу образование. Это образование (состояние) в социально-политическом смысле справедливо характеризуется нашими учеными еще и как "политически чужой Западу Китай"²²¹. Но такая ситуация, на наш взгляд, не проблема Китая, несколько по этому поводу не комплексующего, а проблема Запада, долгое время

---

²¹⁸ Singh D. Z. The Global Economic Crisis and its Aftermath// World Affairs. 2011. Vol. 15. № 1. P. 46.

²¹⁹ Любопытно, что именитые американские либералы (П. Кругман, Р. Райх и Дж. Стиглиц) – все, заметим, "фритредеры" – в один голос сетуют на "заниженный курс" юаня. Ни Тайваню, ни Индии, где этот курс еще более "занижен" и где, так же как и в Китае, есть валютные ограничения, подобных претензий не предъявляют.

²²⁰ Таковой, например, в экспериментальном Вэньчжоу (очень благополучный город в провинции Чжэцзян) могут теперь вывозить физические лица – без всяких ограничений.

²²¹ Бергер Я. М., Михеев В. В. Общественный строй Китая: "постсоциалистический капитализм?"// Общество и экономика. 2005. № 7-8. С. 63.

пытавшегося представить себя единственно цивилизованной частью планеты в финансовой области.

Размышляя о новой биполярности в контексте глобальных проблем, например, никем не доказанного глобального потепления²²², можно еще раз подумать об экстенсивном и интенсивном начале в хозяйстве США и Китая, например, в силу их столь разной обеспеченности природными ресурсами, трудом и землей в историческом разрезе и перспективе. Можно порассуждать и о "зеленых" попытках сдерживания экономического развития бедных стран извне.

Можно задаться и вопросом о том, где больше капитализма в классическом смысле слова (как расширенного воспроизводства, сбережения и накопления), или противопоставить "разрушителей богатства" с Уолл-стрит и "созидателей" с китайских фабрик, выпускающих электровелосипеды, фотоэлектрические панели или светодиоды – как типичных представителей хозяйств двух стран. Но это, возможно, не вполне правомерное противопоставление, поскольку реальный сектор в Китае пока еще находится с Уолл-стритом в отношениях разделения труда в мировой экономике (и даже взаимодополнения – разбухание западной финансовики, возможно, не случайно сопровождалось бурным ростом реального сектора в Китае). Другое дело – складывающиеся и весьма непростые отношения между "зарождающейся" китайской и "зрелой" американской финансовикой, которые необходимо анализировать с особым вниманием. Не исключено, что двухъядерная (полицентричная) мировая финансовика (а не единый мировой финансовый рынок), а также сохранение национальных финансовых рынков со временем окажется и более удобным "процессором" в решении глобальных проблем, все же очень по-разному стоящих перед развитыми и развивающимися государствами.

Можно увидеть в той же политике интернационализации юаня²²³ попытку Китая начать своего рода деглобализацию западной финансовики, расчистку места для своих финансистов и валюты. Возможно, именно такое прочтение политики КНР вылилось в бесконечные дискуссии между Пекином и Вашингтоном по поводу курса китайской валюты и режима ее конвертации. Но в действительности никто в Пекине об "изгнании доллара" не помышляет, просто по ходу дела выяснилось, что не полностью конвертируемые деньги стран Востока на определенных этапах истории лучше подходят для целей экономического развития, а значит – и решения глобальных проблем. А наличие в мировом хозяйстве денег, находящихся в разном соотношении с реальной экономикой, помимо прочего, дает экономистам интересный аналитический инструмент²²⁴.

Мы далеки от того, чтобы не видеть всей остроты проблем, стоящих перед Китаем. Та же задача расширения внутреннего рынка и спроса, помимо создания инфраструктуры (в чем китайцы успешны, хотя не обошлось без крупных сбоев, в частности, в строительстве скоростных железных дорог), по-видимому, потребует очень энергичного и масштабного маневра, напоминающего "великое сжатие"²²⁵ в США. Но если в Китае к такому маневру Пекин довольно жестко вынуждают и внутренние социальные обстоятельства, и более государственный взгляд на мир, и уже приобретенные статусные характеристики (это совсем не означает, что маневр

---

²²² Среднегодовая температура в Китае в 2007-2011 гг. снизилась с 10.1 С° до 9.3 С°, слегка повысившись лишь в одном 2009 году. Конечно же, это не вся планета, но все-таки любопытный факт.

²²³ Интернационализация юаня уверенно набирает темп: в 2011 году объем внешней торговли КНР с расчетами в юанях составил 410 млрд. долл., или свыше 11% ее общего оборота.

²²⁴ Салицкий А.И. Жэньминьби – он же юань// Валютный спекулянт. 2003. № 11.

²²⁵ Этим выражением П. Кругман характеризует резкое усиление равномерности в распределении доходов в США в 1940-1950-е годы в результате воплощения идеологии "нового курса". К такому маневру в США наших дней призывают и другие американские экономисты-либералы.

будет удачным), то в США возможное возобновление экономического роста просто позволит отложить решение проблемы на неопределенный срок. Эти же внутренние обстоятельства вынуждают КНР к сохранению высокой (по мировым меркам, но уже привычной для хозяйства) нормы инвестиций, что не исключает ее снижения – постепенного и уже осуществляемого, в том числе в ходе борьбы с очередным "перегревом" экономики в 2009-2010 годах.

Выход из кризисов, как известно из классики, немислим без повышения накопления. В уже упоминавшемся докладе аналитиков McKinsey, прогнозируется рост спроса на инвестиции (и повышение цены капитала), который может достичь уровня, "не наблюдавшегося со времен послевоенного восстановления Европы и Японии или эпохи стремительного роста развитых рынков. На рынках Азии, Латинской Америки и Африки уже отмечается всплеск инвестиционной активности, вызванный растущим спросом на новые дома, транспортную инфраструктуру, системы водоснабжения, заводы, офисы, школы, больницы и торговые центры"²²⁶. То, что капитал подорожает – еще не факт, более того, не очень желательное событие для решения глобальных проблем. Но то, что Китай внес немалый вклад в повышение экономической температуры на планете и оптимизм сотрудников известной компании – очевидная реальность.

***

Укрепление позиций Китая в мировой политике усиливает полицентризм. Укрепление национальных государств и расширение свободы их действий в хозяйственной и социальной политике видится нам естественным путем выхода из нынешнего кризисного состояния. Усилится, по-видимому, и роль двусторонних связей между государствами. Здесь уместна аналогия с двусторонними соглашениями о свободе торговли товарами и услугами, которые хотя и напоминают «клубок спагетти», однако успешно дополняют многосторонний режим ВТО.

Продолжится расширение свободы выбора (и в том числе в рамках ревизии или модернизации неолиберализма) – как стратегий развития, так и ориентации экономических связей. Причем частичная ревизия неолиберализма и реиндустриализация в США – вполне вероятный вариант развития событий, который может стать своего рода ответом на вызов зарождающейся биполярности двух держав. Не исключена, разумеется, и кейнсианская окраска такого поворота в США, апелляции к "новому курсу" Ф.Д. Рузвельта²²⁷, меры по существенному перераспределению доходов²²⁸ и т.п., что заслуживало бы положительной оценки – как и возвращение к идеям НМЭП.

Единых рецептов при этом нет и не будет: где-то нужна либерализация и приватизация²²⁹, где-то нелишне провести аграрные реформы, а где-то не помешает планирование ключевых отраслей или их национализация²³⁰. Где-то исчерпала себя

²²⁶ Farewell to Cheap Capital. Op. cit. P.7.

²²⁷ Есть даже теоретическая возможность осуществить мечту Ф. Д. Рузвельта, развернув большой и дружный треугольник (США – Россия – Китай) на решительное благоустройство планеты.

²²⁸ См., например, предложения по выходу из кризиса бывшего министра труда США Р. Райха (Райх Р. Послешок. Экономика будущего. М.: Карьера Пресс, 2012).

²²⁹ Стоит привести на сей счет выдержку из работы Ли Чуаньтуна (2007). "Современная корректировка социально-экономической стратегии в духе построения 'гармоничного общества' символизирует определенный возврат к культурно-цивилизационным традициям и к марксистскому наследию, что может способствовать более пристальному вниманию к вопросам демократизации управления и социальной справедливости. Это не означает отказа от разгосударствления там, где это целесообразно. Функцию управления государственным имуществом могут выполнять как государственные, так и негосударственные организации". Ли Чуаньтун. Управление государственной собственностью в Китае// Промышленные ведомости. 2007. № 10.

²³⁰ Не следует реагировать на критику со стороны США стран, проводящих политику "государственного капитализма" (см., например: Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025:

экспортная ориентация, где-то лучше вернуться к валютным ограничениям или выйти из валютных союзов, где-то – привлечь в экономику зарубежный капитал²³¹.

Успехи национальных хозяйств и благосостояние населения – вот, в конечном счете, главный критерий ответственности правительств перед мировым сообществом. Это давний тезис "пекинской пропаганды", но в наши дни он не кажется нам недостаточно актуальным. Напрашивается вывод о высокой степени вероятности развития полицентризма в мировой экономике: современное мировое хозяйство выглядит все менее приспособленным к чьему бы то ни было доминированию – как в теории, так и на практике.

Выводы для России

Усиление Китая в мировой экономике и политике благоприятно для России в силу совпадения или близости взглядов на ключевые вопросы мироустройства и основные глобальные и региональные проблемы, а также особого места России в системе внешнеполитических приоритетов Китая²³². В этой связи российской дипломатии следовало бы продолжать проведение линии на развитие стратегического партнерства с КНР. Выстроенный за последние два десятилетия комплекс отношений сотрудничества необходимо укреплять и двигать вперед, следя за тем, чтобы каждое из направлений взаимодействия – политический диалог, сотрудничество в вопросах безопасности, торгово-экономическое, научно-технологическое, культурно-гуманитарное сотрудничество – развивалось сбалансировано, с учетом интересов обеих сторон. Особого внимания заслуживает укрепление экономической составляющей двусторонних отношений, резкое расширение инвестиционного сотрудничества, скоординированное развитие Сибири

меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: "Европа", 2011. С.14). Помимо прочего – это наше внутреннее дело. Кроме России, в упомянутом выше докладе к странам госкапитализма отнесены Китай и Индия, доля которых в мировой экономике стремительно растет. В результате Россия как страна либерального капитализма рискует остаться вне магистральной тенденции мирового развития. Заметим также, что даже социалистические идеи в свое время не были чужды американскому истеблишменту. Представитель одной из влиятельнейших семей США Брукс Адамс (правнук второго и внук шестого президента) в 1900 году призывал руководство страны помочь Англии в соперничестве с континентальными державами. Он рекомендовал усилить экспансию в Латинскую Америку и построить канал между Атлантическим и Тихим океанами для победы атлантического мира в конкуренции за Восточную Азию. Важно было, по Б. Адамсу, снизить административные расходы страны. Для этого предлагалось или подчинить правительство трестам, или (что лучше) тресты – правительству (!). "Таким образом, – пишет Б. Адамс, – западный и восточный континенты стали бы конкурировать за наиболее совершенный проект **государственного социализма** (у Б. Адамса эти слова написаны с прописных букв – А.С., И.Т)". См.: Adams B. America's Economic Supremacy (1900). Reprint with an introduction by Marquis W. Childs. N.Y., L., 1947. P.106. Забавно, что Милтон Фридман в 1995 году констатировал, что США – это "социалистическая страна", а единственным анклавом свободного капитализма в мире остался Гонконг. Эта территория ныне является придатком китайской экономики.

²³¹ Интересны размышления на сей счет финансового аналитика из США Хенрика Лю. Он считает, что Китай "должен признать, что дерегулируемая рыночная экономика противоречит интересам национального развития и, помимо прочего, разрушила за тридцать лет статус США как сверхдержавы. По этой причине Китаю следует оживить центральное планирование". (Henry C K Liu. China and a new world economic order // <http://www.henryckliu.com>). Поскольку же планирование базисных отраслей хозяйства, включая энергетику, в КНР пока сохраняется, то и в России, возможно, придется подумать о планировании в этой сфере (и не только на корпоративном уровне) и координации соответствующих планов с Китаем – вплоть до гармонизации энергетических стратегий. В любом случае прогнозирование развития мировой энергетики уже невозможно без анализа произошедших и вероятных событий в развитии новой биполярности мировой экономики и политики (это, конечно же, отдельная тема).

²³² Лузянин С. Г. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс. // <http://journal-neo.com/?q=ru/node/12813>.

и Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР, срок действия которого истекает в 2021 году, должен быть продлен по меньшей мере еще на десять лет.

Москве и Пекину можно было бы порекомендовать еще более тесно координировать действия двух стран на мировой арене, прежде всего в рамках ООН и ее Совета Безопасности, ШОС, АТЭС, Восточноазиатских саммитов, Асеановского регионального форума по безопасности и других многосторонних объединений. Россия и Китай должны более активно брать инициативу в свои руки, выдвигать предложения по совершенствованию глобальной и региональной архитектуры безопасности и сотрудничества. В частности, было бы важно активно продвигать совместную российско-китайскую инициативу по укреплению безопасности в АТР.

Представляются продуктивными дальнейшие шаги по взаимной поддержке действий, направленных на закрепление полицентричной структуры международных отношений и мировой экономики, отстаивание верховенства международного права, прежде всего таких его основополагающих норм и принципов, как уважение суверенитета, территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других государств, а также неделимость безопасности, отказ от применения силы или угрозы силой, урегулирование споров мирными, политико-дипломатическими средствами.

У России и Китая имеются все условия для наращивания взаимодействия по вопросам реформирования нынешней дискриминационной и несовершенной международной валютно-финансовой системы. Используя механизмы "Группы двадцати" и БРИКС, две страны могли бы способствовать повышению роли развивающихся стран и новых экономик в деятельности МВФ и Всемирного банка.

В интересах России – проведение сбалансированной, многовекторной внешней политики, обеспечивающей развитие продвинутых отношений с США, Евросоюзом, Японией, укрепление стратегического партнерства с Индией, наращивание сотрудничества с Южной Кореей и странами АСЕАН.

Одной из задач российской внешней политики должно быть содействие созданию такой глобальной и региональной архитектуры, в которой США и КНР были бы связаны взаимными обязательствами, механизмами контроля над сооружениями и урегулирования споров с участием других государств. В качестве первого шага можно было бы предложить создание трехстороннего формата взаимодействия Россия – США – Китай.

Чтобы избавить атлантистов от возможных подозрений по поводу мотивов поддержки Пекина Москвой, возможно, следует сделать акцент на том, что мы поддерживаем усилия Китая по перестройке международного порядка в первую очередь потому, что они отвечают интересам развивающихся стран – а в силу конфуза политики сдерживания развития – и возвращают нас к не утратившим актуальность идеям НМЭП. Эти идеи, как известно, поддерживал СССР, и такая постановка проблемы, разумеется, с учетом новых реалий представляется выигрышной для наших интересов в Третьем мире.

При перестройке ООН и международных финансовых институтов, формально входящих в ее состав (МВФ, МБРР), есть смысл проводить предварительные консультации с Китаем, в БРИКС и ШОС. Кроме того, Россия могла бы поставить вопрос об увеличении многосторонней помощи со стороны этих агентств развитию наиболее слабых стран из числа бывших советских республик (Молдавия, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан), настаивая на зачете значительного собственного вклада в их экономику в виде переводов трудовых

мигрантов. Подобное многостороннее содействие обедневшим странам было бы желательным и по линии АзБР – помимо, разумеется, ШОС.

Из внешнеполитического опыта Пекина можно было бы позаимствовать особое внимание и терпение по отношению к сопредельным и развивающимся странам, упор на двусторонние отношения и постепенное "восхождение" от них к региональным и глобальным проблемам. Россия может и должна делать больше в плане оказания помощи нашим зарубежным союзникам и партнерам, смелее брать на себя роль инвестора, кредитора и донора.

Один из главных выводов для России – необходимость скорейшего реформирования и модернизации российской экономики, перевода ее на инновационные рельсы, изменения ее сырьевого характера, обеспечения быстрого социально-экономического подъема регионов Сибири и Дальнего Востока. Только сделав рывок в экономическом развитии, Россия имеет шанс занять достойное место в динамично трансформирующемся мировом политическом и экономическом порядке, в отношениях с ведущими глобальными полюсами.

Внешнеполитическая стратегия Индии: преемственность и изменения

Принято считать, что внешнеполитическая стратегия Индии прошла в своем развитии три основных этапа: колониальный, "время Джавахарлала Неру", "период геополитического прагматизма". Под властью британской империи Индия занимала центральное положение в южной сфере её влияния, контролируя пространство от Персидского залива на западе до Малаккского пролива на востоке. В первые десятилетия независимости Индия под руководством Дж. Неру стремилась стать несущей конструкцией альтернативного евроцентризму и биполярности мирового порядка, в основе которого лежали принципы солидарности Третьего мира, "антиимпериализма" и нейтралитета в "холодной войне". Наконец, концептуализация "реалистической" парадигмы внешней политики связана с именем Индиры Ганди, тогда как ее материальными основаниями стали экономический потенциал и военная мощь. "Прагматическая" концепция прошла апробацию в ходе победоносного для Индии конфликта за освобождение Бангладеш (в ту пору Восточного Пакистана) в 1971 г., а геополитическим "ремнем безопасности" стал Договор о мире и дружбе с Советским Союзом, заключенный в том же году.

Определенную модификацию внешнеполитическая стратегия Индии претерпела в конце 80-х-начале 90-х гг. прошлого века, и на то были веские основания. Дезинтеграция Советского Союза, распад биполярного мира, рост влияния сил политического ислама, форсированное экономическое развитие Китая – эти и другие факторы внесли существенные коррективы в поведение Индии во внешнем мире. Правящие круги Индии пришли к заключению: военно-политический потенциал страны напрямую зависит от развития экономики – ее структуры, диверсификации, всецело определяемых инновационно-интенсивной моделью роста и развития.

По сути, новый потенциал страны закладывался в концепцию экономической реформы 1991 г., которая уже к середине 90-х годов вывела Индию на траекторию ускоренного хозяйственного роста. В свою очередь, результаты реформы отразились и на политическом мышлении индийской военной элиты. В ее среде все чаще и настойчивее звучал мотив Индии – уже не региональной, но будущей глобальной державы. Объективно перед страной встала задача *качественного* обновления военно-технического потенциала. Помимо этого, само время торопило индийский политический и военный истеблишмент: ускоренный экономический рост Китая (к которому многие индийцы после пограничной «войны» 1962 г. продолжают относиться с недоверием) трансформировался, в частности, в быстрый рост военных расходов и систематическое совершенствование военного потенциала.

Тогда, в середине 90-х годов, индийские военные продолжали верить в сотрудничество с Россией, однако кризис (далеко не спонтанный) отечественного оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и массивное свертывание двусторонних внешнеэкономических связей под воздействием «либеральных реформ» породили широкую дискуссию о целесообразности "односторонней" ориентации военно-технического сотрудничества с Россией. Администрация Клинтона оперативно отреагировала на сигналы из Дели, и вот уже в самой Индии (прежде всего в "элитной" англоязычной прессе) появились аргументы в пользу активного развития военных связей с Америкой. Правда, после ядерного испытания 1998 г. на Индию были наложены "плотные" санкции, однако вскоре администрация Дж.Буша-младшего начала пересмотр геополитически "неудобного" для Вашингтона

решения. Мотивы подобных действий были прозрачны: Индии была уготовлена роль "противовеса" Китаю в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Не стоит, однако, думать, что Индия легко согласилась исполнять чужие геополитические замыслы. Правящие круги страны, особенно их ориентированная на Запад часть, пытались по-своему диверсифицировать геополитику и военно-политическую стратегию Индии, добиться максимальной отдачи от своих отношений и с США, и с Россией, и с Китаем. И вот здесь мы подходим, пожалуй, к наиболее сложному моменту – к оценке роли нашей страны в обеспечении национальной военно-политической безопасности Индии.

С одной стороны, индийские правящие круги продолжают активно поддерживать кооперационные связи с Россией в сфере ВТС, которые уже приняли форму передачи "чувствительных" технологий индийскому ВПК и осуществляются на максимально благоприятных для Индии условиях (на подобные инициативы Америка пока не готова.) С другой стороны, индийский военный истеблишмент сетует на неритмичность наших поставок, необеспеченность получаемых изделий необходимыми запчастями, недостаточный госконтроль за качеством экспортируемой военной техники. В индийских военных кругах сформировалось устойчивое мнение об "отсутствии инвестиций в научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР) российского ОПК в последние 16 -17 лет", что определенно подрывает наш авторитет как создателей эффективной военной техники, включая ее футуристические образцы.

Наконец, не стоит за критикой России видеть исключительно действия наших конкурентов на ёмком индийском рынке оружия. Индийские политики и военные хорошо понимают: идеализация западных поставщиков в сфере ВТС контрпродуктивна. Так, индийский истеблишмент сознает, что в сфере торгово-экономических отношений, включая ВТС, американцы не отказались от *практики выдвигания политических условий*. Трудность иного характера незримо присутствует в отношениях с Францией: последняя, преследуя сугубо экономическую выгоду, может продать аналогичные боевые системы "потенциальному противнику", скажем, Пакистану.

Однако обольщаться нам никак не стоит. К критике индийской стороны некоторых наших действий в сфере ВТС необходимо не только прислушаться, но и сделать из нее соответствующие выводы практического свойства. При этом всем нам необходимо помнить: Индия, пожалуй, единственная страна, в отношениях с которой у СССР/России никогда не было и нет серьезных *политических* проблем. Эту ситуацию России, особенно в условиях смещения геоэкономической оси развития мира на восток, нужно использовать к нашей максимальной геополитической выгоде. В этих своих усилиях мы встретим как минимум доброжелательный отклик у одного из наших важнейших стратегических партнеров.

При этом стоит помнить: новая, выходящая за пределы южноазиатского региона ("надрегиональная") роль Индии, есть следствие форсированной модернизации страны и глубокой диверсификации ее экономики. Индийцы с уверенностью смотрят в будущее, чему есть две основные причины.

Во-первых, повышение динамики экономического роста до 8-8.5% в годовом исчислении, опирающееся, в частности, на активное развитие аграрного сектора (что важно для сохранения внутривнутриполитической стабильности в стране). Во-вторых, общество чувствует: стиль политического управления страной становится все более рациональным. Содержание данного подхода к управлению государством состоит в: а) концентрации усилий правительства на стратегии развития страны; б) качественном улучшении деятельности административных институтов; в)

сознательном отделении государственного управления от публичной политики, как правило, мешающей власти системно воспринимать индийское общество.

Однако несомненные успехи на внешнеполитическом поприще не смогли нейтрализовать долгосрочные *вызовы* национальной безопасности, которые правительство Индии пока не может парировать. Среди этих "вызовов" принято выделять несколько основных.

1. В Афганистане, который играет для Индии роль кратчайшего "коридора" в Центральную Азию, наблюдаются явные признаки усиления движения "Талибан". Индия уже является крупнейшим региональным донором Афганистана, направившим в это государство помощь в объеме более 1 млрд. долларов. Часть индийских экспертов подвергают сомнению эффективную отдачу подобной помощи, тем более что в свете осложнения ситуации вокруг Ирана становится трудно оценить возможность вынашиваемых Индией в течение последнего десятилетия транспортных проектов между Ираном, Индией, Афганистаном и Центральной Азией (помимо этого, Индия постоянно испытывает на себе давление США, пытающихся склонить эту страну к полному свертыванию торгово-экономических отношений с Ираном.) Более того, введение в строй с помощью КНР стратегически важного порта Гвадар на Аравийском море резко расширит влияние Пакистана и Китая в Центральной Азии. Внутри самого Афганистана индийское правительство оказалось в "щекотливой" ситуации: с учетом критического положения режима Хамида Карзая закономерно возникает вопрос: что будет с позициями Индии в этой стране? Вразумительный ответ на него внешнеполитический истеблишмент в Дели пока не может.

2. По западному и восточному периметру границ Индии нарастает влияние "политического ислама". В Пакистане и Народной Республике Бангладеш (которая, как полагают, превратилась в "питомник" международного терроризма) силы политического ислама уже действуют на самостоятельной от власти основе. Цель этих сил, считают индийские политологи, сводится к реализации двуединого сценария: маргинализация секуляристских партий и объединений и, в перспективе, создание "исламского политического фронта" двух государств с целью нейтрализации растущего геополитического влияния Индии в регионе Южной Азии.

3. Военные эксперты считают: сухопутные и морские границы Индии защищены слабо. "Пористость" государственных границ – причина интенсивного "движения" наркотических средств, оружия и боеприпасов, а также фальшивых денежных знаков в Индию и далее. Такого рода активность может вполне вызвать дезорганизацию общества, что неминуемо отразится на экономике и политических институтах. Далее, пограничные с Индией государства – это, как правило, "проблемные соседи": беспокойные Непал и Бангладеш, ставшая невольным "яблоком индийско-китайского раздора" Мьянма (Бирма). Эти и другие факторы, по мнению военных экспертов, могут быть использованы "недругами Индии" для ослабления ее региональных и "континентальных" позиций. Подобный ход мыслей подсказывает сама география: Индия расположена между "золотым полумесяцем" и "золотым треугольником" – основными производителями наркотического сырья. Особую тревогу военных вызывает "проницаемость" границ с Мьянмой, одной из стран "золотого треугольника", поскольку "повстанцы" в некоторых северо-восточных штатах Индии (пограничных с Мьянмой) получают оружие в обмен на "транзит" наркотиков.

4. Среди экспертного сообщества Индии нет единства относительно стратегии в регионе Южной Азии. Если одна группа специалистов полагает, что "сильные" Пакистан и Бангладеш в интересах Индии, то другие, особенно в военной среде, считают: Индия "должна работать" на распад этих государств, правящие круги

которых систематически подрывают единство и территориальную целостность страны. Помимо этого, внутривластные процессы в Пакистане, прежде всего "исламизация" общества снизу и потенциальное создание "военно-религиозной коалиции", создают угрозу безопасности Индии на долгосрочной основе. Наконец, в Индии нет ясного представления о будущих отношениях с Афганистаном после вполне возможного возвращения к власти в Кабуле движения Талибан.

5. Вызовом национальной безопасности страны некоторые эксперты считают отсутствие ясной иерархии внешнеполитических приоритетов Индии в условиях противоречиво складывающегося полицентрического мира. В качестве ведущих стратегических партнеров Индии эксперты выделяют США, Россию, Китай, Израиль, Вьетнам, Иран. Специалисты считают: поскольку сама "постуниполярная" конфигурация мира пока не приняла ясные очертания, разработка новой внешнеполитической стратегии Индии займет минимум 5-7 лет. Однако "фактор Китая" особенно беспокоит политический класс Индии и ее интеллектуальную элиту. Индийско-китайский конфликт, по крайней мере в латентной форме, возможен как результат конкуренции за дефицитные для обеих стран энергетические ресурсы.

Сложное переплетение многочисленных факторов и силовых линий формирует внешнеполитическую стратегию Индии, которая постоянно видоизменяется, "насыщается" новым глобальным и региональным содержанием.

Перемещение центров экономического роста из Северо-атлантического пространства в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) имело следствием повышенное внимание к складывающейся в АТР расстановке геополитических сил, прежде всего в виртуальном "треугольнике" Индия-Китай-США.

Как же осуществляется американская геополитическая стратегия в отношении двух крупнейших государств мира? С одной стороны, американо-индийское ядерное соглашение и американо-индийский "стратегический диалог" видятся некоторым западным экспертам идеальным средством давления на Пекин, ибо последний, согласно подобным прогнозам, покорно примет и "новую" геополитическую роль Индии, и – заодно – роль Америки как верховного арбитра китайско-индийских отношений. С другой стороны, Вашингтон милостиво позволяет Китаю играть важную *дополнительную* роль в мировых делах, разумеется, вспомогательную по отношению к американской.

Развивая внешнеполитическое наступление в ключевом регионе мира, АТР, американский военно-политический истеблишмент явно вдохновлен успешным ходом военно-технического сотрудничества с Индией: подписанием договора о поставке военно-транспортных самолетов Lockheed C130 Hercules (1 млрд. долл.) и имеющим значительные перспективы соглашением о продаже в эту страну самолетов морского патрулирования P8i (2 млрд. долл.), идущим на смену российским Ту-142М. Геополитическая цель поставок американской военной техники очевидна: покрепче и надолго связать индийские вооруженные силы с оборонно-промышленным комплексом США.

Однако индийско-американские отношения развиваются по довольно сложной траектории, определяемой как динамикой взаимодействия социально-политических сил в стране, так и непростыми отношениями Индии с «великим северным соседом», Китаем.

В Индии продолжается критика "ядерного соглашения" с США. Интересно, что она осуществляется как слева (со стороны коммунистов и некоторых других партий), так и справа ("Бхаратия Джаната Партия"). Существование критики можно определить одной фразой: "ядерная сделка" ограничивает суверенитет Индии. Однако существуют и неявные мотивы, руководящие действиями оппонентов соглашения. Во-первых, в обозримой перспективе парламентских выборов, намеченных на весну

2014 года, основные социально-политические силы не желают рисковать своим политическим влиянием, поскольку значительная часть избирателей продолжает с недоверием относиться к США и их политике. Помимо этого, недавние выборы в законодательные собрания некоторых ключевых штатов подтвердили тенденцию падения влияния Национального конгресса, что создает дополнительную неопределенность во внутривнутриполитическом положении в стране. Во-вторых, видимо, в определенных сегментах политических элит складывается впечатление о *пределах* возможностей Америки не только в мире в целом, но и в области атомной энергетики и обеспечения реализации проектов международного сотрудничества в данной сфере.

В индийском внутривнутриполитическом дискурсе непременно присутствует "геополитическая фигура" Китая, причем частота упоминания КНР и ее политики в последнее время значительно возросла.

"Пограничная проблема" – вот, пожалуй, камень преткновения в отношениях между Дели и Пекином. Если индийцы продолжают помнить трагические события 1962 года, так называемую "пограничную войну" двух государств, то китайцы имеют к Индии свои *исторические* претензии. В неофициальном порядке китайские ученые ссылаются, в частности, на "извечно" двойственную позицию Индии: с одной стороны, индийцы рассматривают Тибет как часть Китая; с другой стороны, эта территория, якобы со времени первого премьер-министра Джавахарлала Неру (1947-1964гг), продолжает рассматриваться Дели как "буферная зона" между Индией и Китаем (к слову сказать, индийские политологи консервативного толка считают подобные рассуждения пропагандистским приемом "имперской политики" Пекина.)

Правда, в последние годы в Китае утверждается более взвешенный, исторический взгляд на отношения двух стран по поводу и в отношении Тибета. Так, в 2003 году в Пекине увидела свет, по-видимому, санкционированная властями публикация, в которой, в частности, утверждалось: в 1914 году был заключен "незаконный" с точки зрения международного права договор между Британской Индией и Китаем, согласно которому к Дели отходило 90 тыс. кв.км. "исконно" китайской территории, постепенно аннексированных англичанами у Тибета. Таким образом, делают вывод китайские ученые, "пограничные трения" между Дели и Пекином стали прямым следствием британской имперской политики в Индии.

Эксперты отмечают: набор средств, альтернативных переговорному процессу, у обеих сторон весьма ограничен.

Так, Китай, помимо Тибета, испытывает проблемы в Синьцзяне. Однако пытаться их эксплуатировать Индия никогда и ни при каких обстоятельствах не будет, хотя бы потому, что в настоящее время между двумя странами наметилось "стратегическое взаимопонимание" в отношении стабилизации внутривнутриполитического положения в Пакистане. Помимо этого, сдержанность Дели в этот непростой для Китая период будет по достоинству оценена Пекином, и – кто знает – может сократить путь к окончательному урегулированию двусторонних отношений.

Внешняя политика Индии осуществляется по нескольким важнейшим направлениям, одним из которых остается взаимодействие трех *сверхкрупных* государств – Индии, России и Китая. В частности, речь идет о "стратегическом треугольнике" Россия-Индия-Китай. На данном направлении мировой политики постоянно происходят весьма интересные события. Так, представляется целесообразным оценить способность России и Индии вернуть двусторонние отношения на прежнюю траекторию развития, преодолеть возникшие было "шероховатости". Многие эксперты отмечают, что время от времени возникающие в наших отношениях трения несколько глубже, чем недовольство индийского военного истеблишмента качеством российской военной техники.

Подлинной причиной более сдержанной позиции России в отношении Индии, чем это было в советские времена, являются не обстоятельства "технического" или "финансового" порядка, но факторы сугубо политического происхождения. Президент России в одной из статей, фактически ставших его программой на выборах 2012 г., особо отметил фактор *самостоятельности* в принятии важнейших внешнеполитических решений. Примечательно, что многие индийцы вполне согласны с подобной оценкой. Более того, не только внешнеполитический истеблишмент, но и простые индийцы обратили внимание на то, что Россия оказалась весьма чувствительной к политике Индии в отношении "сирийского кризиса".

Исторически Индия и Россия (а ранее – СССР) были "скрупулезно внимательны" к интересам безопасности друг друга – как до китайско-советского "раскола", так и после урегулирования двусторонних отношений. Однако, полагают эксперты в Дели, Индия считает неприемлемым "уплотнение" отношений России и Китая за счет "третьей стороны" стратегического треугольника. В качестве примера вредоносного для интересов Индии российско-китайского "союзничества" политологи приводят отказ Дели в полноправном членстве в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Однако это и другие препятствия активно устраняется российской дипломатией при фактической поддержке Китая. Вопрос реально может быть поставлен так: заинтересованы ли влиятельные силы в МИД Индии в далеком идущем сближении Дели и Пекина?

Не меньше проблем остается и в индийско-китайских отношениях. Их "исторический фон" влияет и на современное состояние двусторонних связей. В Пекине не забыли, что испытания Индией ядерного оружия в 1998 году были ответом на гипотетическую "ядерную угрозу" со стороны Китая. Помимо этого, с обеих сторон сохраняются значительные подозрения в отношении намерений друг друга. Для Индии – это тесные союзнические отношения Китая с Пакистаном, угрожающей частью которых стала модернизация стратегического порта Гвадар, становящегося, наряду с мьянмарским Ситве и бангладешским Читтагонгом, потенциальным средством эффективного контроля над доставкой энергоносителей из зоны Персидского залива. Для Китая же Индия превращается в часть американского стратегического замысла по "окружению" КНР. Более того, решение Конгресса США (декабрь 2006 года), интерпретируемое в Пекине как вывод Индии за рамки Договора о нераспространении ядерного оружия, рассматривается как стремление Америки превратить Индию в стратегический "противовес" Китаю в АТР.

В свою очередь, Китай, устами Президента Ху Цзиньтао, в ноябре 2006 года предложил Индии более тесную двустороннюю кооперацию в атомной энергетике. Политологи отмечают прагматический подход и Дели, и Пекина к развитию двусторонних отношений, мощным подспорьем которого выступает лавинообразный рост объема внешнеэкономических связей между двумя странами: если в начале 1990-х годов он составлял всего 100 млн. долл., то сейчас вплотную приблизился к отметке 60 млрд. долл. (вместе с Гонконгом). При ежегодном росте взаимного товарооборота на 30% Китай уже превратился в крупнейшего внешнеторгового партнера Индии, тем самым вытеснив с первого места США.

Некоторые эксперты в бурном росте внешнеэкономических связей между двумя наиболее населенными странами мира видят сознательную политику Пекина, преследующего, в частности, цель покрепче привязать слаборазвитые и географически изолированные от остальной Индии штаты северо-востока страны к рынкам Тибета и других южных районов Китая. Далее, Пекин добивается улучшения условий для своих инвестиций в объекты индийской инфраструктуры, уже более 25 тыс. китайцев прошли подготовку в индийских фирмах информационных технологий.

На очереди – совместные предприятия, соединяющие китайские производственные возможности и индийский опыт работы с информационными технологиями.

Тем не менее образ Китая в сознании индийцев по-прежнему сохраняет черты противоречивости. С одной стороны, длительный экономический рост и его политические последствия побуждают индийцев спокойнее, чем в былые времена, взирать на действия Китая в Азии. С другой стороны, многие в Индии задаются вопросом: как Китай распорядится своим экономическим потенциалом и как эти действия отразятся на интересах Индии? На Западе, похоже, надеются на то, что две *энергонедефицитные экономики* включатся в агрессивную борьбу за ресурсы и тем самым облегчат "североатлантической цивилизации" задачу сохранения своего геополитического господства в мире и, в конечном счете, выживания. Однако, как отмечают некоторые западные политологи, и Пекин, и Дели явно предпочитают факторы "soft power" для решения своих внутренних и внешнеполитических задач.

Историческая динамика индийско-китайских отношений ясно указывает России на парадигму нашей дальнейшей деятельности. Во-первых, форсированное восстановление экономики позволит нашей стране активно задействовать факторы "soft power" во внешней политике и тем самым раз и навсегда избавиться от "комплекса неполноценности" по отношению к Западу. Во-вторых, экономический рост на *промышленной* основе сделает естественным взаимодействие внутри "треугольника", облегчит нашей стране реализацию стратегической задачи – форсированного развития Сибири и Дальнего Востока. В-третьих, *горизонтальное* взаимодействие трех стран может послужить прообразом новой структуры мировой системы на началах "единства в многообразии". В этом, и только в этом качестве возможно возрождение "треугольника" и его стратегической значимости.

Отношения между двумя крупнейшими государствами мира, Китаем и Индией, отличаются сложным и подвижным сочетанием элементов сотрудничества и соперничества; подобная комплексность есть отражение *исторических* особенностей их геополитического взаимодействия, а равно и специфики положения данных сверхкрупных государств в мировой экономике и международных отношениях. Можно утверждать, что предрассудки и предубеждения, унаследованные от прошлых исторических эпох, все еще влияют на социопсихологический фон двусторонних отношений, сохраняют в них элементы взаимной подозрительности и недоверия.

Тем не менее отношения между Китаем и Индией поступательно развиваются, а их движущей силой является политическая воля и энергия преодоления прошлого, демонстрируемые лидерами двух стран – председателем Ху Цзиньтао и премьером Манмоханом Сингхом. Оба политика исходят из представления, что их страны – *великие континентальные державы* и что в настоящее время происходит своеобразная «смена вех» в мировой политике: "ладычицы морей" (сначала Англия, затем – США) постепенно уступают геополитическую инициативу "континентальным гигантам", включая Китай и Индию. Второй важный аспект согласия касается общего понимания роли экономики и внешнеэкономических связей как важнейших элементов современной геополитики. По данным индийской печати, на 2015 г. запланировано увеличение объема товарооборота двух стран до 225 млрд. долл. Даже если этот показатель выглядит явным преувеличением, единая цель руководителей двух стран предельно ясна: максимально стимулировать модернизацию промышленности (включая ее научно-технический кластер) и сформировать в Индии и Китае влиятельные силы, заинтересованные в поступательном развитии двусторонних отношений.

Однако в китайско-индийских отношениях имеется ряд проблем, перспективы решения которых представляются не вполне ясными. Некоторые китайские

специалисты-международники полагают, что нерешенность территориальной проблемы выгодна для КНР, поскольку, как полагают в Пекине, время работает на Китай.

В последнее время (примерно с 2008 года) реально на главное место в китайско-индийских отношениях выходит проблема возрастающего соперничества, обостряющейся конкуренции между странами – гигантами на региональном и, частично, на глобальном уровнях. Углубляются различия в подходах к вопросам безопасности в Южной Азии и в зоне Индийского океана, что имеет следствием "дефицит стратегического взаимодоверия".

Определенное беспокойство китайских экспертов вызывает растущая активность Индии в странах Индокитая, которые КНР рассматривает как свою историческую сферу влияния. В качестве ответа на "вызов" Индии некоторыми экспертами предлагается дальнейшее укрепление связей с Пакистаном и более интенсивное развитие контактов с такими странами, как Бангладеш и Непал, с которыми у Индии складываются непростые отношения.

У китайских экспертов вызывает тревогу и интенсификация связей с США в военной сфере на фоне общего улучшения индийско-американских отношений. В Пекине считают: решение Барака Обамы "разморозить" американо-индийское ядерное соглашение преследует стратегическую цель укрепить "индийский фланг" американского противодействия укреплению геополитических позиций Китая в АТР.

В успешно развивающихся китайско-индийских торгово-экономических связях существуют проблемы индийского дефицита в торговле с КНР и структуры внешнеэкономических связей (экспорт из Индии в КНР – это преимущественно сырьевые товары, тогда как импорт из Китая – это в основном готовая продукция). Все более сложной проблемой в китайско-индийских отношениях становится соперничество за энергетические ресурсы. Испытывая острую потребность в импорте нефти, Китай и Индия уже неоднократно сталкивались в конкурентной борьбе за доступ к углеводородам в Центральной Азии (Казахстан), в Латинской Америке, в Анголе и Нигерии, а также в Мьянме. Китайские эксперты называют сложившуюся ситуацию "конкурентным соперничеством". Пока в выигрыше оказывался Китай, предлагавший более высокую цену и предоставлявший "в пакете" экономическую помощь и инвестиции в инфраструктуру стран-получателей помощи.

Очевидно, в долгосрочной (а, возможно, и в среднесрочной) перспективе, прежде всего на региональном уровне, Китай может рассматривать Индию как своего стратегического соперника. Однако в настоящее время Пекин заинтересован в поддержании нормальных и стабильных отношений с Дели, исходя из сложных задач, связанных с внутренним развитием страны и из своих "ближних" и "дальних" внешнеполитических приоритетов.

Важное значение в придании индийско-китайским отношениям прагматического и взаимовыгодного направления имели кадровые изменения в Дели: так, на должность советника премьера по вопросам национальной безопасности был назначен Шив Шанкар Менон, бывший посол Индии в Китае. Ш. Ш. Менон известен как сторонник *нового* подхода к отношениям с Китаем, отрешенного от былых страхов и предрассудков. Новый подход к КНР, отмечают индийские политические аналитики, основан на понимании Китая как страны, имеющей не только впечатляющие экономические достижения, но и серьезные внутренние проблемы, решению которых будут подчинены основные усилия партийно-государственного руководства. "Эффективная экономика есть главное условие действенной внешней политики", - примерно так рассуждают "стратегические" элиты в Индии и Китае, что делает взаимоотношения двух стран

более предсказуемыми, чем это иногда представляется некоторым сегментам общественного мнения в обоих государствах.

Свою значительную роль в гармонизации индийско-китайских отношений могла бы сыграть и Россия. Для этого нашей стране необходима развитая и диверсифицированная экономика, позволяющая эффективно отстаивать свои интересы в мировом хозяйстве. К сожалению, нам пока трудно рассчитывать на мощное экономическое воздействие на поведение обоих государств-гигантов. К слову сказать, объем наших двусторонних внешнеэкономических связей с Индией за 2011 год, менее 10 млрд. долл., откровенно говоря, навеивает тоску: он значительно скромнее товарооборота России с относительно небольшой Турцией.

Тем не менее недавние контакты между нашими странами на высшем уровне показали: Россия и Индия начинают возвращаться на "круги" реальной геополитики XXI века, которую Фарид Закария изящно нарек "постамериканским миром".

Долгое время Россия и Индия – каждая страна по своим соображениям – тешили себя иллюзией комфортности "униполю", т.е. монополярного "мира по-американски". Элиты обеих стран были готовы играть мировую политику по правилам, установленным Вашингтоном. Однако "неожиданно" грянувший мировой кризис показал всю шаткость политической экономии однополярного мира и заставил многих, в том числе Москву и Дели, действовать инициативнее и смелее.

Российско-индийские встречи в верхах, очевидно, дали не только обильную пищу для ума, но и побудили Дели и Москву на, так сказать, смену геополитической парадигмы, на возвращение, правда, в новых условиях и с новым содержательным наполнением, к испытанным временем связям, которые в недалеком прошлом не мешали ни Индии, ни Советскому Союзу укреплять свои стратегические позиции в Южной части Центральной Евразии. Ныне же условия для новой русско-индийской "антанты" еще более благоприятны, хотя бы потому, что нам не надо ссориться ни с Америкой, ни с Китаем, а просто необходимо, опираясь на ясную политическую волю, отстаивать свои стратегические интересы.

На мой взгляд, это новое российско-индийское взаимопонимание и взаимообретение должны быть дополнены активным диалогом с Китаем в трехстороннем формате. Тогда и индийско-китайское взаимопонимание, и концепция многополярного мира обретут реальные жизненные основания.

В международной журналистике и в "околонаучных" кругах Индию и Китай нередко именуют "Слоном" и "Драконом", не забывая, видимо, об их традиционных социокультурных образах-символах. Экономисты же предпочитают рассматривать две сверхкрупные страны как потенциальных "локомотивов" мирового развития. Так, известный британский финансовый аналитик Анатолий Калецки полагает: устойчивое восходящее развитие мировой экономики (а не только ее *восстановительный* рост) напрямую зависит от жизненного тонуса сверхкрупных и крупных стран – Китая и Индии, а также Бразилии, России, Индонезии, Египта, Южной Африки и т. д. Этот тонус, добавим от себя и мы, будет в конечном счете определяться способностью правящих кругов "новых влиятельных государств" мирового сообщества эффективно расширять и увеличивать емкость их внутренних рынков, действительно стимулировать повышение платежеспособного спроса массовых слоев населения, настойчиво добиваться превращения *среднего класса* в главную силу общественного развития.

Поэтому, например, отношения Пекина с Дели ставятся китайским руководством в один ряд с отношениями КНР с ее другими наиболее значимыми стратегическими партнерами в системе современных международных отношений. Так, важным направлением в китайско-индийских отношениях становится намерение сторон поддерживать механизм многостороннего сотрудничества в Азии при позитивной оценке участия сторон в процессе трансрегионального, регионального и

субрегионального сотрудничества, а также расширять сотрудничество в рамках Восточноазиатского саммита, форума "Азия - Европа", ШОС, механизма сотрудничества Китай-Россия-Индия, Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК).

Что же касается тенденций, наметившихся в высказываниях китайских экспертов и аналитиков, пишущих о китайско-индийских отношениях, то можно отметить следующее.

Прежде всего критических замечаний о политике Индии в открытых публикациях и печати стало значительно меньше, чем в 2008-2009 гг. Китайские эксперты подчеркивают, что КНР и Индия благодаря проводимой ими политике экономических реформ сохранили относительно высокие темпы развития и играют позитивную роль в восстановлении мировой экономики.

Отмечая в 2010 г. 60-летие установления дипломатических отношений между КНР и Индией, китайские политологи делали упор на то, что основным содержанием отношений двух стран за 60 лет были добрососедство, дружба и сотрудничество, а "неприятные конфликты были временным явлением" (Чжоу Ган – бывший посол КНР в Индии. Выступление на 10-й трехсторонней конференции "Россия-Китай-Индия". Москва, сентябрь 2010 г.).

Китайские и индийские эксперты стали совместно и более активно выступать за сотрудничество в сфере окружающей среды, борьбе с изменениями климата и повышения эффективности использования энергоресурсов. В конце декабря 2010 г. агентство Синьхуа опубликовало сообщение об исследовательском докладе "Сравнительный анализ состояния в Китае и Индии в области окружающей среды и развития", разработанный специалистами Китайского комитета по международному сотрудничеству в области охраны окружающей среды и развития и Индийского комитета по устойчивому развитию. В докладе было сделано обобщение истории и нынешнего состояния в сфере окружающей среды и развития в Китае и в Индии, перечислены общие черты и различия двух стран, названы вызовы, с которыми они столкнулись. Эксперты, предлагая дальнейшее углубление сотрудничества, выступили за создание форума (платформы), нацеленного на учащение контактов между официальными ведомствами и обмен опытом между двумя странами.

В свете подобной тенденции китайские эксперты (упоминавшийся Чжоу Ган) призывают и КНР, и Индию "сохранять бдительность в случае попыток какой-либо третьей стороны внести разлад в двусторонние отношения".

Исходя из задач внутривосточного развития и своих внешнеполитических приоритетов, Китай в ближайшей и, возможно, в среднесрочной перспективе будет стремиться поддерживать добрососедские, стабильные отношения с Индией.

Вместе с тем существенные проблемы в китайско-индийских отношениях остаются территориальный спор, возрастающая конкуренция в политической и экономической сферах, идеологические факторы, лежащие в основе моделей развития Индии и Китая, и пути их решения или смягчения представляются пока неопределенными.

Пекин прекрасно понимает все сложности взаимоотношений внутри "треугольника" Китай-Индия-США. И вот КНР, устами Президента Ху Цзиньтао, в ноябре 2006 года предложила Индии более тесную двустороннюю кооперацию в атомной энергетике. Политологи отмечают прагматический подход и Дели, и Пекина к развитию двусторонних отношений, мощным подспорьем которого выступает лавинообразный рост объема внешнеэкономических связей между двумя странами.

Историческая динамика индийско-китайских отношений ясно указывает России на парадигму нашей дальнейшей деятельности. Во-первых, форсированное восстановление экономики позволит нашей стране активно задействовать факторы

"soft power" во внешней политике и тем самым раз и навсегда избавиться от «комплекса неполноценности» по отношению к Западу. Во-вторых, экономический рост на *промышленной* основе сделает естественным взаимодействие внутри "треугольника", облегчит нашей стране реализацию стратегической задачи – форсированного развития Сибири и Дальнего Востока. В-третьих, *горизонтальное* взаимодействие трех стран может послужить прообразом новой структуры мировой системы на началах "единства в многообразии". В этом, и только в этом качестве возможно возрождение "треугольника" и его стратегической значимости.

Политический класс Америки неожиданно для себя почувствовал, что Индия стала быстроразвивающейся мегаэкономикой, что страна зарекомендовала себя надежным участником режима ядерного нераспространения (хотя и не числится среди подписантов Договора о нераспространении ядерного оружия), что Индия – желанный для США партнер в атомной энергетике и что, наконец, у этой страны широкий вектор возможностей поддерживать и укреплять собственную национальную безопасность. Мощным фактором расширения внешнеэкономических связей с Индией стало американское "корпоративное сообщество", не желающее вникать в тонкости аргументации, применяемой "ортодоксами от ядерного нераспространения". Важным связующим механизмом двусторонних отношений выступает преуспевающая индийская община в США, насчитывающая в настоящее время более 3 млн. человек.

Нынешние американо-индийские отношения имеют, по сравнению с прошлым, два новых "фундаментальных" элемента.

Первое: Соединенные Штаты более не рассматривают свои отношения с Индией в рамках треугольника США-Индия-Пакистан. Иными словами, американцы предпочитают двусторонние отношения с обеими странами, полагая, очевидно, что дистанцирование от "проблемы Кашмира", например, поможет им свободно чувствовать себя на южноазиатском "театре" дипломатических действий (однако Пакистан, в том числе и по внутривнутриполитическим соображениям, не готов согласиться с тем, что Кашмир – это проблема двусторонних отношений с Индией.)

Второе: теперь и Индия, и Пакистан рассматриваются Вашингтоном как "ценные стратегические акторы" в Евразии: Индия – как государство, влияющее на общий баланс сил в Азии; Пакистан – как территория на пересечении путей, связующих Южную и Центральную Азию и Ближний Восток. Перспективной целью американской стратегии является переориентация нефтегазовых потоков из Центральной Азии в южном направлении, то есть в сторону от Китая. Впрочем, остается нерешенным вопрос: а готовы ли Индия и Пакистан (особенно последний) к подобному геополитическому самопожертвованию?

"Новый" подход США к Индии зиждется на трех долгосрочных основаниях.

Во-первых, де-факто США признают Индию "ответственным обладателем ядерного оружия", а ядерные боезаряды, находящиеся в распоряжении этой страны, не угрожающими безопасности Соединенных Штатов – авторитетный специалист в данной области, бывший директор Института оборонных исследований (Institute for Defense Studies and Analysis) в Дели, К. Сантанам считает достаточным для ядерных арсеналов Индии наличия 120-165 подобных "изделий".

Во-вторых, укрепление обороноспособности Индии отвечает долгосрочным интересам США по следующим основаниям: 1) уравнивание Китая, не предполагающее обязательного военно-политического союзничества США и Индии; 2) укрепление режима безопасности в странах Юго-Восточной Азии, включая защиту морских путей доставки энергоносителей на Дальний Восток (эффективность данной функции апробируется на совместных американо-индийских военных маневрах). В-третьих, укрепление индийско-пакистанских отношений отвечает долгосрочным

геополитическим интересам США в Азии, прежде всего созданию системы отношений, договоров, союзов если и не под эгидой Америки, то под ее "чутким и мудрым руководством".

Однако на этом направлении своей азиатской политики Соединенные Штаты уже столкнулись с определенными трудностями. Так, Пакистан всячески ограничивает для Индии доступ (через свою территорию) в Афганистан и Центральную Азию. В настоящее время Индия вынуждена транспортировать свои грузы по обходному маршруту, то есть через Иран. Помимо этого, отсутствие реального прогресса по "кашмирской проблеме" увеличивает давление на гражданские власти в Исламабаде со стороны пакистанских исламистов, считающих, что их страна не получает осязаемых ответных уступок со стороны Индии в качестве возможной компенсации за ревизию Пакистаном политики в отношении Кашмира. Трудности становления новой модели американо-индийских отношений в Южной Азии можно представить следующим образом: существенно продвинувшиеся американо-индийские отношения стратегического партнерства ограничивают возможности США повлиять на Исламабад. Скорее всего пакистанские власти сомневаются в способности Вашингтона быть беспристрастным посредником в региональных "спорах" с Индией, новым стратегическим союзником Америки.

Сейчас, впрочем, и в самой Индии начинает преобладать трезвый взгляд на развитие индийско-американских отношений, в частности в атомной энергетике. В Индии существует устойчивая точка зрения, согласно которой "стратегические элиты" этой страны рассматривают ядерное оружие не только (а может быть, и не столько) как средство сдерживания гипотетической агрессии, но также как символ "современности" и технологического совершенства, как фактор глобального самоутверждения, в качестве "шестого полюса силы" (остальные центры – США, Западная Европа, Япония, Россия, Китай) в полицентрическом мировом порядке. Наконец, "ядерный выбор" Индии способен, как считают и левые, и правые, и центристы, видоизменить настойчиво навязываемую США "повестку нераспространения". Стоит также вспомнить: нынешняя политика Индии в области развития ядерного оружия пользуется в стране поддержкой более 95% населения на протяжении довольно длительного времени. Именно с этих позиций политический класс Индии рассматривает свои отношения с Америкой.

Индийские стратегические элиты были интеллектуально готовы к фактическому признанию США своего статуса "первого среди равных" в мире начала третьего тысячелетия. Индийский политический класс также понимает: перспективы оживления американской экономики в определенной степени зависят от углубления двусторонних отношений США – Индия, от создания модели взаимодействия двух стран, отличной от подверженной постоянным конфликтам модели китайско-американских отношений.

В мире, вновь вернувшемся к парадигме "баланса сил", считает известный политолог К. Субраманиам, Индия является наиболее естественным союзником Соединенных Штатов. Главное логическое обоснование данному тезису Субраманиам усматривает в своеобразном риторическом вопросе, будоражащим воображение части индийских стратегических элит: какая международная система предпочтительнее для Индии – та, где лидирующее позиции (прежде всего в области высоких технологий) принадлежат США, или модель с четко выраженным преобладанием Китая? Именно такой подход, по мысли некоторых авторов, поможет склонить США к сотрудничеству с Индией на условиях последней. В то же время даже представители "прозападной" части индийского политического класса подчеркивают: индийско-американские отношения должны строиться не на "союзнической", а на "партнерской" основе.

Возможно, подобный подход к отношениям Индия-США грешит прямолинейностью и упрощенчеством, тем более что данный альянс не поможет Индии в обозримой перспективе решить проблемы энергетической безопасности. Индия, на которую приходится 3,3 % мирового энергопотребления, пока не смогла успешно диверсифицировать источники получаемой энергии. Более того, страна вынуждена импортировать примерно 70% потребляемой сырой нефти (Китай – около 40%). Однако развитие индийско-американских отношений позволяет сделать по крайней мере два заключения, имеющие непосредственное отношение к внешней политике нашей страны.

1. Длительная и мощная интеллектуальная традиция, объективированная в социально-политических концепциях, позволила индийским стратегическим элитам правильно вычислить алгоритм поведения мировой системы после распада СССР и заранее понять логику действий правящих кругов США во внешней среде. Сейчас страна пожинает плоды "домашней работы" 90-х годов.
2. Частью политического класса Индии наша страна рассматривается как поставщик сырьевых товаров. Отсюда и "маргинализация" России как субъекта мировой политики в глазах индийской элиты, да и среди правящих кругов других азиатских стран.

Таким образом, развивая отношения с Индией в новых условиях, российская дипломатия должна, во-первых, четко, избегая общих фраз о важности двусторонних отношений, определить место Индии в системе наших внешнеполитических приоритетов, а во-вторых, насытить конкретным содержанием изящное, но малоконкретное словосочетание "стратегическое/привилегированное партнерство".

Восточный вектор политики Турции

Внешняя политика Турецкой республики в последние годы все чаще становится предметом пристального внимания как союзников по НАТО, так и государств Ближнего и Среднего Востока. Если первые (натовцы) проявляют беспокойство по поводу появления в турецких внешнеполитических инициативах некоей самостоятельности, ранее не характерной для этого незыблемого форпоста НАТО в Восточном Средиземноморье, то вторые (страны региона) взвешивают возможные повороты в раскладе региональных сил и их последствия для своих судеб.

Реанимация "пантюкистского проекта"

Сотни лет Османская империя была ключевым игроком на Кавказе, а вековое соперничество с Ираном, а позже с Российской империей, составило основное содержание региональной политики. Распад Российской и Османской империй, создание СССР и Турецкой республики изменило весь расклад сил в регионе. Турецкая республика ограничила свои устремления рамками "Национального Обета", подписав с СССР и входившими в его состав республиками договоры, определившие и границы, и пределы влияния.

Новая ситуация возникла после распада СССР, который Турция встретила с восторгом. Всю страну охватила небывалая эйфория, и воскресли, казалось бы, забытые ожидания. Пресса заполнилась восторженными заявлениями о наступлении "столетия турок". В бывших советских республиках с преобладающим тюрко-мусульманским населением многие надеялись обрести нового "старшего брата", от которого ожидали масштабной помощи. Перед Турцией открылись широкие возможности для развития торгово-экономических отношений с новыми независимыми государствами не только в сфере межгосударственных отношений, но и по линии прямых контактов между гражданами. Экономическое сотрудничество между Россией и Турцией привело к росту турецкой экономики и укреплению позиций Турции как крупнейшего "центра силы" на Ближнем и Среднем Востоке.

Усилению Турции в регионе в значительной мере способствовала внешнеполитическая ситуация. На юге, после поражения Ирака в результате операции "Буря в пустыне" Турция стала крупнейшей региональной военной силой. На севере после распада СССР исчезла угроза (реальная или мнимая), беспокоившая турок многие годы. В этих условиях Турция постаралась играть более активную роль на новом геополитическом пространстве, прежде всего в новых независимых государствах, в которых проживают родственные туркам тюрко-мусульманские народы.

Следует напомнить, что после дезинтеграции СССР на Западе начался поиск силы, способной заполнить образовавшийся вакуум. У США и их союзников большие опасения вызывала возможность усиления позиций Ирана в мусульманских регионах бывшего СССР. Для американцев "иранский фундаментализм" стал проблемой еще со времен падения шахского режима. Поэтому вполне понятно, почему именно Соединенные Штаты стали основными сторонниками идеи использования "турецкого щита" против "исламского фундаментализма" Ирана. По мнению американских политиков, успехи, которых добилась Турция на пути реформ с использованием – применительно к своим специфическим условиям – западного опыта в области управления, банковской деятельности, рыночного регулирования, утверждения светского пути развития, должны были стать серьезным стимулом к

принятию турецкой модели развития для новых независимых государств бывшего СССР с преобладанием мусульманского населения. Тогдашний президент Турецкой республики Т. Озал так характеризовал задачи страны в тюрко-мусульманских республиках: "Главные надежды среднеазиатских государств бывшего СССР связаны с возможностью последовать примеру Турции в том, что касается государственного устройства. Естественно, турецкая модель не может быть использована всеми государствами. Необходимо будет привнести в нее ряд изменений... Однако мы можем оказать помощь и в налаживании системы государственного управления по турецкому образцу"²³³.

Поставив целью создание некоей надгосударственной общности тюркоязычных (или по турецкой терминологии "турецких"²³⁴) государств, Турция взяла на себя инициативу образования нового международно-политического объединения. 30-31 октября 1992 г. в Анкаре состоялась приуроченная к 69-й годовщине провозглашения Турецкой республики встреча глав шести тюркоязычных государств бывшего СССР (Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении) и Турции. Договорившись о проведении в дальнейшем регулярных встреч на высшем уровне, участники встречи подписали Анкарскую декларацию и заявили о желании "действовать совместно в международных организациях", сохранять культурное наследие своих стран и развивать экономические связи²³⁵. Эта встреча стала точкой отсчета в развитии "турецкого проекта".

Реализацию идеи "турецкого щита" против исламского фундаментализма Ирана западные политики планировали поддержать и крупными финансовыми вливаниями, которые должны были усилить авторитет Турции в тюрко-мусульманских республиках бывшего СССР. Однако на Западе постепенно поняли, что такие вложения лучше делать самим, чтобы контролировать и потоки средств, и их реализацию. В то же время собственно турецких средств было явно недостаточно для реализации столь масштабного проекта.

Однако постепенно пантюркистская эйфория постепенно начала спадать и, прежде всего, в самой Турции. В падении популярности там "тюркской идеи" сыграли и неоправданные ожидания со стороны турок. В течение многих десятилетий Турция жила, подпитываясь мифологизированными представлениями о "миллионах турок, угнетаемых царизмом", а потом и большевиками. Соответственно, когда турецкие авторы писали о "внешних турках", то речь шла об общем языке, общей религии, общих корнях и т. д. В течение десятилетий у любого турка со школьной скамьи формировались подобные мифологизированные представления о тюркском мире. Несколько попыток объединить огромное тюркское пространство в единое целое (а эту идею разделяли не только простые турки, но и интеллектуальная элита турецкого общества) не увенчались успехом. Да и реальная ситуация в новых независимых тюрко-мусульманских государствах была далека от турецкого "национального идеала". Представления о едином турецком (тюркском) языке оказались на поверку мифом. Тюркские языки развивались в разных условиях, и языковые реалии привели к значительным отличиям, как в фонетике, так и в лексике.

Еще более несостоятельной оказалась идея единой религии. На поверку, в отличие от мифологизированных представлений, сложившихся в Турецкой республике, далеко не все тюркоязычные народы исповедовали ислам. Так, чуваш

²³³ Цит. по: Интербизнес/Деловые люди. 1992, № 4 (22). С. 40.

²³⁴ В турецком языке отсутствует термин "тюрки". Все народы, говорящие на тюркских языках обозначаются термином "тюрк", т.е. "турок". Отсюда и названия народов – казахские, узбекские, татарские и др. "турки".

²³⁵ Коммерсантъ-daily. 03.11.1992.

и гагаузы – православные, тувинцы – ламаисты и т.д. Даже главная надежда сторонников общетюркского единства – азербайджанцы и те, хоть и мусульмане, но шииты, к которым в самой Турции относятся, мягко говоря, без особого уважения. Огромными оказались и культурные различия между турками и тюркскими народами бывшего СССР: последние развили собственные национальные культуры и отказаться от них не были готовы. Впрочем, главным было другое. Окрепшая национальная элита новых независимых государств, ставшая правящей силой, не готова была поделиться властью, не говоря о том, чтобы полностью передать ее новому "старшему брату".

Таким образом, ни в 1990-е годы, как наиболее благоприятные для турецко-тюркских отношений, ни в XXI в. сменявшие друг друга турецкие правительства так и не смогли создать некоего подобия мечты пантюркистов – "Великого Турана".

Новый импульс в реализации этой цели дал приход к власти Партии справедливости и развития. Позиционируя Турцию как мост между Востоком и Западом и выступая за вступление в Европейский союз, партия в тоже время устанавливала связи с соседними государствами (Сирией, Ираком и Ираном) в рамках объявленной политики "ноль проблем с соседями". По утверждению премьер-министра Эрдогана, цель его дипломатических усилий состояла в том, чтобы Анкара предстала как игрок в региональных делах, а не как их "объект". "Плохо, что мы не задавали вопрос, почему мы на долгие годы повернулись спиной к своим соседям"²³⁶.

Именно эту ситуацию и начал активно исправлять Эрдоган. Активизировались усилия Турции по проведению общетюркских мероприятий. Так, после многолетнего перерыва в сентябре 2006 г. в Анталии прошел десятый съезд тюркоязычных государств и народов под председательством координатора форума – государственного министра Турции Бешира Алатая и под патронажем премьер-министра страны Реджепа Тайипа Эрдогана. В работе съезда кроме представителей постсоветских республик и других тюркоязычных народов мира приняли участие посланцы ряда регионов Российской Федерации: Чеченской Республики, Татарстана, Башкирии, Республики Саха-Якутия, Республики Алтай.

Открывая съезд, глава правительства Турции предложил создать Содружество тюркоязычных государств, которое, по его словам, "подготовит условия для их экономической интеграции и позволит им выступать на международной арене с единой позицией". "Тюркский мир должен играть весомую роль в международной политике, - продолжал Эрдоган. - Этого требует географическое и историческое наследие наших стран"²³⁷.

Кроме упомянутых съездов по турецкой инициативе была создана Ассамблея тюркских народов (АТН), позже переименованная во Всемирную ассамблею тюркских народов, объединившая общественные организации тюрков, включая и те, что действовали на постсоветском пространстве. Эта организация в частности поддерживала требование ногайского движения "Бирлик" о создании "Ногайской республики". В дополнении к ней 3 октября 2009 г. на десятом, Нахичеванском, саммите была учреждена международная организация – Совет сотрудничества тюркоязычных государств, участниками которого стали Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция.

Первый саммит Совета прошел 21 октября 2011 г. в Алматы под председательством президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, который призвал Узбекистан и Туркмению присоединиться к процессу становления новой

²³⁶ Ankara defends foreign policy//http://www.upi.com/Top_News/Special/2010/01/08/Ankara-defends-foreign-policy/UPI-22451262978653/

Пантюркизм живет и побеждает//<http://www.nomad.su/?a=3-200609190106>.

организации. По предложению президента Казахстана были созданы Тюркская Парламентская Ассамблея, Совет старейшин, Тюркская Академия (работает в Астане), которая занимается изучением общих исторических корней тюркской культуры.

Одним из важнейших направлений турецкой пропаганды стало обучение студентов из тюркоязычных республик и регионов. После сдачи централизованных экзаменов в Совете по высшему образованию Турции эти молодые люди получают возможность обучаться в турецких университетах. Старт всей программы был дан в начале 1990-х годов. Планировалось привлечь для обучения в турецких учебных заведениях 26 тыс. студентов из тюркоязычных республик и регионов. К 2000 г. в Турции обучалось 18600 таких студентов, а около трех тысяч из них, закончив обучение, уже вернулись на родину. Система обучения тюркоязычных студентов организуется, в основном, по линии Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию при аппарате Премьер-министра Республики Турция (ТИКА). Кроме подготовки студентов и аспирантов на территории Турции были организованы различного рода курсы по подготовке и переподготовке чиновников из тюркоязычных республик. Эти программы организованы ТИКА, Министерством финансов и Министерством иностранных дел Турции совместно с международными организациями – ООН, ОБСЕ, ВОЗ, Немецким институтом технической помощи и др.

Через организацию обучения тюркоязычной молодежи Турция сумела укрепить свой имидж в тюркоязычных регионах, в том числе и на Кавказе. За постсоветские годы появилась прослойка интеллектуальной элиты, получившей образование, отличающееся от того европейского варианта образования, которое получали в Советском Союзе. Этот процесс более интенсивно проходил в Азербайджане, где работали и азербайджано-турецкие лицеи, отличавшиеся хорошим уровнем образования.

"Еврооптимизм" или "европессимизм"?

Правительство Эрдогана постаралось совместить идею создания некоего подобия "нового Турана" со стремлением к вступлению в ЕС. Казалось бы, националистическая, точнее наднациональная идея "тюркского единства" не очень-то гармонирует со стремлением Турции попасть в ЕС, однако и здесь у руководства республики имеются далеко идущие планы. Анкара пытается вновь педалировать идею Турции не только как моста между Европой и Азией, но и проводника политики ЕС на постсоветском "тюрко-мусульманском" пространстве.

Турция формально подала заявление на вступление в ЕС 14 апреля 1987, но понадобилось 12 лет, чтобы получить статус страны-кандидата на саммите ЕС в Хельсинки в 1999 г. После саммита ЕС в Брюсселе 17 декабря 2004 г. (вслед за крупным расширением 2004-го) Европейский совет объявил официальной датой начала переговоров по вступлению Турции 3 октября 2005. Процедура проверки законодательства началась 20 октября 2005 г. и завершилась 18 октября 2006. С тех пор процесс продолжается с переменным успехом, сопровождаясь взаимными упреками. Растет в турецком обществе и "евроскептицизм". Так, если в 2005 г. 74% жителей страны поддерживали европейскую интеграцию, то в настоящее время данный показатель упал вдвое, и сторонниками евроинтеграции оказались только 34.8% турецких граждан²³⁸.

---

²³⁸ Чем грозит ЕС жесткая позиция Турции к Кипру? // <http://www.profi-forex.org/news/entry1008088175.html>.

Премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган откровенно заявил, что вопрос вступления Турции в ЕС не решен окончательно, и "Турция может сказать 'нет' ЕС, если для вступления в Евросоюз будут выдвинуты невыполнимые условия"²³⁹.

Собственно сам вопрос вступления Турции в ЕС в его общественном мнении воспринимался негативно задолго до начала переговоров. Для граждан некоторых стран Западной Европы турки уже давно не являются каким-то далеким и непонятным народом. Миллионы турок уже живут и работают в странах ЕС. Только в Германии турок более двух миллионов. Крупные турецкие общины есть в Голландии, других странах ЕС. И если ведущие европейские политики соблюдали определенную политкорректность в течение всего процесса переговоров по вступлению Турции в ряды ЕС, то рядовые граждане, поддержав наиболее радикальные правые партии, высказывались более откровенно, в том числе и на выборах. По данным опросов общественного мнения, 70% французов, 74% немцев и 80% австрийцев выступают против приема Турции в ЕС²⁴⁰.

Госминистр Турецкой республики Эгемен Багыш – главный переговорщик с ЕС со стороны Турции – критически отозвался о ходе переговорного процесса. По его словам из 33 сфер, в которых Турция должна "подтянуться" к "копенгагенским критериям", 18 закрыты для переговоров по политическим причинам, что "не должно являться приемлемым ни для турок, ни для европейского общественного мнения"²⁴¹. Как очевидно, переговоры упираются в нерешенные политические вопросы.

Одной из проблем, с которой столкнулся "турецкий локомотив", стала политика Турции в отношении Республики Кипр. Ее Турция категорически отказывается признавать. А между тем, Кипр является членом Евросоюза и, соответственно, обладает правом вето на прием в состав ЕС новых членов. В качестве условия такого признания Турция выдвигает требование об урегулировании отношений республики с оккупированной Турцией северной частью острова, на что греки-киприоты дали отрицательный ответ во время референдума.

Впрочем, требования ЕС к Турции ограничивались не одним Кипром; перед Турцией было поставлено и другое важное условие – нормализация отношений с Арменией. И правительство Эрдогана начало процесс армяно-турецкой разрядки, но она уперлась в проблему Нагорного Карабаха, а также в еще более сложный вопрос – исторической ответственности за геноцид армян в Османской империи.

Турки официально заявляют, что были только массовые убийства (всего лишь 300 тысяч человек), а это-де не геноцид. К тому же, по утверждению турецкой стороны, во время армянских восстаний убивали и турок. Армения настаивает на исторически доказанном факте геноцида, в результате которого было уничтожено от 1.5 до 2 млн. армян. Эту позицию разделяет и большинство европейцев. Ряд европейских парламентов официально признал факт геноцида; во Франции вообще поставлен вопрос об уголовном наказании за отрицание самого факта геноцида армян, а Европарламент выставил признание Турцией геноцида армян в качестве еще одного условия для ее приема в ЕС.

Кроме вопросов внешнеполитического характера ЕС выставил многочисленные требования к реформированию турецкого законодательства, как в вопросах построения властных структур, уменьшения роли военных в политическом процессе страны, так и в области прав человека, прав национальных и религиозных меньшинств и т.д. Конечно, это болезненные для Турции вопросы. Тем более что на востоке страны уже более двадцати лет продолжается война с курдскими

²³⁹ Турция грозит отвернуться от Европы. // <http://www.newizv.ru/lenta/2004-12-14/17056-turcija-grozit-otvernutsja-ot-evropy.html>.

²⁴⁰ http://www.turkey.mid.ru/rus_smi/rus_smi81.htm.

²⁴¹ Пантюркизм живет и побеждает. // www.regnum.ru/news/polit/1304212.html.

сепаратистами. Впрочем, ЕС удалось добиться от турок больших уступок курдам, чем боевикам Рабочей партии Курдистана.

Турецкие власти были вынуждены признать, что в Турции есть курды. До этого миллионы курдов называли курдотурками, за пение курдских песен наказывали как за сепаратистскую пропаганду, употребление курдского языка было запрещено, не говоря о каких-то там газетах, радио, телевидении для этого народа. Турки отважились даже на разрешение преподавать курдский язык (правда, в младших классах частных школ). Впрочем, даже эти послабления уже означали начало революции в турецком самосознании.

Еще одно революционное начинание при правительстве Эрдогана и опять же под давлением ЕС – это реформа власти, важной частью которой является невмешательство армии в политику. Соответствующие законы были вынесены на референдум осенью 2010 года, однако еще до их одобрения на референдуме был реформирован Совет безопасности, и военные были лишены каких-либо инструментов воздействия на гражданскую власть. Впрочем, и здесь не обошлось без передержек, и власти взялись за судебные преследования генералов, выдвигая обвинения в попытках переворота, сваливая в ряды заговорщиков правых и левых, военных, профессоров, журналистов и т.д. Брюссель пока доволен происходящими в стране изменениями. Но если учесть, что в Турции армия была единственным гарантом светского пути развития страны, то сомнительно, что таковым вместо нее станут умеренные исламисты.

Форпост НАТО в Восточном Средиземноморье?

Приоритетным направлением внешней политики Турции остается ее ориентация на Запад, и она не ограничивается стремлением в ЕС. С 1952 г. Турция входит в НАТО и по-прежнему остается важным форпостом блока в Восточном Средиземноморье. Собственно и сама военная политика Турецкой республики полностью отражает как ее стратегическое положение в регионе, так и неизменность курса на активное участие в деятельности альянса и развитие связей с США. Этот курс – основной внешнеполитический приоритет, который был еще раз подтвержден в подписанной президентом страны в марте 2006 года "Стратегии национальной безопасности".

По мнению турецких политиков и военных, именно членство в НАТО позволяет гарантированно защитить суверенитет Турции и обеспечить ее надежную безопасность не только в региональном измерении, но и в сохранении республиканского строя. В соответствии со "Стратегией" Турция позиционирует себя как активную участницу процессов укрепления международной безопасности, предотвращения новых конфликтов и урегулирования существующих, участвует в системах коллективной безопасности и выполняет все исходящие из такого участия обязательства. Турецкий контингент, например, был представлен в составе коалиционных сил в Афганистане, а турецкие генералы неоднократно возглавляли их командование.

Большое внимание турецкое правительство уделяет и партнерству с США, отношения с которыми Турция стала активно развивать по окончании Второй мировой войны. Вашингтон оказывал Анкаре военную и экономическую помощь, закрепив за ней статус основного военного и политического союзника на Ближнем Востоке. Вместе с тем в последние годы, особенно после прихода в Турции к власти Партии справедливости и развития, между союзниками стали все чаще возникать разногласия, что дало повод говорить о попытках Турции сменить приоритеты своей внешней политики и сориентироваться на национальные интересы страны в ущерб своим союзническим обязательствам.

Серьезные разногласия между Вашингтоном и Анкарой возникли в связи с принятием Конгрессом США в конце октября 2007 г. решения о признании геноцида армян в начале XX в. В ответ на это турецкое правительство начало военную операцию против сепаратистов из Рабочей партии Курдистана на севере Ирака, несмотря на возражения американского Белого Дома. В 2010 году, после того, как Комитет по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США принял резолюцию, которая признавала события 1915 г. в Турции геноцидом армян, возмущенная Турция отозвала своего посла в США для консультаций.

Между тем, вступление Турции в ЕС несет США определенные выгоды. Во-первых, имея свободный доступ на европейский рынок, Турция, скорее всего, сократит торговый оборот с Россией, ввиду более низкой стоимости товаров в Европе. Во-вторых, территориальные воды Турецкой республики как части ЕС будут под его юрисдикцией, что существенно затруднит проход российских танкеров через турецкие проливы. Все это приведет к частичной изоляции России и будет однозначно соответствовать интересам США.

Стремление удержать Турцию в орбите прозападного внешнеполитического курса в последние годы стало головной болью для США. Любые внешнеполитические инициативы Турции порождали весьма болезненную реакцию в Вашингтоне. Так, улучшение российско-турецких отношений привело к появлению рассуждений на тему "пакта Путин-Эрдоган", а энергетическое сотрудничество России и Турции привело к несколько эмоциональной реакции в кругах американских аналитиков.

Взгляд на Восток

Попытки Турции заинтересовать европейских партнеров в реальном сближении и ускорении процесса приема Турции в ряды членов Евросоюза не увенчались успехом. Соответственно и активизация восточного вектора турецкой внешней политики в определенной степени стала ответом на нежелание партнеров по переговорам о вступлении Турции в ЕС ускорить этот процесс. С другой стороны, в последние годы существенно укрепилось экономическое положение страны, возрос ее потенциал, и потребовалось приведение ее внешней политики в соответствие с новыми возможностями, как в регионе, так и на мировой арене. Следовало укрепить и усилить позиции Турции в регионе, в отношениях с Ираном, арабским миром. Без этого невозможно было реализовать то, что Турция считала несомненным достижением своего успешного развития.

Анкара активизировала свои усилия, прежде всего на иранском направлении, сделав ряд заявлений, направленных против новых санкций в отношении Ирана, вызвавших недовольство союзников по НАТО. Однако готовность турок посредничать в американо-иранских отношениях встретили прохладную реакцию в Тегеране, где болезненно реагировали на фактическое игнорирование иранских интересов на Кавказе. Турция и здесь пошла на корректировку своей внешнеполитической позиции, заявив о готовности включить Иран в миротворческие усилия на Кавказе. Такая позиция была встречена в Тегеране с удовлетворением, и иранская дипломатия активизировала усилия на кавказском направлении, став активно предлагать свои услуги в вопросе карабахского урегулирования.

Поводов для демонстрации увеличившегося влияния Турции на региональную обстановку вполне хватало, но для реализации роли Турции как авторитетной силы планетарного масштаба требовалось нечто большее – участие в решении проблем мирового масштаба. Такой случай представился Турции в феврале 2010 г., когда США начали "продавливать" предложения по новым международным санкциям против Ирана. На сей раз Анкара включилась в процесс активнее, чем прежде.

Выступая перед журналистами в Дели, президент Турции Абдулла Гюль так обозначил позицию своей страны: "Последние две недели Турция вплотную занимается вопросом ядерной программы Ирана, ведётся бесшумная дипломатия, необходимо продолжать работу в этом направлении. Турция будет делать все возможное для мирного дипломатического урегулирования иранской проблемы"²⁴².

Тегеран, ранее отказывавшийся от услуг любых посредников в вопросе урегулирования отношений с Западом вокруг своей ядерной программы, на сей раз позитивно отреагировал на активность Турции. Пресс-секретарь министерства иностранных дел Ирана Рамин Мехманпараст заявил, что Тегеран поддерживает усилия "таких дружественных стран, как Турция, которые проводят переговоры с другими государствами по вопросу ядерной программы Ирана и доводят до них ее мирную направленность"²⁴³.

В реализации планов турецкого участия в урегулировании ядерной проблемы Ирана Анкара проявила небывалую активность. Министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу за пять месяцев с октября 2009 по февраль 2010 г. успел совершить четыре визита в Тегеран. Вместе с тем, Иран не стремился рассматривать Турцию как посредника в переговорах с "шестеркой" по вопросам, связанным с ядерной программой Ирана. Так, 16 февраля 2010 г. на совместной пресс-конференции после встречи министра иностранных дел Турции А. Давутоглу с главой МИД Ирана М. Моттаки иранская сторона повторила свою известную позицию по вопросу ядерной программы Ирана, особо выделив и роль Турции: "Иран будет производить для себя топливо. Мы обсудили с турецкими друзьями нынешнее положение... Хотя Турция и не является посредником в обсуждениях с Ираном, однако является очень важной частью данного процесса"²⁴⁴.

Таким образом, хотя Иран и не возражал против участия Турции в переговорном процессе, он и не рассматривал ее как посредницу в своих отношениях с США. Такая позиция была обусловлена принципиальным намерением Ирана вынудить США вести только прямые переговоры с Исламской республикой, что имело принципиальное значение для иранцев. В какой-то степени, прямые переговоры – это унижение старого врага ("большого сатаны"), вынужденного признать силу режима и величие страны в глазах рядовых иранцев. По крайней мере, это снимало необходимость просить прощения и за захват американского посольства в период революции и реализовало бы претензии Ирана на региональное лидерство. Напомним, что все предшествующие инициативы Анкары, включая и "кавказскую платформу безопасности", упорно игнорировали Иран. Вековое соперничество двух региональных гегемонов казалось непреодолимым, однако турецкие политики пошли на радикальные изменения в своей внешнеполитической ориентации.

Вместе с тем Анкара не забыла и об обязательствах перед Вашингтоном и НАТО. По возвращении в Анкару 18 февраля 2010 г. А. Давутоглу провел телефонную беседу с госсекретарем США Х.Клинтон. Турецкий министр подробно проинформировал свою американскую коллегу о визите в Иран и проведенных там переговорах с руководством этой страны относительно ее ядерной программы. Турки подчеркивали, что потенциал мирных переговоров с Тегераном еще не исчерпан и Анкара будет делать все возможное для мирного решения иранской проблемы.

---

²⁴² Абдулла Гюль: "Турция ведет бесшумную дипломатию для решения ядерной программы Ирана" // <http://news.1ru.net/news/1252213.html>.

²⁴³ Тегеран поддерживает активность Анкары в обсуждениях ядерной программы Ирана – МИД // <http://www.trend.az/news/politics/1637986.html>.

²⁴⁴ Состоялась встреча между главами МИД Турции и Ирана // <http://ru.apa.az/print.php?id=154638>.

За всеми официальными заявлениями участников переговорного процесса просматривались вполне очевидные интересы сторон. Очевидно было стремление реализовать потенциал Турции как ведущей региональной державы. Без участия в разрешении наиболее острых ситуаций в регионе эта цель недостижима. Крайне важно для турок и другое: реализовать идею превращения своей страны в "энергетический хаб" для Европы и основной маршрут доставки на европейские рынки нефти и газа, что возможно только в условиях хотя бы относительной региональной стабильности. Отсюда и попытка "замирения" с Арменией и поиски баланса в отношениях Армении и Азербайджана, согласие как на проект трубопровода НАБУККО, так и на российский "Южный поток", "Голубой поток-2", проекты новых нефтепроводов, морских терминалов и т. д.

Турецкая политика оставалась многовекторной. Турция не отказалась от планов по вступлению в ЕС и, несмотря на разочарование позицией Турции части европейцев, была готова продолжать свои многолетние усилия по выполнению условий вступления в ЕС. Понятно, что возросшая роль Турции в энергетических проектах рассматривалась в Анкаре как сильный побудительный мотив в торге с противниками вступления страны в ЕС.

Не забывала Турция и об отношениях с США. Демонстрация независимой позиции Анкары в построении системы региональных отношений, укрепление связей с исламским миром, в том числе и с Ираном, не встретили понимания в Вашингтоне. Турецкие же шаги в установлении партнерских отношений с Россией вызвали в Вашингтоне паническую реакцию. Мифический "турецко-российский союз" стал там популярной темой, как в политических, так и в академических кругах. Именно поэтому участие в урегулировании "ядерной проблемы" Ирана, активная демонстрация готовности помочь в этой сфере американскому союзнику, позволяла успокоить Вашингтон, тем более что внутривластный конфликт турецкого правительства с армией заставлял тонко балансировать в отношениях с США, но подавлять внутри страны строптивых генералов.

Впрочем, в турецкой политике просматривалась и важная коммерческая составляющая. В энергетических проектах Турция всегда рассматривалась как транзитная территория для существующих и проектируемых трубопроводов. Иран, в свою очередь – единственный поставщик, который был готов продавать газ на своей границе. Это позволило бы сделать Турцию не только транзитером, но и поставщиком энергоресурсов. За такие условия был смысл бороться.

Со стороны Ирана также просматривались коммерческие интересы. Проданный Турции газ уже не является иранским и не подпадает под санкции со стороны США. Поэтому интересы партнеров совпали, по крайней мере, на данном этапе. Однако в ирано-турецком сближении для Ирана была и стратегическая составляющая. Турецкая позиция позволяла пробить брешь в монолитной позиции стран НАТО, дружно следующих в русле американской позиции. Иран продолжает сложную и многоуровневую дипломатическую игру в традиционном персидском стиле. Это позволяет выиграть время и прощупать потенциал собственных технологических возможностей в ядерной области. Однако технологические процессы невозможно ускорить и поэтому необходимо выиграть время, вступая в самые замысловатые союзы, давая обещания и клятвы и отказываясь от них. Главное в этом процессе – не переиграть и не позволить противнику просчитать твои намерения. В этом процессе Турция действительно способна помочь, может быть и, не осознавая этого. Ведь, в конце концов, персидская дипломатия развивалась несколько тысяч лет, а турецкая – лишь несколько сот лет. Вот так и появился проект переработки иранских ядерных материалов за пределами Ирана, с участием Турции и Бразилии. Однако Иран не решился доверить части своей

ядерной программы Турции даже под гарантии бразильского участника. Вместе с тем для самой Турции многоходовая комбинация вокруг иранского атома оказалась весьма выигрышной с точки зрения укрепления имиджа в мусульманской умме.

Турция-Израиль: стратегия или тактика?

Стремление играть возросшую роль в мусульманском и, в первую очередь, арабском мире вступало в противоречие с давно сложившимися турецко-израильскими союзническими отношениями. Страны не только обменивались информацией, но и проводили совместные учения. Турция приобретала и израильское оружие для своей армии. Впрочем, похоже, что для дальнейшего укрепления связей Турции с мусульманскими государствами, прежде всего с арабскими, эти отношения стали служить помехой, тем более что в последние годы в самой Турции антиизраильские настроения стали превалировать. Так, израильская агрессия против Ливана, операция "Литой свинец" в секторе Газа вызвали массовые протесты в Турции. Власть не отставала от изменений в общественном мнении и поддержала эти настроения.

Давно вызревавший конфликт между традиционно прозападным и новым, восточным направлением во внешней политике Турецкой республики разрешился резким ухудшением отношений с Израилем. В мае 2010 года была проведена долго и тщательно готовившаяся "гуманитарная операция" по прорыву блокады сектора Газа. Турецкие активисты приняли активное участие в подготовке акции по прорыву блокады сектора Газа под названием "Флотилия Свободы". По замыслу активистов, акция должна была привлечь внимание мирового сообщества к 8-летней блокаде Израилем сектора Газа. По мнению участников акции, после блокады в секторе Газа резко выросла безработица и упал уровень жизни. Корабли с провиантом и медикаментами снарядили для Газы общественные движения Ирландии, Греции, Марокко, Турции и ряда других европейских и азиатских стран. На 9 судах "Флотилии" находилось 10 тыс. тонн медикаментов, строительных материалов и другого гуманитарного груза. Его сопровождали активисты из более чем 50 стран, что изначально обещало акции широкую международную поддержку. Впрочем, в результате секретной операции, по крайней мере, два судна были выведены из строя израильскими и остановились на ремонт в портах на Севере Кипра²⁴⁵.

31 мая израильские ракетные катера атаковали караван из шести судов "Флотилии свободы", а израильские спецназовцы высадились на турецком корабле "Мави Мармара", где в ответ на сопротивление участников акции применили огнестрельное оружие, в результате чего погибло девять участников акции (в основном турецкие граждане), а более двух десятков граждан разных стран были ранены.

Строго говоря, Израиль заранее запретил судам приближаться к сектору Газа и пригрозил в случае неподчинения перехватом в открытом море. Израильцы сразу назвали поход "Флотилии свободы" политической провокацией, бессмысленной с гуманитарной точки зрения. Официальный Тель-Авив заявил также, что участники миссии связаны с организацией ХАМАС. Позже участников мероприятия депортировали, а гуманитарный груз после соответствующих проверок - переправили палестинцам через наземные пограничные переходы.

Израильский МИД доказывал, что "имел право" на силовые действия, поскольку на спецназовцев "напали" участники похода, "возникла угроза" жизни и т. д. Однако высадка на чужой корабль в международных территориальных водах

---

²⁴⁵ Did Israel tamper with flotilla?// http://www.upi.com/Top_News/Special/2010/06/02/Did-Israel-tamper-with-flotilla/UPI-53561275514260/.

изначально была обречена на международное осуждение, хотя Тель-Авив такие мелочи никогда не волновали.

Что же касается реакции Турции, то кроме официальных протестов со стороны МИД республики, правительства, парламента, страну захлестнули массовые демонстрации протеста, на улицы вышли десятки тысяч турок, были попытки захвата израильского консульства в Стамбуле, столкновения демонстрантов с полицией. Антиизраильские настроения и без того повысившиеся в последние годы, достигли небывалого накала. Похоже, что и премьер Эрдоган, который ожидал неприятностей для "Флотилии мира" в израильских водах, не ожидал столь презрительного отношения Израиля к гражданам единственного союзника в регионе. Израильтянам удалось жестоко уязвить национальное самосознание турок.

Конечно, последовали призывы к разрыву дипотношений, из Тель-Авива был отозван турецкий посол. Соответственно турки отменили и плановые военные учения двух стран. Пострадали и амбициозные совместные проекты. В первую очередь был отложен проект поставки Израилю воды из реки Манавгат (Анатолия). По этому проекту предполагалось поставлять в Израиль, испытывающий острую нехватку воды, 5 млрд. куб. м воды в год в течение 20 лет. Министр энергетики и природных ресурсов Турции Танер Йылдыз заявил, что Анкара не будет осуществлять никаких совместных проектов с Израилем, пока тот "не извинится и не выразит сожаление" за эту атаку на турецкий корабль²⁴⁶.

Отказалась Турция и от строительства газопровода в Израиль. Впрочем, на прошедшем в Стамбуле 8 июня 2010 г. Третьем саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии российский премьер В. Путин и его турецкий коллега Р. Эрдоган озвучили разные причины отказа от проекта. Если Эрдоган напрямую связал отказ от его реализации с нападением на "Флотилию свободы", то Путин объяснил отказ от реализации проекта открытыми в Израиле крупными месторождениями газа²⁴⁷.

Обострение турецко-израильских отношений некоторые политики и журналисты постарались объяснить желанием Израиля наказать Турцию за сближение с Ираном и переориентацию турецкой внешней политики на восток. Впрочем, сами турки связали операцию против "Мави Мармара" с ответом на стремление своей страны действовать в регионе в соответствии с национальными интересами. Более того, они обнаружили связь израильской разведки с сепаратистами из Курдской рабочей партии. За несколько часов до задержания судов с гуманитарным грузом курдские боевики из Рабочей партии Курдистана совершили нападение на базу ВМС Турции в Искандеруне. В результате ракетного обстрела базы 31 мая 2010 г. погибли семеро турецких военнослужащих. Турецкие спецслужбы заподозрили израильскую разведслужбу "Моссад" в причастности к этому нападению. По мнению специалистов, израильские спецслужбы поддерживают активные отношения с иранским отделением РКК – организацией "Партия свободной жизни Курдистана" (PJAK). Израильских военных и агентов "Моссада" видели на базах курдских сепаратистов в Северном Ираке²⁴⁸.

Однако турецкие военные не поддержали обвинений в адрес Израиля, а Исполнительный комитет оборонной промышленности Турции под председательством премьер-министра Эрдогана не стал вводить санкции против

---

²⁴⁶ Turks cancel project to sell Israel water// http://www.upi.com/Science_News/Resource-Wars/2010/06/18/Turks-cancel-project-to-sell-Israel-water/UPI-50501276883374/

²⁴⁷ Gas pipeline to Israel scrapped// http://www.upi.com/Science_News/Resource-Wars/2010/06/09/Gas-pipeline-to-Israel-scrapped/UPI-21121276088174/

²⁴⁸ Турция обвиняет Израиль в связях с Курдской рабочей партией// <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1291051>.

Израиля, поскольку турецко-израильские соглашения в сфере оборонной промышленности были заключены не на государственном уровне, а на уровне компаний²⁴⁹. В конце июня 2010 года делегация турецких военных приступила в Тель-Авиве к завершению процесса тестирования четырех израильских БПЛА "Херон". Израильский концерн "Авиационная промышленность" изготовил для Турции 10 беспилотных самолетов стоимостью 180 млн. долл. США. В соответствии с контрактом турецкие военные приступили к двухнедельной стажировке²⁵⁰. В Турцию уже было поставлено шесть израильских беспилотников, которые успешно используются против боевиков Курдской рабочей партии. По-видимому и другие сделки по приобретению израильского оружия не отменены. Таким образом, драматические события вокруг турецко-израильских отношений не следует переоценивать.

Турецкие внешнеполитические инициативы последних лет в ЕС и США однозначно расценивались как стремление перенацелить внешнеполитическую стратегию страны с бесполезной, с точки зрения оппозиционных турецких политиков, европейской ориентации²⁵¹, на азиатскую, а, точнее, исламо-азиатскую. Обеспокоенные этим, ЕС и США активизировали давление на своего строптивного союзника.

Турция является "важным партнером" Европейского Союза, и "мы не можем позволить себе потерять ее", - заявил министр иностранных дел Италии Франко Фраттини, выступая на совещании министров иностранных дел ЕС в Люксембурге. Трезвомыслящий итальянский министр достаточно емко выразил свою мысль: "Европа допускает ошибку, не подавая Турции сигнала о сближении. Если Турция почувствует отдаление от Европы и переориентируется на другие регионы, это никак не пойдет на пользу Европе". Забили тревогу и европейские СМИ, отметившие дипломатическую переориентацию Турции в пользу Ирана и во вред Израилю, а государственный секретарь по европейским делам Франции Пьер Лелюш отметил "необходимость того, чтобы Турция и Израиль приступили к деэскалации и каждый проявил ответственность"²⁵².

Несколько иначе реагировали на турецкую внешнюю политику США. Так, министр обороны Роберт Гейтс утверждал, что если Турция и движется в сторону исламского мира, то это потому, что Европа закрывала перед ней дверь²⁵³. Гейтсу ответил в интервью "Нью-Йорк Таймс" президент Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу: "Если на то пошло, то Турция стала отворачиваться от своих союзников по НАТО после американской оккупации Ирака и под давлением предыдущей администрации Белого дома"²⁵⁴. По мнению Баррозу, позиция некоторых европейских стран мешает полноценной интеграции Турции в Европу, но Евросоюз намерен продолжить переговорный процесс по членству Турции в ЕС.

Таким образом, главная интрига в том, что собираются делать союзники, для того, чтобы вернуть в лоно общей политической стратегии заблудшего восточного соратника. Некоторое представление об этом дают появившиеся сообщения о том,

---

²⁴⁹ Турция решила не сворачивать военное сотрудничество с Израилем// www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1294543.html.

²⁵⁰ Заявления турецких политиков о заморозке отношений с Израилем оказались пустым звуком// www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1296902.html.

²⁵¹ Политолог: Турция сохранит государство, если уйдет из НАТО и откажется от ЕС// www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1297433.html.

²⁵² Глава МИД Италии: "Мы не можем позволить себе потерять Турцию"// www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1294116.html.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Цит. по: ЕС и США спорят о том, кто же из них виноват в развороте Турции на Восток// www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1296608.html.

что ЕС подготовил досье, в котором прослеживались тенденции изменения во внешней политике Турции. В документе также сообщалось, что в Брюсселе дипломатами ЕС разрабатывается сверхсекретная стратегия по Турции²⁵⁵. Европейские политики пытались подобрать набор политических инициатив, которые могли бы вернуть Турецкую республику в европейскую орбиту.

В то же время свои меры предприняли и США. Так, перед встречей в Торонто 26 июня 2010 г. президента США Б. Обамы с премьер-министром Турции Р. Т. Эрдоганом заместитель госсекретаря США по странам Европы и Азии Ф. Гордон заявил, что Турции пора доказать свою приверженность Западу. "Мы считаем, что Турция верна НАТО, Европе и Штатам, но есть необходимость в том, чтобы она доказала свою приверженность"²⁵⁶. Пояснения чиновника касались и голосования Турции в Совбезе ООН против новых санкций в отношении Ирана и отношений с Израилем и т.д. Эрдоган, однако, выдержал свою линию во время встречи с президентом США. Турция поставила на повестку дня наиболее интересующие ее вопросы "более широкого сотрудничества в борьбе с террористической Курдской рабочей партией (РКК) и обмена разведывательной информацией"²⁵⁷. Эрдоган предоставил президенту США подробный отчет о "нападении Израиля на Флотилию свободы" и постарался добиться поддержки в международном расследовании инцидента. В свою очередь Обама выразил обеспокоенность в связи с проблемой Ирана и голосованием Турции против санкций в Совбезе ООН. Таким образом, стороны, похоже, остались на ранее занятых позициях.

Казалось бы, весь пафос защиты палестинской автономии закончился для Турции исключительно ухудшением отношений с Израилем (к огромному огорчению турецкого генералитета) и непониманием со стороны США. Однако это далеко не так. Турции удалось выставить Израиль в глазах Европы в крайне невыгодном свете, получить небывалую по размаху поддержку в исламском мире и, особенно среди арабов, всегда настороженно относившихся к бывшему "центру империи". Крайне важно и то, что Израиль вынужден был пойти на смягчение блокады Палестинской автономии. Таким образом, налицо несомненный успех в реализации стратегической линии турецкой внешней политики.

Турция и "арабские революции"

Массовые выступления в арабских странах Турция встретила с воодушевлением. ПСР с самого начала декларировала курс на "возврат к исламским ценностям" и позиционировала себя как некую силу, которую можно сравнить с западноевропейскими христианскими демократами. Соответственно Турция быстро вписала пропагандистскую риторику в русло позиции, занятой странами ЕС. В самом деле, никаких лозунгов радикального толка партия не озвучивала и более того, ко времени начала выступлений в Тунисе, а затем Египте популярность турецких политиков в глазах "арабской улицы" возросла до небывалого уровня. Более того, стало популярным и само название Партии справедливости и развития, и его в разных вариациях стали использовать вновь образованные партии из оппозиционных исламски-ориентированных политических движений.

Однако после начала выступлений в соседней Сирии Турция оказалась в сложной ситуации. После нескольких лет выстраивания дружественных отношений с Сирией турецкий премьер Эрдоган полностью перестроил свою политику по

---

²⁵⁵ В Брюсселе разрабатывается сверхсекретная стратегия ЕС по Турции// www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1295056.html.

²⁵⁶ Госдеп США: "Турция должна доказать свою приверженность Западу"// <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1298327.html#ixzz23CwnS8YN>.

²⁵⁷ Поражение США от Ганы испортило атмосферу встречи Обама-Эрдоган// www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1298354.html.

отношению к сирийскому режиму. В преимущественно суннитской Турции проживает, по разным данным от 6 до 12 млн. "алеви" (так называют в Турции алавитов) и мусульман-шиитов. Традиционно высокомерное отношение к ним всегда было характерно, для большинства турецкого населения, уверенного в превосходстве "своего" ислама и относящегося к шиитам как к париям мусульманского общества. При такой ситуации вести о притеснениях мусульман-суннитов какими-то там презренными алавитами в соседней стране подняли волну "праведного гнева" со стороны турецкого населения.

Чуткие к собственному общественному мнению, лидеры ПСР отреагировали быстро. Министр иностранных дел Турции Ахмед Давудоглу выступил с жестким предупреждением в адрес сирийского руководства: "Я обращаюсь к властям Сирии: если операции не будут прекращены, в связи с предстоящими далее шагами говорить будет не о чем. Это мое последнее слово"²⁵⁸. Эти слова были подкреплены информацией о подготовке турецкой армии к созданию "буферной зоны" для приема сирийских беженцев на территории Сирии, но под контролем турецкой армии²⁵⁹. Такая позиция однозначно приводила Анкару к конфликту не только с Дамаском, но и с Тегераном. Позицию последнего по сирийскому вопросу озвучил на пресс-конференции в Каире глава Комитета по национальной безопасности и внешней политике Меджлиса ИРИ Алаетдин Боруджерди, который заявил, что "Иран не допустит, чтобы Сирия стала очередной жертвой политики США"²⁶⁰ и приветствовал предложенные властями политические реформы в стране. С не менее воинственными заявлениями выступили и другие представители иранских властей.

В свою очередь президент Сирии Башар Асад во время встречи с главой турецкого внешнеполитического ведомства порекомендовал не вмешиваться во внутренние дела его страны и добавил: "Если вы хотите войны, то вы ее получите. Причем во всем регионе". Асад предупредил противников, что Сирия также может поддержать шиитов в других странах²⁶¹.

В этой ситуации потребовались определенные шаги навстречу друг другу со стороны региональных держав. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад позвонил по телефону премьер-министру Турции Реджепу Эрдогану и предупредил, что считает неприемлемым вмешательство западных стран в региональные конфликты Ближнего Востока. Ахмадинежад прямо предложил решить вопрос Сирии без участия США²⁶².

Однако турецкое руководство увидело в ситуации реальную возможность стать не только признанным региональным лидером, но и восстановить репутацию верного союзника США и Запада.

Режим сирийских алавитов по своей сути всегда воспринимался как враждебный и Саудовской Аравией, и другими правителями эмиратов Персидского залива. Само его существование подрывало суннитскую монополию на власть, поскольку алавиты, как и шииты, враждебны по отношению к "узурпаторам власти" в мусульманской умме, то есть суннитам. Представители шиитской ветви ислама есть в Бахрейне – примерно 70%, немало их и в других эмиратах, да и в стране-

---

²⁵⁸ Турция выдвинула ультиматум Сирии: грядет региональная война с участием Ирана?//www.regnum.ru/news/polit/1435681.html.

²⁵⁹ Глава МИД Турции передал Башару Асаду послание Запада//www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1433861.html.

²⁶⁰ Иран не допустит, чтобы Сирия стала очередной жертвой политики США – Боруджерди//http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&_n=1&news_id=74911.

²⁶¹ Сирия готова начать тотальную региональную войну//www.regnum.ru/news/fd-abroad/iran/1434486.html.

²⁶² Ахмадинежад предложил Турции решить сирийскую проблему без участия США // www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1438076.html.

хранителе исламских святынь, Саудовской Аравии – 15% шиитов. Для господствующих в большинстве мусульманских стран суннитов, власть шиитов, как и алавитов – это вызов практически всем суннитским государствам региона. Кроме религиозного фактора, раздражающего правящие верхушки стран региона, есть и светский. Сирия – это светское государство, да к тому же союзник Ирана и противник Запада. Устранение власти Асада подрывает как влияние Ирана в регионе, так и возможности его союзников, например ливанской "Хезбаллы".

Таким образом, совпали и предпочтения монархических режимов стран Залива, и устремления Запада. Не осталась в стороне от реализации "сирийского проекта" и Турция. Эрдоган на 180 градусов развернул ее внешнеполитический курс. Сирийского президента Хафеза Асада обвинили не только в насилии по отношению к своему народу, но и потребовали его ухода с поста президента. На территории Турции были организованы лагеря беженцев и, по крайней мере, с лета 2011 г. активно прорабатывался вопрос о создании "зоны безопасности" на севере Сирии. Более того, именно на территории Турции и проводились организационные мероприятия по созданию оппозиционного Сирийского национального совета, в который удалось собрать основных противников режима.

Турция оказывала сирийской оппозиции не только моральную помощь. Турецкие спецслужбы вооружали и обучали боевиков, активно используя лозунги "демократии для сирийского народа", защиты прав человека. Напомним, что турецкая армия с 1984 года ведет боевые операции против собственных сепаратистов из Курдской рабочей партии. В результате партизанской войны на территории Турецкого Курдистана погибло более 45 тыс. человек. Собственно и права нетурецкого населения, составляющего более половины всех жителей страны, только недавно начали признавать – и то под давлением ЕС.

Турция и другие "защитники демократии" из Саудовской Аравии и стран Персидского залива организовали массированные поставки оружия для сирийской оппозиции. Сирийские органы безопасности регулярно задерживали грузовики, на которых перевозятся ручные противотанковые гранатометы, автоматы, снайперские винтовки, пистолеты и боеприпасы. Только за ноябрь 2011 года, по свидетельству госминистра Ливана Али Кансу, ливанские власти задержали несколько партий оружия, готовых для переброски в Сирию²⁶³.

По появляющимся в прессе признаниям пленных оппозиционеров, работа вооруженной оппозиции нацелена на запугивание населения и поддержание обстановки хаоса и страха. Блокировались дороги, ведущие в отдельные районы, а местных торговцев заставляют закрывать магазины, объявляя забастовки. Средства для организации акций поступают не только из заграницы. Оппозиционеры облагали данью местных бизнесменов, похищали людей, а полученные средства шли на покупку оружия²⁶⁴. Участники вооруженных группировок, по признаниям захваченных террористов, переодевались в форму солдат сирийской армии, убивали мирных жителей, чтобы обвинить в преступлениях солдат, якобы отколовшихся от армии. Такой же камуфляж использовался и для заявлений о появлении новых отрядов "Сирийской свободной армии" например, в Аль-Хули. Заснятые террористами ролики были переданы телеканалам "Аль-Арабия" и "Аль-Джазира"²⁶⁵. Обычной практикой террористических группировок стало убийство демонстрантов, а затем обвинение в их гибели сотрудников правоохранительных органов и сирийские

---

²⁶³ Контрабандное оружие для сирийской оппозиции // <http://lenta.ru/news/2011/11/21/cia/>

²⁶⁴ Террорист Абдель-Латиф Яхья Аль-Икиш признался в совершении террористических актов, похищений и убийств // <http://208.43.232.81/rus/341/2011/11/24/383941.htm>.

²⁶⁵ Там же.

правоохранители неоднократно обнародовали признания в таких преступлениях террористов арестованных в ходе боевых столкновений²⁶⁶.

В гражданской войне в Сирии изначально принимали самое активное участие зарубежные "добровольцы". Так, 25 ноября 2011 года состоялись переговоры между переходным Национальным Советом Ливии (ПНС) и Сирийским национальным советом, который попросил у ПНС помощи, а именно поставок оружия и переброски боевиков. Хамед эль-Магери, представитель Военного Совета Триполи, сообщил, что ливийцы считают себя братьями сирийской оппозиции: "Башар посылал Каддафи оружие во время войны против нас. Среди нас – сотни людей, готовых поехать воевать в Ливию или помочь каким-то другим способом"²⁶⁷. Ливийские боевики появились на турецкой территории еще в августе 2012 года. Организацией ливийской части "внутрисирийской оппозиции" занимался под именем Салем аль-Алвани, известный исламист Абдельхаким Бельхадж, который возглавил первый ливийский батальон, численностью в 700 человек на турецко-сирийской границе. В свое время Бельхадж возглавлял террористическую исламистскую группировку "Ливийская боевая исламская группа". В 2004 году был арестован в ходе операции ЦРУ США и МИ-6 и выдан правительству Джамахирии²⁶⁸.

19 марта 2012 года Рияд Асад, командующий так называемой "Свободной сирийской армии" (ССА) объявил о создании Военного совета оппозиции, который будет руководить действиями ССА и отрядов бывшего бригадного генерала Мустафы аш-Шейха²⁶⁹, которые называли свое формирование "Высший революционный военный совет". Созданный на территории Турции, он объединил обе структуры под одним командованием. Председателем Военного совета стал генерал аш-Шейх. В состав ССА, помимо дезертировавших сирийских военнослужащих, вошли добровольцы-сунниты из арабских стран.

Таким образом, именно благодаря поддержке Турции, ставшей надежным тылом для сирийской оппозиции, ее отряды удалось организовать и структурировать. Турция как бы соревновалась с саудитами – кто окажется лучшим исполнителем "экспорта революции" и лучше исполнит роль верного союзника Запада в борьбе с "репрессивными режимами". Фактически, как Саудовская Аравия, так и Турция боролись и с иранским влиянием на арабских шиитов и алавитов.

Однако если для саудитов игры с "арабскими бунтами" более менее безопасны, то для Турции они рискуют стать факторами внутренней дестабилизации. Первые симптомы внутреннего разлада в самой Турции уже появились. Например, на дверях домов "алеви", проживающих в районе Бурджа Измирского иля (провинции) Турции, неизвестные сделали метки и пронумеровали дома, что стало причиной паники среди местного населения. По свидетельству местных жителей, "на наших домах поставлены метки для отличия от остальных. И в Мараше, и в Сивасе после таких же меток людей убили. Мы боимся. Некоторые алавиты из страха стерли эти метки"²⁷⁰. Полиция начала расследование инцидента, надеясь с помощью просмотра записей видеонаблюдения выйти на виновников.

Как и следовало ожидать, на территории Турции активизировались и отряды Курдской рабочей партии, выступающей за автономию турецких курдов. Против отрядов КРП используется артиллерия, танки и бронетранспортеры, а турецкая

²⁶⁶ Признание террориста Халеда Ат-Талеба // <http://208.43.232.81/rus/341/2011/11/11/380947.htm>.

²⁶⁷ Оружие и боевиков ПНС перебрасывают в Сирию // http://www.mignews.com/news/politic/world/271111_114649_87633.html.

²⁶⁸ СМИ: Ливийские террористы начинают войну с Сирией // <http://news.mail.ru/politics/7441388/?frommail=1>.

²⁶⁹ Оппозиция Сирии объявила о создании новой объединяющей структуры повстанцев // <http://www.trend.az/regions/met/arabicr/2006544.html>.

²⁷⁰ Дома алавитов в Турции пометили // www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1511532.html.

авиация стерла с лица земли десятки курдских деревень не только на территории Турции, но и на севере Ирака, куда часто отступают боевики. В конце января 2012 года в столице Иракского Курдистана Эрбиле прошла конференция оппозиционных организаций Сирии, которая приняла документ о судьбе региона. В этом решении говорилось, что "после свержения режима Асада, на северо-востоке Сирии должно быть создано курдское самоуправление". В развитие этой идеи в начале марта 2012 года сирийские курды провозгласили создание на севере Сирии близ границы с Турцией, "Западного Курдистана", столицей которого будет объявлен город Африн²⁷¹.

В дополнение к турецким неприятностям на курдском фронте Масуд Барзани собирался провозгласить 21 марта, в дни празднования Новруза, независимость Иракского Курдистана. Впрочем, Барзани дал властям Ирана некоторую передышку, выставив ряд условий, которые бы позволили сохранить территориальную целостность Ирака.

Добавили угроз и турецкие курды. Лидер Курдской рабочей партии Мурат Карайылан, осуществляющий руководство организацией вместо отбывающего пожизненный срок Абдуллы Оджалана, пригрозил властям Турции "тотальной войной". В довершение процесса 30 марта "тотальную войну" Турции объявили и представители курдских организаций на территории России²⁷².

Таким образом, поддержка Турцией и другими региональными игроками вооруженной сирийской оппозиции привела не только к полномасштабной резкому обострению региональной ситуации, но и поставила под угрозу безопасность самой Турции.

***

Таким образом, турецкая внешняя политика и, прежде всего ее "восточный вектор" не отличались последовательностью, а появившиеся было опасения США по поводу новой и независимой от западных союзников внешней политики страны оказались преждевременными. Турция вернулась в русло традиционной союзнической политики, а ее территория стала основным плацдармом для свержения режима Башара Асада. В последние месяцы политику правительства Партии справедливости и развития стали называть политикой "неоосманизма". Сами турецкие руководители начали использовать этот термин в дипломатическом обиходе, по-видимому, желая обозначить свои намерения относительно как ближайших соседей, так и претензий на более тесное сотрудничество со странами, в свое время входившими в состав могущественной в свое время Османской империи.

Турция в последние годы пыталась продемонстрировать многовекторную внешнюю политику, позиционируя ее как самостоятельную и исходящую из национальных интересов страны. Страна на этом этапе добилась реальных результатов в сближении с мусульманскими странами, и впервые вышла на "планетарный уровень" в решении иранской ядерной проблемы.

Вместе с тем, Турция не сумела преодолеть ряд противоречий, характерных для турецкой внешней политики. Стремясь оставаться признанным лидером "турецкого мира", Турция оказалась в плену собственных устремлений и не решилась на новые инициативы в нормализации отношений с Арменией. "Турецко-тюркские" отношения оказались сильнее стремления нормализовать отношения на Кавказе, где Турция стала заложницей интересов Азербайджана, полностью уступив ему "игровое поле" в кавказской политике.

---

²⁷¹ Западный Курдистан: Сирийские курды провозгласили автономию на границе с Турцией // http://kurdistan.ru/print/2012/03/08/news-14840_Zapadnyy_Kurdistan.html.

²⁷² Курдский лидер пригрозил Анкаре тотальной войной // www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1513352.html.

Последовавшая в 2011 году кампания по раздуванию пожара гражданской войны в Сирии показала, что новое восточное направление турецкой внешней политики оказалось нежизнеспособным, и страна вернулась в русло традиционной союзнической внешней политики. Однако и на этом пути турецкому руководству придется делать нелегкий выбор, прежде всего на иранском направлении своей внешней политики. Напряженность вокруг Ирана, угрозы военного удара по его ядерным объектам могут вынудить Турцию присоединиться к антииранской коалиции. В любом случае удар по целям в Иране приведет к ответным ударам по американским объектам, в том числе на турецкой территории.

Подводя итог обзору восточного вектора внешней политики Турции, следует отметить главное: на наш взгляд, все внутривосточные и следующие за ними внешнеполитические шаги нынешней турецкой власти продиктованы чрезвычайно важным этапом развития Турецкой республики – сменой идеологии в стране. Это крайне болезненный процесс для любого государства, способный привести к краху всей государственной системы. В турецком случае смена националистической ориентации на исламистскую, пусть и с модернистским уклоном, способна привести к дефрагментации страны под воздействием трудно разрешимых проблем нового национально-государственного устройства. На данный момент Турция находится в начале этого драматического процесса. Для турецких националистов и, прежде всего, кемалистов и национально-ориентированных левоцентристов, такой оборот представляется крайне рискованным с точки зрения сохранения единства турецкого государства: в дополнение к курдской проблеме Турция рискует получить и религиозное противостояние внутри страны. Исламизм и национализм вновь вступили в противоборство как внутри страны, так и в ее внешней политике.

Иранская компонента мировой политики

Политика Ирана после исламской революции

Иранский опыт развития уже в конце XX века продемонстрировал начало нового этапа в той системе международных отношений, которая сложилась после Второй мировой войны. Основу этого этапа составил процесс глобализации, который затронув все аспекты взаимоотношений мирового сообщества, наиболее наглядно проявился в переходе большинства стран мира к рыночным инструментам экономического развития, а также в культурной, политической и экономической экспансии США.

Ответом на ускоренный процесс подключения Ирана к этому миропорядку стала исламская революция 1979 года. В определенной мере это была "цивилизационная" революция, т. к. главными ее лозунгами и целями стали сохранение национальной идентичности и национальной независимости на базе приоритета исламских ценностей. Этот тренд революции как исламской наиболее отчетливо проявлялся в 1980-е годы, когда в условиях биполярного мира иранский режим практически в равной степени противопоставлял себя идеологически и Западу (США, ЕС), и Востоку (СССР), лавируя между ними и играя на их противоречиях.

Знаковыми событиями в отношениях Ирана с США и СССР стали: объявление и того и другого "сатаной"; захват в заложники сотрудников посольства США в конце 1979 г., положивший начало жесткой американо-иранской конфронтации; разгром советского посольства в Тегеране и нападение на советское консульство в Исфагане (после ввода советских войск в Афганистан); обвинения СССР и США в поддержке Ирака в период ирано-иракской войны 1980-1988 гг. Внешнеполитический курс Исламской Республики Иран (ИРИ), особенно в первые послереволюционные годы, был нацелен на экспорт исламской революции, а подход к системе взаимоотношений с другими странами определялся принципом "Ни Запад, ни Восток, а исламская революция". В Конституции ИРИ было закреплено положение о продолжении исламской революции в стране и за ее пределами, о необходимости найти путь к образованию "единой мировой уммы"²⁷³. В своем политическом завещании лидер иранской революции имам Хомейни указывал на "зависимость от деспотического Запада и атеистического Востока" как на главную причину несчастий мусульманского мира²⁷⁴.

После распада СССР и начавшегося доминирования США на мировой арене, все больший тренд во внешней политике Ирана стала набирать не "цивилизационная" компонента, а неприятие сложившегося монополярного миропорядка. Но эти два направления политики ИРИ были органически связаны: благодаря своему экономическому и политическому доминированию в мире, США, казалось, были способны изменить исламскую составляющую иранского режима. В связи с этим как внутренняя, так и внешняя политика Ирана оказалась подчинена цели укрепления своего потенциала, являющегося основой не только для самостоятельного развития, но и для роста влияния в региональном и мировом

---

²⁷³ "С учетом направленности исламской революции в Иране на победу угнетенных над угнетателями, Конституция создает условия для продолжения революции в стране и за ее пределами и пытается путем развития отношений с другими исламскими и народными движениями найти путь образования единой мировой исламской уммы и способствовать усилению борьбы за спасение угнетенных народов во всем мире". // Конституция ИРИ. Раздел "Способ правления в исламе".

²⁷⁴ Кушаки М. С. Размышления на тему политической мысли имама Хомейни. М., 2009. С.16.

масштабе, а также поиску политических, экономических и идеологических партнеров, которые заинтересованы в ослаблении однополюсного мира.

В разные исторические периоды отношения Ирана с мировыми державами, а главное – с США и Европой, не были постоянно конфронтационными. В годы правления М. Хатами была предложена концепция "диалога цивилизаций", создававшая идеологическую основу для установления более сбалансированных отношений Ирана с ведущими странами мира и предлагавшая создание многоуровневых и многосторонних форм взаимодействия стран с различной культурой. М. Хатами был избран президентом Ирана в период пребывания у власти в США демократов, которые при принятии глобальных решений отдавали приоритет согласованности с международными организациями. Концепция Хатами соответствовала этому направлению.

Однако после 11 сентября 2001 г. во внешней политике США возобладала идея доминирования в мире, и начавшееся сближение США с Ираном не получило развития. Не привели к смягчению позиции США в отношении Ирана другие факторы: занятый Ираном фактический нейтралитет при вводе войск НАТО в Афганистан, а затем в Ирак; подписание Тегераном в 2003 г. Дополнительного протокола, касающегося контроля над ядерной программой Ирана; принятие в конце 2004 г. Ираном и "евротройкой" (Англия, Франция, Германия) "Парижских соглашений" о приостановке ядерных разработок.

Официальное включение Соединенными Штатами Ирана в 2003 г. в число стран-изгоев и причисление его к "оси зла" поставило под удар сторонников реформаторского курса М. Хатами. В результате парламентских выборов 2004 г. и президентских выборов 2005 г. реформаторские силы ушли с политической сцены, уступив ее различным консервативным фракциям. Новый меджлис отказался от ратификации достигнутых ранее соглашений, кардинально изменился характер переговоров по ядерной программе, что усилило напряженность в отношениях Ирана с Западом.

Во внешнеполитическом курсе страны после избрания президентом страны в 2005 г. М. Ахмадинежада все более отчетливо стало нарастать противодействие гегемонии США. Усугубились и конфронтационные тенденции в отношениях между странами, безоговорочно поддержавшими внешнеполитический курс США, и теми, кто стремился к региональному лидерству. При этом, на наш взгляд, главной целью внешней политики ИРИ оставалось распространение идей исламской революции. Они, как отмечал в связи с событиями "Арабской весны" лидер страны Али Хаменеи, могут в каждой стране иметь свои особенности, но способны изменить миропорядок.

Лозунги "справедливости", с помощью которых Ахмадинежад смог одержать убедительную победу на президентских выборах, относились не только к социальной и экономической политике внутри страны, но и к внешней политике, призванной на основе "созидательного взаимодействия" различных международных и региональных центров инициировать формирование системы международных отношений, альтернативной существующей. В этом новом миропорядке Иран стремится стать одним из региональных центров, войти в состав действующих региональных организаций (например, ШОС, СААРК), инициировать создание новых, в том числе на евразийском пространстве. Эта вполне светская государственная задача не противоречит целям содействия исламским движениям. Напротив, региональное лидерство способствует долгосрочной внешнеполитической цели режима – продвижению исламской революции, а также реализации применительно к современным условиям исламского проекта. Недаром сразу же после своего

избрания президентом в 2005 г. Ахмадинежад заявил об "установлении всемирной справедливости путем нового возвышения исламской цивилизации"²⁷⁵.

Сохранение исламской формы правления в Иране – это проект и национальный (позволяющий сохранить Иран как единое многонациональное государство), и региональный (открывающий ИРИ дорогу к региональному лидерству), и глобальный (поскольку повышает роль ислама как политического фактора в международных отношениях). Этот проект имеет еще и другой аспект – шиитский, также охватывающий все эти три уровня и позволяющий Ирану преодолеть свое "одиночество" в арабо-исламском мире как страны шиитской и персидской. В шахский период это традиционное "одиночество" Иран так и не смог преодолеть, несмотря даже на то, что он стал при поддержке США фактическим лидером в регионе. В послереволюционный период Иран пытается решить эту проблему, апеллируя к общеисламским ценностям, в том числе и за счет наращивания в последние годы своего экономического и политического потенциала.

Наблюдаемые тенденции в экономическом развитии ИРИ, заключающиеся в постепенном вытеснении из политической жизни духовенства, объективно делают более актуальной смену целевых парадигм – с сохранения исламского характера режима в направлении обеспечения интересов государства. Принятые в Иране в последние годы программные документы, особенно социально-экономического характера, ставят вполне прагматичные цели – укрепление экономического и военного потенциала ИРИ с целью повышения ее регионального статуса. Если из внешней политики Ирана исключить идеологическую составляющую, то ее цели ничем не будут отличаться от внешнеполитических установок шахского периода. Однако для иранского руководства по-прежнему важным остается идеологический аспект внешней политики, а необходимость повышения потенциала Ирана расценивается как условие, необходимое для того, чтобы избежать маргинализации самой идеи исламского правления.

В июле 2012 г., когда противостояние Ирана с США и Европой в результате санкционного режима достигло значительного накала, верховный лидер страны (рахбар) аятолла Али Хаменеи, который до этого апеллировал к общеисламским принципам, в своем воззвании к народу использовал шиитские догмы. Он обратился к последователям Махди (т. е. шиитам, которые верят в приход сокрытого имама) и заявил, что они должны быть готовы к джихаду против зла (завуалировано намекая на происки Запада против Ирана) для того, чтобы "на мировой арене восторжествовала исламская цивилизация"²⁷⁶, совместив, таким образом, шиитские и общеисламские цели.

О значимости исламского фактора в мировосприятии не только находящихся у власти фракций политических лидеров, но и лидеров оппозиционного нынешнему курсу правительства Ахмадинежада движения, свидетельствуют, например, установки "зеленого движения", ставшего после 2009 г. одним из центров формирования общественных взглядов. Критика режима со стороны этого движения фокусируется на несоответствии существующего в Иране правления проекту "исламского государства", задуманного в начальный период революции. Конечно, это можно расценивать как политический маневр, позволяющий выступать против проводимой политики в рамках конституционных норм, но то, что даже оппозиционеры поддерживают исламский проект, да еще в форме возврата к фундаменталистским ценностям, свидетельствует о сохранившемся до настоящего времени потенциале исламского фактора.

---

²⁷⁵ www.president.ir/fa/

²⁷⁶ www.mir24.tv/news/world/5223649. 11.07.2012.

Центры формирования внешней политики Ирана

Формирование иранского внешнеполитического курса происходит в результате взаимодействия и противостояния различных центров власти. Официальных основополагающих документов по внешней политике в ИРИ практически нет; отсутствуют здесь в отличие от многих других стран, специально разработанные концепции безопасности и внешней политики, хотя общие положения, касающиеся этих проблем, можно найти в Конституции, Перспективном плане развития, двадцатилетней программе (до 2025 г.), в пятилетнем плане социально-экономического развития на 2010-2015 гг.²⁷⁷

Согласно Конституции, определение основных направлений внешней политики ИРИ относится к прерогативе религиозного лидера – рахбара (велае-е факиха), который является и высшим государственным лицом Ирана. Администрация рахбара – Совет по целесообразности (Expediency Council), состав которого определяется рахбаром и президентом страны, являющимся и главой правительства. В Совет входит министерство иностранных дел, а также вице-президенты, возглавляющие ряд организаций, имеющих непосредственное отношение к внешней политике (например, Организация по атомной энергии). Кроме того, в 2011-2012 гг. президент ввел в штат своей администрации должности спецпредставителей по внешнеполитическим вопросам²⁷⁸, чтобы получить дополнительные рычаги влияния на проведение внешнеполитического курса, особенно в условиях усилившейся в 2011 г. критики курса президента со стороны меджлиса и рахбара.

К числу высших государственных органов относится парламент (меджлис), в котором активно работает Комиссия по внешней политике и безопасности. Без одобрения меджлиса принятые внешнеполитические решения не являются легитимными. Но и законодательные акты меджлиса должны быть одобрены Наблюдательным Советом (или Советом по охране Конституции – *The Council of Guardians*), сформированном из назначенных рахбаром богословов и рекомендуемых меджлисом юристов. Конституционным органом, занимающимся вопросами внутренней и внешней безопасности, является также Высший Совет национальной безопасности, глава которого от имени Ирана ведет все международные переговоры по проблемам, связанным с ядерной программой. К государственным структурам, активно участвующим в распространении культурного влияния Ирана на региональном и глобальном уровне, относятся Высший Совет культурной революции, Организация хаджа и Министерство культуры и исламской ориентации, открывшее культурные центры ИРИ во многих странах мира. Руководство страны стало уделять особенно пристальное внимание культурной составляющей внешней политики по мере усиления изоляционных тенденций в отношениях Ирана с остальным миром.

Все более активно начинает проявлять себя КСИР (Корпус стражей исламской революции) и его подразделение "Кодс", участвующее в операциях за пределами страны и связанное с Хизбалла и ХАМАС. Особенно заметным стало их влияние в последние годы, когда возросла угроза военного нападения на Иран и усилилась милитаризация иранской экономики.

Но все эти государственные центры неравнозначны ни по степени участия в выработке внешней политики, ни по влиянию на ее практическое проведение. Если вмешательство нынешнего рахбара аятоллы Али Хаменеи во внутреннюю и внешнюю политику страны до середины 2000-х годов было весьма ограниченным, и

²⁷⁷ Мамедова Н. М. О некоторых проблемах формирования внешней политики ИРИ. // Ближний Восток и современность. Сборник статей. М. 2011, № 44. С. 75.

²⁷⁸ Дунаева Е. В. Внешняя политика ИРИ: старые подходы и новые веяния. // Там же. С.14.

оно носило в основном скрытый характер, не получая сколько-нибудь заметной общественной огласки, то в настоящее время рахбар активно высказывает свое мнение по самым разным вопросам, в том числе относящимся к конкретным событиям внутренней и международной жизни. В разгар своих споров и разногласий с президентом в 2010-2011 гг. Али Хаменеи высказал даже намерение восстановить пост премьер-министра или заменить процедуру выборов президента с всеобщих прямых выборов на выборы меджлисом, давая тем самым понять, за кем в Иране остается последнее слово²⁷⁹.

Мнения и указания рахбара могут быть выражены в разных формах. Оформленные в виде письменных указов (*hokm*), они являются обязательными для населения Ирана, а в виде фетв (*fetva*) – обязательными для шиитского населения в других странах. Приоритет религиозного лидера страны в разработке внешнеполитического курса является дополнительным свидетельством значительной роли исламского фактора, как при формировании, так и при проведении внешней политики Ирана.

Наличие большого числа центров, формирующих и внешнюю политику и курирующих ее различные направления, приводит к тому, что государственные деятели высказывают порой противоречивые суждения по вопросам внешней политики ИРИ. Налицо и разные подходы к проблемам взаимоотношений с другими странами. А эти проблемы обостряются и в связи с нарастающим противостоянием Ирана с Западом, и вследствие осложнившейся обстановки в ближневосточном регионе. Кроме того, влияние каждого из этих центров определяется личным авторитетом его руководителя, принадлежностью его к семейным кланам, близостью к тем или иным партийным или религиозным группировкам. Выработка и проведение единого курса осложнена, таким образом, как наличием в системе государственного управления исламских и светских форм власти, так и существованием разных взглядов в среде политической и религиозной элиты.

Велико значение различного типа религиозных институтов – исламских фондов, исламских университетов, исламского бизнеса. Именно через них осуществляется идеологическая и финансовая поддержка исламских движений различных направлений. Проследить движения средств, например, на поддержку ливанской Хизбаллы или ХАМАС чрезвычайно сложно, т.к. исламские фонды не дают развернутых балансовых отчетов, и в суммы, выплаченные ими на нужды "обездоленных", может быть включена и поддержка зарубежных религиозных организаций. Активно работает на внешнеполитическом треке такой исламский фонд, как Комитет помощи имама Хомейни, отделения которого работают в Азербайджане и во многих ближневосточных странах.

К числу религиозных центров, где формируется внешнеполитическая доктрина Ирана, относится Кумский центр, представляющий собой сложную систему образовательных учреждений. Он определяет статус аятолл, которые наделены правом на *иджтихад*, в том числе на толкование для всех шиитских общин внешнеполитических доктрин и событий. В Куме периодически живут и работают не только богословы-теоретики, но и шиитские деятели, принимающие активное участие в политической деятельности на своей родине (как, например, иракский религиозный и политический деятель Муктада ас-Садр, проживший в Куме несколько лет и вернувшийся в Неджеф в 2011 г.). Перед принятием ответственных решений иранские лидеры, как правило, посещают Кум. Например, в конце 2010 г., когда международная ситуация вокруг Ирана осложнилась, даже рахбар Али Хаменеи совершил поездку в Кум и имел продолжительные беседы с аятоллами.

---

²⁷⁹ President V Supreme Leader. Mahmoud Ahmadinejad is Fighting Tooth and Nail to Keep his Presidency. The Economist. 8.02.2012.

Растет значение и современных неправительственных институтов, оказывающих влияние не только на выработку внешнеполитической доктрины, но и на развитие отношений с другими странами. Это главным образом, университеты, например, Международный университет имени Хомейни в Казвине, Центр евразийских исследований в Тегеране, которые отражают в своих работах различные взгляды на проводимую внешнюю политику.

В Иране, помимо партий, огромное влияние на всю общественно-политическую жизнь страны, на определение ее национальных приоритетов оказывают организации духовенства. До последнего времени основное содержание политической жизни определяли взаимоотношения двух группировок духовенства – Общество борющегося духовенства и Ассамблея борющихся улемов. Именно к руководству последней имели непосредственное отношение лидеры "зеленого движения", а члены этой организации составили основное ядро реформистского крыла политического истеблишмента.

Особое значение в условиях традиционно закрытого иранского общества стали приобретать информационные сети, сыгравшие главную роль в координации выступлений сторонников "зеленого движения", появление сайтов, отражающих взгляды разных центров на выстраивание отношений Ирана с мировым сообществом. После вынужденной эмиграции на Запад таких религиозных идеологов как А. Соруш и М. Кадивар, возглавивших зарубежные центры формирования общественной мысли, информационные сети и СМИ превратились во влиятельный канал влияния на оппозиционные настроения иранского общества. В СМИ широко обсуждаются наиболее актуальные проблемы. И хотя часть газет, журналов и сайтов под давлением Министерства внутренних дел закрывается, но вскоре они вновь появляются под другими названиями.

Несмотря на авторитарный характер существующего в Иране режима, в сравнении с другими восточными странами он отличается значительным потенциалом для выражения различных политических взглядов, прежде всего путем выборной системы. Практически все органы власти, кроме судебной, формируются в результате выборов, на которых избирают и рахбара страны. Потенциал этих негосударственных структур увеличивается и, кстати, учитывается Госдепартаментом США, который для трансформации иранского режима использует связи международных культурных, женских и научных центров с оппозиционными иранскими группировками. В 2011 г. на конференции в Вашингтоне "Перспективы политики США и пробуждение свободы в Иране" был поставлен вопрос о том, чтобы вычеркнуть из списка террористических организаций базирующуюся за пределами Ирана организацию "Моджахедин-е хальк", борющуюся против иранского режима.

Основные направления внешнеполитического курса ИРИ

В качестве одного из главных направлений внешнеполитического курса исламского режима, кроме его ориентации на продолжение исламской революции и борьбы за изменение существующего миропорядка, является противостояние чуждому влиянию. Этот аспект всегда был крайне актуален для внешнеполитического курса различных режимов в Иране.

В истории Ирана XX века реализовывались концепции: "негативного равновесия", "позитивного равновесия", "опора на третью силу". В основе всех этих концепций лежала, прежде всего, попытка снизить уровень зависимости от ведущих мировых держав, используя для этого противоречия между ними. В политике исламского режима также можно выделить подобные направления. Пребывание у власти Хомейни (1979-1988) можно отнести к периоду "негативного равновесия". Именно противостояние с США и СССР, как сказано выше, было главным в

отношениях с мировым сообществом, а провозглашенная ориентация на мусульманские страны в реальной жизни вылилась в восьмилетнюю войну с соседним Ираком и с его значительным шиитским населением. Более того, эта война не привела в то время к подъему исламских и даже шиитских движений в Ираке. Но вероятность развития событий по такому сценарию не исключалась и в значительной мере учитывалась Соединенными Штатами после провозглашения в 1980 г. "доктрины Картера", объявившей регион Персидского залива зоной стратегических интересов США. Иранская политика жесткого противостояния США и СССР в конечном итоге привела к укреплению позиций США в этом регионе.

Внешнеполитический курс правительства А. Хашеми-Рафсанджани (1989-1997) вполне обоснованно можно квалифицировать как политику "позитивного равновесия", поскольку интересы быстрейшего восстановления экономического потенциала Ирана после войны требовали не только изменения внутриэкономической политики, но и налаживания международных связей. Однако это не привело к изменению позиции в отношении США и Израиля, и более того, начало реализации программы по созданию ядерной энергетики, вызвав новый виток напряжения в отношениях Ирана с этими странами. "Позитивное равновесие" проявилось, главным образом, в установлении более тесных экономических связей с СССР, а затем с РФ, с одной стороны, и с европейскими странами – с другой. Распад СССР вызвал активизацию иранской внешней политики на кавказском и среднеазиатском направлении. Для усиления своего влияния в этих новых независимых государствах Иран все больше начинает смещать акценты с исламских ценностей на совместное доисламское прошлое, что позволяло ИРИ претендовать на региональное лидерство, но учитывать при этом интересы России.

Политика в период пребывания у власти М. Хатами (1997-2005) в еще большей степени носила характер "позитивного равновесия", и в это время Иран делал попытки наладить отношения не только с Европой, но и с США. Предпринимались шаги по восстановлению дипломатических отношений с Египтом, но безуспешно. Впервые представители правительства не выступали безоговорочно против палестино-израильских переговоров, а допускали возможность легитимации государств Израиля и Палестины на основе участия в выборах всех палестинцев. На государственном уровне была прекращена военная и финансовая помощь исламским движениям на Ближнем Востоке.

Иран сохранил фактический нейтралитет при вводе войск в Афганистан и Ирак, несмотря на официальное осуждение военной агрессии США и НАТО. Иран получил статус наблюдателя в ШОС, значительно укрепил экономические связи со странами-членами этой организации, развивая сотрудничество с ними в обеспечении безопасности, противодействии экстремистским исламским движениям и наркотрафику.

С середины 2005 г. во внешней политике ИРИ начался новый этап, связанный с избранием президентом страны М. Ахмадинежада. Во внешнеполитическом треке стал все более отчетливо проявляться возврат к двум основным направлениям внешнеполитического курса ИРИ первых послереволюционных лет – содействие исламским движениям и жесткое противостояние с Израилем и США. В этот период в основу внешней политики был положен поиск опоры на страну, которая могла бы стать противовесом США. В качестве такой опоры Иран попытался использовать Россию (в зависимости от того, как развивались ее отношения с США), а также и Китай. Растущий экономический потенциал Китая, его потребность в иранских сырьевых ресурсах, и достаточно независимая внешняя политика все более усиливает заинтересованность Ирана в Китае.

Главным фактором, обусловившим противостояние Израиля и США Ирану, явилась ядерная программа Ирана. Для Ирана значение имеет решение палестино-израильской проблемы и сохраняющаяся гегемония США, поддерживающего израильскую позицию. При этом нужно иметь в виду, что палестинская проблема существовала до исламской революции и до ядерной программы. Последняя, хотя существенно и влияет на внешнюю политику, но может быть кардинально изменена. А вот изменение позиции Ирана по палестинской проблеме представляется более сложным процессом. Палестинская проблема входит в набор тех принципов духовенства (поддержка мусульманскому обездоленному народу), которые были выдвинуты в противовес шахской внешней политике и сыграли большую роль в развитии оппозиционного движения. При этом Иран объективно заинтересован в налаживании отношений с Израилем, который рассматривается руководством ИРИ как своеобразный противовес арабскому суннитскому влиянию. В шахский период отношения с Израилем усиливали военно-политический потенциал Ирана как регионального лидера. В настоящее время Иран использует свою поддержку движений Хизбалла и ХАМАС для сближения с мусульманскими странами. В значительной мере поддержка этих организаций олицетворяет для Ирана не только неприятие Израиля, но и способ противостояния влиянию США. В период президентства Ахмадинежада поддержка этих организаций почти до конца 2011 г. носила официальный характер.

Восточная политика ИРИ

"Арабская весна" привела к тому, что Иран начал уделять особое внимание отношениям с соседями по региону, как части политики, названной "взгляд на Восток". Провозглашенный после революции принцип приоритетности в международных отношениях контактов с мусульманскими странами фактически оставался только лозунгом. Отношения стратегического партнерства сложились лишь с Сирией. Руководители Ирана приветствовали события "Арабской весны", считая их продолжением исламской революции. Однако выступления против Башара Асада в Сирии поставили Иран в крайне сложное положение, так как выбор в пользу сирийского президента противоречил предыдущим иранским заявлениям о поддержке массовых оппозиционных движений, выступивших против диктаторских режимов. Поддержка же оппозиционных Асаду движений и смена режима нарушает сложившийся баланс сил в регионе, разрушает каналы поступления помощи Хизбалле и ХАМАС, а главное, значительно укрепит региональные позиции Саудовской Аравии.

В своем стремлении ослабить уровень международной изоляции Иран значительно ограничил связи с Сирией, попытавшись установить более тесные контакты с арабскими странами. Однако заметного прорыва на этом направлении не произошло. Несмотря на двухсторонние заявления Ирана и Египта, дипломатические связи между ними пока не восстановлены. В наибольшей степени продвинулись отношения с Ливаном, особенно после визита Ахмадинежада в эту страну осенью 2010 г., в ходе которого было подписано более десятка различных соглашений.

Причинами остаются настороженные отношения арабских стран к возможности иранского влияния на шиитские анклавы, нерешенность проблем трех островов в Персидском заливе, разработка Ираном ядерных технологий. Особо непримиримую позицию в отношении Ирана занимает Саудовская Аравия. Ирано-саудовские противоречия, как отражение борьбы за геополитическое влияние в регионе, особенно после военной операции арабских стран в Бахрейне, находятся в стадии высокого градуса, способного привести к открытому конфликту. Из других

ближневосточных стран Иран продолжает расширять отношения с Турцией, которая, несмотря на разногласия с Ираном по сирийской проблеме, остается одним из основных импортеров иранских энергоресурсов.

Экономический потенциал Ирана

Объективно усиливает региональные и глобальные позиции Ирана его экономический потенциал, динамика экономического развития, достаточно благополучная ситуация в период мирового кризиса и даже жесткого санкционного режима. Среднегодовые темпы прироста ВВП за 2000-2010 гг. составили 5.4%²⁸⁰ (несколько сократившись по сравнению с 2000-2008 гг., когда он составлял 6.0%). По рейтингу (месту) Всемирного банка от 1 июля 2011 г. Иран занял по объему ВВП в 2010 г. (по ППС) 18-е место. Среди стран центральноазиатского и средневосточного регионов экономика Ирана является одной из самых крупных, уступая фактически лишь Турции. По объему ВВП Турция заняла 15 место, Саудовская Аравия – 22-е, Египет – 25-е, остальные – ниже 40-го²⁸¹. При этом нужно учитывать, что в 2010 г. Иран оказался в исключительно тяжелой экономической ситуации – и из-за мирового кризиса, и из-за ужесточения санкционного режима. Рост экономического потенциала обеспечивался не только развитием энергетического сектора и ростом цен на нефть, а и всем народнохозяйственным комплексом, поэтому темпы роста ВВП без нефти значительно превышали темпы роста общего ВВП.

Внешний долг в 2009/2010 г. не превышал 6% от ВВП. По оценкам иранских экспертов и МВФ, с 2010/2011 г. начнется дальнейшее снижение его уровня – до 2.1% к 2016 г.

Достаточно высокой – на уровне 26-27%, остается норма валовых инвестиций, что обеспечивает гарантии роста экономики, особенно учитывая оптимальную технологическую структуру капиталовложений. Сокращение в результате санкций притока прямых иностранных инвестиций, доля которых и до этого была невелика, компенсируется увеличением частных инвестиций – как в результате приватизации, так и реализации совместных с государством проектов. Уход с иранского рынка компаний ведущих мировых экономик начинает компенсироваться активизацией отношений с компаниями азиатских, африканских и латиноамериканских стран. Несмотря на санкционный режим, от поставок иранской нефти не отказываются Китай, Индия, Южная Корея. Индия добилась от США отсрочки на применение в отношении индийских компаний американских санкционных мер за торговлю с Ираном. Решается вопрос о поставках газа Пакистану.

Китай не только увеличил закупки иранской нефти к середине 2012 г., но в июне 2012 г. дал согласие профинансировать строительство пакистанской части газопровода "Мир" (Иран-Пакистан). Воспользовавшись ситуацией вокруг Ирана, Китай укрепляет свое экономическое присутствие в этой стране. В 2011 г. объем товарооборота составил 45 млрд. долл. США (в 2010 – 30 млрд. долл.).

С ЮАР Иран сотрудничает в нефтегазовой сфере. Поддерживает он также отношения с Эфиопией, Джибути, Замбией. С Зимбабве Иран заключил соглашение об обмене иранской нефти на уран²⁸². В 2010 г. в Тегеране был проведен ирано-африканский саммит, на котором присутствовали представители сорока стран африканского континента²⁸³. Что касается активизации ИРИ на латиноамериканском направлении, то оно больше обусловлено политическими соображениями, а именно

²⁸⁰ World Development Report 2012. P. 398.

²⁸¹ World Development Indicators database. World Bank, 1 July 2011.

²⁸² Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Влияние режима санкций на внешнеполитическую деятельность ИРИ. // Иран и санкции. М., 2012.

²⁸³ Месамед В. И. Иранское оружие в Западной Африке (www.iimes.ru/rus/stat/2011/27-02).

противопоставлением гегемонии США, в то время как экономическое наполнение политики играет менее значимую роль. Тем не менее, во время визита осенью 2010 г. в Иран президента Венесуэлы Уго Чавеса было заключено 11 соглашений о сотрудничестве в нефтяной и газовой сфере, в текстильной промышленности, торговле и др. В 2011 г. Венесуэлу посетил М. Ахмединежад, и оба президента заявили о совместных проектах на 4 млрд. долл. США.

В условиях ужесточения санкционного режима и сокращения поставок в Иран новейших технологий иранское руководство сделало наиболее приоритетным создание высокотехнологических компаний. Поставлена задача к 2015 году войти в десятку ведущих в этой сфере стран мира. Конечно, в первую очередь реализуются проекты двойного назначения. Иран добился заметных успехов в развитии металлургии, нефтехимии, фармакологии, ирригации, тяжелой и космической промышленности. Иран, который является вторым после Турции производителем стали на Ближнем Востоке, уже к середине 2000-х годов занял одно из ведущих мест в мире по производству DRI-прямовосстановленного железа, этого перспективнейшего металлургического сырья²⁸⁴.

По итогам публикаций научных работ в области медицины ИРИ занимает 21-е место, а в сфере фармацевтических продуктов, разработанных нанотехнологическими методами – первое место на Ближнем Востоке. В 2009 г. Ираном был запущен собственный спутник "Омид", а летом 2011 – спутник "Рассад 1". В ближайшее время Иран планирует запустить три спутника ("Фаджр", "Нахид" и "Зафар"), в том числе с живыми организмами, что является частью проекта по запуску в космос первого иранского космонавта, который должен состояться в 2019 году и который осуществляется Ираном собственными силами.

Таким образом, несмотря на влияние мирового кризиса и давление санкций, Иран сумел сохранить экономическую устойчивость, что само по себе является фактором, усиливающим для стран региона привлекательность иранской модели, как независимой от западного влияния и даже способной противостоять ему.

Влияние санкционного режима на положение Ирана в мировой системе

Со второй половины первого десятилетия XXI в. и особенно с начала его второго десятилетия решающее влияние на ситуацию в Иране стал оказывать санкционный режим. Особенно актуальными он стал для формирования внешнеэкономических связей, поскольку Иран является страной с высокой внешнеторговой квотой, и его экономика зависит от экспорта нефти, от импорта технологий и полуфабрикатов, необходимых для развития промышленности. Ограничение этой внешнеторговой квоты оказывает крайне негативное влияние на экономику и как следствие на политическую жизнь страны. В результате усиления санкционного режима ускорился процесс вывода из Ирана иностранных инвестиций. Достигнутые ранее соглашения с иностранными компаниями фактически оказались разорванными. Сворачивать свою деятельность в Иране стали не только европейские компании, но и энергетические компании России и даже Белоруссии.

Последние международные санкции содержались в Резолюции СБ ООН № 1929 от 12 июня 2010 г. Эта резолюция повысила степень давления на Иран, но не носила характера масштабного воздействия на иранскую экономику. Более тревожным сигналом стало присоединение отдельных стран к дополнительным санкциям, инициированным США. В ноябре 2011 г. президент США ввел санкции, действие которых распространялось на всех физических и юридических лиц,

---

²⁸⁴ Steel Statistical Yearbook 2010.

оказывающих помощь Ирану в разведке и добыче энергоресурсов. 31 декабря 2011 г. были введены санкции в отношении иностранных компаний, продолжающих работать с Центральным банком Ирана, а также иностранных компаний, чьи акции продаются на фондовом рынке США.

Курс на ужесточение санкционного режима в отношении Ирана усилился после визита в США в марте 2012 года президента Израиля Ш. Переса и премьер-министра Б. Нетанияху. Страны ЕС 22 января 2012 г. ввели эмбарго на закупки иранской нефти. В марте 2012 г. США выступили инициаторами санкций, направленных не только против экспорта иранской нефти, но и газа. А именно на развитие газового экспорта (Иран поставляет газ в Армению, Турцию, некоторые другие страны), на совместные проекты, особенно в рамках Форума экспортеров газа, Иран рассчитывал укрепить свои позиции на мировом энергетическом рынке. Все это не могло не привести к усилению иранской агрессивной риторики.

Так, министр нефти ИРИ Ростам Гасеми, генерал КСИР, возглавлявший до этого одну из крупнейших военно-экономических структур КСИР – "Хатам аль Анбия", в ответ на присоединение стран Персидского залива к санкциям заявил, что в числе целей его политики – решение спорных вопросов, связанных с разработкой месторождений, являющихся "общими полями" (имеются в виду месторождения в Катаре, Кувейте и Саудовской Аравии). Снижение из-за санкционного режима экономического потенциала, изменив цель экономического развития Ирана со стратегии роста на стратегию выживания, может отразиться на региональной политике, в которой в последние годы культурная и идеологическая компонента удачно подкреплялась экономической – поставками продукции, энергоресурсов и капиталов. Снижение экономических связей со значительной долей вероятности может быть компенсировано за счет усиления идеологического и даже военного влияния.

В условиях постоянного расширяющихся санкций, а также роста военных угроз со стороны Израиля и США Иран, особенно в лице представителей команды президента и канцелярии рахбара, пытается сделать ставку на военную компоненту в своей внешней политике, считая, что укрепление военного потенциала в условиях санкционного режима в большей степени служит целям национальной безопасности, нежели дипломатические методы. Иранские государственные лица заявляют о возможности перекрытия Ормузского пролива, а 21 июля 2012 г. меджлис одобрил касающийся этого законопроект²⁸⁵. Прозвучавший в июле 2012 г., т.е. после начала действий нефтяного эмбарго, призыв рахбара готовиться к приходу "сокрытого имама" и к джихаду можно расценивать как призыв к борьбе с теми, кто для народа Ирана несет зло.

Ядерный фактор

Важнейшим элементом в международных отношениях Ирана стало развитие ядерной программы. Ее влияние на положение Ирана в мировой системе отношений крайне противоречиво. С одной стороны, наложенные в результате реализации программы санкции, несомненно, стали ослаблять экономический потенциал страны, и как следствие, заинтересованность в отношениях с Ираном со стороны мировых инвесторов и степень регионального влияния. Из-за санкций не был повышен статус Ирана в ШОС до страны-члена, что ослабило возможность использовать Россию и Китай в качестве "опоры" для получения членства в этой организации.

²⁸⁵ Rosbalt.ru/main/2012/07/21.

Но, с другой стороны, благодаря отказу подчиниться требованиям Запада и отстаиванию своих прав как члена ДНЯО на создание атомной энергетики, Иран укрепил свой авторитет как один из региональных лидеров "второй линии" новой складывающейся международной системы. В решение иранского вопроса оказались вовлечены все глобальные и региональные акторы, международные и региональные организации и отдельные страны. Ядерная программа Ирана продолжает оставаться одной из наиболее актуальных проблем в процессе формирования нового миропорядка. Проблемой является возможность создания Ираном ядерного оружия, хотя иранские руководители всех уровней власти отрицают наличие у страны такой цели. При этом они ссылаются на высказывания имама Хомейни и аятоллы Хаменеи. Однако эти высказывания касаются запрета на применение оружия массового уничтожения, что не исключает возможности его создания в перспективе.

Иран апеллирует в свою очередь к наличию ядерного оружия у Индии, Пакистана, а главное, у Израиля, разрабатывающего планы военного нападения на ядерные объекты Ирана. Именно развитие Ираном программы по обогащению урана, которая способна обеспечить создание ядерной бомбы (при обогащении выше 60 и даже 20%), стало причиной конфликтной ситуации вокруг Ирана, приобретшей международный характер. Этот конфликт, в отличие от афганского, иракского и ливийского, мировое сообщество пытается решить путем ужесточения санкций до уровня, способного изменить характер либо ядерной программы, либо иранского режима. Главной целью такого давления на Иран признается обеспечение региональной и даже глобальной безопасности. При этом нужно иметь в виду, что Иран, несмотря на "экстравагантные" заявления своего президента, на участие в событиях в Бахрейне, оказывал в целом стабилизирующее влияние на ситуацию в регионе, включая ее центральноазиатское, кавказское и афганское направления.

События вокруг иранской ядерной программы могут разворачиваться по-разному, прогнозные оценки их вероятности постоянно обсуждаются на всех уровнях и широко освещаются в прессе. Большинство экспертов считают наиболее оптимальным сценарием дальнейшее ужесточение санкционного режима, способного парализовать иранскую экономику. Однако существуют и иные точки зрения.

В июльском номере журнала "Foreign Affairs" известный американский политолог, представитель теории неореализма, Кеннет Нил Уолтц, не считающий в отличие от большинства европейских, американских политиков, что ядерный Иран будет худшим вариантом нынешнего противостояния, пишет, что "ядерный Иран принес бы больше стабильности на Ближнем Востоке"²⁸⁶. Уолтц рассматривает три возможных сценария. Один сводится к тому, что Иран сворачивает полностью свою программу под давлением международных и односторонних санкций. Второй сценарий предполагает продолжение Ираном своей программы и достижение им так называемого "порогового уровня". Но эти два варианта, с точки зрения Уолтца, не могут решить проблемы стабильности. Верный своей теории, что в ядерную эпоху именно страны-обладатели ядерного оружия учитывают риски конфликтов и заинтересованы в стратегии сдерживания²⁸⁷, ученый считает оптимальным третий вариант, при котором наличие такого оружия заставит иранское руководство проводить более взвешенную политику в отношениях со странами региона.

Безусловно, точка зрения Уолтца не бесспорна, но религиозный запрет на использование ядерного оружия повышает шансы на признание мировым

---

²⁸⁶ Waltz K. N. Why Iran Should Get the Bomb. // Foreign Affairs. July/August 2012. // www.foreignaffairs.com/articles/137781/. Дата обращения 23.07.2012.

²⁸⁷ Waltz K. N. Realism and International Politics. New York, 2008.

сообществом статус-кво на ядерную программу, или, по крайней мере, на смягчение позиции в отношении Ирана. Тем более, что реальную опасность для Израиля, представляет не иранское ядерное оружие, а помощь антиизраильским исламским группировкам, деятельность которых была активной и до того, как Иран начал разрабатывать свою ядерную программу. Вряд ли можно считать реальной исходящую из Ирана ядерную угрозу странам Персидского залива. Тем более что они заинтересованы, главным образом, в уменьшении влияния Ирана на их шиитские общины, и поэтому используют ядерную угрозу для усиления санкционного давления на Иран.

Сложившаяся ситуация вокруг Ирана тормозит региональную интеграцию, несмотря на попытки Ирана активизировать этот процесс. Иран является членом таких региональных организаций, как Д-8 ("Исламская восьмерка"), Организация экономического сотрудничества (ОЭС), наблюдателем в ШОС и СААРК. Однако участие ИРИ в крупномасштабных экономических проектах тормозится режимом санкций. В ОИК Иран возглавляет комитет по сближению масштабов, уделяя наибольшее внимание общим исламским принципам.

К настоящему времени, несмотря на противоречия с рядом государств, Ирану удалось сохранить довольно высокий экономический и военно-технический потенциал, позволяющий проводить достаточно независимую внешнюю политику, занять самостоятельную нишу в системе международных отношений, что сделало иранскую компоненту одной из значимых в формировании нового мирового порядка.

Саудовская Аравия и Катар переформируют Ближний Восток

Международно-политический облик Саудовской Аравии и Катара

Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Катар, как и другие арабские страны-экспортеры нефти и газа Персидского залива, играют важную роль в мировом хозяйстве и обладают, несмотря на колебания цен на энергоносители, огромным валютно-финансовым потенциалом. Саудовская Аравия стоит на первом месте по нефтяным запасам (более 19% всех доказанных мировых запасов), а Катар – на третьем месте по запасам газа. В период благоприятной нефтяной и газовой конъюнктуры в этих странах динамично развивалась рыночная экономика, появились эффективно действующие частные предприятия (в основном, в нефтегазовой сфере), возникли высоко капитализированные фондовые рынки. Поскольку большая часть углеводородов этих двух государств Залива реализуется на рынках Европы и Азии, то их стратегическое значение в предстоящие десятилетия будет только расти.

Политические институты во всех государствах Персидского залива развиты весьма слабо, и исламская составляющая на общественном и государственном уровне в аравийских монархиях выше, чем в большинстве других стран Ближнего Востока. Тем не менее здесь утверждаются определенные элементы секуляризации государственно-правовых систем, как, например, в Кувейте, где довольно быстрыми темпами идет модернизация общественной жизни²⁸⁸. Тем не менее, в КСА, Катаре и других аравийских монархиях местные политические силы, являющиеся сторонниками демократизации и модернизации, испытывают сильнейшее давление со стороны фундаменталистских кругов и находящихся под их влиянием народных масс, отчаянно сопротивляющихся таким ускоренным преобразованиям.

В общественно-религиозной жизни КСА и Катара доминирует религиозно-правовая школа (мазхаб) суннитского ислама – ханбализм (по имени основателя – Ахмада ибн Ханбала). Считаемый одним из наиболее консервативных и политизированных из четырех мазхабов, ханбализм призывает жить в точном и порой даже буквальном соответствии со временем пророка и его первых сподвижников. В Новое время ханбалитские идеи обновления ислама путём возврата к Сунне пророка, борьбы с нововведениями и пр. были возрождены ваххабитами, являвшимися в тот период представителями исламской реформации.

Христианство находится повсеместно под запретом в государствах Аравийского полуострова. Саудовская Аравия, согласно оценке международной организации "Open Doors", занимает третье место в мире по уровню преследования христиан²⁸⁹.

Между всеми государствами региона существуют острые разногласия и территориальные споры, в большую часть которых вовлечена Саудовская Аравия, а в некоторые – Катар. Так, КСА претендует на спорную полосу, которую никак не могут поделить между собой Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Катар. С ним Саудовской Аравии удалось демаркировать границу только в 1999 г. после нескольких пограничных вооруженных инцидентов, последний из которых произошел в 1992 г. Спор с ОАЭ саудовским властям разрешить не удастся, ибо саудовцы

²⁸⁸ См. подробнее: Мелкумян Е. С. Новейшая история Кувейта. М.: Аспект Пресс, Центр кувейтских исследований, 2011.

²⁸⁹ Выступление митрополита Илариона "Эпоха нового мученичества. Дискриминация христиан в разных регионах мира". Опубликовано 28.02.2012 на сайте Славянского правового центра. // http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=330&ELEMENT_ID=3978.

считают своей полоску суши между Катаром и ОАЭ. Последние же никак не могут поделить ни эту полосу, ни прилегающее к ней водное пространство. Этот территориальный спор уже помешал возведению дамбы, которая соединила бы Катар и ОАЭ. В то же время КСА не заинтересовано в том, чтобы Катар и ОАЭ налаживали между собой прямые коммуникации. Следуя этой внешнеполитической линии, власти королевства помешали также строительству катарско-эмиратского газопровода под тем предлогом, что он пройдет по саудовским территориальным водам.

Свои споры аравийские монархии пытаются разрешать как на уровне межгосударственных контактов, так и в рамках своей региональной организации – функционирующего с 1981 г. Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Он был создан с целью выработки согласованной политики государств региона в отношении ирано-иракской войны, а главное – той угрозы, которую для монархий Залива Иран мог представлять после победы там исламской революции. Стимулировала создание ССАГПЗ и неудовлетворенность Саудовской Аравии деятельностью Лиги арабских государств, где главенствующая роль принадлежала Египту. Саудовская монархия считала, что государствам Залива нужен свой политический форум, на котором они могли бы без посторонних обсуждать собственные проблемы. Однако настоящей интеграции в рамках ССАГПЗ достичь не удалось, не говоря о том, что и экономическое сотрудничество осталось здесь на низком уровне.

Объявленный в 2008 г. "общий рынок", как и созданный в 2009 г. Валютный совет, так реально и не заработали. В какой-то мере удалось продвинуть военно-политический проект "Щит Залива". Он начал функционировать в 1984 г. в качестве военно-оборонительной структуры (в составе Саудовской Аравии, Бахрейна, Кувейта, Омана, Катара и ОАЭ) для противодействия иранской активности в Ливане и Кувейте, где поддержку от Тегерана получили шиитские группировки. Впрочем, заметного участия в поддержании региональной безопасности "Щит Залива" до 2011 г. не принимал, и она поддерживалась в основном благодаря военному присутствию США. В марте 2011 г. по решению ССАГПЗ подразделения "Щит Залива", состоявшие по преимуществу из саудовских военнослужащих, были направлены в Бахрейн, чтобы помочь правительству этой страны усмирить митингующих в Манаме. Предметом особой заботы стран ССАГПЗ является Иран, который после свержения режима Саддама Хусейна в Ираке серьезно укрепил там свои позиции, и Саудовская Аравия опасается расширения иранского влияния – в том числе и на Аравийском полуострове. Эффективного противодействия этой угрозе, другим вызовам безопасности можно добиться, полагают в Эр-Рияде, в рамках внутрирегиональной консолидации и (по умолчанию) при лидерстве Саудовской Аравии.

В развитии этого курса король Абдалла призвал в декабре 2011 г. участников ССАГПЗ "перейти от стадии кооперации и сотрудничества к стадии союза в рамках единого образования". Непосредственно перед этим были официально подтверждены намерения принять в ССАГПЗ Египет, а ранее было объявлено о планах принятия в Совет Иордании и Марокко. В арабской прессе циркулировали слухи и о том, что после гипотетического прихода к власти в Ливане и Сирии суннитских группировок, поддерживаемых саудовцами, их также могут принять в "возрожденный халифат"²⁹⁰.

Принимая, однако, во внимание существующие серьезные расхождения между странами-участницами Совета, а также их различающиеся экономические и

---

²⁹⁰ Саудовский король призвал к созданию единого арабского государства. // http://www.mignews.com/news/politic/world/211211_105135_51076.html.

внешнеполитические интересы, нетрудно предположить, что и этот интеграционный порыв саудовцев окажется безрезультатным. Ведь для того, чтобы создать конфедерацию, монархиям пришлось бы ограничить свой суверенитет, на что правящие в Заливе династии никогда добровольно не пойдут. Кроме того, они вовсе не стремятся попадать в еще большую зависимость от Саудовской Аравии, которая как наиболее крупное и мощное государство в Заливе неизбежно в случае более углубленной интеграции возьмет верх над другими участниками ССАГПЗ. Так вот в то время как возглавляющий Службу общей разведки КСА принц Турки аль-Фейсал заявлял об "объединенной военной силе" и "коллективной безопасности" как о главной цели участников ССАГПЗ, катарский эмир Хамад бин Халифа аль Тани, не дожидаясь, когда это произойдет, развил самостоятельную внешнеполитическую активность. Это говорит об ограниченных возможностях Саудовской Аравии проводить под своей эгидой скоординированную международную политику, направленную на то, чтобы все аравийские монархии действовали на региональной и мировой аренах согласованно.

Во внешней политике монархии Персидского залива сохраняют имидж преданных партнеров США. Так в Бахрейне находится главная стоянка Пятого флота ВМФ США со штаб-квартирой в столице эмирата – Манаме; в Кувейте базируются сухопутные войска США, а в Катаре размещены их военно-воздушные силы, и одна из военных баз – Эль-Удейд – стала центром командования военной операцией против Ирака в марте-апреле 2003 г. Американские корабли и суда могут также использовать порты ОАЭ и Омана. В конце декабря 2011 г. США заключили несколько крупных соглашений по продаже вооружения и боевой техники с Саудовской Аравией, ОАЭ и Кувейтом²⁹¹. Такая интенсификация военного сотрудничества США со странами Персидского залива обусловлена, во-первых, их совместной озабоченностью иранской ядерной программой и, во-вторых, неудовлетворенностью итогами претворения в жизнь оборонительной доктрины ССАГПЗ.

Сотрудничество с Западом не мешает Катару, а также КСА и Объединенным Арабским Эмиратам (ОАЭ), поддерживать социальные программы, миссионерскую сферу, исламские организации, партии, благотворительные фонды с целью, в том числе, и противодействия распространению светской и либеральной идеологий, идеям национализма, в том числе и арабского. При этом многие из таких "неправительственных фондов", как показали проведенные после 11 сентября 2001 г. расследования, оказались "черными кассами" разного рода террористических и экстремистских объединений и группировок. Поскольку и Саудовская Аравия и другие монархии региона – закрытые общества, можно только принять на веру заверения местных властей, что международная прозелитская деятельность осуществляется самостоятельно суннитским духовенством и исключительно по негосударственным каналам.

Пока же реальность такова, что саудовцам удалось переместить главный центр подготовки суннитских священнослужителей из египетского Аль-Азхара в университеты королевства. Саудовские неправительственные благотворительные фонды успешно действуют в различных странах, поддерживая там политическую деятельность партий, движений и организаций, разделяющих идеологию салафизма – джихадистов и Талибан в Афганистане, "Ан-Нур" в Египте и др. В то же время внутри страны Дом Саудов инициировал проведение ряда политических и экономических реформ с целью уменьшения влияния радикальных исламистов, связанных с Аль-Каидой. Так, в 2005 г. были проведены первые муниципальные

---

²⁹¹ Law B. Selling arms to the Gulf. Опубликовано 09.01.2012 на сайте BBC. // <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-16396777>.

выборы, однако запрет на создание политических партий сохранен, и намерения оппозиции, действующей в основном за пределами королевства, как-то влиять на политический процесс жестоко пресекаются.

Что касается Катара, то он еще задолго до "Арабской весны" установил тесные связи с действующими в Ливии, Сирии, Египте, Тунисе организациями "Братьев-мусульман". Они конкурируют в политическом спектре арабского мира с поощряемым Саудовской Аравией салафитским (ваххабитским) направлением и готовы выдвинуться в авангард нового, послереволюционного поколения арабских политиков.

Антиизраильская риторика не мешает КСА и Катару, как и другим арабским государствам Персидского залива, связывать основные свои геополитические риски именно с Ираном и с его ядерной программой. США же скорее заинтересованы в создании в регионе аниатиранского альянса, нежели в нормализации отношений между Ираном и государствами ССАГПЗ. Однако действия США в этом направлении не имели успеха, особенно после их вторжения в Ирак в 2003 г., что не вызвало особого противодействия со стороны монархий, не питавших симпатий к режиму Саддама Хусейна, особенно после совершенного им нападения в 1990 г. на Кувейт.

При сохранении военно-стратегического сотрудничества с США, династии Залива не спешат солидаризироваться с США по ряду ключевых вопросов ближневосточной политики и главное – по палестинской проблеме. Принимая во внимание присущий арабскому общественному мнению антиамериканизм, Эр-Рияд и Доха стараются создать видимость "удаленности" правящих режимов от американской орбиты. В основе такой политики лежит также возросшее недоверие к США, с легкостью "сдавших" своих верных союзников – Бен Али и Мубарака, и активно задействовавших в связи с "Арабской весной" демократическую риторику. Но это, безусловно, не отменяет того, что Вашингтон в ближайшей перспективе останется основным гарантом безопасности Саудовской Аравии и всех остальных аравийских монархий.

Вместе с тем интересы членов ССАГПЗ, безотносительно присущего всем им неприятия Израиля и Запада, объективно совпадают с израильскими и американскими. И это происходит вне зависимости от интенсивности проводимых с иранцами саудовцами и катарцами неафишируемых консультаций, нацеленных на достижение хоть какого-то компромисса по "шиитским зонам" (в Ираке, Восточной провинции КСА, Бахрейне, Йемене). Поэтому даже если Иран подвергнется военной атаке со стороны Запада, серьезного противодействия ни одно из арабских государств Залива этой акции не окажет. Не будет проявлений арабо-мусульманской солидарности (в рамках той же Организации исламской конференции или Лиги арабских государств), как не было ее в прошлом, если вспомнить войны Запада с Ираком с начала 1990-х годов или же проанализировать реакцию в арабском мире на последние события в Ливии и Сирии.

Саудовская Аравия и Катар в борьбе за региональное лидерство

Эр-Рияд активно использует религиозную аргументацию, дабы утвердиться в качестве ведущей политической силы в арабском и исламском мирах. Отношение Саудовской Аравии к международной системе определяется следующими факторами: стремлением увековечить традиционно-религиозную форму правления и общественного устройства внутри страны; сохранить политический статус-кво, в первую очередь в арабо-мусульманском регионе; как можно дольше поддерживать роль Мекки как хранительницы исламского духа, идеи солидарности мусульман, их консолидации для отпора враждебным исламу сил.

Становление Саудовской Аравии как религиозно-политического "центра силы" приходится на 1970-е годы. В первой половине 1980-х годов влияние королевства на Ближнем Востоке и в мусульманском мире несколько ослабевает ввиду изменившейся расстановки сил, связанной с возросшей активностью послереволюционного Ирана и разрастанием ирано-иракского, афганского, ливанского конфликтов. Призыв Эр-Рияда к солидарности на основе религиозной общности не убедил мусульманские государства, а сама эта идея так не смогла привести враждующие стороны к примирению. Было очевидно, что апелляция к религиозным чувствам противников не способна была сгладить политические и идеологические разногласия, которые не поддавались эмоциональным заклинаниям.

Современная внешнеполитическая линия саудовских руководителей по-прежнему основывается на проведении политики, нацеленной на сохранение духовного и политического лидерства в мусульманском мире. Однако саудовский режим пытается отойти от традиционно пассивной внешнеполитической позиции в пользу курса, который создал бы Саудовской Аравии желаемый образ ведущей державы исламского мира. По-прежнему первоочередной задачей Эр-Рияда остается поддержание стабильности в регионе и в странах традиционного распространения ислама, ибо любые пертурбации – как справа, так и слева – могут оказаться губительными для режима. Именно поэтому саудовские руководители прилагают значительные усилия для противодействия подрывному, "заражающему" влиянию Ирана, который, по мнению Эр-Рияда, создает дополнительные условия для вмешательства европейских держав и США в дела региона.

Что касается Катара, то с приходом там в 1995 г. к власти в результате переворота эмира Хамада бин Халифа аль Тани, показавшего себя чрезвычайно амбициозным политиком, начал усиленно продвигаться образ Катара как "прогрессивного арабского государства", активно участвующего в разрешении региональных конфликтов и развивающего партнерские отношения со всеми странами мира. Этому курсу благоприятствует возросший спрос на природный газ (Катар увеличил экспорт этого энергоносителя с начала 1990-х годов на 500%), а также капитал этого небольшого эмирата, позволяющий Катару уверенно конкурировать на рынках Арабского Востока и Африки с ЕС и Китаем. Запустив мощную, вещающую на весь мир пропагандистскую машину — информационную корпорацию "Аль-Джазира", Катар выдвинулся одновременно и в число влиятельных игроков на информационном рынке, получив возможность влиять на общественное мнение арабского мира в выгодном для себя направлении. Преуспел Катар и на дипломатическом поприще.

В мае 2008 года эмират способствовал достижению в Ливане соглашения, знаменовавшего собой окончание полуторагодового кризиса в этой стране и позволившего провести там выборы президента. Доха, кроме того, посредничала при урегулировании конфликтов в Йемене, Сомали, Чаде, а также во время пограничного спора Джибути с Эритреей. В мае 2011 г. эмират организовал заключение мирного соглашения между суданским правительством и мятежниками из Дарфура. С начала 2000-х годов катарцы стали завязывать контакты не только с руководством Африканского Союза, но и со многими оппозиционерами в странах Африки, Ближнего и Среднего Востока, нередко предоставляя свою территорию в качестве убежища для политических беженцев. Здесь, в первую очередь, надо упомянуть финансирование Катаром движения ХАМАС, эмиссары которого по просьбе своих катарских партнеров передавали оружие ливийским противникам Каддафи в 2011 г., и Йемен, где Доха пытается влиять на ход событий, постоянно предлагая себя в качестве посредника и одновременно финансируя силы протеста в Сане. Катар провел с афганскими талибами (их, как известно, традиционно

поддерживала Саудовская Аравия) переговоры об открытии в столице эмирата их представительства под названием "Исламский эмират Афганистана", которое стало одной из дипломатических площадок для переговоров США с талибами относительно будущего Афганистана. Каким его видят в Катаре, впрочем, не оставляет сомнений, исходя из многозначительного названия представительства.

Катар демонстрирует новую модель внешнеполитического поведения, в котором прозападная ориентация, подкрепленная тесным союзом с Соединёнными Штатами, сочетается с религиозно-мотивированными устремлениями: они включают в себя в качестве основополагающих компонентов поддержку радикальных исламистских группировок и террористических организаций. Наибольших успехов катарская внешняя политика достигла с приходом в Ближневосточный регион "Арабской весны".

"Ваххабитский тандем"²⁹² против светской альтернативы

Мощный социально-политический подъем в арабском мире, больше известный как "Арабская весна", был обусловлен в основном внутренними факторами. "Оседлать" же протестную волну, направить антиправительственные выступления в выгодном для себя направлении попытались разные внешние силы – как страны Запада (прежде всего, США, Франция, Великобритания), в союзе с которыми действовала Турция, так и аравийские монархии, преимущественно Катар и Королевство Саудовская Аравия. Они впервые так активно выступили на региональной политической сцене и сумели путем максимального использования своих финансовых, военных, политических и информационных ресурсов, утвердить себя в качестве влиятельных "центров силы" на Ближнем Востоке.

Между тем сами государства Персидского залива оказались не застрахованными в 2011 году от волны протестных движений. В КСА, например, несколько сот демонстрантов, преимущественно молодежь, вышли 29 января 2011 г. на улицы Джидды с социальными требованиями. А 10 марта свою демонстрацию в богатой нефтью Восточной провинции королевства провели компактно проживающие там шииты, издавна обвиняющие власти в религиозной и политической дискриминации. В обоих случаях мирные протесты были жестко пресечены силами правопорядка королевства. Одновременно в целях понижения протестующей активности король Абдалла ибн Абдель Азиз даровал народу пакет финансовых льгот на сумму в 35 млрд. долл. США. В целом же правящей династии удалось избежать волнений и переворотов, наподобие тех, что имели место в Египте, Йемене и Ливии. Это не означает, впрочем, что правящий режим застрахован от потрясений. Речь идет не только о возможном конфликте внутри королевской семьи по вопросу престолонаследия, но о социальном взрыве, который может быть вызван неспособностью обеспечивать больше потребности и нужды быстро растущего населения в условиях прогнозируемого истощения нефтяных ресурсов королевства. Очевидно также, что время для проведения давно назревших политических реформ и масштабной модернизации Домом Саудов упущено.

Когда протесты в арабских странах развернулись в полную силу, в столицах аравийских монархий осознали, что "Арабская весна", если ее пустить на самотек, грозит смести власть эмиров, султанов и королей в Персидском заливе. Не приходилось им рассчитывать и на помощь Соединенных Штатов и других западных союзников, которых "арабское пробуждение" застало врасплох. И хотя Запад, достаточно быстро сориентировавшись, попытался с помощью принадлежащих в

---

²⁹² Определение принадлежит известному российскому ученому-арабисту Р. Г. Ланде. См. его статью "Демократия и права человека в арабском мире", опубликованную 10.02.2012 на сайте Института Ближнего Востока. // http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html.

основном американским провайдерам социальных сетей придать стихийным выступлениям и демонстрациям на улицах арабских городов видимость организованного протеста ("твиттерная революция"), страхов по поводу "арабской революции" у правящих династий региона меньше не стало.

Почувствовавшие холодное дыхание "Арабской весны", грозившей им потрясениями, лидеры Залива взяли инициативу в свои руки. Они постарались вывести "революционную волну" за пределы своих владений, но так, чтобы она еще и сметала на своем пути ненавистные консервативным аравийским монархиям светские режимы, место которых должны были занять связанные тесными нитями с "ваххабитским тандемом" исламистские партии и движения. То есть с монархическими правителями Аравийского полуострова произошла метаморфоза, и они превратились неожиданно чуть ли не в авангард "панарабской революции", побочным – но и весьма ощутимым – эффектом которой стало возвращение на Ближний Восток застарелых конфликтов – между суннитами и шиитами, между арабами и персами.

Катар, а также ОАЭ, первыми из участников Лиги арабских государств открыто поддержали ливийских мятежников и затем вместе с Саудовской Аравией участвовали в военной операции НАТО против ливийской армии, что в итоге привело к свержению режима Муаммара Каддафи – главного экономического конкурента Катара в Африке. При этом, по утверждению такого информированного автора, как П. Эскобар²⁹³, между США и саудовским монархом, возможно, была заключена сделка: американский Белый дом дал "добро" на саудовское вторжение в Бахрейн, где шли массовые митинги протеста, в том числе и в столице, а саудовцы согласились организовать в ЛАГ голосование в пользу создания над Ливией "бесполётной зоны". Это открыло дорогу к принятию 18 марта 2011 г. Советом Безопасности ООН печально известной резолюции № 1973, которая позволила консорциуму в составе Великобритании, Франции и США, а также Организации Североатлантического договора, поддержать антиправительственных мятежников в Ливии.

В Тунисе и Египте, где монархический проект не имел шансов на реализацию, ставка Катара и КСА была сделана на формирование исламистского парламентского большинства и введение шариата. В результате на прошедших в Тунисе 23 октября 2011 г. парламентских выборах лидировала исламистская "Партия возрождения", а в Египте большинство голосов на выборах в нижнюю и верхнюю палаты парламента (состоявшихся соответственно 21 ноября 2011 г. и 22 февраля 2012) завоевали "Братья-мусульмане" и радикальная салафитская партия "Ан-Нур". В Марокко по итогам прошедших 25 ноября 2011 г. выборов в парламент исламистской "Партии справедливости и развития" удалось сформировать в нем самый крупный блок. В то же время светский Алжир "Арабская весна" обошла стороной, что, возможно, было обусловлено тесными экономическими и газовыми контактами этого североафриканского государства с Катаром, который не видит для себя выгод в политической дестабилизации своего энергетического партнера.

Первоначально прохладное отношение аравийских монархий к сирийским протестам объяснялось тем, что на первых порах их организовывали коммунисты и другие светские деятели, в основном левого толка. Визит в конце октября 2011 г. эмира Катара шейха Хамада бин Халифа ат-Тани в Дамаск, где он по поручению ЛАГ обсудил механизм претворения в жизнь мирной инициативы по налаживанию национального диалога, носил в целом примирительный характер. Все изменилось после того, как протестные движения в Сирии "оседлали" "Братья-мусульмане" и

---

²⁹³ Escobar P. The US-Saudi Libya Deal. // Asia Times. Hongkong, 02.04.2011. // http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MD02Ak01.html.

родственные им исламисты-радикалы, включая Аль-Каиду. С тех пор ЛАГ, в которой тон какое-то время задавали Катар и КСА, начала принимать все более жесткие решения по отношению к Дамаску, требуя ухода президента Асада, являющегося главным союзником Ирана на Ближнем Востоке, а значит – врагом Саудовской Аравии и Катара.

На встрече "Друзей Сирии" в Тунисе министр иностранных дел Саудовской Аравии призвал вооружать восставших в Сирии. А глава МИД КСА принц Сауд аль-Фейсал подчеркивал, что "ссылки на суверенитет или международное право не должны помешать международному сообществу защитить народ, который ежедневно подвергается геноциду". По его словам, выход из кризиса возможен только в результате добровольной или насильственной передачи власти в Сирии. "Моя страна будет в авангарде всех международных усилий, направленных на решение требуемой задачи", – заявил саудовский министр²⁹⁴.

Известный арабский военный эксперт доктор Амин Хтеит так прокомментировал "Голосу России" роль Саудовской Аравии и Катара в сирийском конфликте: "За время беспорядков в Сирии с апреля прошлого года туда было переправлено более 30000 единиц различного оружия. Общее число взрывчатых веществ составило 300 тонн. Все эти поставки осуществлялись Катаром и Саудовской Аравией. Они зависимы от США, которым важно сейчас сломить Сирию. Кроме того, эти страны понимают, что стабильность Сирии и ее демократизация повлияют на весь регион, в том числе на Саудовскую Аравию. Любое волнение может привести к краху монархии, поэтому Королевство будет стоять насмерть за проведение насильственных операций в Сирии"²⁹⁵.

Активную роль в спонсировании повстанцев базирующейся в Турции и состоящей из дезертиров "Свободной сирийской армии" сыграл Катар. А его канал "Аль-Джазира" создает благоприятный фон для подобной политики в глазах международного сообщества, сообщая о "массовых нарушениях прав человека" со стороны сирийских властей и умалчивая об убийствах мирного населения, мародерстве и гонениях на христиан со стороны антиправительственных сил, костяк которых составляют боевики и террористы Аль-Каиды. Обращает на себя внимание в этой связи следующий комментарий канадских специалистов: "Ирония судьбы состоит в том, что никогда не избираемые фундаменталистские режимы Персидского залива поддерживают группировки 'Аль-Каиды' в Сирии, чтобы 'привести ее к демократическим реформам'. То же самое наблюдалось в Ливии, где результатом осуществленного Западом и арабскими монархиями Залива свержения законного правительства явился коллапс в области прав человека и социальных условий"²⁹⁶.

Есть целый ряд объяснений феномену беспрецедентно активного участия государств Персидского залива в "Арабской весне". Во-первых, оно вызвано стремлением аравийских монархов к самосохранению: им выгоднее поддержать революцию у соседей, нежели впускать ее в собственный дом. Во-вторых, серьезно возросли подкрепленные сверхдоходами от продажи нефти и газа внешнеполитические амбиции аравийских правителей. Им, как экспортерам нефти и газа, выгодна как исламизация Ближнего Востока, так и рост цен на углеводороды ввиду дестабилизации региона. В-третьих, КСА и Катар усмотрели в "арабском

²⁹⁴ Сурков Н. "Друзья Сирии" споткнулись в Хомсе. // Независимая газета. НГ-дипкурьер. 05.03.2012.

²⁹⁵ Голос России, 3.03.2012. Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2012_03_03/67389515.

²⁹⁶ Chossudovsky M., Cunningham F. Syria: Clinton Admits US on Same Side as Al Qaeda to Destabilise Assad Government. // Global Research, February 27, 2012. Опубликовано на сайте Центра исследований глобализации (Centre on research of globalization), Монреаль. // <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=29524>.

пробуждении", облегчившем приход к власти исламистов, возможность избавиться от нависавшей многие годы над монархическими режимами Залива угрозы со стороны светских республик Ближнего Востока. Кроме того, Саудовская Аравия и Катар надеются извлечь немалые экономические и политические дивиденды от отстранения от власти таких региональных "тяжеловесов", как Мубарак и Бен Али.

В-четвертых, активизация КСА и Катара была вызвана опасениями, что тунисская и египетская модели смены власти могли оказать нежелательный демонстрационный эффект в масштабах всего региона — такой, какой произошел с королевской властью в Марокко и Иордании, где под действием "Арабской весны" монархии вынуждены были пойти на самоограничения, предоставив большие права парламентам. А это, в свою очередь, могло бы привести в будущем к ослаблению всех автократических арабских режимов, открыть дорогу политическому плюрализму, что совершенно неприемлемо для аравийских властителей, обладающих практически неограниченной властью над своими подданными, которые лишены права стать гражданами.

Наконец, в-пятых, целью наступления на Сирию стало стремление ослабить влияния Ирана, с которым правящий сирийский режим поддерживает тесные отношения. Провоцированием волнений в Сирии, аравийские монархии надеются лишить Иран плацдарма в арабском мире, добиться свержения правящей в Сирии алавитской династии и заменить ее поддерживаемых Катаром и КСА представителями суннитско-фундаменталистских сил, пусть даже это таит в себе угрозу разрастания конфликта до уровня межконфессиональной, межэтнической войны в масштабах всего Ближнего Востока, "сердцем" которого является Сирия.

Как справедливо отмечено российским изданием, "деятельность амбициозного Катара в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии и Палестине приводит к тому, что изначально позитивные революционные устремления интеллигенции и молодежи (в случае с Египтом и Тунисом), а также мирное эволюционное развитие в рамках режимов пусть и авторитарных, но все же препятствующих развалу суверенитета и территориальной целостности (Ливия и Сирия), в итоге выливаются в хаос гражданской войны и банкротство государств, в результате чего арабский народ погибает, а нестабильный Ближний Восток превращается в поле множества междоусобных битв"²⁹⁷. Осознавая эту угрозу, Россия и Китай стремятся избежать военного сценария для Сирии, а потом и для Ирана, остановить на сирийских границах победное шествие исламистского радикализма, который продвигают в союзе с Западом консервативные аравийские режимы.

В целом "Арабская весна" помогла Эр-Рияду и Дохе продолжить переформатирование Ближнего Востока по своему сценарию, в соответствие с которым на месте светских утверждаются религиозно-ориентированные режимы, близкие по своим идеологическим и политическим установкам суннитско-фундаменталистским правителям аравийских монархий и способные стать их союзниками в борьбе против распространения (из Ирана) шиитского влияния. Таким образом, именно руководители стран Персидского залива извлекли наибольшую выгоду из "Арабской весны", одним из последствий которой стала деформация в ряде арабских стран светских режимов, разрушение в них зачатков политического плюрализма и создание перспектив для установления политических систем, близких к теократическим. Итогом же международной деятельности на Ближнем Востоке КСА и Катара становится политический хаос, углубляющийся регресс в социально-экономической сфере, раскол по линии межрелигиозных и межэтнических отношений.

---

²⁹⁷ Константинов И. Исламизация по всем азимутам. О дестабилизирующей роли Катара на Ближнем Востоке. // Независимая газета. 13.03.2012.